АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СБОРНИК 1

XI—XVI века

Москва 1989

Академия наук СССР
Институт мировой литературы им. А.М.Горького

ГЕРМЕНЕВТИКА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XI – XVI века

Москва
1989

Рецензенты:

Гребенюк В.П.

Мурьянов М.Ф.

Софронова Л.А.

Утверждено к печати

Ученым советом ИМЛИ

24 апреля 1989 г.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Герменевтика, то есть искусство истолкования памятников (не только библейских и не только словесных), всегда требовалась и требуется в гуманитарной науке. На герменевтику в известной мере всегда дефицит. В настоящее время герменевтические потребности даже обострились: и потому, что в обществе происходит пересмотр сути множества исторических фактов, и потому, что растет взаимный интерес специалистов из разных гуманитарных областей к работе друг друга, особенно в подходах к источникам. Этот взаимный интерес способствовал возникновению и регулярной деятельности общемосковского семинария исследователей русской культуры XI-начала ХУШ вв. (при Секторе древнерусской литературы ИМЛИ). На заседаниях семинария прочитано и обсуждено более 100 докладов, - литературоведов, историков, книговедов, лингвистов, искусствоведов, музыковедов, философов, востоковедов[1]. Участники семинария создали и печатный орган для публикации их работ - серию сборников под общим названием "Герменевтика древнерусской литературы".

Герменевтику сейчас нельзя отсечь от смежных научных отраслей - от текстологии, источниковедения, поэтики, стилистики, а также от художественной семантики, культурологии, исторической психологии, психологии литературы и искусства. Поэтому тематика докладов на семинарии и соответственно состав статей в предлагаемых сборниках не жестко "герменевтичны", а в меру колеблются вокруг "герменевтического" стержня.

---

[1] Перечни докладов см. в очередных выпусках "Исследований и материалов" Сектора древнерусской литературы ИМЛИ: "Слово о полку Игореве": Комплексные исследования. М., 1988; От барокко к классицизму. М., 1989.

Можно понять желание исследователей побыстрее поделиться с аудиторией своими интерпретациями памятников: докладчики добиваются не столько славы, сколько проверки - от невольных ошибок хочется застраховаться как можно раньше. Поэтому доклады на семинарии ставятся без промедления. Для дальнейшего обсуждения ценится возможность "быстрого реагирования" в печати - ныне через безнаборные издания, к которым принадлежит и данная серия сборников.

В предлагаемых сборниках публикуются статьи разных объемов, жанров и уровней. По доброму старому академическому обычаю содержание работ не редактируется: они принимаются или не принимаются, - каждый автор отвечает за то, что написал. Естественно, статьи несут на себе родимые пятна тех учреждений, где учились или служат их авторы. Наш принцип: как можно меньше формальной унификации. Употребление буквы "ять" в цитатах целиком зависит от авторского усмотрения. Допускаются различия в оформлении сносок и небольшой разнобой машинописных шрифтов. Композиция книг не регламентируется заранее. Последовательность изданий обозначается количеством звездочек на титуле. Со временем на их основе можно будет подготовить сборники избранных лучших работ, уже высокой печати и для более широкого круга читателей.

Участники семинария благодарны за поддержку и материализацию их начинаний директору ИМЛИ члену-корреспонденту АН СССР Ф.Ф.Кузнецову.

А.М.Молдован, А.И.Юрченко

"Слово о законе и благодати" Илариона и "Большой Апологетик" патриарха Никифора

В исследованиях, посвященных "Слову о законе и благодати" (далее СЗБ), обычно отмечается обширность теологических познаний Илариона, начитанность его в византийской литературе. В то же время интерпретация СЗБ традиционно строится на анализе только самого памятника, без привлечения его возможных литературных источников и образцов.

Между тем попытки обнаружить литературные истоки СЗБ предпринимались еще на заре его научного осмысления. В 1860 г. С.П.Шевырев во втором издании своих лекций по истории русской словесности указал на то, что фрагмент СЗБ, в котором говорится о богочеловеческой ипостаси Христа, перекликается с аналогичными рассуждениями Ефрема Сирина в его "Слове на Преображение" [1], ср., в частности:

СЗБ [2]	"Слово на Преображение"
ѥако чл҃къ бо оутробѫ матерьню	аще не бѣ плоть марїа посредѣ
растѧше. и ѥако б҃ъ изиде дѣвь-	что въведесѧ. и аще не бѣ г[illegible]
ства не врѣждь. ѥако чл҃къ ма-	подь гаврїилъ господе [illegible] на-
терьне млѣко прїатъ. и ѥако б҃ъ	рече. аще не бѣ плоть [illegible] ѥас-
пристави аг҃глы съ пастѫхы пѣти	лехъ кто възлежи и аще не бѣ
слава въ вышнїихъ б҃ж. ѥако	богъ аггели съшедше кого сло-
чл҃къ повитьсѧ въ пелены. и	вословѧхꙋ. аще не бѣ плоть. пе-
ѥако б҃ъ вълхвы звѣздою ведѧше	ленами кто ѡбиваемъ бѣаше.
ѥако чл҃къ възлеже въ ѥаслехъ.	аще не бѣ богъ пастырїе комъ
и ѥако б҃ъ ѿ волх'въ дары и по-	поклонишасѧ... аще не бѣ плоть.
клоненїе прїатъ. 176б5–16	марїа млекомъ кого въздои. аще

не бѣ богъ влъсви дары комоу

приношахѫ.

Это же рассуждение С.П.Шевырев обнаружил в 4-й "катехизической" "Беседе Кирилла Иерусалимского"[3] (Ср.:"... Он спал, как человек, и ходил по водам, как Бог. Он был действительно распят на кресте... и ударяем был, как человек, но творением своим сознан был, как Бог. И солнце, видя поругание Господа, не перенося сего зрелища, затмилось с трепетом..." [4]).

Позднее М.П.Петровский [5] обратил внимание на подобный фрагмент в "Слове на Воздвижение" Иоанна Златоуста [6].

Ветхозаветные эпизоды о Гедеоне и об Аврааме и Сарре, аналогичные описанным в СЗБ, хотя и значительно отличающиеся по тексту, были обнаружены Н.С.Тихонравовым в составе "Толковой Палеи" [7].

Большое количество сходных с СЗБ фрагментов было отмечено Н.К.Никольским в западных источниках. Публикуя его наблюдения, Н.Н.Розов справедливо указал, что сделанные Н.К.Никольским сопоставления в ряде случаев "несут на себе налет случайности" [8], однако среди них есть такие, которые дают основание "предположить, что Иларион знал, а в "Слове о законе и благодати" творчески и позаимствовал из таких старейших памятников моравo-чешской литературы, как "Житие Константина Философа" и "Похвала" ему, "Похвальное слово Константину и Мефодию", "Житие святого Вита" и легенда о святом Вацлаве" [9].

К числу бесспорных западных источников СЗБ следует отнести указанную Л.Мюллером [10] средневековую литургическую формулу, так называемую Laudes Gallicanae [11] (Christus vincit, Christus regnat, Christus imperat!), послужившую прототипом для слов Илариона: х(ристо)с·побѣди. х(ристо)с ѡдолѣ.

х(ристо)с въцрисѧ. х(ристо)с прослависѧ 187б3-4 [12].

В связи с вопросом о возможных византийских источниках или образцах, использовавшихся при написании СЗБ, на наш взгляд, заслуживают внимания еще "Похвала о Лазаре" Андрея Критского [13] (противопоставление евангельского света "законной нощи" и др.), "Слово къ невѣрующимъ бога вышлъщьшасѧ и о въскрьсении Христовѣ" Иоанна Златоуста [14] (ср. в "Слове" Иоанна Златоуста: ѿкоудоу ли вѣси ба повѣжь ми. ѿкоудоу ли вьсего вѣдѣниѥ соущаѥ вѣси. ѿкоудоу ли ѥсть философъ навыклъ философии; в СЗБ: ѿкѫдоу ти припахнѹ вонѧ стго дха. ѿкѹдѹ испи памѧти бѫдоущаѧ жизни сладкѹю чашѫ. ѿкѫдѫ вькѹси и видѣ ѥако блгъ гь 188а8-12), канон Клименту Римскому [15] (ср. в каноне Клименту: прѣплоулъ еси житиискоую поучиноу... и тихоѥ пристанище постиглъ ѥси вышьнѧа свѣтлости; в СЗБ: поучинѹ житїа прѣплѫти. и въ пристанищи нбснааго завѣтрїа пристати) и др.

Особый интерес в аспекте идейно-художественной преемственности представляет параллелизм СЗБ и "Большого Апологетика" (Apologeticus Major) Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского (ок.758-828 гг.), известного полемиста, активно выступавшего против иконоборцев [16].

"Большой Апологетик" (его полное название в русском переводе - "Слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам" [17], далее БА) - одно из наиболее известных сочинений Никифора, направленное против иконоборчества. Этот трактат представляет собой развернутое комментированное изложение основных христианских догматов с последовательным разоблачением ложности нехристианских вероучений и ересей, к которым, по мысли автора, склонялись его оппоненты.

Значительная часть БА посвящена теме, которая разрабатывается в СЗБ,- теме закона и благодати: "Насколько религия иудеев превосходила суеверие язычников, настолько то, чем владеем мы, превышает религию их и превосходит возвышенностью и достоинством. Закон является серединой между нашим духовным поклонением и идолослужением неверных" (226) [18]. Развивая эту тему, Никифор пишет, что "закон дан был людям от Бога, как бы некое промежуточное средостение (φραγμοῦ μεσότοιχον)", он "удерживал их от всего злого и пагубного... приводя их к повиновению и послушанию, дабы, постепенно приучаясь (κατεθιζόμενοι) к более совершенному состоянию, они перешли к жизни лучшей и благочестивой" (319).

Все это в высшей степени созвучно рассуждению о законе и благодати в СЗБ, ср., например, у Илариона: положи законъ на преоутстованїе истинѣ и бл҃гдти 169а8-10, да въ немь шбыкнеть чл҃чьско естьство. ѿ многобж҃ства идольскааго оуклан҄ѧѩсѧ въ единого бг҃а вѣровати 169а10-14. Ср. еще в БА: "Закон... приводил (εἰσηγούμενος) к познанию истинного Бога" (319); в СЗБ: законъ привождааше възаконеныа. къ бл҃годѣтьномѫ кр҃щенїю 169б1-2.

Много общего обнаруживается в СЗБ и БА в характере рассуждений об историческом приоритете христианства, в системе используемых при этом образных средств и стилистических приемов. Например, о язычниках Никифор пишет, что они, "блуждая подобно неразумным животным (ὡς ἄλογα ζῶα) не познали истинного Бога, сотворившего их... поклоняясь каждый особо богам и пагубным демонам" (205), "... не познали своего Творца и Господа (ἑαυτῶν Δημιουργὸν καὶ Δεσπότην). Ноги их, не умевшие ходить прямо, наталкивались на преткновения и кривизны нече-

стия (ταῖς τραχύτησι καὶ σκολιότησι τῆς δυσσεβείας προσπταίοντες) (212). "С пришествием Спасителя некогда страдавшие слепотою духовных очей в отношении к истинному свету теперь ясно видят правое (οἱ μὲν τὴν πήρωσιν τοῦ ἀληθινοῦ φωτὸς νοσοῦντες ποτε κατὰ τὸν νοούμενον ὀφθαλμὸν, ὁρῶσι καθαρῶς εὐθύτητα νῦν. Равным образом неразумительные языки немых (αἱ ψελλίζουσαι τῶν μογιλάλων γλῶσσαι)... называвшие богами глухих и бездушных идолов (τὰ κωφὰ καὶ ἄψυχα θεοὺς ὀνομάζουσαι), потом становятся внятными и отчетливыми" (249). Ср. аналогичное описание язычества и его преодоления в СЗБ: и прѣжде бывшемъ намъ ꙗко звѣремъ и скотомъ 182а10-11; и потыкающемсѧ намъ въ пѫтех погыбели. еже бѣсомъ въслѣдовати. и пѫти ведѫщааго въ живот не вѣдѫщемъ... молѧще идолы. а не бга своего и твор'ца 181б19-182а4; слѣпи бѣхомъ... сердечными ѡчима... и тобою прозрѣхомъ на свѣтъ трисл҃нчьнаго божьства 193б22-194а5; к семѹ же и г҃ггънахомъ. ꙗзыкы нашими. молѧще идолы 182а1-3.

Отметим еще сходство выражений, употребляемых для характеристики язычества: БА - заблуждение многобожия (215, 228, 248), бесовское заблуждение (243); СЗБ - заблуждение идольской льсти 190б1-2.

В обоих сочинениях на фоне идольского мрака (БА: мрак заблуждения (189), мрак невежества, темнота идолослужения (253); СЗБ: мрак идольский 168а9, 186б21) противопоставление иудейского закона христианской благодати представлено традиционной в византийской теологии (Макарий Египетский, Ефрем Сирин и др.) антитезой тени и истины (восходящей к Платону): БА - "те, которые служили под законом и сению" (236), закон имеет "только тень будущих благ" (322); СЗБ - стѣнемь и закономъ 173а13-14, прѣжде стѣнь. ти по томь истина 170а9-10 и др.

Определенное сходство БА и СЗБ проявляется в описании крещения язычников и распространения в языческих землях христианства. В частности, в обоих текстах упоминается образ "ветхого" и "нового" человека: БА - "Совлекши с себя ветхого Адама, они облекаются в нового, созданного по Христу" (214), "ветхий человек будет совлечен, а новый обновится духовно" (282); СЗБ - съвлѣче же сѧ оубо каганъ нашь и с ризами ветъхааго чл҃ка съложи тлѣн'наа... въ х҃а крс҇тивсѧ въ х҃а ѡблѣчесѧ 186а5...11.

Образу "повсюду разливающейся благодати" (БА, 213) в СЗБ соответствуют прямые аналогии: и х҃ва блгд҇ть всю землю ѡбѧтъ і ако вода морьскаа покры ю 174а12-13; ср. еще: "Слово евангельское пронеслось и излилось по всей земле" (БА, 217); в СЗБ - еѵаглльскыи же источникъ наводнивсѧ. и всю землю покрывъ. и до насъ разлїасѧ 180б5-8.

Интересно отметить еще одно сходство, относящееся к образной стороне рассматриваемых произведений. Автор БА часто называет иконоборцев иудеями ("...И сами они (иконоборцы) ясно представляют собой распявших Его иудеев и их злодейство, ибо как те всячески старались убить Творца, так и эти прилагают всякое тщание, чтобы уничтожить его изображения (151); "...некоторые из тех, которые ныне усвоили себе грубость иудейского образа мыслей..." (293); "Так говорят некоторые последователи нового язычества (! - А.М.,А.Ю.), поревновавшие беззаконию древних иудеев... выказывая себя на деле истинными иудеями" (314) и т.п.). При этом Никифор имеет в виду, конечно, не приверженность своих оппонентов к иудаизму, Закону, к которому Никифор, как и Иларион, относится как раз снисходительно, как к предтече христианства. Иудеи для автора БА - это устойчивый

литературный образ, с которым связывается нетвердость в вере, склонность к законоотступничеству и идолопоклонству, предрасположенность к язычеству и в конечном счете неприятие Христа. Именно эти качества Никифор обличает в иконоборцах.

Подобным образом и для Илариона иудейство - это прежде всего книжный образ религиозной ограниченности, который удобно применялся к недавнему прошлому языческой Руси [19].

Параллелизм этих образов в БА и СЗБ дополнительно указывает на то, что, независимо от наличия и роли иудейского элемента в современном Илариону Киеве [20], "антииудейская полемика" в СЗБ, видимо, не предполагала реального адресата [21], а является только литературным приемом, подчиненным панегирической, а не полемической задаче. О том, что СЗБ - это не полемическое произведение, свидетельствует и сам Иларион:... пишемь... не къ врагомъ бж҃їемь иновѣрнымъ. нъ самѣмь сн҃омъ его 169б21-170а1. Об этом же говорит и отсутствие в СЗБ риторических обращений, в частности вопросов к оппоненту, столь характерных для полемического жанра [22].

Возвращаясь к сопоставлению БА и СЗБ, отметим, что рассматриваемые сочинения сближает большое количество одинаковых библейских цитат, на которые Никифор и Иларион ссылаются в своих рассуждениях. Этим, по-видимому, вполне подтверждается высказанное И.Н.Ждановым предположение о том, что Иларион заимствовал ветхозаветные цитаты не непосредственно из "Библии", а из богословской литературы [23].

В обоих текстах - СЗБ и БА - есть места, в которых цитаты из псалмов следуют одна за другой сплошным текстом. Показательно, что в этих случаях авторы БА и СЗБ пользуются одинаковыми средствами их соединения - союзами и частицами.

Например, в БА: "Вот что поет блаженный Давид...: "Яко Бог велий Господь высок и страшен...". И еще: "Воцарися Бог над языки". И: "Упразднитеся и разумейте...". И: "Сказа Господь...". И: "Видеша вси концы...". Ср. аналогичное "нанизывание" цитат в СЗБ (183б2-184а): И дв҃дъ: да исповѣдатсѧ тобѣ людїе б҃же... И: вси ꙗзыци въсплещѣте ржками... И по малѣ: поите б҃ꙋ нашемꙋ поите... И: всѧ землѧ да поклонить ти сѧ... И: хвалите г҃а вси ꙗзыци... И еще: ѿ въстокъ и до западъ... И: цр҃е земьстїи. и вси людїе...

Обращает на себя внимание сходство предложений, относящихся в БА и СЗБ к самому порядку цитирования. БА: "Затем мы должны привести и исследовать изречения и других богоносных мужей, или вернее - говорившего чрез них Духа" (209); СЗБ: ино же ꙗснѣе и вѣрнѣе послоушьство приведем ω тебѣ ѿ с҃тыихъ писанїи 190а10-12... помагаеть ми словеси рекыи... вѣрнѣе же самого г҃а гл҃ъ 190а4...8.

Наконец, в БА и СЗБ можно отметить ряд почти дословно совпадающих словосочетаний при описании одинаковых или сходных тем и мотивов:

СЗБ	БА
съмысломъ вѣнчанъ 194а14	τὸ κράτος τῆς ἀληθείας περιφανῶς ἀναδησάμενοι (достославно увенчав себя силой истины (189)).
не въ хѫдѣ бо и невѣдомѣ земли 185а4-5	μὴ ἰδίᾳ καὶ ἐν παραβύστῳ καὶ μικρῷ μέρει τῆς οἰκουμένης (не частно и не в какой-нибудь малоизвестной и ничтожной части вселенной (187)).

соущеи ѡтъ обрѣзаніе I72a22-I72б1	οἱ ἐκ περιτομῆς (сущие от обрезания (I97)).
и тако стран'ни сѫще. людіе ѡжіи нарекохомсѧ I82б2-3	τότε δὴ τότε καὶ ἡμεῖς οἱ ἐξ ἐθνῶν, ἐξ οὐ λαοῦ, λαὸς θεοῦ κεχρηματίκαμεν (Тогда-то вот и мы также, будучи язычниками, а не из народа, соделались народом божиим (206)).
въсїа и въ насъ свѣтъ разѫма еже познати его (Бога) I81бI4-I5	καὶ τὸ τῆς θεογνωσίας ἡμῖν ἐνήστραψε φῶς (И свет богопознания воссиял для нас (206)).
въводѧ а въ ѡбновленїе пакыбытїа I68б4-5	διὰ λουτροῦ παλιγγενεσίας καὶ ἀνακαινώσεως Πνεύματος ἁγίου κεκαθαρμένοι (очищенные банею пакибытия и обновления Святого Духа (206)).
всѣми конци землѧ I77б8	εἰς πάντα κατευρυνομένης τὰ πέρατα (по всем концам земли (2I5)).
слово еvаглъское землю нашю ѡсїа I87a2-3	τοῦ Εὐαγγελίου ὁ λόγος ἀνὰ πᾶσαν τὴν γῆν ἐκχυθεὶς ἐξήχηται (слово евангельское пронеслось и излилось по всей земле (2I7)).
въ вышнїимъградѣ и нетлѣн'нѣимъ. іерслмъ I86aI9	πρὸς τὴν ἄνω πόλιν Ἰερουσαλὴμ (к вышнему граду Иерусалиму (240)).

капища разрѹшаахѹсѧ. и ц҃ркві поставлѧахѫсѧ. идоли съкрѹшаахѫсѧ 187а4-5	ἐξ ὧν δὴ πληθυνομένων τε καὶ κατευρυνομένων, τὰ τῶν εἰδώλων τεμένη καὶ οἱ βωμοὶ κραταιῶς κατεσείσθησάν τε καὶ καταβέβληνται (храмы умножались и расширялись, капища и алтари идолов ниспровергались и уничтожались (241)).
малыим и великыимъ. рабомъ и свободныим. ѭныим и старыим. боꙗромъ и простыим. б҃гатыим. и оубогыим 186б6-11	ἢ δοῦλος ἢ ἐλεύθερος, ἢ πλούσιος ἢ πένης, ἢ ἄρχων ἢ ἀρχόμενος, ἢ βασιλεὺς ἢ ἰδιώτης (раб или свободный, богач или бедняк, начальник или подданный, царь или обыкновенный человек (288)).

Среди отмеченных нами некоторых черт сходства СЗБ с БА, по-видимому, нет таких, которые позволяли бы говорить о непосредственной генетической зависимости СЗБ от БА. Однако многочисленность и разнообразие этих черт, не исчерпываемое только традиционными τόποι [24], при всем различии идейной направленности этих произведений указывает, как кажется, на то, что Иларион был знаком с БА или близкими к нему по жанру и содержанию образцами византийского богословского и одновременно политического красноречия и в определенной мере ориентировался на эти образцы при написании СЗБ. Отсутствие сведений о полном славянском переводе БА в данном случае не меняет дела, поскольку Иларион, очевидно, читал по-гречески [25]. Впрочем, как теперь нам известно, по крайней мере часть БА существовала во времена Илариона в переводе на славянский язык, хотя рукописная традиция, сохранившая ее под названием "Написание о правой вере", не донесла до нас имени ее автора [26].

Примечания

1 Шевырев С.П. История русской словесности. Изд. 2-е. Ч.II. СПб., 1860, с.26.

2 Здесь и далее текст СЗБ цитируется по списку I-й редакции ГИМ, Син. № 591, см.: Молдован А.М. "Слово о законе и благодати" Илариона. К.,"Наук.думка", 1984, с.78-108.

3 См.: Cyrilli A. Hierosolymitani Opera. T.XXXIII, p.465, 468-469.

4 Цит. по: Петровский М.П. Иларион, митрополит Киевский и Доментиан, иеромонах Хиландарский // Изв. ОРЯС. 1908. Т.XIII, кн.4. СПб., 1909, с.94.

5 Там же, с.94, прим.2.

6 См.: Великие Минеи Четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Сентябрь. Дни 14-24. СПб., 1869, стб.678.

7 Тихонравов Н.С. Сочинения. Т.I. СПб., 1898, с.44 (прим.).

8 Розов Н.Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (О предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона) // ТОДРЛ, 1968, т.23, с.75.

9 Там же, с.81.

10 См.: Müller L. Die Werke des Metropoliten Ilarion. Eingeleitet, übersetzt u.erläutert von L.M.W.Fink.München,1971,S.8[illegible]-86.

11 См.: Kantorowicz E.H. Laudes regiae // A study in liturgical acclamation and medieval ruler worship. Berkeley; Los Angeles, 1958.

12 См.: Грыневич В. "Христос победи". Память о Крещении Руси в проповедничестве митр. Илариона // Доклад на Третьей международной научной церковной конференции, посвященной 1000-л[illegible]-

тик крещения Руси. Ленинград, 31 января - 5 февраля 1988 г. (рукопись).

13 См.: Успенский сборник XII-XIII вв. Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. М., 1971, с.368-385.

14 См.: Десять слов Златоструя XII в. Труд В.Н.Малинина. СПб., 1910, с.23

15 См.: Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг. Труд И.В.Ягича. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1886.

16 См.: Patrologiae. Cursus completus. Seria graeca. T.100. 1860, p.533-832.

17 См.: Творения святых отцов в русском переводе. Т.65. Сергиев Посад, 1904, с.138-378.

18 Здесь и далее в скобках указываются страницы русского перевода БА (см. прим.17).

19 Ср.: "Очевидно, стало быть, что термины: жидовство, Иудея имели обширное значение, и с ними могло соединяться довольно разнообразное условное понимание. Так, автор нашего Слова, когда говорит о Сарре и Агари, о Манассии и Ефреме, об евреях, то имеет только в виду раскрыть посредством этих образов свою основную мысль о призвании язычников" (Жданов И.Н. Указ. соч., с.80). См. в связи с этим замечания С.Матхаузеровой о неоднозначности славянского термина "закон", перешедшего в христианскую практику из языческого права и обычаев и сохранившего свою полисемию до наших дней, и отражении этой неоднозначности в СЗБ: в одних случаях в СЗБ этим словом называется иудейское вероучение (О законѣ мѡvсѣомъ данѣъмъ 168a1 и т.п.), а в других - христианское: [Кон-

стантин] съ с҃тыими ѡ҃ци никеискаaго съборa законъ ч҃лкомъ полагааше. ты же съ новыими нашими ѡ҃ци еп҃скпы. сънимаꙗсѧ чѧсто. съ многымъ съмѣренїемь съвѣщаваашесѧ. како въ ч҃лцѣхъ сихъ ново познавшїихъ г҃а. законъ оуставити I9Iа4-II (См.: Mathauserová S. Ilarionovo Slovo o zákonu a milosti a tradice staroslověnská.- Československá slavistika. 1988, s.27-32.

20 См.: Топоров В.Н. Работники одиннадцатого часа. "Слово о законе и благодати" и древнекиевские реалии // Russian Literature. Vol.24, 1988, p.20-27.

21 Мнение об отражении в СЗБ полемики с хазарами-иудеями впервые было высказано еще С.П.Шевыревым (Указ соч., с.I7-3I, 54-55), в дальнейшем обсуждение этого вопроса составило значительную библиографию. Из недавних публикаций на эту тему, кроме указанной работы В.Н.Топорова, см. еще: Кожинов В. Творчество Илариона и историческая реальность его эпохи // Вопросы литературы. 1988, № I2, с.I30-I50, а также: Робинсон М., Сазонова Л. Мнимая и реальная историческая действительность эпохи создания "Слова о законе и благодати" Илариона // Там же, с.I5I-I75.

22 Показательна в этом отношении Толковая редакция СЗБ - самостоятельное произведение, написанное на основе СЗБ, однако с иной идейной задачей, построенное на риторических обращениях к "жидовину" (См.: Никольский Н.К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб.ОРЯС, I907, т.82, с.29-55).

23 Жданов И.Н. Указ соч., с.I2.

24 К числу τόποι относится между прочим термин "трисолнечное божество" (тобою прозрѣхомъ на свѣтъ трис҃лнчьнаго божьства I94а4-5), вопреки попыткам истолкования его как "двуликого"

христианско-языческого образа (См.: Идейно-философское наследие Илариона Киевского. Ч.I, М., 1986, с.89). Ср. в БА:"троелучный и троесолнечный Свет" (175), ср. тж. в каноне Клименту Римскому: престолу престоѧ тръслнчнаго бжства (Служебные минеи.., с.123) и др.

[25] См.: ——— Thomson F.J. Quotations of patristic and Byzantine works by early Russian authors as an indication of the cultural level of Kievan Russia. - In: Belgian contributions to the 9th International Congress of slavists. Slavica Gandensia, N10, 1988, p.65-66.

[26] См.: Юрченко А.И. К проблеме идентификации "Написания о правой вере"// Балто-славянские исследования. 1985. М., 1987, с.221-232; то же: Богословские труды. Сб. 28-й. М., 1987, с.217-229; то же: Тысячелетие Крещения Руси// Международная церковно-историческая конференция. Киев, 21-28 июля 1986 г. Материалы. М., 1988, с.326-330; см. тж. статью А.И.Юрченко в данном сборнике.

Диакон Андрей Юрченко

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ "НАПИСАНИЯ О ПРАВОЙ ВЕРЕ"

В истории отечественной и мировой культуры выдающееся место по праву принадлежит Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Никону (1652-1666/. "Примерная ревность его, - гласит похвала В.М.Ундольского, - ознаменована беспримерным памятником: всеми греческими и большею частию славянских рукописей Патриаршего книгохранилища" [1]. Среди последних, радением собственно патриарха Никона изо многих стран собранных, в течение последовавших затем почти двух столетий обретался и один из древнейших б у м а ж н ы х среди известных в Европе ко времени его научного открытия в первой четверти XIX в. выдающимся русским славистом К.Ф.Калайдовичем манускриптов - среднеболгарский сборник 1348 года (ГПБ, F.I.376; 214 лл.), "книга душеполезная", "труд же и болезнь многогрешного (и) смиренного священноинока Лаврентия", переписавшего или составившего его при болгарском царе Иване Александре (1331-1371) (л.214) [2]. Как полагает К.М.Куев, некоторое время после возникно-

---

[1] Ундольский В.М. Отзыв Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича // Богословские труды: Издание Московской Патриархии. - М., 1982. № 23. - С.244.

[2] О так называемом сборнике попа Лаврентия (или - иногда - царя Ивана Александра) см., в частности: Калайдович К.Ф. Иоанн, екзарх Болгарский. - М., 1824. - С.88, прим. 6; Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. // ТОДРЛ. - Л., 1969. Т.24. - С.117-121; Куев К.М. Иван Александровият сборник от 1348 г. - София, 1981.

зения памятник находился в царской библиотеке в Тырнове, затем - в связи с возрастанием опасности османского вторжения в страну - он вместе с другими драгоценными книгами был перенесен за Дунай, в валахо-молдавские пределы, а позднее, уже в первой четверти XVII века, оказался на Афоне. Здесь, как это видно из приписки на внутренней стороне его обложки, сборник принадлежал скиту св.Иоанна Милостивого при царской обители св.Павла. "Для Валахии и Молдавии, - замечает исследователь, - монастырь св.Павла одно время был тем же, что Зографский монастырь - для болгар, Хиландарский - для сербов, а Пантелеимоновский - для русских" [3]. Нахождение сборника в скиту может быть объяснено наличием в нем славянского текста жития св.Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (616-620; память 12 ноября по старому стилю). Отсюда, по-видимому, он был перенесен в Москву, как предполагается, троицким старцем Арсением Сухановым в последнее его путешествие на христианский Восток (1654-1655) с целью собирания древних греческих и славянских манускриптов, столь необходимых патриарху Никону в аспекте намечавшегося им книжного исправления. Как свидетельствует вторая приписка на л.214 рукописи, сделанная, по Куеву, именно собирателем, она, побывав, по всей вероятности, в руках самого Первосвятителя, была "163-го взята изъ кѣльи государя патриарха" (то есть в 1655 г. по Р.Х.: 7163 - 5508 = 1655) [4] и, видимо, передана затем в Патриаршую библиотеку, которая позже стала называться Синодальной. Здесь, по свидетельству Е.В.Бар-

---

[3] Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.120.

[4] Куев К.М. (там же) несколько иначе представляет последовательность событий, возводя указанную приписку ко времени пребывания старца Арсения Суханова на Афоне.

сова, сборник находился вплоть до 1847 г., когда он был востребован в Одессу архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым) [5]. Это, по словам К.М.Куева, "видно из одной рукописной заметки в "Указателе для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки" архимандрита Саввы (экземпляр ГИМ)" [6]. Вскоре след сборника на некоторое время теряется, хотя на запрос О.М.Бодянского [7] архиепископ Иннокентий в конце 1854 г. ответил, что он возвратил его в Москву [8]. В 1863 г. манускрипт в составе части рукописного собрания И.П.Сахарова был приобретен Публичной библиотекой в Петербурге (Ленинграде), в отделе рукописей которой он и хранится в настоящее время [9].

Наряду, в частности, со сказанием Черноризца Храбра "О письменах" и непосредственно предшествуя ему, в сборник попа Лаврентия входит один из древнейших памятников славянской письменности, получивший научную известность в первой четверти XIX столетия как "Написание о правѣи вѣрѣ. изоущеное Константиномъ блаженымь философомъ. оучителемь о Бзѣ словѣнскомоу ꙗзыкоу" (ГПБ, F.I.376, л.93 б-101 б). Атрибутируемый авторству самого св.Константина-Кирилла, просветителя славян, памятник вызвал самое пристальное внимание исследователей-славистов и богословов, литературоведов и церковных

---

5 Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя // ЧОИДР. 1885. Кн.I. Отд.II. С.3.

6 Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.120.

7 Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.3-4.

8 Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.121.

9 Там же.

историков. И в то же время он возбудил продолжавшиеся более полутора веков широкие споры среди ученых по вопросу о его подлинности и долгое время оставался загадкой.

Вполне возможно, что именно это исповедание веры значится в "Оглавлении книг, кто их сложил", составленном до 1691 г. ученым иноком Сильвестром Медведевым, как его называл В.М.Ундольский, "отцом славяно-русской библиографии" [10], под номером 128 (нумерация издания В.М.Ундольского, в оригинале - № 137) [11]. Автором исповедания веры, начинающегося, как и "Написание", словами: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа", здесь называется также Константин Философ. Однако тут же ему приписываются "Евангелие на 50 недель" и "Молитва по алфавиту", которые в действительности принадлежат Константину, епископу Болгарскому (Преславскому). Последнего Сильвестр называет "епископом Константином", "учеником Мефодия Моравского", относит его деятельность к началу X в., ко времени царя Симеона (№ 23), или просто Константином (№ 69). Но он никогда не говорит о Константине Философе как об ученике св.Мефодия, что делает, в частности, В.М.Ундольский [12]. Философом, однако, древний библиограф называет и св.Кирилла (№ 119).

Применительно к случаю отметим несколько иной подход к интерпретации указанного места в "Оглавлении". П.И.Шафарик, например, справедливо констатирует, что иногда сочинения епископа Константина

---

[10] Ундольский В.М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // ЧОИДР. 1846. Кн.3. Отд.IV. С.III и др.

[11] Там же. - С.52.

[12] Ундольский В.М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии. - С.XX.

Преславского (в частности, "Азбучная молитва") встречаются "с неправильной надписью, будто творение Константина Философа", что мы видим и у Сильвестра, которого чешский славист несомненно принимает во внимание. Однако он считает возможным и "Написание о правой вере" атрибутировать "этому же епископу Константину"[13]. Но нет худа без добра. И подобная атрибуция с очевидностью показывает, что кроме "Написания" иного исповедания веры, которое приписывалось бы Константину Философу или Константину епископу, не имеется. А это тем более подтверждает выдвинутый нами тезис: в "Оглавлении" отражен именно анализируемый памятник.

Впервые краткие фрагменты "Написания" были опубликованы в 1824 г. К.Ф.Калайдовичем[14], а в 1841 г. появился его анонимный перевод на русский язык[15], осуществленный по единственно известному тогда списку, правда, с купюрами. Этот перевод воспроизводился и позднее[16]. Первая публикация древнеславянского текста памятника относится к 1867 г. и принадлежит И.И.Срезневскому[17]. Несколько

---

[13] Шафарик П.И. Расцвет славянской письменности в Булгарии // ЧОИДР. 1848. Кн.7. С.51.

[14] Калайдович К.Ф. Иоанн, ексарх Болгарский. - С.89-90.

[15] Воскресное чтение. 1840-1841. № 45. С.407-412.

[16] Князев А.С. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян, и влияние их подвигов на народное образование как всего славянского мира вообще, так и России в частности. - СПб., 1866. - Приложение. - С.I-VIII.

[17] Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки Академии Наук. - СПб., 1867. Т.II, кн.I. Приложение 2. - С.47-52.

ранее, в 1844 г., "снимок из Кириллова Написания", по его собственному признанию, сообщенный ему Преосвященным Иннокентием, был любезно отправлен русским славистом П.И.Шафарику. Письмо И.И.Срезневского с описанием сборника попа Лаврентия и приложенной копией исповедания хранится в Пражском Национальном музее (I D.C.2 17). В последующем древнеславянский текст "Написания" переиздавался неоднократно [18].

В 1885 году Е.В.Барсовым был опубликован новый список "Написания" из сборника XVI в. уже русской редакции, обнаруженного им в собственном рукописном собрании (ныне: ГИМ, Барс. № 1498) [19]. По составу оба сборника идентичны, но в отличие от прежнего в последнем отсутствуют некоторые заключительные статьи. Списки же памятника, среднеболгарский и русский, "обнаруживают такую поразительную близость, что невольно внушают мысль, что оба они восходят к общему оригиналу, хотя, быть может, и не к непосредственному" [20].

За прошедшие более чем полтора века со времени научного открытия "Написания о правой вере" к нему обращались многие исследователи. И в отношении атрибуции памятника, а соответственно и подлинности его, согласно несколько эйфорической констатации Г.А.Ильинского, "для ученых старой школы тут не было даже вопроса: громадное большинство их не находило никаких оснований не верить в авторство Кирилла" (Константина Философа), безоговорочно доверяя содержащему-

---

[18] Библиографию по вопросу см.: Куев К.М. Иван Александровият сборник от 1348 г. - С.141-142, прим.1.

[19] Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.I-II.

[20] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа // Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. - София, 1925.- С.72.

ся в заглавии "совершенно ясному и категорическому свидетельству о принадлежности "Написания" перу великого апостола славян" [21]. Еще К.Ф.Калайдовичем было высказано предположение о тождественности "Написания", - по его выражению, "кажется неподложного", - тому исповеданию, которое "словесно и письменно" было представлено св.Константином-Кириллом и Мефодием в Риме папе Адриану П "в рассуждении согласия их с Римскою Церковью" [22]. В дальнейшем эта версия - лишь с незначительными вариациями - и получила преимущественное распространение среди славистов [23].

Однако вместе с тем, начиная уже с первой половины XIX века, то есть от самых истоков, высказывались и сомнения в аутентичности памятника и принадлежности его авторству Константина Философа [24]. Среди первых скептиков можно назвать Й.Добровского, который считал "Написание" сочинением позднейшего времени. П.И.Шафарик, как мы видели выше, атрибутировал исповедание веры Константину, епископу Преславскому. К его мнению присоединился В.А.Бильбасов [25] и некоторые другие ученые. Но по преимуществу эти негативные и позитивные предположения отнюдь не аргументировались и имели основание в одной лишь интуиции, во внутреннем чувстве. Что же касается аргументации

---

[21] Там же. - С.63.

[22] Калайдович К.Ф. Иоанн, ексарх Болгарский. - С.89, прим.9.

[23] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.63-65, 71-73 и др.

[24] Там же. - С.65-71, 73.

[25] Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. - СПб., 1868. - С.18-19, прим.2.

А.Д.Воронова[26], то, как было показано дальнейшими исследованиями, во многих своих элементах она оказалась легко уязвимой[27]. И потому общий вывод автора, который относил появление памятника к XII в. (к этому выводу присоединился и Е.Е.Голубинский[28]), не выдержал критики.

Однако А.Д.Воронову в отдельных случаях все же удалось увидеть действительные проблемные моменты в форме и содержании "Написания" соотносительно заданной в его заглавии атрибуции. В результате в последующие годы некоторыми исследователями уже признавалась необходимость "оставить мнение о непререкаемости его свидетельства", не отвергая при этом значения самого по себе этого памятника как выражения убежденности Восточной Церкви в чистоте и невреждённости православной традиции, сохраненной в учении св.Кирилла и с несомненностью воспринятой его чадами[29]. Возводя "Написание" "к первым векам славянской письменности" и обоснованно полагая, что "древность его не может подлежать ни малейшему сомнению", Е.В.Барсов, например, в 1885 г. писал: "Критика подлинности этого памятника, как произведения славянского первоучителя Кирилла, далеко не так основательна, чтобы можно было с нею бесспорно соглашаться... Но если бы даже

---

[26] Воронов А.Д. Кирилл и Мефодий: Главнейшие источники для истории св.Кирилла и Мефодия. - Киев, 1877. - С.250 и далее.

[27] Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. - М., 1984. - С.102.

[28] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. - М., 1901. Изд. 2-е. Т.I. Кн.I. - С.904.

[29] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.70.

этот памятник и не был творением самого Кирилла, то, во всяком случае, он должен принадлежать кому-нибудь из ближайших его учеников, стремившихся утвердить православное вероучение его авторитетом, в эпоху борьбы с римским учением"[30].

В начале XX в., согласно не беспристрастному свидетельству Г.А.Ильинского, выступает "длинная фаланга" исследователей кирилло-мефодианского вопроса "с Ягичем во главе", которые, "не давая себе труда" опровергнуть позитивную аргументацию, "*tacito consensu*" вычеркивают "Написание" из числа творений великого апостола славян" и, более того, "вообще игнорируют существование этого памятника, как будто его фальсификация представляла доказанный факт". Их примеру следуют и некоторые историки болгарской литературы, в частности, М.Мурко, М.Вейнгарт и другие[31].

В 1925 г. в обзорной статье Г.А.Ильинского как бы подводился итог предшествовавшему столетию в истории проблемы. Автором была суммирована и приумножена критика, - собственно, за неимением иной, - вороновской негативной аргументации. И в результате он счел возможным сделать такое заключение: "Итак, ни история вопроса, ни внешняя критика текста, ни анализ его внутреннего содержания, ни его язык не вскрыли н и о д н о г о факта, который дал бы нам право оспаривать принадлежность "Написания" тому лицу, имя которого оно носит в заглавии. Напротив, - продолжал автор, - всё указывает на то, что мы имеем в нем п о д л и н н о е произведение славян-

---

[30] Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.3.

[31] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.73.

ского первоучителя" [32]. Согласно Г.А.Ильинскому, это последнее представляет собой вероназидательное "прощальное слово учителя (или лучше сказать профессора) своим ученикам" в одной из церквей Велеграда перед тем, как в конце 868 г. братьям отправиться в Рим [33].

Позднее, в 1935 г., по-прежнему с критикой позиции А.Д.Воронова, а также высказанных незадолго до того крайних взглядов В.Грумеля, который атрибутировал "Написание" еретику XII в. митрополиту о.Корфу (Керкиры) греку Константину, выступил болгарский ученый Ю.Трифонов [34]. Вопреки, в частности, мнению В.Грумеля, что данное исповедание первоначально было составлено по-гречески и лишь в последующем переведено на среднеболгарский язык, когда и была, по всей вероятности, совершена неосознанная фальсификация (по сходству имен), автором выражена непреклонная убежденность именно в древнеболгарском происхождении памятника, поскольку, по его словам, в нем нет и следа греческого оригинала. Поэтому, заключает Ю.Трифонов, "Написание" является единственным дошедшим до нас оригинальным трудом Константина Философа, который изначально был изложен на древнеболгарском языке.

И до самого последнего времени позитивная аргументация Г.А.Ильинского и Ю.Трифонова большинством исследователей считалась вполне убедительной и неколебимой, окончательно решающей вопрос об автор-

---

32 Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.75-76.

33 Там же. - С.77.

34 Трифонов Ю. Съчинението на Константина Философа (св.Кирила) "Написание о правѣй вѣрѣ" // Списание на Българската Академия на наукитѣ. - София. 1935. Кн.52, клон историко-филологичен и философско-обществен, № 25. - С.1-85.

стве "в пользу Константина Философа" [35] . При этом, однако, или оставались не замеченными, или просто игнорировались тонкие наблюдения Н.К.Никольского, касающиеся смыслового содержания памятника и относящиеся еще к 1928 г. Ученому удалось выявить очевидные и безусловные внутренние противоречия в тексте "Написания". Их наличие буквально перед самым появлением его статьи, а также и в последующем, как мы видели, категорически отвергалось, ибо при известных условиях могло бы поставить под сомнение авторство такого лица, как Константин Философ, муж весьма высокой учености.

Н.К.Никольский, в частности, сопоставляет такие очевидно противоречивые выражения (нумерация строк по изданию памятника, осуществленному Г.А.Ильинским [36]): "... единствоу же сѫщьствомь кланѣѫ сѧ" (строки 33-34) и "едино бо б҃жтво видимь въ трехь сѫщьством единоуѫщесѧ" (строки 45-47); но: "Ни пакы въ едино сѫщьство слагаѫ или смѣшаѫ" (строки 88-90). Им приводится и следующий внутренне противоречивый фрагмент: "... еже есть раз҃ѣлено сѫщьствомъ. общениемь естьствнымь съвъкоуплѣѫ" (строки 97-99) [37] .

Н.К.Никольский полагает, что оценка памятника, данная Г.А.Ильинским (с.74-75), "как "шедевра" богословской эрудиции и диалектики, достойного высокопросвещенного богослова", является "несколько преждевременной", и констатирует: "Догматическое содержание "Написания" формулировано в выражениях недостаточно ясных. Происходит

---

35 Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий. - С.102.

36 Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.79-89.

37 Никольский Н.К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу // Известия по русскому языку и словесности. - Л., 1928. Т.I. Кн.2.- С.448-449.

ли эта неясность от подновления языка при переписке, или от других причин, - решить в настоящее время трудно. Но терминологическая несогласованность наблюдается ... Только после идеологического комментария к "Написанию" в связи с терминологиею памятников кирилло-мефодиевской эпохи будет возможным окончательно разрешить вопрос о подлинности и неповрежденности текста "Исповедания" и получить исходную точку опоры для дальнейших выводов о нем и об отражениях идеологии этого ценного памятника на ряде других произведений славянорусской письменности"[38].

Как бы откликнувшись на приглашение Н.К.Никольского, более тридцати лет тому назад попытку углубленного лингвистического и семантического анализа текста "Написания", попытку, надо сказать, прямо-таки дерзновенную, предпринял чешский славист Войтех Ткадлчик. Первоначально (1960) его выводы были прокламированы Ф.Гривецом, притом, отметим, с остережениями[39], затем в 1969 г. появилось и обстоятельное собственное исследование ученого в сборнике "Константин-Кирилл из Фессалоник", приуроченном к 1100-летию блаженной кончины апостола славян[40].

В.Ткадлчик принимает аргументированные доводы своих предшественников Г.А.Ильинского, П.Лаврова и главным образом Ю.Трифонова относительно глубокой древности текста "Написания о правой вере". Выявленные исследователями языковые архаизмы позволяют отнести его

---

38 Там же. - С.448-449.

39 Grivec F. Konstantin und Method, Lehrer der Slawen. Wiesbaden, 1960. S. 227.

40 Tkadlcik V. Das Napisanije o pravej vere: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor // Konstantin-Kyrill aus Thessalonike. Würzburg, 1969. S. 185-209.

самое позднее к X столетию. Ценность выдвинутых лингвистических оснований признана и рядом других ученых. Однако они не являются достаточными для утверждения авторства св.Кирилла. Собственно, и сам Ю.Трифонов склонялся к подобному заключению. При этом, напомним, он отвергал предположение о наличии греческого оригинала памятника. В.Ткадлчик же, напротив, защищает этот тезис и стремится обосновать его посредством выявления в текстовом материале таких неудобовразумительных в славянской версии фрагментов, структура и смысл которых становятся понятными лишь исходя из факта перевода с греческого и никак иначе. В результате, полагает автор, на основе славянского текста может быть вообще реконструирован греческий оригинал, который в свою очередь во многих случаях будет способствовать установлению адекватного смысла некоторых темных мест в славянском переложении, а иногда - также и преодолению трудностей богословского характера, которые могли возникнуть как следствие неверного или неточного перевода.

Выполнима ли эта грандиозная задача? В.Ткадлчик не сомневается, что она выполнима. И он предлагает ряд примеров, первые два из которых, как он полагает, вполне достаточны для доказательства того, что славянское "Написание" по своей сути является переводом, тогда как остальные (их более дюжины) могут служить лишь для преизбыточного подтверждения этого вывода. Что можно сказать относительно приведенных автором примеров? Когда знакомишься с ними априори, они поражают: чувствуется колоссальная работа утонченной мысли. Однако вряд ли возможно считать их столь доказательными (в том числе и первых два), чтобы безоговорочно принять окончательные выводы исследователя. Несколько более конкретно об этом будет сказано ниже.

Что же касается выводов В.Ткадлчика, то они таковы. По мнению чешского ученого, славянское "Написание" зависимо от греческого ори-

гинала и представляет собой слабый с языковой и богословской точек зрения перевод. В случае, если автором его был св.Константин-Кирилл Философ, то его авторство может быть принимаемо во внимание лишь в отношении греческого оригинального текста. Славянская версия не могла быть создана им, поскольку мы не можем инкриминировать апостолу славян ни незнание греческого языка, ни богословское неведение. На тех же основаниях должно быть исключено и авторство св. Мефодия. Представляется в высшей степени невероятным, чтобы авторами славянского текста "Написания" были ближайшие, непосредственные ученики святых самобратьев, такие, например, как св.Климент Охридский (мнение Станислава Коса) или Константин, епископ Преславский, поколику и от них мы могли бы ожидать нечто лучшее.

Однако, продолжает В.Ткадлчик, св.Кириллу не может быть атрибутировано авторство и в отношении греческого оригинального текста, в частности, на следующих основаниях. Во-первых, "Написание" не упоминается в Паннонском житии св.Константина, хотя этот лучший и наиболее обстоятельный источник касательно жизни и деятельности славянского первоучителя называет его творения, из некоторых из них приводит обширные фрагменты, цитирует его слова и молитвы. Не упоминается "Написание" также и в Болгарской легенде. Наконец, и то обстоятельство, что памятник содержится лишь в двух относящихся к позднейшему времени рукописях, свидетельствует отнюдь не в пользу глубокой древности и высокого авторитета такого труда, который фактически приписывается св.Кириллу. И т.д. и т.п.

Сам В.Ткадлчик, исходя из всего вышесказанного, считает, что создателем греческого текста "Написания" был какой-то греческий монах или иерарх, который имел местонахождение в Болгарии где-то в X столетии. Он был приверженцем и почитателем св. патриарха Фотия и испытывал сильное влияние со стороны творений Никиты Византийского.

То, что он использовал мирское имя апостола славян, Константин, объясняется тем, что именно оно было известно в то время в широких общественных кругах, особенно в греческих пределах. В Болгарии же его вообще знали под двумя именами, как об этом свидетельствует Черноризец Храбр в сказании "О письменах". Создан мог быть греческий текст "Написания" в сравнительно позднее время по блаженной кончине св.Кирилла (уж, добавим, конечно!). Славянский перевод был выполнен тогда же каким-либо священником или епископом в Болгарии. Однако, заключает автор, можно с высочайшей степенью вероятности утверждать, что перевочиком не был никто из ближайших и непосредственных учеников св.Кирилла и Мефодия.

Чешский исследователь не только теоретизировал. Будучи с несомненностью убежден в своих выводах,он предпринял и практические шаги в направлении разыскания соответствующего греческого текста. Как любезно сообщил автору настоящих строк продекан (тогда!) Православного богословского факультета в Прешове профессор-протоиерей Павел Алеш, в свое время В.Ткадлчик отослал в Вену известному слависту проф. Ф.Марешу список греческих исповеданий веры, среди которых мог находиться протограф славянского "Написания". Однако ученики проф. Ф.Мареша, которые были привлечены к поискам, ничего подходящего не обрели.

Однако с е н с а ц и я (так расценил это сам Войтех Ткадлчик и вместе с ним протоиерей Павел Алеш) все-таки состоялась. 16 марта 1986 г. автору настоящих строк посчастливилось наконец-то открыть греческий подлинник, как теперь твердо установлено, переводного славянского "Написания о правой вере". Все началось с повторной публикации во второй книжке "Журнала Московской Патриархии" за 1982 год (ср.: ЖМП. 1969. № 6) весьма неисправного, по замечанию В.Ткадлчика, русского перевода "Написания". Здесь было столько не-

корректностей, что потребовалось обращение к источнику. Однако и источник содержал множество сюрпризов, некоторые из коих отмечены выше (Н.К.Никольский). Пришлось немного призадуматься. В результате текст памятника в некоторых наиболее выразительных моментах надолго запечатлелся в памяти. И во время оно, в процессе работы над святоотеческими творениями, вдруг стали встречаться до боли знакомые места. А затем пришло осенение. Так что, как видим, счастливая случайность, а приятно! Тем более, что и не без пользы.

Как оказалось, в основе славянской версии "Написания о правой вере" лежит фрагмент вероисповедного характера из "Большого Апологетика" (*Apologeticus Major*) св.Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского (ок. 758-828; память 2 июня по старому стилю).

Патриарх Никифор I, возведенный на константинопольскую кафедру в 806 г. из мирян (прежде он был государственным секретарем), занимал ее до 815 г., когда был удален с нее императором Львом Армянином (прозванным Хамелеоном) и заточен в монастырь за противление иконоборческой политике последнего. Здесь он и провел остаток своей жизни, не переставая свидетельствовать православную веру и выступать в защиту иконопочитания в целом ряде сочинений, в числе которых и находится упомянутый "Большой Апологетик", написанный им в ближайшие после заточения годы (818-820) [41]. Прославление патриарха Никифора как исповедника совершилось в 846 году.

Большой Апологетик, полное название которого в русском переводе таково: "Святого отца нашего Никифора, бывшего архиепископа Кон-

41 Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclisiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 264.

стантинопольского, слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам"[42], входит во все известные рукописи сочинений первосвятителя. Опубликован в 100-м томе греческой серии "Патрологии" аббата Миня (*Migne. PG. T. 100. Col. 533-832*). Из приблизительно 150 колонок греческого текста пять приходится на указанный выше фрагмент вероисповедного характера (*col. 580 C - 589 D*), что составляет примерно 300 строк. Поскольку вероизложение имеет конкретную направленность (защита иконопочитания), оно ограничено лишь тринитарной, христологической и иконологической частями и не содержит остальных частей соответственно членам Символа веры, как это бывает в обычных случаях (ср., например, вероисповедание, содержащееся в известительном послании патриарха Никифора, адресованном папе Римскому Льву III[43], или ставленническое исповедание веры митрополита Киевского Илариона[44]). Структурно славянское "Написание" в своей основной части буквально воспроизводит оригинал. Добавлено лишь несколько адаптирующих строк: начальные, включая заглавие (1-8), с упоминанием имени св.Константина Философа (дважды), и заключительные (357-374), с упоминанием присного брата его и споспешника св.Мефодия. При этом, отметим, одна из фраз в составе конечного адаптирующего фрагмента: "и чьстныѣ ихь памѧти творѧще" (строки 361-362) - имеет соответствие в греческом тексте. Кроме того пос-

---

[42] Творения святых отцов в русском переводе. - Сергиев Посад, 1904. Т.65. - С.138.

[43] Там же. - С.111-121.

[44] ГИМ, син. № 591. Л.199 б - 203 а.

редством сингуляризации соответствующих глагольных форм славянскому исповеданию придан характер личного. Само его название "Написание о правой вере", по всей вероятности, выбрано не случайно: в "Изборнике великого князя Святослава" 1073 г. (л.20 в) "Написание о правой вере" Михаила Синкела Иерусалимского (первая половина IX в.). Славянское "написание" в данном случае является эквивалентом греческого Λίβελλος [45].

Что касается перевода с греческого на древнеславянский, то в принципе он является дословным. Не затрагивая текстологических проблем самого подлинника и в настоящей статье основываясь лишь на публикации аббата Миня, можно отметить, что в переводе в редких случаях наблюдается опущение отдельных слов (обычно - подобных членов), союзов и частиц, как правило, не ведущее к искажению смысла. Иногда встречаются пропуски фразовых фрагментов, что может быть и дефектом переписки. В качестве примера можно указать строки 84-86 древнеславянского текста. Но самым интересным является то, что в переводе добавлены отдельные слова и некоторые фразы, несущие определенную смыслову нагрузку. В частности, здесь подчеркивается аспект исхождения Святого Духа от Бога Отца "единого" (строка 18; см. также строки 28-29). Именно подобные формулировки вызвали бурю споров вокруг памятника (А.Д.Воронов и его оппоненты). По всей вероятности, эти включения, будучи своеобразными аллюзиями, могут сослужить полезную службу при определении времени возникновения перевода.

В иконологической части "Написания", там, где говорится о том, что через поклонение иконам честь возносится к первообразу, по сравнению с оригиналом прибавлены слова: "егоже тѣло есть написано"

---

45 Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.I. Кн.I. - С.910, 655.

(строки 347-348). В данном случае передается мысль ороса УП Вселенского (П Никейского) Собора 787 г., официально утвердившего иконопочитание (на этом Соборе в качестве секретаря при представителях императора присутствовал и будущий патриарх Никифор): "... честь, воздаваемая образу (иконе), восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней" [46] . "Тѣло" здесь, как и в ряде других мест (строки 185, 188, 193), выступает в качестве славянского эквивалента именно греч. "ὑπόστασις" ("ипостась"). Однако это последнее в иных случаях передается или как "ипостась" (строка 21), или как "сълич҄ие" (строка 47), или же как "сѫщьство" (строки 78, 89, 98, 115-116). Но слав. "сѫщьство" во многих местах выступает в качестве эквивалента греч. "οὐσία" (строки 16, 34, 82, 85, 92, 315 и др.). Отсюда и те коллизии, которые были отмечены Н.К.Никольским (и позднее - В.Ткадлчиком): очевидная "терминологическая несогласованность" приводит к очевидным внутренним противоречиям.

Отметим и такой интересный случай, когда славянский текст помогает восстановить утрату в греческом в публикации Миня. Так, в "Написании" мы имеем: "б҃а д҃ха ст҃го величаѭ. имже всѣ съхранѣѭтсѧ и съдръжѭть" (строки 66-68). В греческом же тексте - очевидная гаплография, пропуск слов, стоящих между двумя одинаковыми членами τά : ἐν ᾧ τὰ τρία σέβοντες (581 С). По всей вероятности, здесь должно было бы быть следующее: τὰ πάντα ... τὰ τρία σέβοντες (ср. 184 А).

После небольшого сопоставительного экскурса по источникам - несколько слов в отношении аргументации В.Ткадлчика в пользу тезиса

---

[46] Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. - Пгр., 1918. IУ. - С.562. Прим. 1 (греч. текст).

о переводном характере "Написания", теперь уже апостериори, зная ответ. В настоящее время она, разумеется, имеет лишь историческое значение. Но была ли она в ретроспективе достаточной для обоснования защищавшегося автором тезиса? По всей вероятности, не вполне. Покажем это посредством анализа первого примера, приведенного им. Здесь чешский славист отмечает очевидную несогласованность в роде между взаимосвязанными элементами в одном из фрагментов памятника (строки 47-50), который мы приведем в русском переводе: "Три же Лица (созерцаем) во едином Божестве, разделяя нераздельно, по различию присущих к а ж д о й свойств". Он полагает, что слова "каждой" и "свойств" взаимосвязаны и рассогласование их является следствием того, что при переводе первое сохранило род оригинала, тогда как второе изменило его по сравнению с греческим эквивалентом. В действительности же слово "каждой" соотносится со словом "Лица", греческий эквивалент которого "Ипостаси" - женского рода. Безусловно, несогласованность в роде по причине неточного перевода наблюдается, однако совсем не там, где ее видит В.Ткадлчик. Фрагмент обретает корректность, если мы заменим в нем "Лица" на кальку "Ипостаси": "Три же Ипостаси ...".

Во втором же примере рассуждения автора весьма остроумны и глубокомысленны. Однако они вряд ли могут доказательно служить его целям, поскольку действительная ошибка в славянском тексте более элементарна, чем это можно было предположить доброжелательному исследователю, она "неправильна" и потому непредсказуема. К сожалению, то же самое в той или иной степени относится и к другим построениям автора, в основном базирующимся на некорректностях в славянском тексте, в общем-то имеющих довольно-таки нейтральный характер. И лишь конгениальное авторскому остроумие может увидеть здесь влияние предшествовавшего греческого оригинала. Но это отнюдь не

снижает ценности его разысканий. И само по себе исполненное глубокого смысла исследование В.Ткадлчика станет, полагаем, в источниковедении хрестоматийным.

В.Г.Брюсова

КОГДА И ГДЕ БЫЛ ПОСТАВЛЕН МИТРОПОЛИТ ИЛАРИОН?

В событиях общественно-политической жизни Киева середины XI в. - периода наивысшего подъема политического могущества Древнерусского государства - фигура митрополита Илариона представляется одной из наиболее значительных. Первый архиерей из русских, Иларион известен также как "муж книжный", широкой образованности. Созданное им "Слово о законе и благодати" показывает силу, ясность и глубину мысли автора, острое чувство современности и исторической перспективы.

Биографические сведения об Иларионе скудны. Известно, что до поставления в митрополиты Иларион был пресвитером церкви Апостолов в Берестове. Под 1051 г. "Повесть временных лет" сообщает: "Постави Ярославь Лариона митрополитомь Русина въ святеи Софьи, собрав епископы" [1]. В "Исповедании веры" Илариона в конце записано: "Азъ милостию человеколюбиваaго бога мнихъ и прозвитер Иларион изволениемь его от богочестивыихъ епископъ священь быхъ и настолованъ въ велицемь и богохранимемь граде Кыеве, яко быти ми в немь митрополиту, пастуху же и учителю. Быша же си в лето 6559, владычествующу благоверьному кагану Ярославу, сыну Владимирю. Аминь" [2]. Дата здесь остается та же, но говорится, что Иларион поставлен не Ярославом, а епископами.

В "Густынской летописи" имеется вариант записи об Иларионе

---

[1] Повесть временных лет. - М.; Л., 1950. Ч.I. - С.104.

[2] Цит. по изд.: Идейно-философское наследие Илариона Киевского. - М., 1986. Ч.I. - С.41.

под 1050 г.: "Поставлен бысть митрополитом Киеву, от патриарха Михаила Кирулария" [3].

Более подробная запись содержится в "Никоновской летописи": "В лето 6559. Поставлен бысть митрополитъ на Руси своими епископы. Ярославу, сыну Владимерову, внуку Святославлю, съ Греки брани и нестроения быша, и сице Ярославъ с епископы своими Русскими съвещавше, умыслиша по священному правилу и уставу апостольскому сице: правило святых апостол I-е: два или трие епископы да поставляють единаго епископа, и по сему священному правилу и уставу божественныхъ апостолъ съшедшеся Русстии епископи,поставиша Илариона, Русина, митрополита Киеву и всей Русской земле, не отлучающеся от православных патриархъ и благочестиа Греческаго закона, ни гордящеся от них поставлятися, но съблюдающеся от вражды и лукавьства, якоже беша тогда" [4].

Наиболее достоверные источники называют дату поставления Илариона 1051 г., и она обычно не вызывает сомнения. Не отрицая вероятность этой даты, мы все же должны иметь в виду, что она не принадлежит к бесспорным, погодным записям. Исследованиями А.А.Шахматова установлено, что известие о поставлении Илариона митрополитом, читаемое в начале летописной статьи 6559 г., представляется извлеченным из "Повести о начале Печерского монастыря", которая следует непосредственно за известием о Иларионе, и которая, в свою очередь, позаимствована из более древнего сказания, почерпнувшего эти сведения из несохранившегося "Жития Антония Печерского". По мнению А.А.Шахматова, "статья о начале Печерского монастыря читалась под

---

3 ПСРЛ. - СПб., 1843. Т.П. Стб.268I.

4 ПСРЛ. - СПб., 1862. Т.IX. - С.83.

6570(1062) г., то есть годом основания монастыря" [5], а позднее передвинута в 1051 г. Но если это важное наблюдение справедливо, оно значительно подрывает надежность даты, как действительного года поставления митрополита Илариона в Киеве.

Не менее сомнительной представляется древность даты в "Исповедании веры", и не только потому, что само сочинение известно лишь по спискам ХУ-ХУI вв. Даты, современные событиям, нечасты в записях XI в., даже и в летописях; тем более мало вероятна дата в сочинении канонического порядка, своего рода присяге православию, и вероятнее всего, что она, вместе со всей концовкой, появилась позднее, возможно - при соединении сочинений Илариона им самим.

Пищу для сомнений дает и противоречивость показаний приведенных источников. "Никоновская летопись" называет год поставления 1051, но в качестве пояснения приводит "брань и нестроения", имея в виду недавние события русско-византийской войны 1043 г., тогда как в 1051 г. конфликт был позади. Все источники, кроме "Густынской летописи", сообщают о поставлении Илариона в Киеве, тогда как последняя отмечает о поставлении "от патриарха Михаила Кирулария". Эти расхождения, как и кратковременность пребывания Илариона в сане митрополита [6], вызывают немало предположений и догадок, нередко весьма гипотетичных. Рассмотрение их заняло бы слишком много места, мы отметим лишь наиболее существенные.

По мнению ряда авторов, в пользу подтверждения константинопольским патриархом Илариона в звании митрополита, является нали-

---

5 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах. - СПб., 1908. - С.445.

6 В 1054 г., при отпевании Ярослава Мудрого Иларион уже отсутствует, а в 1056 г. упоминается уже другой митрополит - грек Ефрем.

чие его имени в официальном списке русских митрополитов [7], а этого не могло бы быть, если бы он не был признан патриархом (как это имело место по отношению к низложенному митрополиту Клименту). Тем самым сообщение "Густынской летописи" о поставлении Илариона Михаилом Кируларием может быть признано заслуживающим внимания. Но если признать 1050 или 1051 г. как год утверждения Илариона Царьградом, поставление Илариона в Киеве должно было совершиться ранее. Была ли необходимость бросать вызов Империи в предвидении ее положительных санкций? В этом акте естественно видеть готовность идти на компромисс Киеву.

"Брань и нестроения", о которых сообщает "Никоновская летопись", связаны с походом на Царьград в 1043 г. русского войска под управлением сына Ярослава Мудрого, новгородского князя Владимира Ярославича. Поход, как сообщают летописи и греческие хроники, окончился неудачей - русский флот был разбит сильнейшей бурей, а отчасти и "греческим огнем", и лишь небольшая часть войска, отбив атаку посланных вдогонку греческих кораблей, смогла вернуться на родину [8]. Через три года Русь и Византия находились в состоянии мира.

В одной из предшествующих публикаций автором настоящей статьи было отмечено, что принятая в исторической науке версия о поражении в этой войне Руси стоит в противоречии с действительными фактами, показывающими, что мир был заключен на условиях, удовлетворяющих обе стороны, а договор был закреплен династическим браком сына Ярослава Мудрого Всеволода и дочери Констаниина Мономаха Анас-

---

[7] См.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. - М.; Л., 1950. - С.473.

[8] См.: Повесть временных лет. Ч.I. - С.103-104.

тасии [9]. Упрочилось международное положение Киевской Руси, дочери Ярослава стали королевами французской, норвежской, венгерской.

Анализ источников и обстоятельств, связанных с событиями тех лет, показывают совсем иную картину, чем она обрисовывается летописями и хрониками. Комплексное изучение всех, имеющих отношение к вопросу материалов позволяет представить дело таким образом, что официальные источники умалчивают о важнейших событиях того времени и не дают реальной картины исторической ситуации тех лет. А эти события реконструируются с большой степенью убедительности согласно версии, что Ярослав в 1044 г., на следующий год после неудачного похода, предпринимает новый подход, который окончился, как и поход Владимира Святославича, повторным взятием Корсуни. На это указывает, прежде всего, в русских, украинских и польских летописях реликтовое свидетельство: "Паки посла Ярослав сына своего Владимира на Греки". Об этом красноречиво свидетельствуют так называемые "корсунские древности", привезенные в изобилии из Херсонеса новгородским князем Владимиром и в большинстве случаев сохранившиеся доныне в Новгороде и в Москве (привезены Грозным в Москву после пожара 1546 г.) [10]. Об этом же свидетельствует и сам храм Софии Новгородской - выдающийся памятник древнерусского зодчества домонгольского периода, построенный, согласно поздним нов-

---

[9] См.: Брюсова В.Г. Русско-византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. № 3. - С.51-62; Она же. К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // Византийский временник. 1968. Вып.XXVIII. - С.127-135.

[10] Об этом см. статью автора "Корсунские древности как исторический источник", принятую к публикации в "Byzantino-Bulgarica". - София. Вып.10.

городским преданиям, в честь победы над греками. О привозе Ярославом трофеев из Корсуня свидетельствуют не только русские, но и французские источники, как привоз главы Климента Римского [11].

Главою Климента позднее был поставлен митрополит Климент; вполне вероятно, так же состоялось и поставление Илариона "своими епископы".

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что далеко не все источники, имеющие отношение к проблеме, изучены. Имеется, например, проложная запись об освящении Иларионом церкви Георгия [12]. В поздней рукописи - "Каталоге российских архиереев" - имеется ряд записей об Иларионе. Одна из них сообщает, что "Иларион Россианин поставлен бысть в Киеве в церкве святыя Софии своими епископы чрез граммату святейшаго Михаила патриарха цареградского брани ради с греки, и пас церковь божию 20 лет, и преставися в лето 6579, и положен в Печерском монастыре, и крайние его ради добродетели бысть святъ и чудотворец предивен" [13]. Эта же рукопись сообщает, что Иларионом был хиротонисан в 6569 г. новгородский епископ Стефан [14], а в 6579 - новгородский епископ Федор [15]. "Ненадежность" источни-

---

[11] См.: Айналов Д.В. Судьба киевского художественного наследия // Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. - СПб., 1918. Вып.XII. - С.25 и сл.

[12] См.: Никольский Н. Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.).- СПб., 1906. - С.122-127.

[13] ГПБ. Соф.1417. Л.7. Рукоп. в 4°, нач.XVIII в., на 152 л.

[14] Там же. Л.44.

[15] Там же. Л.44 об.

ков как поздних или противоречивых не может служить поводом для отказа от их изучения.

Нельзя обойти мимо также одной летописной статьи, в ее разных редакциях. Мы имеем в виду статью под 1044 г. о крещении костей Ярополка и Олега. В "Повести временных лет" этому событию посвящена лишь одна краткая заметка: "В лето 6552. Выгребоша 2 князя Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица" [16].

Об этом событии упоминается в "Степенной книге", в "Житии Ольги" [17] и в специальном слове, составляющем главу 75 первой степени и озаглавленной: "О братии равноапостольнаго Владимера, Ярополка и Ольга, их же кости крестиша" [18].

В слове повествуется, как Ярополк и Олег, воспитанные, будто бы, бабой Ольгой в знании христианской веры, но не крещенные ради "непокориваго" сына ее Святослава, "братоубийственною кровию скончашася". При Ярославе Мудром, в 1044 г., кости Ярополка и Олега были торжественно выгребены из могилы, крещены и с честью перезахоронены. Автор слова приводит подробное разъяснение смысла церемонии: "И крестиша кости их и положиша кости их в церкви святыя Богородица, юже святый Владимер созда. Сие же необычьное действо нецыи дивяшеся в зазор полагаху инии же разсуждающе глаголаху, яко не без Божия Промысла сице содеяся, ни без воли новпросвещеннаго самодержьца Ярослава, ни кроме совета и благословения и действа святительска ради усерднаго желания и прилежнаго к богу моления... святыя

---

[16] Повесть временных лет. Ч.I. - С.104.

[17] ПСРЛ. - СПб., 1908. Т.XXI. Вып.I. - С.23.

[18] Там же. - С.165-167.

великия княгини Ольги"[19].

Автор слова приводит основательную аргументацию в разъяснение совершенного действия. Вначале он проводит аналогию с крещением Константином и матерью его Ириной (так!), крестивших кости Платона-философа ради его пророчества о рождении Христа. Далее он дополняет примером о крещении ветхозаветных отроков Анании, Азария и Михаила, но тут же оговаривается: "Аще ли есть истинна, или ни, ведущим истинну сия оставляем судити". Наконец, автор приводит пример из "Патерика" о некоем человеке, постригшемся в монахи, оставив жену и дочь оглашенну. Когда дочь умерла, отец роздал свое имение нищим и не переставал молить бога о ней. Наконец, он узнал, что его молитвами дочь крестилась и ее прах оказался перенесенным к "верным". Слово заканчивается пояснением: если бы князья, воспитанные своей бабкой Ольгой, не уверовали, тайно или явно, при жизни, то не сподобились бы благодати крещения костей их и положения их в святую церковь[20].

Существенное значение имеет указание на то, что необычное это "действо" совершилось "не без воли новопросвещеннаго самодержца Ярослава, ни кроме совета и благословения и действа святительска". В самом деле, акт, совершенный без митрополита, утрачивает всякий смысл. Сцена крещения костей в миниатюре "Радзивилловской летописи" представлена с митрополитом. Но это не мог быть митрополит Феопемпт, который едва ли одобрил бы это сомнительное (несмотря на все оговорки автора слова) с точки зрения ортодоксального православия действо, послужившее впоследствии Герберштейну поводом упрекнуть русских в нетвердости в православии. Остается предположить, что инициатором

---

[19] ПСРЛ. - СПб., 1908. Т.XXI. Вып.I. - С.166.

[20] Там же. - С.167.

церемонии был именно митрополит Иларион, а следовательно, он уже тогда был поставлен на митрополичью кафедру.

"Степенная книга" - источник поздний и сложный по своему составу [21], но ряд статей, включенных при составлении ее митрополитами Макарием и Афанасием около 1562-1563 гг. носит черты глубокой древности, что было отмечено уже Б.А.Рыбаковым [22]. К их числу, как можно предположить, относится и "Слово о крещении костей" [23]. В XVI в. не было никакой необходимости доказывать законность акта. „Слово" - это часть той группы произведений, которая, по мнению Д.С.Лихачева, была положена в основу "Сказания о распространении христианства на Руси", куда вошли сказания об Ольге, о варягах-мучениках, о Борисе и Глебе, о крещении Руси, обширная похвала Ярославу под 1037 г. [24] "Слово о крещении костей" близко к ним по мысли, по основным идеям - о новокрещенных людях, о крещении Руси, весьма близко и по стилю изложения.

Нетрудно понять истинные причины, побудившие на совершение акта крещения костей Ярополка и Олега. Гибель князей, наряду с убиением Бориса и Глеба был одним из ярких примеров "братоубийства", - темы, с большой силой звучавшей в годы канонизации Бориса и Глеба. Ярополк и Олег в ранге христианских мучеников соединяли цепь принявших христианство князей до Ольги, нарушенную "отступничеством"

---

[21] См.: Васенко П.Г. Книга степенная царского родословия. - СПб., 1904.

[22] Рыбаков Б.А. Древняя Русь. - М., 1966.

[23] Н.Н.Розов придерживается мнения о древности статьи о крещении костей Ярополка и Олега в составе "Степенной книги".

[24] См.: Лихачев Д.С. Русские летописи. - М.; Л., 1947. - С.58-75.

Святослава "непокоривого". Давность христианизации Руси отодвигалась еще на полвека, и к событиям русско-византийской войны приобретала почти столетний срок. А это имело существенное значение для юридического обоснования политического и нравственного права на независимость русской церкви. Напомним, что болгарская патриархия была подчинена Византии лишь в 1018 г.,с падением Первого Болгарского царства.

Наряду с этим, пример из "Патерика" приоткрывает еще одну проблему внутренней социальной жизни Руси, возникшую с ее христианизацией. Культ предков был существенным элементом языческих верований, но он полностью сохранил свое значение в эпоху феодализма, как основание для возвышения рода, родовитости феодальной фамилии. Между тем, согласно церковного правила, воспрещалось погребать верных с неверными. Генеалогия княжеских и боярских родов была искусственно пресечена христианизацией, что вылилось в серьезную социальную проблему. Крещение костей Ярополка и Олега и должно было решить эту проблему, указывая путь, каким образом может быть восстановлена генеалогия на новой, христианской основе: нужно было возносить моления к богу и делать пожертвования в пользу церкви, чтобы получить благодать крещения после смерти. А это способствовало не только повышению авторитета церкви как посредника между человеком и богом, но ее материальной основы. Строительство крупных каменных храмов, дворцов в период сложной внешнеполитической обстановки требовало крупных средств. Нужно было изыскать источник дополнительного притока средств в казну митрополии, помимо великокняжеской десятины. Как раз в это время проходили крупные работы по украшению Софийскога собора Киева мозаиками и фресками. А заодно решалась проблема сохранения в целости и нерушимости родовых усыпальниц.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что летописи

датируют крещение костей Ярополка и Олега 1044 г., - моментом наибольшего обострения отношений между Русью и Византией после неудачного похода 1043 г. Тем самым данный акт тесно вплетается в конфликтную внешнеполитическую ситуацию сороковых гг. XI в.

В итоге обзора есть основание предложить для научного обсуждения следующую реконструкцию событий, связанных с поставлением Илариона в митрополиты. Среди назревших вопросов русско-византийских отношений 1040-х гг. был, несомненно, вопрос о взаимоотношениях русской церкви и константинопольского патриарха. Оставляя в стороне дискуссионность проблемы в целом [25], невозможно отрицать, что сам факт поставления митрополита из русских является достаточно необычным и по тому времени - смелым.

Наличие двух версий о дате поставления Илариона - 1051 и 1040-х гг. - не противоречит друг другу, если принять предположение Д.Оболенского, что первая дата, то есть сороковые гг., имеет отношение к избранию Илариона в Киевской Софии "своими епископы", а вторая - 1051 г. - к утверждению его патриархом Михаилом Кируларием [26].

Выходя за пределы чисто текстологического анализа летописных статей об Иларионе, на основании комплексного изучения исторических фактов наиболее вероятным представляется поставление Илариона в Киеве в 1044 г., после второго похода на Византию, окончившегося

---

[25] Противоречивые взгляды на этот предмет высказаны в сочинениях М.Д.Приселкова, Д.С.Лихачева, М.В.Левченко, Л.Мюллера, А.Поппэ и других авторов, однако рассмотрение разных мнений не входит в задачу автора статьи.

[26] Obolensky D. Byzantium, Kiev and Moscow: A study in ecclesiastical relation // Dumbarton Oaks Papers. 1957. XI. P. 63-64.

вторичным взятием Херсонеса и привозом корсунских трофеев, в числе которых была и глава Климента Римского. Главою Климента, по-видимому, и был поставлен Иларион на Киевскую митрополию.

Восстановление мира на взаимовыгодных условиях (о чем бесспорно свидетельствует возобновлению династических связей между правящими домами Киева и Константинополя), заставило Царьград признать законность этого акта, что, возможно, действительно имело место на Константинопольском соборе в 1051 г. Эта дата и получила преимущественное значение, закрепившись в русских летописях и в "Исповедании веры" Илариона, поглотив собою первую дату избрания Илариона собором русских епископов в 1044 г. Однако сам по себе факт поставления Илариона в Киеве - первого митрополита из русских, избранного по воле великого князя, - как весьма значительное событие, отразился в чтении статьи в "Никоновской летописи" и в рукописях, подобно "Каталогу русских архиереев".

Предлагаемая реконструкция событий, связанных с поставлением митрополита Илариона не претендует на признание ее полной достоверности. Но мы не вправе и абстрагироваться от обстоятельств, имеющих прямое отношение к этому вопросу.

В.КУСКОВ

ПОЭТИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ "ИЗБОРНИКА" 1076 г.

Одним из древнейших памятников древнерусской дидактической литературы является "Изборник" 1076 года. Его статьи были призваны дать ответы на вопросы нравственные, наставить человека на правый путь, показать, "как крестьянам жити". "Статьи этого Изборника, - отмечал Ф.И.Буслаев, - по нравственно-религиозному содержанию были доступнее нашим предкам, нежели философские и литературные в Изборнике 1073 г. Самый язык в Изборнике 1076 г. простее и удобопонятнее" [1].

По мнению большинства исследователей, "Изборник" 1076 г. был создан на славянской почве [2]. Его составителем и переписчиком был "грешный Иоанн", "рукою" которого было "избьрано из мъног книг княжих" [*]. На основании этой записи можно заключить, что "Изборник" создавался на основе тех "книг", которые хранились в княжеской библиотеке, возможно, той самой, которая создавалась трудами "писцов многих" при Ярославе Мудром, о чем сообщает "Повесть временных лет" под 1037 годом.

Скромное внешнее оформление "Изборника", относительная простота языка его статей свидетельствуют о том, что он предназначался не для князя и его семьи, а для наставления тех "смысленных" мужей, которые окружали князя, являясь членами старшей дружины, имеющими "дрьзновение" к князю [3].

---

[*] Изборник 1076 года. Изд. подготовили В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина, В.Г.Демьянов, Г.Ф.Нефедов. - М.: Наука, 1965. - С.700-701). (Все сноски даются в тексте с указанием страниц).

Статьи "Изборника" были адресованы читателю-мирянину и ставили своей целью наставить его на "путь спасения" - высоконравственной жизни в миру, "како подобает человеку быти". В связи с этим замечу, что составитель "Изборника" весьма целенаправленно переработал "Слово о подвижничестве, како подобает украшати себя монаху" Василия Великого в статью "Святого Василия, како подобает человеку быти", придав этому слову "общечеловеческий" характер.

При этом большое место в статьях "Изборника" отводилось наставлениям, связанным с правилами поведения в церкви, внушалось уважение к иноческому и священническому чину и чувство страха по отношению к князю. Следует отметить, что, судя по "Житию Феодосия Печерского", написанного Нестором в конце XI в., и "Поучению" Владимира Мономаха - начало XII в., древнерусское общество отнюдь не питало уважения к инокам. Достаточно напомнить, как отнеслась мать Феодосия к намерению сына стать монахом, а также боярин Иоанн. Князь же Изяслав первоначально без всякого почтения принимал у себя Феодосия, предпочитая благочестивой беседе развлечения плясками и играми скоморохов. А возница, который вез Феодосия, прямо говорит игумену о праздной жизни монахов.

К тому же и дружинники отнюдь не питали чувства благоговейного страха перед князем, а рассматривали его в качестве первого среди равных.

В связи с этим цель "Изборника" была определенна: пропагандировать новую христианскую мораль, воспитывать в обществе новые отношения к власти светской и церковной.

В отличие от "Изборника" великого князя Святослава 1073 г. Изборник 1076 г. не имеет ни оглавления, ни нумерации статей. В его тексте выделены киноварью 48 заголовков, что, очевидно, и позволило И.У.Будовницу утверждать, что "Изборник" 1076 г. содержит в своем

составе 48 статей [4].

Однако, на мой взгляд, в "Изборнике" 1076 года всего 12 статей:

1. "Слово некоего калугера о чьтении книг",

2. "Слово некоего отця к сыну своему словеса душеполезная",

3. "Наказание богатым",

4. "Еже убо правоверьну веру имети основания добрыих дел есть...",

5. "Наказание Исухия презвутера иерусалимского",

6. "Премудрость Исусова сына Сирахова" (в этой статье киноварными заголовками выделено 11 разделов),

7. "Иоана Златоустааго слово разумными и польѕьни от прочих его душепольѕьныих учении",

8. "Святаго Василия како подобает человеку быти",

9. "Ксенофонта, иже глагола к сынома своима",

10. "Святыя Феодора",

11. "Афанасиеви ответи противу нанесенныим ему ответом от некых правоверьныих о различьных главизнах",

12. "Събор от мъног отець и апостол и пророк: събрано и протълковано от инех книг: въкратьце сложено" (в данной статье выделено заголовками 24 раздела, где указываются главным образом источники наставлений и их темы).

Круг используемых греческих источников весьма ограничен. В "Изборнике" помещены извлечения из сочинений Нила Синайского, которое фигурирует под названием "Наказание Исихия пресвитера Иерусалимского", "Вопросов и ответов" Афанасия Александрийского и Анастасия Синаита, из библейской книги "Премудрости Иисуса сына Сирахова", слов Иоанна Златоуста: 2-го слова "О молитве", конец 30-й беседы "Слова увещевательного на начало святой четыредесятницы", 13 и 44 бесед "Толкования на св.Матфея евангелиста", из 6-й беседы "О

статуях", 34-й беседы "Толкования на послание к евреям", 86-й беседы на "Евангелие" Иоанна, "Слова о том, что не должно недостойно приступать к божественным тайнам"; бесед Василия Великого "На мученицу Иулитту", "Против упивающихся", "Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху"; из посланий апостола Павла к Ефесянам и I послания к Коринфянам, из житий Ксенофонта, Феодоры Александрийской и Синклитикии [5].

К "Слову некоего калугера", "Слову некоего отця к сыну", "Наказанию богатым", "Стословцу" Геннадия, фигурирующего в "Изборнике" под названием "Еже убо правоверную веру имети основания добрыих дел есть...", греческие параллели отсутствуют.

В жанровом аспекте "Изборник" 1076 года изучался М.Н.Сперанским, который связывал его статьи с жанром гномий или флорилегий, складывавшимся еще в античной литературе, а затем унаследованным и переработанным в христианском духе в литературе византийской [6].

Основу жанрового содержания "Изборника" составляют изречения, подобранные в определенной тематической последовательности, с нарочитым повторением одних и тех же назиданий с целью наставить своих читателей-слушателей на "правый путь спасения".

Важное значение придано "Слову некоего калугера о чьтьнии книг", являющемуся своеобразной увертюрой ко всему "Изборнику", определяющей своеобразную структуру его словесной художественной образности.

Еще А.Х.Востоков высказал предположение, что "Слово некоего калугера" является оригинальным и особенно интересным произведением, "как выражение мыслей новопросвещенного словенина о драгоценной науке книжной, которую он приобрел вместе с христианством" [7].

Безымянный монах - "некий калугер" сразу же подчеркивает в своем слове то "добро", т.е. нравственное благо, которое дает "по-

четанье книжное" "вьсякому хрьстьяну".

Как известно, насаждение на Руси христианства и введение образования - "учения книжного" протекало путем довольно крутых правительственных мер: ниспровергались и уничтожались "идолы" - изображения языческих богов, а трудовое население приводили к "крещению", прибегая порой к огню и мечу ("Путята крестил огнем, а Добрыня мечем"). Необходимо было привить недавнему язычнику уважение к книге, раскрыть ее значение в жизни человека в качестве источника истинной мудрости, наставника на стезю добродетели. Эту цель преследовал летописец, помещая под 1037 годом похвалу книге и книжному учению. Эти же цели преследует и "некий калугер", начиная свое слово с обращения к "братии", имея в виду не только христиан, но и язычников, тем более, что в 70-е гг. XI столетия язычество еще прочно удерживалось на окраинах Руси. Об этом свидетельствует зафиксированное летописью восстание волхвов в Суздальской земле. Примечательно также, что в 1071 г. волхв появился в Киеве и его предсказаниям верили, жившие там "невегласи", т.е. язычники.

Как известно, слово "братия" имело в древнерусском языке несколько значений: сыновья тех же родителей, монахи одной общины или монастыря и более широкое собирательное - "товарищи" [8]. В последнем значении это слово употребляется в "Слове о полку Игореве" и "Молении Даниила Заточника". Подобное словоупотребление дает и "Слово некоего калугера" "Изборника" 1076 г. Опираясь на традиции апостольских посланий, калугер разумел под словом "братия" всех своих читателей-слушателей.

Поскольку чтение книг тогда было еще делом новым, необычным, то калугер сразу же приступает к непосредственным конкретным, "методическим" советам, обращенным к индивидуальному читателю, как надлежит читать книги. "Не тъшти ся бързо иштисти до другыя гла-

визны, нъ поразумей, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единои главизне" (с.152). Итак, книги следует читать медленно, глубоко вникая в смысл прочитанного. Калугер рекомендует читателю трижды обращаться к одной и той же главе. И этот методический совет, быть может, связан с сакрально-символическим значением числа три. Калугер считает, что только при таком чтении "словеса" будут не только произноситься, но они оставят неизгладимый след в сердце читателя и позволят ему уразуметь истину.

В "мысленном" монологе, который произносит калугер от имени вдумчивого читателя, появляется и первый словесный художественный образ: "узда коневи правитель есть и въздържание, правьднику же книгы я" (с.153). Это символическое сравнение наглядно иллюстрировало мысль калугера о значении книги в нравственной жизни человека. "Узда", "уздечка" занимала важное место в повседневной жизни человека того времени как дружинника, так и ратая, как боярина, так и князя. Всем им был близок и понятен данный словесный художественный образ. В летописном сказании об осаде Киева печенегами, помещенном в "Повести временных лет" под 968 годом, отрок бесстрашно идет с уздою сквозь стан, спрашивая по-печенежски, не видел ли кто его коня [9].

Символическое метафорическое сравнение: "узда" - правитель и воздержание коню сопоставляется со значением книги для праведника. Как метафора-символ этот образ использован летописцем в похвале книгам: "си суть узда въздержанью" [10]. Тем самым подчеркивается воспитательная роль книги, удерживающей человека от дурных поступков, обуздывающей его низменные страсти и помыслы. Образ "узда" затем будет использован Иваном Пересветовым в "Сказании о Магметесалтане" для обоснования политической мысли о необходимости единодержавия.

Значение книги в "строительстве" внутреннего мира праведника калегур зримо сопоставляет со строительством корабля: "Не съста-вить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдник бес почитания книжь-нааго" (с.153).

Со строительством кораблей древние славяне, по-видимому, были знакомы еще в глубокой древности. Корабли "безбожной Руси" подхо-дили к стенам Царьграда во главе с Аскольдом и Диром; на конях и кораблях, которых насчитывалось 2000, идет в 907 г. Олег на Царь-град и, одержав победу, "заповеда дань даяти на 2000 кораблю", "корабль Глебов" захватывают посланные Святополком убийцы; на ко-раблях отправляется в поход на Царьград Владимир Ярославич в 1043 г. [11].

Примечательно, что после 1043 г. слово "корабль" в "Повести временных лет" более не употребляется [12].

Метафорический образ - "корабль душевный" встречаем в "Слове о законе и благодати" Илариона [13]. В сравнении калугера "Изборника" 1076 г. метафорический образ "душевного корабля" можно только домы-слить.

Однако в следующем затем сравнении калугер подчеркивает эсте-тическую значимость почитания книжного: "красота воину оружие и ко-раблю ветрила. Тако и правьднику почитание книжьное" (с.154).

Широко известно, какую важную роль играет оружие в народном эпосе и дружинной поэзии, отзвуки которой сохранила нам летопись. Оружием клянутся Олег, а затем Игорь и люди его, заключая мирные договора с греками в 907 945 г.; Святослав с пренебрежением относится к тем богатым дарам, которые посылают ему византийцы, и с радостью принимает посланный в дар ему меч и оружие. Меч, копье и щит укра-шают изображение Дмитрия Солунского на знаменитой мозаике Михайлов-ского Златоверхого монастыря.

Паруса-ветрила составляли не только необходимую часть корабля,

его оснастки, но и украшали его. После одержанной победы над греками Олег говорит: "Ищите паруса паволочиты Руси, а Словеном кропиньныя", и бысть тако" [14].

Таким образом, весь ряд метафорических сравнений, служащий художественным средством раскрытия многогранного значения "почитания книжного", взят калугером из реального мира той действительности, которая его окружала. На первый план выдвигается значение книги в нравственном воспитании человека. С помощью книги человек строит и укрепляет свой духовный мир так же, как корабль составляется при помощи гвоздей. "Почитание книжное" позволяет человеку обрести внутреннюю духовную красоту: книга является духовным оружием человека и тем ветрилом, которое направляет его житейский корабль по бурным волнам моря житейского.

Все эти метафорические сравнения приобретают в "Слове некоего калугера" характер многозначных нравоучительных сентенций, которые искусно вкрапливаются в цитаты из "Псалтири". Последние вносятся с помощью вводного оборота "бо рече" [15]. В связи с этим следует обратить внимание и на присутствие данного вводного оборота в тексте "Слова о полку Игореве": "помняшеть бо, рече, първых времен усобице" [16] и правомерность конъектуры, внесенной в текст Мусин-Пушкинского издания "Слова", где данное место читалось: "Помняшеть бо речь". Этим оборотом автор "Слова о полку Игореве" вводил цитаты из песен своего предшественника Бояна. Цитируя 103 и 162 стихи 118 псалма, калугер подчеркивает ценность учительного книжного слова, которое слаще меда и дороже тысячи злата и серебра. Этот же образ повторяет и "премудрости похвала" (с.424).

"Мысленный" монолог вдумчивого читателя завершается выражением чувства радости по поводу приобретения "многой корысти", т.е. "словес божиих". Эта "корысть" не связывается с земными, матери-

альными ценностями, она выше их. Ценность словес книжных непреходяща, нетленна. Эти нетленные ценности, подчеркивает калугер, снова обращаясь к "братии", постигаются "разумьныма ушима". Здесь перед нами характерное для средневекового миросозерцания удвоение мира, связанное с представлениями о тесной связи земного, телесного начала и начала горнего, небесного, духовного в самом человеке.

Не "телесными", а именно "разумными ушима", подчеркивает калугер, можно постигнуть, уразуметь "силу и поучение святых книг". И снова апелляция к одному слушателю: "послушай ты.., вижь...", переходящая в призыв к "братии" поучаться книжными словесами и творить волю их. При этом калугер указывает на силу положительного примера в поучении. Эти примеры он видит в житиях Василия Великого, Иоанна Златоуста, Кирилла философа, которые "из млада прилежааху святых книг" и "на добыя дела подвигнушася". "Начаток добрым делом - поучение святыих книг", - морализирует калугер. И он призывает братию подвигнуться"на путь жития их и на дела их" (с.157-158).

Выбору правильного жизненного пути посвящено "Слово некоего отця к сыну своему словеса душеполезная". Это типичное дидактическое слово, которое носит предельно обобщенный характер, что подчеркивается уже самим названием. Поучение исходит не от конкретного лица, как, например,"Поучение" Владимира Мономаха, а от "некоего отця" к своему сыну. Оно построено в форме назидательного обращения - увещевания. Отец просит сына приклонить ухо свое и послушать его, приблизить "разумы сердца своего", "простреть сердечный съсуд", "да накаплють ти словеса слажьша меду, могущая оживити и бесъмьртьна явити тя" (с.160). Сладость учительных словес здесь снова подчеркивается уже использованным ранее калугером поэтическим сравнением, взятым из"Псалтири".

Автор "Слова некоего отця" избирает форму монологической речи.

В ней присутствуют размышления-медитации, что придает определенный доверительный тон всей речи "отца" - своеобразной авторской маске. "Отец" размышляет вслух, взвешивает свои слова, думает, с чего начать ему свое "наказание" (наставление): "Нъ от чтоо пьрвое начьну казати тя, сыну мои, что ти пьрьвое явлю, мятежь ли или зълобы света сего, житие ли богоугодьно и спасено" (с.160). Таким образом, сразу же поставлен вопрос о выборе жизненного пути: пути ли "зла" и "мятежа", ведущего к погибели, или пути добра, приводящего к спасению.

Доказательством истинности последнего служит исторический опыт всего человечества: "от Адама праотца нашего до сего нашего "века". Только те люди сохранили о себе память, "иже в кротости пожиша и в добрословьи уста своя учиниша", устремляя "вьсю же свою мысль, вьсе свое хотение в бесъмртьное житие". Отец и призывает "чадо" поразмыслить над житием этих людей, их делами: "възишти, кыимь путьмь идоша и коею стезею текоша" (с.163). Таким образом, самому "чаду", т.е. человеку предоставляется свобода выбора жизненного пути - стези добра или зла.

Отец призывает сына следовать примеру тех людей, которые "прослуша на небеси и на земли", благодаря своим добродетелям, таким нравственным качествам, как "кротость", "съмерение", "благ смысл, покорение и любы и добросьрдие","милостыни же и мир к въсем малым же и великыим" (с.163-164).

Разъясняя каждую из вышеперечисленных добродетелей, отец подчеркивает, что только они ведут к "вечьной жизни", т.е. спасению, а лишить себя"вечьнаго житья" может только сам человек, своей "самохотью" (с.168). Поэтому необходима "вся крепость" и "вся сила", чтобы ввести добродетели "в дом свои телесьныи и душевьныи" (с.165). Автор поучения не противопоставляет телесное начало душевному, а

рассматривает их в неразрывном единстве. Метафора-символ "телесный и душевный дом" ярко выражает идею домостроительства, которая затем получит развернутое воплощение в "Домострое".

В "Изборнике" 1076 г. эта идея последовательно проводится в ряде статей и наиболее ярко выражается афоризмом: "правою верою и добрыими делы зиждеться душьныи дом" (с.488).

"Душевный дом" губят грехи, которых надо бегать, "яко ратьника" (с.168). Это одно из "постоянных" сравнений, которые неоднократно встречаются в учительной литературе. Оно связано с таким бытовым явлением средневековой жизни, как бесконечные войны и набеги, которые опустошали земли, лишали труженика не только продуктов его труда, имущества, но и самой жизни. Характерно, что эту отрицательную оценку ратей, ратников постоянно дают летописи, где "сеча" всегда "зла и ужасна", а ратники приносят много убийства и разорения, творят много зла. "Постоянное" сравнение греха со злом, которое творят ратники, яркое свидетельство осуждения войны, которое зазвучало во весь голос уже в ранний период развития древнерусской письменности.

С метафорой-символом "душевный дом" в "Слове некоего отця к сыну", как и в последующих статьях "Изборника" 1076 г., связаны метафорические образы "умных очей", "умных ушей", которые противопоставляются телесным очам и ушам. "Буди понижен главою, высок же умъмь. Очи имея в земли, умьнеи же в небеси: Уста съмиштена, а сердечьная вьину к богу въпиюшта. Нозе тихо ступаюшти, а умьнеи скоро текушти к вратом небесьныим. Уши уклоняя от зла слышания, умьнымь же вьину прилетая к шюмению святыих словес, яже в святыих кънигах писана суть" (с.165-166).

Развивая философскую идею суеты "века сего", отец наставляет сына в тех добродетелях, которые способны привести его к "жизни

вечной": "Чадо, алчьнаго накърми: ... жадьнааго напои, страньна въведи, больна присети, к тьмьници доиди, виждь беду их и въздъхни" (с.171, подчеркнуто мною - В.К.). Обращает на себя внимание стремление выделить значение этих нравственных качеств человека при помощи глагольных рифм. На первый план выдвигается идея милосердия, человеколюбия, умения сострадать чужой беде, несчастью и горю. Характерно, что перечень этих нравственных добродетелей будет затем постоянно включаться в жанр похвального слова.

Важное значение отводит поучение посещению церкви, как прибежища скорбей и места душевного утешения. "Изборник" внушал своим читателям мысль о значении церкви в жизни ранне-феодального общества как его духовного оплота. Отец разъясняет сыну символическое значение церковного здания и его служителей: "Церковь же разумеваи небо суштее, олтарь же - престол вышьняго, служителя же - аггели божия" (с.172-173). И поскольку церковь является символом неба, то и "стоять" в ней человек должен, "акы на небеси", "яко пред очима самаго бога" "со страхом", а, покинув церковь, не забывать, что там было и что там услышал.

В своем поучении отец подчеркивает особое значение кротости и смирения, как неотъемлемого качества истинного христианина. Он поучает сына в необходимости постоянной скорби о своих грехах и непрестанной памяти о смерти.

Метафора-символ "жизнь - море", получившая широкое распространение в древнерусской литературе, предстает в поучении в развернутом виде. "В вълънах житииских еси, в бури ли морьскеи и беду приемлеши, показаю ти, сыну мои, истиньная пристанища манастыря домы святыиих, к тем прибегаи и утешать тя, поскорби к нимь и обеселишися" (с.177). Итак монастырь предстает в поучении в качестве прибежища от бурь, постоянно подстерегающих человека в житейском

море. Обращает на себя внимание тот факт, что в поучении отсутствует рекомендация, обращенная к сыну, - постричься в монахи, но зато присутствует требование давать "потребное", "что имееши в дому своем" монахам, поскольку, утверждает поучение, все, что дано в монастырь, дано в руки божии.

Особо подчеркивается в "Слове некоего отця к сыну" необходимость молодому человеку обрести себе мудрого наставника в том городе, где он живет, или в его окрестностях. У этого наставника юноша должен перенимать манеру поведения в быту и прилежно внимать его словесам: "Не даждь ни единому словеси его пасти на земли, дражьша бо бисьра суть святая словеса" (с.179). Ценность учительного слова подчеркивается весьма характерным сравнением его стоимостного выражения с "бисером" - жемчугом. Образ "бисера" использован в летописной статье 6453 (955) года, повествующей о крещении княгини Ольги: "си бо от възраста блаженная Ольга искаше мудростью все в свете семь, налезе бисер многоценьных, еже есть Христос" [17]. В несколько иной вариации образ "бисера" дан в похвале Ольге под 6477 (969) г.: "тако и си (Ольга - В.К.) в неверных человецех светяшеся, аки бисер в кале" [18].

Говоря о необходимости почитания праздников, "Слово" предостерегает от пьянства. Цель праздника - напоить жаждущих и накормить голодных. Поучение особо подчеркивает значение добродетели нищелюбия, милостыни в качестве одного из добрых дел истинного христианина.

Человек, подчеркивает "Слово", не является хозяином своего имущества. Оно вручено ему богом на "мало днии" как ключарю. "Добрым блюстителем" благополучия семьи является бог, наставляет отец. "Имение" (имущество) бо света сего реце подобно есть, суда отъидеть вниз и пакы с връху приходить" (с.182). Это сравнение выраста-

ет в целую картину, которая позволяет автору наглядно проиллюстрировать свою мысль о том, что человеку не следует заботиться оставлять имущество сыновьям, внукам и правнукам, ибо река напояет своими водами как верхних, так и нижних, т.е. живущих в верховьях реки и в нижнем ее течении. Ведь оставленное наследникам имение может погибнуть от различных напастей, может быть украдено ворами или разграблено ратниками.

Человек, поучает отец, должен заботиться о своей душе и постоянно творить милостыню, которою "купится царствие божие".

"Съгреи трясушааго ся зимою, в храме ли красьне и высоце възлежиши: въведи скытаюштааго ся по улицам в дом свои" (с.189). Перед нами довольно яркая картина, построенная на социальном контрасте страдающего от зимней стужи бездомного бедняка и возлежащего в красивых высоких палатах богача. Она как бы подготавливает читателя к восприятию следующей статьи "Изборника" "Наказания богатым".

Наставляя своего сына, отец проявляет особую заботу о иереях, "служителях божиих", предписывая сыну превратить дом свой в дом молитвы и покоя иереям, а также с честью принимать в своем доме монахов и приносить им "потребное".

Предостерегает "Слово" от клеветы и осуждения и снова подчеркивает значение смирения, как основного нравственного качества истинного христианина. Только человеку, не стыдящемуся "главы своя поклоняти" мимоидущим, богатство "не сътворит ... пакости". Так органически "Слово некоего отця к сыну" связывается со следующей статьей Изборника "Наказание богатым".

Тот, кто владеет великими благами, должен больше и отдавать. "Отверзаи уши свои в ништете стражаюштим", - взывает к богатым автор Наказания. Богатый должен избегать, отвращаться от льстецов и льстивых слов. Льстивые слова, словно вороны, "искалають бо очи ум-

неи" (с.199). Образ "ворона", как символа зла, врага тесно связан с устно-поэтической традицией [19]. Здесь этот образ позволяет ярко показать, что льстивые слова ослепляют человеческую душу, приводят к нравственной слепоте.

Одна из главных задач "богатого"- творить добро и "запрещать зло". Для этого необходим "другы и съветьникы", которые "не вься глаголамая" богатым хвалят, а стараются отвечать "судъмь правьдьным". Правды нельзя быстро доискаться в судебном споре, поэтому "Наказание" советует в спорах разбираться тщательно и медленно, чтобы "николи же людина обидети".

"Буди своим повиньником страшьн сана ради, а любьзн поданиемь милостыня" (с.201), - наставляет автор "Наказания". В этом наставлении в краткой афористической форме заключена основная мысль, которая получит затем развернутое выражение в знаменитом "Слове" Даниила Заточника.

Добрые дела богатого должны соизмеряться в полном соответствии с его "силой": чем больше "сила", тем более должен он творить добрых дел. Истинный же властелин, - считает автор "Наказания", - только тот, кто "сам собою обладаеть и непепыим похотьм не работаеть" (с.202-203). Он не должен оправдать неправедного, даже если тот его друг, и обидеть невиновного. Человек высокого сана, подчеркивает "Наказание", не должен впадать в грех гордостный и внимать клеветникам.

Следующая статья "Изборника" "Еже правоверьную веру имети.основания добрыих дел есть..." получила в поздних списках название "Стословец" Геннадия, патриарха константинопольского. Его греческий оригинал до сих пор не обнаружен. В этой статье по сути дела развиваются те же мысли, что в "Слове некоего отця к сыну", дополненные изложением основных вопросов христианской догматики, связан-

ными с истолкованием троицы, поклонения кресту и иконам. Изложение этих догматических вопросов связывается в "Стословце" с вопросом сугубо политическим, об отношении к властям придержащим. "Князя бойся вьсею силою своею... Небрежение же о властьх - небрежение о самомь бозе" (с.241). Эти положения затем станут переходить из сборника в сборник, пока окончательно не закрепятся в ХУI веке в "Домострое".

Обращает на себя внимание стремление "Стословца" идти по пути конкретизации и повторения тех наставлений и истин, которые уже излагались в предыдущих статьях.

Например:

"Слово некоего отця к сыну своему":	"Стословец":
"...Колико множьство бысть человек по земли и вьси бес памяти быша, едини же памятьни быша и послушя на небеси и на земли: Иже по заповедьм божиям вься дьни своя пожиша и к единому вышьнему възирааху... (с.161)	Помяни пьрвыя прослувъшая в храбърьстве в богатьстве же и славе и вьси яко без вести отъидоша и беспамятьни быша, худии же и убозии в мире семь о души своеи подвигьшеися, како небеси прославлени и по земли хволими и на помощь призываеми" (с.225-226)

Призывая не стыдиться нищеты, "понеже большая чясть мира сего в ништете есть" (с.210), "Стословец" с большим сочувствием изображает страдания бедняка, "трясуштааго ся зимою", скитающегося по улицам или сидящего в наготе, скорчившись от холода, не могущего даже воды себе принести из-за недуга, лежащего под единым рубищем "дъждевными каплями, яко стрелами пронажаеми", а зимою "клячать над малымь огньцемь съкърчивъши ся, большею же беду очима отъ дыма имуште, руце же токмо съгревающее: плешти же и вьсе тело морозъм из-

мьрзъше" (с.234).

Об этих страданиях убогих, несчастных должен постоянно помнить богатый, седящий "над мьногоразличьною тряпезою", насыщающийся "многосластьнааго пития, лежащего на многомягкой постели" в твердопокровенных просторных палатах, а зимою седящему в теплой "храмине".

На этом же контрасте бедности и богатства почти в тех же самых выражениях построены отдельные эпизоды "Моления" Даниила Заточника.

Социальный контраст бедности и богатства дан в "Стословце" отнюдь не для того, чтобы возбудить социальную ненависть убогих к богачам, а для того, чтобы вызвать сочувствие богатых к горестной участи бедняков и понудить их поделиться с последними от своего богатства. Ведь "по нетьленьному одеянию крьштения вси равны суть и убозии и богатии", - проповедует "Стословец" (с.235).

Обращает на себя внимание отношение "Стословца" к земной славе. "Славы земльныя никоемь же деле не похошти. Слава бо земльная ругаеться любяштим ю. припахнувъши бо въ мало время человеку, яко буря ветрьная, и плод добрыих дел оборонивьши посмееть неразумия его" (с.216). Нетрудно заметить, что это отношение к славе противоположно тому, которое воспитывалось княжеско-дружинной средой. Достаточно вспомнить "Слово о полку Игореве", где куряне - "сведоми кмети", ищут "себе чти, а князю славе", "поют славу Святъславлю" "Немци и Венедици", "Греци и Морава". Святослав упрекает северских князей в том, что они рано начали Половецкую землю "мечи цвелити, а себе славы искати; нъ нечестно одолесте, нечестно бо кровь поганую пролиясте". Славой князьям завершается "Слово о полку Игореве". Однако нетрудно заметить, что в "Слове о полку Игореве" слава земная, которую жаждет Игорь, "ругается" ему, сводит на нет

"плод добрых дел" Святослава - "на ниче ся година обратиша", "смеется над неразумием" северских князей. В связи с этим не следует ли говорить о наличии двойственного отношения к "славе" автора "Слова о полку Игореве", с одной стороны, - чисто светского, присущего дружинно-княжеской среде, а с другой, - христианско-аскетического, которое постепенно вытесняло мирские представления. Не этим ли следует объяснить исчезновение песен славы Бояна, шедших в разрез с церковной идеологией, аскетическими воззрениями и малую популярность среди древнерусских книжников "Слова о полку Игореве".

Ведь аскетическая христианская мораль призывала любить "бесчестие" "аки чашю пелыня", как поучал "Стословец" (с.217), - ибо "грех сладостию вниде, горестию да прожененться" (с.218).

Следует отметить, что "Изборник" в статье "Премудрости Исусова сына Сирахова" резко осуждает "буесть", противопоставляя ее мудрости: "Луче человек съкрывая буесть свою, нежели съкрывая мудрость свою". "Сердце буяго, яко съсуд утъл, вьсякого разума не удрьжит" (с.379,380). Полагаю, что эти изречения из библейской книги позволяют более глубоко понять смысл поведения буй-тура Всеволода на поле брани в "Слове о полку Игореве" и значение выражения в золотом слове Святослава: "ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в буести закалена".

Также следует обратить внимание и на изречение из "Книги Иисуса сына Сирахова" по поводу снов: "Яко же емляи ся за стень и гоняи ветры, тако же емляи веру сьном" (с.385). Оно показывает, что автор "Слова о полку Игореве", помещая вещий сон Святослава, идет наперекор христианской традиции и следует тем представлениям о снах, которые еще сложились в языческой Руси и прочно удерживались во все последующие века.

В качестве основной нравственной добродетели человека "Сто-

словец" прославляет кротость. "Кротько ступание, кротько седение, кротька възор, кротько слово вься си в тебе да будуть от сих бо истиньныи хрестьян явиши ся" (с.214-215 - подчеркнуто мною - В.К.) - таким анафористическим приемом воспевается эта одна из основных христианских добродетелей. А "буесть", как показано выше, гордость осуждается: "Не буди гърд, да не похвалить ся гроб" (с.252-253).

Развивается в "Стословце" и метафорически-символический образ "душевного дома". Для его строительства необходимо ум свой постоянно от суетных мыслей "востягать" (с.245), чтобы вступить на стезю подвига. Подобно тому, как свеча освещает храмину, так и молитвенный разум освещает душу ясным светом. Молитва - душевная пища, - утверждает "Стословец". Ее принимает господь, "аки мати младенца" (с.251) - ср. Даниила Заточника, который в своем обращении к князю говорит: "не зри на мя, аки волк на агнца, но зри на мя, аки матерь на младенца".

Молитвенная доброта, подчеркивает "Стословец" освещает душу, как солнце. "Съкрывает бо тьмныи облак солнечную красоту и светлость, погубить молитвьную красоту помнение гневьное", - наставляет "Стословец" (с.259).

Если молитвенная красота подобна солнцу, освещающему внутренний мир душевного дома, то грехи, в том числе и гнев - враги душевного дома, они "яко облак покрыють" (с.265) душу человека. Появляется весьма яркий художественный образ "тины гневной", в которой может погрязнуть душа.

Эти мысли затем получают развитие в "Наказании Исихия". Оно исполнено призыва не веселиться "цвьтущтими мира сего", поскольку они, словно травный цвет, увядают. Ярем своих грехов человек может облегчить только печалью. Ум же человеческий должен быть ясным, как небо, а язык свой человек должен "связать", ибо часто человек гово-

рит о том, о чем следует молчать. Нельзя угождать своему телу; "толико тъчию дай телу, елико же требуеть, а не елико же похощеть" (с.278).

Ум и язык целят книги и трудолюбие. "Любяи дело бес печали пребываеть" (с.286), а "мати зълым леность" (с.286). Эту же мысль последовательно проводил в своем "Поучении" и Владимир Мономах.

Исихий призывает терпеть скорби: "в скърбех бо доброты цвьтуть,, акы в трьнии цветьцы" (с.290). Злоба же-"бесовский ножь". Характерно, что летописец неоднократно подчеркивает, что княжеские усобицы - результат злобы, и широко использует символический образ "ножа", осуждая их (см., например, "Повесть об ослеплении Василька Теребовльского").

"Наказание Исихия" отмечает, что злые дела - результат козней дьявола, который к ним побуждает человека. Однако, подчеркивает Исихий, если хочешь обессилить врага своего, то умаляй его грехи, и будет он "опешен от крылу, акы птиця играем и смеху будеть тобою" (с.307). Это метафорическое сравнение весьма близко метафорическому образу "Слова о полку Игореве": "уже соколома крильца припешали поганых саблями, а самая опуташа в путины железны".

В приводимой в "Изборнике" "Книге Премудрости Иисусова сына Сирахова", следует обратить внимание на символический образ пахоты, посева, которые связываются с премудростью. Для премудрости человек должен "взорать" свою душу и "засеять" ее добрыми делами, после чего только можно ожидать благих плодов. Однако если человек будет "сеять неправду" "на браздах своих", то он пожнет ее седмирицею.

Широко использована в статьях "Изборника" военная терминология, которая употребляется в переносном аллегорически-символическом значении. Так, например, "оружие" борьбы с дьявольскими соблазнами -

молитва: "яко же и град бестены удобь преят бываеть ратьными, тако же бо и душа не огражена молитвами скоро пленима есть от сотоны" (с.6II).

"Оружие бо наше есть тело, а душа храбър" (с.429).

"Цесарь хотя прияти град противьных отемлеть им воду и скоро прииметь град, тако и правьдьник хотяи победити диявола да приимет пост" (с.6I9).

Поучения "Изборника" призывают человека хранить душу и тело. "Тело бо наше есть акы риза, да аще хранши, то търпит, аще повьржеши, то изниеть" (с.623).

Врагом тела и души является пьянство. "Пианьство бо есть съмыслу раздрушение и пагуба крепости тьля в мало дни даюшти живот, а в бързе даюшти съмьрть" (с.684). Пьянство - "мрак и тьма души".

В статьях "Изборника" настойчиво и последовательно повторяются в различных вариациях одни и те же мысли. Этот прием систематического повторения будет затем обоснован в сборнике "Измарагд": "Воды бо часто капающия и камень долбит, тако и книгы чтомы наведут на истинный путь и разрешат греховные союзы" [20].

Преднамеренное повторение служило одной цели - внушить новопросвещенным людям "вечные истины" христианской морали. Этой цели служила форма поучений, собранных "от мьног отець и апостол и пророк, и от инех книг". Эти статьи представляют собою собрание назидательных сентенций, гномий, данных подчас в образной афористичной, ритмически организованной форме [2I]. Дидактическая функция статей "Изборника" подчеркивается преобладанием императивных форм глагола, которые, как правило, начинают фразу. Например: "Утоли гнев... Пии мед помалу... Уклоняися многа смеха... Търпи скорби... Не посмеися чюжему падению" и т.п., или "Не буди скор языком... Не буди, яко

лев в дому своем. Не ходи... Не жьди... и т.п.

Все статьи "Изборника" подчинены единой дидактической задаче: вооружить читателя системой правил и норм поведения, определить круг обязанностей древнерусского человека как богатого, так и бедного по отношению к власти князя и небесного царя, а самое главное — раскрыть основные принципы душевного "домостроительства", выдвигая в качестве высшей красоты души кротость и смирение, "покаяние, слезы и милостыню". Эти принципы и будут в дальнейшем использованы Владимиром Мономахом в его знаменитом "Поучении".

По-видимому, "Изборник" 1076 г. был широко известен в среде культурных людей XI-XII вв. и его идеи, как и поэтическая образность получили отражение и своеобразное преломление в летописании, агиографии, поучениях и даже в "Слове о полку Игореве". "Изборник" 1076 г. послужил основой для развития на Руси четьих дидактических сборников, таких, как "Измарагд", "Златая чепь".

П Р И М Е Ч А Н И Я

1. Буслаев Ф.И. Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. - М., 1861. - С.299.
2. Изборник 1076 года / Изд. подг. В.С.Голышенко, В.Ф.Дубровина, В.Г.Демьянов, Г.Ф.Нефедов. - М.: Наука, 1965. - С.7-29. (Все дальнейшие сноски в тексте по настоящему изданию с указанием страницы).
3. Идейное содержание статей "Изборника" рассмотрено И.У.Будовницем в статье "Изборник" 1076 года и "Поучение" Владимира Мономаха и их место в истории русской общественной мысли // Труды отдела древнерусской литературы (в дальнейшем ТОДРЛ). Т.Х. - М.; Л., 1954. - С.44-75. На классовую направленность "Изборника" 1076 г. впервые обратила внимание В.П.Адрианова-Перетц. См.: История русской литературы. Т.I. - М.; Л.: Изд. АН СССР, 1941. Гл.VII. Сборники морально-философских изречений.
4. См.: Будовниц И.У. Указ.ст. - С.53.
5. См.: Изборник 1076 г. - С.706-732.
6. Сперанский М.Н. Переводные сборники изречений в славянорусской письменности: Исследования и тексты. - М., 1904. - С.479-480.
7. Пенинский И. Славянская хрестоматия... - СПб., 1828. - С.252. Это мнение разделяет Никольский Н. См. его: Материалы для повременного списка русских писателей (X-XI вв.) - СПб., 1906. - С.202-203.
8. См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.I. - СПб., 1893. - Стлб.169-170; Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып.I. - М., 1975. - С.322-323.

9. Полн.собр. русских летописей (в дальнейшем ПСРЛ). Т.I. - М., 1962. - Стлб.65-66.

10. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.152.

11. Там же. - Стлб.21, 29-30, 136, 154.

12. См.: Творогов О.В. Лексический состав Повести временных лет. - Киев, 1984. - С.71.

13. Молдован А.М. Слово о законе и благодати Илариона. - Киев, 1984. - С.100.

14. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.32.

15. Розов Н.Н. Как "сделана" вступительная статья "Изборника 1076 года" (к 900-летию памятника). // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. - М.: Наука, 1976. - С.42.

16. Памятники литературы древней Руси. XII век. - М., 1980. - С.372.

17. ПСРЛ. Т.I. - Стлб.62.

18. Там же. - Стлб.68.

19. Адрианова-Перетц В.П. Очерки поэтического стиля древней Руси. - М.;Л., 1947. - С.86.

20. Яковлев В.А. К литературной истории древнерусских сборников. Опыт исследования "Измарагда". - Одесса, 1893. - С.205.

21. См.: Сазонова Л.И. Ритмико-синтаксические элементы в "Изборнике 1076 года". // Культурное наследие древней Руси. Истоки, становление, традиции. - М., 1976. - С.38-42.

Л.И.Щеголева

СЛАВЯНСКИЙ ПЕРЕВОД И ВИЗАНТИЙСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТЕКСТ

Становление древнерусской литературы сопровождалось интенсивным освоением древней Русью византийского культурного наследия. Это были произведения всех существовавших тогда жанров письменности - вместе с преобладающей церковно-богослужебной литературой на Русь пришли произведения исторические и повествовательные. Среди первых произведений, пришедших на Русь, была и "Хроника" Георгия Амартола - одно из весьма популярных византийских сочинений IX-XI вв., принадлежащее к жанру так называемых всемирных хроник с очевидной христианской направленностью [1]. Занимательность сюжетов, простота изложения и христианская идея обеспечили интерес к ней в славянском и, в частности, в древнерусском мире [2].

Этот памятник создан в одном из Константинопольских монастырей монахом Георгием, называвшим себя уничижительно Амартолом (ἁμαρτωλός - 'грешник') не позднее 863 г. Славянорусский перевод

---

[1] См., например: Подобедова О.И. Отражение византийских иллюстрированных хроник в Тверском (Троицком) списке "Хроники" Георгия Амартола // Actes de XIY[e] Congrès International des Études Byzantines. Editura Academiei Republicii socialiste România. 1974. S. 377.

[2] Специалисты в области византийского и древнерусского искусства указывают также и на привлекательность "Хроники" Амартола как иллюстрированного сочинения, см., например: Вздорнов Г.И. Иллюстрации к "Хронике" Георгия Амартола // Византийский временник. 1969. Т.XXX. - С.210.

был сделан, как считает большинство исследователей, в XI в. в Киеве. Самый ранний из дошедших до нас списков перевода - конца XIII или начала XIV в. Влияние этого перевода на дальнейшее развитие древнерусской художественной и исторической литературы огромно. Как известно, его следы обнаруживаются в "Повести временных лет", он положен в основу "Еллинского летописца", "Хронологических Палей" (Полной и Краткой), использован дословно в "Александрии". Отдельные извлечения из "Хроники" Георгия Амартола встречаются во многих произведениях ранней русской литературы. Так, например, можно обнаружить прямое заимствование из нее в "Повести о Царьграде" XV в. (описание построек Константина Великого).

"Хроника" Георгия Амартола служит постоянным предметом изучения для лингвистов, литературоведов, историков, искусствоведов. Начало всестороннего лингвистического изучения "Хроники" положил академик В.М.Истрин, осуществивший ее критическое издание [3]. Нас же заинтересовал художественно-переводческий аспект "Хроники". Вся смысловая ткань славянского перевода "Хроники" Амартола (по древнейшему, Троицкому списку и с учетом разночтений) была систематически сопоставлена нами со смысловой тканью параллельного греческого текста, а именно "Коаленева кодекса" [4] X в., который считается наиболее близким к протооригиналу славянорусского перевода [5]. Сверка славянского перевода на смысловую и образную адекватность оригиналу

---

[3] Истрин В.М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: "Хроника" Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. - Пг., 1922. Т.I; 1923. Т.II; - Л., 1930. Т.III.

[4] Georgii Monachi Chronicon / ed. C. de Boor. Leipzig, 19..

[5] Истрин В.М. Указ.соч. Т.II. - С.128.

позволила выявить значительный слой случаев неадекватного перевода, то есть случаев, когда переводной эквивалент греческого слова не является его смысловым эквивалентом и даже не пересекается с ним по смыслу. Дальнейшее изучение памятника показало, что, во-первых, каждая такая, на первый взгляд, очевидная ошибка или вольность перевода почти всегда семантически уместна, по крайней мере, в пределах малого контекста; во-вторых, эти ошибки внесли свою особую образность, сквозь которую отчетливо проглядывают склонности и пристрастия автора перевода, его лингвистические и общие знания. Выявляются небезынтересные штрихи к портрету древнерусского книжника-переводчика (или переводчиков - этот вопрос мы пока оставляем в стороне), работавшего в специфической языковой и культурной ситуации [6].

Обнаруживаются внешние и внутренние причины ошибок, или, точнее, смысловых подмен. Внешняя причина - всегда лингвистическая: смешение форм. Истинное обоснование - как правило, психологическое: перевешивает более сильная ассоциация. Возьмем простой случай, когда вывод напрашивается сам собой: судя по характеру ошибок, наш переводчик не знал "Священного писания" наизусть, оно не было, так сказать, у него на языке. "Святилища в земле Иуды" ("2 Паралипоменон" 19: 3) в переводе заменены на "соль ωт(ъ) землѦ июдовы" (И 154) [7]. Оправдание переводчику - сходство слов τὰ ἄλση 'священные рощи' и ὁ ἅλς (вин.п. ἅλσα) 'соль'. Однако интересно то, что не распознано редкое, устаревшее слово, не угадано общее место из "Священного писания". При всем том фраза получилась и осмысленная, и художественно эффек-

---

[6] См. Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI-XVII в.в.). С.11-37. München. Verlag Otto Sagner. 1987.

[7] Номер страницы перевода дается по изданию: Истрин В.М. Указ. соч. Т.I. Ссылка к греческому тексту обозначается буквой Б.

тная. Библейское "Пути Сиона скорбящие" ("Плач Иеремии" 1: 4) переведено как "Песни Сиона скорбящие" (И 176) - по смешению сходно звучащих слов ὁδοί 'пути' и ᾠδαί 'песни'.

Поскольку в незнании "Плачей Иеремии" упрекает переводчика и В.М.Истрин [8], присмотримся внимательнее к этой последней ошибке. Переводчик Амартола не путает, как правило, близких слов просто так, это всегда сознательная работа, приводящая к осмысленному тексту в малом контексте. Фраза о путях Сиона находится в составе цитаты из "Речи о мире" Григория Назианзина. В этом месте Григорий Назианзин приводит три фразы из "Плачей Иеремии" в порядке, логику которого можно объяснить лишь намерением вызвать слезы набором жалостных слов: сыны Сиона драгоценные ("Плач" 4, стих 2), пути Сиона скорбящие ("Плач" 1, стих 2), руки женщин милосердных ("Плач" 4, стих 10). При этом окончание первой и третьей цитаты вольное, так что узнать цитату можно было только по зачину. Поскольку цитата не была опознана, а все извлечение из "Речи о мире" перенасыщено лексикой слез и плача, то следует признать, что "(скорбные) песни" тут куда более уместны, чем персонифицированные "пути". Возьмем на себя смелость сказать, что наш переводчик сделал этот фрагмент "Речи о мире" более цельным, упростив образ путей, плачущих от того, что по ним не идут веселые люди, до песен, скорбных из-за отсутствия веселых людей.

Перевод многозначных слов с неравноценными по употребительности значениями (наряду с другими фактами) свидетельствует о том, что переводчик хорошо владел живым разговорным греческим языком своего времени, и обнаруживает пробелы в знании литературного языка. Это заключение, подтверждаемое массовым материалом этого памятника, мы

---

8 Истрин В.М. Указ.соч. Т.П. С.157.

проиллюстрируем здесь одним примером.

В одном назидании в греческом тексте говорится: "Склоняющиеся ко злу и губящие свою жизнь, предпочитая добродетели несправедливость, - опасные убийцы и преступники" (Б 156). В славянском переводе вместо "убийцы" находим собирательное господиѥ (И 119), отчего все назидание теряет свой смысл. Причина ошибки - необычность истории и непредсказуемость разветвления смыслов слова ὁ αὐθέντης. Исходное значение: 'тот, кто сам отвечает за что-либо', преимущественно 'тот, кто сам отвечает за убийство'. Затем развилось значение 'тот, кто является причиной', наконец значение 'хозяин, господин' [9] (во время турецкого ига от этого греческого слова произошло турецкое эфенди 'господин'). В классическом языке есть оба значения, и 'убийца', и 'господин', они встречаются даже у одного и того же автора - Еврипида. В "Андромахе" Пелей считает Менелая виновным в смерти Ахилла, поэтому Менелай - убийца Ахилла: αὐθέντης Ἀχιλλέως (стих 614). В "Просительницах" народ назван господином своей земли: δῆμος αὐθέντης χθονός (стих 442). Начиная с "Нового завета" отмечен производный глагол αὐθεντεῖν 'властвовать': "а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии" ("1 Послание к Тимофею" 1: 12). Интересно, что значение 'убийца' и даже 'самоубийца' есть в словаре византийского филолога X в. Свиды [10], однако в словаре церковной литературы Лампе [11] его нет (впрочем, в нем этого существительного вообще нет). Славянский перевод этого слова неуместным по контексту современным переводчику зна-

---

9 Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris, 1968. T. 1. P. 138.

10 Suidae Lexicon Graece et Latine. Halle, 1852. Col. 855-857.

11 Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1952. P. 262.

чением является своего рода индикатором того, что значение 'убийца' действительно было редким ко времени перевода "Хроники".

Переводчик "Хроники" нередко ошибался в угадывании исходной формы (и тем самым в переводе) трудных для восприятия чисто книжных форм глагола, вызывавших затруднения и у греческих книжников позднего средневековья. В большинстве случаев он блестяще справлялся с этими формами, но нельзя было бы ожидать от него полного отсутствия ошибок. Ошибки в понимании, в частности, причастных форм - дань естественной запутанности морфологии древнегреческого глагола. Вот пример неправильно понятой причастной формы, переведенной, однако, так, что получилась новая картина: "И покладахоу волоу брашна въ юслехъ многа, хвалѧще ба̃ своѥго" (И 64). Словом "хвалѧще" здесь переведено греч. εὐωχοῦντες 'угощая' (от εὐωχέω 'угощать'), которое, скорее всего, было принято за причастие от εὔχομαι 'хвалить'. Не следует думать, что переводчик не знал глагола εὐωχέω, но он мог не знать его производных и остановился на семантике похвалы в силу ожидания, заданного контекстом (речь в этом месте идет о более высоких материях, чем еда: о поклонении животным как богам).

Чтобы дать целостное представление о манере переводческой работы славянского переводчика, рассмотрим одну характерную художественную миниатюру - "Послание 45. К падшему монаху" Василия Великого, выдающегося христианского писателя второй половины IУ в. В "Хронику" включена основная часть этого послания [12]. Она включена в рассуждение на тему "Спасается тот, кто претерпит до конца" ("Евангелие от Матфея" 10: 22) и дает пример человека, весьма преданного богу, но в конце оступившегося. В "Хронике" не приводится начало письма - опи-

---

12 S. Basilii Magni. Epistola XLY // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. 32. Col. 365-370.

сание противоречивых чувств Василия по отношению к своему бывшему приятелю: он и обвиняет его, и сочувствует ему. Он на распутье - так начинается цитата. Далее содержание членится на три части: три жизни (богач - монах - падший монах) - два поворота в судьбе и соответствующая смена чувств автора. При воспоминании о суетной жизни своего адресата в миру Василий содрогается. Описывается картина этой жизни, причем общественные беды, толкнувшие богатого человека на уход в монахи, в цитате опущены. Отказ от мирской жизни вызвал у Василия чувство восхищения вплоть до признания монаха блаженным. Дается картина монашеского подвижничества бывшего богача. Об этом рассказывается в письме подробно и предметно, крупным планом дается вид аскета. Далее молва о падении монаха ранит автора. Он горько сетует и укоряет монаха в том, что тот опозорил всех христиан, "нас", выставив в смешном виде перед язычниками. Укоризна завершается применением к падшему монаху библейской притчи: бывший великий праведник идет на грех, "как олень - на выстрел, пока стрела не пронзит его печень" ("Притчи Соломона" 7: 23). Так кончается цитата. Георгий Амартол, которому надо было показать, как нехорошо отступать от праведной жизни, не приводит конца письма, где Василий призывает падшего монаха вернуться к богу и надеется на его исцеление.

Рассмотрим теперь отступления перевода от оригинала.

Цитата начинается риторическим вопросом: "Увы, что мне сказать и что подумать, оказавшись на распутье (ἐν τριόδῳ ἀπειλημμένος)?" Сложное слово τρίοδος с предлогом переводится предложным описательным выражением "въ .г҃. поути" (И 150). Перевод буквальный и, как таковой, совершенно точный. Маленькая оплошность - неверная передача значения предлога - повлекла за собой необходимость заменить образ, лежащий в основе этого выражения: в греч. это пребывание на распутье ("трипутье"), в славянском - разрывание между тремя дорога-

ми. Внешний толчок к такой подмене был: это похожесть однокоренных слов ἀπειλημμένος 'захваченный, застигнутый' и διειλημμένος 'разделенный'. Итак, следуя принципу буквальности, переводчик далее оказался связанным буквальным значением и сделал ошибку в переводе глагольной формы, но выбранная глагольная форма, не соответствуя греческой, семантически согласуется с дополнением "въ ·г҃· поути раздѣлен". Вместо нейтрального "оказаться на распутье" появилось страстное "терзаться сомнениями".

Василий напоминает своему адресату о давних временах, когда того "окружали богатство и ползающая по земле презренная слава": περιέρρει ὁ πλοῦτος καὶ χαμερπὲς δοξάριον . Передать смысл этой фразы кратко и в то же время точно невозможно и сейчас. В славянском тексте ее смысл обеднен и драматизирован: "... раздьра б(ог)атьство и земнаꙗ слава". В славянском не оказалось производного от "слава" (и наш переводчик не придумал его) с уничижительным оттенком для передачи имени среднего рода τὸ δοξάριον . Этот оттенок в славянском переводе потерян. Сложное прилагательное χαμερπής которое можно передать только описательно 'ползающий по земле, пресмыкающийся', переведено буквально по первому корню и обедненно, с утратой оттенка 'пресмыкающийся'. Имперфект περιέρρει 'окружали' заменен на 'раздира(ли)'. Почему? Глаголы περιρρέω 'окружать' и περιρρήγνυμι 'раздирать' похожи, особенно похожи их аористы: περιέρρευσα и περιέρρηξα соответственно. Таковы ли были лингвистические ассоциации переводчика или нет - его решение нельзя считать случайным: он мыслил уже драматически. Итак, в греческом человека "окружали богатство и слава", в славянском "раздирали богатство и слава".

Вне словарного запаса переводчика оказалось слово ὁ κόλαξ 'льстец'. В цитате из Василия оно передано через слоуга - это осмыс-

ленный свободный перевод первого члена фигуры противопоставлени : для подчеркивания контраста с монашеской жизнью у Василия используются "льстецы и роскошь", у переводчика – "слуги и роскошь", что, по-видимому, соответствует его представлению об идеале мирской жизни. Это слово встретилось в "Хронике" пять раз, и все переводы весьма показательны.

В рассказе о Сарданапале греческому "льстецы, подражавшие его чревоугодию, обжорству и разнузданности" (Б 43) соответствует в переводе любодѣици же и подобници и т.д. (И 35). Это свободный перевод возник по впечатлению от поведения приближенных царя: те, кто предаются чревоугодию, обжорству и разнузданности (а от себя переводчик еще добавил: пьянству), – конечно же распутники. Так вольности перевода приоткрывают перед нами ход мысли переводчика и даже в какой-то степени мир его представлений.

Остальные три употребления – в цитате из "Церковной истории" Сократа – находятся практически в одном месте, в логически запутанном периоде. В ряду таких понятий, как гордец и неблагородный человек, 'льстец' переведено словом "моукарь" (И 393); ряд 'притворщик, льстец, наглец' (Б 596) переводится как "моучитель и досадитель" (И 394) с пропуском перевода для 'притворщик'. Здесь переводчику изменила его находчивость; он пошел по пути ложного этимологизирования: κόλαξ он связал по созвучию с глаголом κολάζω 'карать, наказывать'.

Обратим внимание на второе понятие, символизирующее у Василия верх мирского довольства и осуждаемое им: τρυφῆς ἀπόλαυσις πρόσκαιρος. Итак, богатого в миру окружало, кроме льстецов, "кратковременное наслаждение удовольствием", в чем легко видеть реминисценцию евангельского понятия πρόσκαιρον ἔχειν ἁμαρτίας ἀπόλαυσιν "преходящее наслаждение от греха" ("Послание к Евреям"

11: 25). В славянском переводе "Хроники" это "пища временьныѭ сладости" (И 150). Фраза несколько переосмыслена сравнительно с оригиналом, основой словосочетания стало слово 'пища' (из τρυφῆς род.п.). Оба слова лексики "наслаждения", "пища" и "сладость", устроены просто: название предмета перенесено на чувство, вызываемое предметом. Лексика "желудка" стала лексикой духовных (и не духовных) радостей. Оба эти слова переводчик взял из запаса литературного языка своего времени, они отмечены и в других ранних произведениях (см. словарь Срезневского). Употреблению слова "пища" не мешало даже то, что оно является плодом смешения греческих τρυφή и τροφή, на что указывает и словарь Срезневского. Можно думать, что это было не механическое смешение двух внешне похожих слов, а воздействие той семантической модели, которая позволяла первым книжникам видеть в словах "пища" и "сладость" значение 'наслаждение': ведь отношение между семантикой слов τροφή и τρυφή такое же, как и между семантикой слов "сладость" и "наслаждение". Оба примитивных слова не выдержали в истории литературного языка конкуренции с более совершенным "наслаждение".

Василий Великий восхваляет нравственный подвиг того, кто решается на уход из мирской жизни, отказывается от имущества и навсегда оставляет συνοίκου ὁμιλίαν, в славянском переводе - "подроужнаꙗ бесѣды ѡ(т)мьтаѭсѧ". Перевод "Послания 45", выполненный в новое время [13], более точен: Василий говорит здесь не об отвлеченной "беседе", а конкретно о супружеских отношениях. Основным значением существительного ἡ ὁμιλία во времена Василия и позже, во времена Георгия Амартола, особенно в церковной литературе было, ко-

---

[13] Творения Василия Великого в русском переводе, выполненном Московской духовной академией. - СПб., 1911. Т.3. С.66-67.

нечно же, 'беседа'. Можно предположить, что Василий намеренно употребил это слово здесь в его редком, устаревшем значении, отказавшись от прямого выражения этого значения, чтобы не оскорбить слух своей паствы. Этой тонкости в широко распространенном слове не понимали, может быть, и грекоговорящие современники Василия, не говоря уже о IX в. Не удивительно, что наш переводчик увидел в слове ἡ ὁμιλία его обычное значение.

После того как герой послания Василия отказался от всего мирского, он, "весь мьтьрси" ушел в Иерусалим. Слово "метарси" принадлежит к арсеналу заимствованной лексики той ранней эпохи становления языка нашей письменности, когда переводилась "Хроника" Амартола. Оно встречается в "Путятиной Минее", что отмечено в словаре Срезневского [14]. В XII в. слово "метарси" уже ушло из языка, будучи заменено славянским эквивалентом "възвышенный": в "Минее" XII в., например, вместо "метарси" находим "превысок" и "превъзвышенъ" (оба слова есть в словаре Срезневского). Интересно, что лексемы, связанные с "возвышением", есть в "Хронике", но употреблен он пока что только в своем конкретно-предметном значении [15].

По-видимому, переводчик, как и другие книжные люди его времени, хорошо различал переносное и конкретное значения греч. μετάρσιος. Там, где прилагательное μετάρσιος употреблено в конкретном значении: ἵπτατο μετάρσιος εἰς τὸν ἀέρα 'летал поднятый на воздух' (Б 374, эпизод о полете мага Симона из "Апостольских постановлений" VI, 9), переводчик дал его славянский эквивалент - "летѧше носимь на аѥрѣ" (И 259). Перевод выполнен в обычной манере: конк-

[14] Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. - СПб., 1895. Т.II. Стб. 129.

[15] Истрин В.М. Указ.соч. Т.III. - С.218.

кретно-предметно и с потерей семантики подъема, воздушности. Впрочем, "носимь" как будто точнее соответствует ситуации: в конце концов Симон не поднимался, а летел сверху вниз...

Художественное чутье переводчика обнаружилось в передаче греч. προσφιλοσοφεῖν – редкого приставочного образования, для которого словарь Лампе дает в качестве источников только Василия Великого, Григория Нисского и Григория Назианзина [16] – авторов, в силу родства и взаимной дружбы имевших и сильно пересекающийся словарный запас. В "Хронике" Амартола этот глагол употреблен два раза: в "Послании 45" Василия Великого и в цитате из церковного писателя, ученика Иоанна Златоуста Нила, рассказывающего библейскую историю о пребывании Моисея на Синайской горе ("Исход", главы 19-34). В обоих случаях глагол προσφιλοσοφεῖν имеет значение словесно-умственного действия, обращенного к богу. Интересно, что у самого Нила этого глагола нет, у него в этом месте ὁ Μωϋσῆς ... προσομιλῶν τῷ θεῷ [17] 'Моисей беседовал с богом'. Широко распространенный глагол προσομιλέω – 'разговаривать, беседовать с кем-либо', обозначающий в том числе и беседы с богом [18], Георгий Амартол заменил на синонимичное, но редкое слово προσφιλοσοφεῖν (Б 121), которое переведено в славянском как бесприставочное φιλοσοφεῖν , а направленность действия передана в предложном дополнении: "премоудроуꙗ съ б(ого)мь" (И 98) – Моисей ведет беседы с богом почти наравне с ним. Смиренный монах Василия Великого находится в иных отно-

---

16 Lampe. P. 1184.

17 S. Nilus Hyperecius. Liber de monastica exercitatione, cp. 14 // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus, series Graeca. T. 79. P. 736.

18 Lampe. P. 1180.

шениях с богом - в славянском переводе он "къ б(ог)оу ѡбѣты творѧше" (И 150), что можно назвать свободным переводом в хорошем смысле этого слова.

Для характеристики втянутого живота аскета Василий использует изощренное сравнение с действием медицинской банки: ἔνδοθεν δὲ τὰς λαπάρας σικύας δίκην ὑφελκύσας τοῖς νεφριτικοῖς χωρίοις ἐβιάζου προσκολλᾶσθαι (Б 208) - дословно: "Изнутри втянув живот наподобие банки, ты вынудил (его) прилепиться к тем местам, где почки". Семантика наречия ἔνδοθεν и глагола ὑφελκύω создает образ втягивания, как бы всасывания живота внутрь до такой степени, что живот "прилип к области почек". Сравнение с медицинской банкой, которая действует по принципу всасывания, вполне подсказывается этой картиной. Медицинская банка была известна в средиземноморской врачебной практике со времен античности; в то время она имела форму тыквы и унаследовала имя этой последней (ἡ σικύα)[19]. В славянском переводе сравнение такое: "ꙗко прьстеньныи ѡбразъ". Остается загадочным, каким путем переводчик пришел к семантике перстня. Впрочем, с этим местом "Послания" не вполне справился и переводчик начала XX в., ограничившийся сравнением живота с тыквой: "... желудок, сжавшийся наподобие тыквы, заставил прильнуть к почкам".

Интересен перевод еще одного рельефного сравнения, характеризующего усердного постника: у него "грудная клетка нависла над областью пупка как выступ (ἡ ἐξοχή) кровли". При переводе этого сравнения сработал принцип ложной этимологии; не поняв слова ἡ ἐξοχή , переводчик связал его с хорошо знакомым ему глаголом ἐξ-εύχομαι 'горячо молить', "вымаливать", прочел ἐξοχή как

---

19 Liddel H.G. and Scott R. A Greek - English Lexicon. A New Edition. Oxford, 1925-1940. Vol. II. P. 1598.

несуществующее *ἐξευχή (ср. бесприставочное εὐχή 'молитва') и даже построил от него лженеологизм: существительное на -ище измолиште, то есть нечто 'вымоляющее'. Фраза выглядит так: "Ребрьныꙗ страны ꙗко ньꙗкотораго покрова измолиште поупноую страноу ѡсѣнꙗше". Совсем не исключено, что и этот ошибочный перевод был осмыслен переводчиком как художественный образ, в котором играл признак мольбы.

Василий далее печально замечает, что все эти жертвы самоистязания были принесены напрасно: "Где у меня теперь рассказы о твоих подвигах? Уходят" (ποῦ μοι τὰ διηγήματα τῶν σῶν πόνων; οἴχεται). Лаконичный каданс это риторической фигуры не был понят нашим переводчиком. Глагольная форма οἴχεται 'уходят' была принята за образованную от ἠχέω 'звенеть'. Получилось изящно и тонко: "Кде ми соуть г(лаго)ли твоихъ троудъ? Звьнꙗть" (И 151).

Василий упрекает монаха в том, что тот нарушил заповедь целомудрия. Василию особенно обидно, что из-за его неправедного поведения все христиане оказываются чем-то вроде развлечения для нехристиан: "Мы стали для пленников (αἰχμαλώτων) трагедией (τραγῳδία); иудеям и эллинам наши (трудности) служат сценическим представлением (δραματουργεῖται)". "Пленники" здесь - это метафора для язычников, некрещеных, см., например, в словаре Лампе пример из Кирилла Иерусалимского: "Крещение - искупление пленников"[20], см. также евангельское "пленники греха" ("пленники закона греховного" - "Послание к Римлянам" 7: 23). В христианско-церковной литературе можно было употребить просто "пленники" без опасения быть непонятым.

Георгий, ἁμαρτωλός, не понял смысла этого выражения и это место "Послания" он передал в своей "Хронике" как антитезу "своих" и "чужих", по-разному воспринимающих случившееся: "Мы стали для вра-

---

20 Lampe. P. 55.

гов трагедией (τραγῳδία им.п.), а для друзей - скорбной песней (θρηνῳδία им.п.)". В получившейся антитезе не совсем понятно, как τραγῳδία противопоставлена θρηνῳδία. Славянский переводчик тоже, по-видимому, не понял этого, он перестроил и упростил картину далее, но зато сделал ее семантически прозрачной, лаконичной и сильной - "быхомъ врагомъ пѣниѥ, другомъ рыданиѥ" (И 151).

Есть и другие, более мелкие неточности в переводе этой цитаты, о которых мы здесь не говорим, поскольку они, будучи очень важными для изучения истории обоих языков, не оказывают, на наш взгляд, значительного влияния на общее впечатление от произведения.

Приведенным разбором мы старались показать следующее.

1. Перевод "Послания 45" Василия Великого, этого наугад взятого из "Хроники" цельного ее фрагмента, который, на первый взгляд, пестрит неточностями и ошибками перевода, - по критериям буквального перевода можно оценить достаточно высоко: он дает осмысленный текст в пределах малого контекста.

2. Явные неудачи переводчика, которых очень мало, - это ценный материал для изучения обстановки перевода, уровня знаний книжных людей на Руси в XI в. Было бы методологической ошибкой считать неудачи перевода признаком необразованности переводчика. Образованность - понятие историческое: наш переводчик был весьма образован в рамках той литературы, которая ему была доступна. Узнать, например, про медицинскую банку ему было просто неоткуда.

3. Смысловые замены перевода контекстно уместны и художественно оправданы. Крайне страстное и многословное сетование Василия в славянском переводе, можно сказать, еще усилено: немногие нейтральные точки рассказа заменены их драматизированными вариантами. Простая констатация "нахожусь в противоречиях" в начале цитаты заменена на резкое "разрываюсь от противоречий", в полном соответствии со

стилем опущенного Георгием начала письма, как будто переводчик знал его. В картине богатства и славы в переводе подчеркнут их губительный характер: богатство и слава раздирали богатого. Картина с льстецом и наслаждениями заменена более конкретной, но не менее греховной. Славянское "враги ликуют, друзья плачут" не более стандартно, чем понимание мысли Василия создателем "Хроники", для которого и греческий язык родной, и литература доступна.

4. О том, что древние переводные памятники русской письменности имеют много ошибок, темных и невразумительных мест, известно со времен И.В.Ягича. О "Хронике" Амартола это известно из фундаментального исследования акад. В.М.Истрина. Применяя метод сплошной сверки греческой и славянской смысловой ткани, удается расшифровать ряд таких темных мест и доказать, что в переводе была своя логика. Возникает вопрос: не свидетельствуют ли "непонятные места" древних памятников об отсутствии у нас инструментов для их понимания? Не является ли, например, "перстенный образ" непонятным только для нас, не сумевших найти в не прочитанных еще произведениях нашей древности подобных употреблений?

Я.Н.Щапов

"МИР СТОИТ ДО РАТИ, А РАТЬ ДО МИРА"

Среди политических идей в древнерусском летописании идеи мира не менее интересны, чем идеи власти или идеи родины, Русской земли, но исследователи обращали на них внимание меньше. Темой настоящей заметки является загадочная летописная формула, связанная с войной и миром: "Мир стоит до рати, а рать до мира". Она дважды приводится в сообщениях "Ипатьевской летописи" под 1148 и 1151 гг. В условиях феодальных столкновений и княжеского соперничества на Руси середины XII в. эта формула лаконично выражала, вероятно, общий принцип: мир продолжается до тех пор, пока не вспыхнет война, война же идет до того времени, как будет заключен мир. В первом случае, в 1148 г., указывается, что этот принцип существовал еще до наших дедов и при наших отцах: "То есть было преже дед наших и при отцих наших: мир стоить до рати, а рать до мира" [1]. Здесь говорится, следовательно, что это древний, освященный временем, вероятно еще раннегосударственный или догосударственный принцип.

Что, какая политическая идея стоит за этой формулой? Прежде всего, вероятно, это понимание спонтанности, нерегулированности традиционного перехода от мирного состояния к войне и наоборот. В условиях средневековья, до возникновения централизованных государств, сильной королевской власти, реальной возможности гарантировать сохранение мира в течение какого-то определенного срока, поддерживать состояние мира, не было. В любой момент он мог прерваться по инициативе (или вине) каждого из многочисленных владетелей русских княжеств.

Аналогичная картина была и в международных конфликтах, особен-

но в отношениях с половцами. Выдающийся политический деятель Руси рубежа XI и XII вв. князь Владимир Мономах писал в своей автобиографии, так называемом "Поучении", включенном в летопись, что совершил за свою жизнь 83 больших военных похода, то есть 83 войны, что он "миров сотворил с половецкими князьями (ханами) без одного 20". Это значит, что он 19 раз заключал мир, то есть договоры, с постоянными своими противниками, при этом подкупал их ради мира большими деньгами и княжествами, то есть ценными, престижными одеждами ("дая скота много и многы порты свое") [2].

Не нужно думать, однако, что он только мирил половцев, он сам и нарушал мир с ними. Так, когда половецкие ханы Итларь и Китан пришли к князю договариваться о мире и Владимир дал клятву не наносить им ущерба, он изменнически убил обоих вместе с их дружинниками (1095 г.) [3]. Он сам пишет об этом в том же "Поучении", считая это одним из своих подвигов, своеобразных res gesta [4].

Для чего же ссылается киевский летописец XII в. на этот древний принцип, рассказывая о событиях своего времени,- для того, чтобы подтвердить его или чтобы заменить его другим? Само противопоставление того, что было "прежде", тому, что "ныне же" позволяет считать, что более верно второе толкование.

В условиях многочисленных и изматывавших страну междукняжеских конфликтов середины XII в. принцип дискретности (прерывистости) мира не мог уже соответствовать интересам и самих противостоящих друг другу княжеских союзов. Это и привело княжеский союз черниговских Ольговичей к необходимости обратиться к Изяславу в 1148 г. с предложением заменить этот принцип другим, постараться урегулировать вопросы войны и мира более широко: "Мир стоить до рати, а рать до мира. Ныне же на нас про то не жалуй, оже есмы устали на рать. Жаль бо ны есть брата своего Игоря. А того есмы искали, абы ты пустил

брата нашего, уже брат наш убит..." [5].

Приведенные в летописи слова можно, вероятно, понимать так, что вспомнив об этом принципе, существовавшем прежде, князья Ольговичи предложили противопоставить ему в новых условиях другой - "перестать губить Русскую землю, заключить мир", вероятно, более широкий и надежный, чем существовавшие прежде. Именно так, как предложение мира, воспринимают это заявление Ольговичей князь Изяслав и его брат Ростислав Смоленский [6].

Эта традиционная формула смены войны миром была упомянута вторично в II5I г. тем же летописцем при сообщении о том, как разбитые в войне с объединенными войсками союзников Изяслава Киевского и покинутые Юрием Долгоруким Святослав Ольгович с племянником просили черниговского князя Изяслава Давыдовича мирно поделить отцовские волости. Эта просьба о мире вновь начинается традиционной формулой "Брате, мир стоит до рати, а рать до мира", после чего указывается на те современные обстоятельства, которые заставляют ее вспомнить: "А ныне, (поскольку)мы братья между собой, - прими нас в число своих союзников и верни нам нашу отчину" [7].

Д.С.Лихачев выделил в составе "Киевского летописного свода" ХП в. повесть о посольстве Петра Бориславича, боярина князя Изяслава Мстиславича [8], а Б.А.Рыбаков обосновал принадлежность этому боярину всего летописца потомков Мстислава [9]. Это мнение на лингвистическом материале поддержала В.Ю.Франчук [I0]. В таком случае и интересующая нас политическая формула также принадлежит этому дипломату и публицисту.

[1] ПСРЛ. - СПб., 1908. Т.2. Стб.364.

[2] ПСРЛ. - Л., 1926. Т.I. Стб.250.

[3] Там же. Стб.227. Орлов А.С. Владимир Мономах. - М.; Л., 1946. - С.15.

[4] ПСРЛ. Т.I, вып.I. Стб.249.

[5] ПСРЛ. Т.2. Стб.364.

[6] Там же. Стб.365.

[7] "Брате, мир стоить до рати, а рать до мира. А ныне, брате, братья есмы собе, а прими нас к собе. А се отцине межи нами две, одина моего отца Олга, а другая твоего отца Давыда. А ты, брате, Давыдовичь, а я Олговичь. Ты же, брате, прими отца своего Давыдово, а што Олгово, а то нама дай, ать ве ся тем подиливе" (ПСРЛ. Т.2. Стб.444).

[8] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1972. - С.226-241.

[9] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.277-392.

[10] Франчук В.Ю. Киевская летопись. - Киев, 1986. - С.75-88.

Е.Б.Рогачевская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ "ВЕТХОГО ЗАВЕТА" В СОЧИНЕНИЯХ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

Одна из важных задач в изучении древнерусской литературы - поиск источников оригинальных сочинений и определение их места в художественной ткани произведений. Для средневековья одним из главных источников было "Священное Писание". В данной статье мы попытаемся проанализировать, какое место занимали книги "Ветхого Завета" в художественной системе Кирилла Туровского, русского оратора XII века, т.е. ответить на вопросы о причинах, целях и принципах использования "Писания".

Кроме притч и молитв до нас дошли восемь торжественных "Слов" Кирилла Туровского. Они составляют единый цикл, поэтому наиболее удобны для изучния. Цикл открывается "Словом на неделю цветную" (вербное воскресение), затем следуют 4 "Слова" на каждую из седмиц по Пасхе (неделя Пасхи, о Фоме, о мироносицах, о расслабленном), 5-я неделя пропущена, 6-я отмечена двумя "Словами" - о слепом и на Вознесение Господне (в четверг 6-й седмицы). Завершает цикл "Слово на собор Святых Отец" (соответствует 7-й неделе Святых Отец). Таким образом, охвачен период от страстной седмицы до Пятидесятницы.

Лексически цитаты из "Ветхого Завета" у Кирилла Туровского близки к Паремийному тексту[1]:

Кирилл Туровский	"Паремийник"	"Толковые пророчества"[2]
дѣвица	дѣва	дѣвица
чрѣво	чрѣво	оутроба
родити	родити	породити
зачати	зачати	приняти
плещи	плешти	хребетъ

ударения	оударения	заоушения
болѣзни понести	страдати	болѣдовати
зърѣти	зърѣти	видѣти
Кирилл Туровский	Паремийник	Четий текст[3]
жрѣбя	жрѣбыць	осьля, ослиць
владыка	игоуменъ, владыка	старѣишина
лоза	лоза	виноградъ
(ἡ φύλη) семя	кольно	племя, язык
(τὸ ἔθνος) язык	язык	страна

И все же полного текстологического сходства цитат между "Паремийником" и текстом в "Словах" Кирилла Туровского нет, так как очевидно, что он цитировал по памяти. Об этом свидетельствуют случаи, когда одна и та же цитата встречается несколько раз. Стих Втор.28.66 Кирилл Туровский использует дважды (в разных "Словах"), при этом оба раза употребляет слово "живот" (а не "жизнь")[4]. Расхождения между цитатами Втор.28.66 в "Слове на Пасху" и в "Слове на снятие с креста" является следствием ошибки памяти[5]: "узрите живот вашь висящь прямо очима вашима"[6](XIII,414) и "узрите живот вашь прямо очима вашима висящь" (XIII,421).

Седьмой стих 23-го Псалма употребляется Кириллом Туровским в сходных контекстах противопоставления Божественных и бесовских сил дважды – в "Словах" на Вознесение и о мироносицах:

"яко царь стражьми стрегом
и запечатлѣн во гробѣ лежаше,
но яко бог ангельскыми вои
бѣсовьскым силам в твердыни
ада прѣщаше, глаголя: возмѣте
врата, князи ваши, да внидеть

"Въ гробѣ мьртв положен
бысть, и от вѣка умьршим
гробьным живот дарова. Каменьемь с печатьми утвьржен
бысть, да адова врата и вѣрѣя
от основания скрушить.

царь славы! Но врата адовы скрушишася словом его, и верея сломишася до основания: сниде сам господь во ад и попра бѣсовьское царство крестом и смерть умертви, и сѣдящая во тмѣ видѣша свѣт, связании же нищетою и желѣзом раздрѣшишася, и скровища его вся восхити и изыде днесь в силѣ божий и во славѣ святых ангел и работныя душа человѣча свобожены ведяху-ся в рай, хвалящеся о Христѣ". (XШ,412).

Стражьми стрѣгомь бѣ всѣми видимо, нъ невидимо сършд в ад съвязя сотону. Ангельская бо воиньства съ нимь текуще зъваву: Възмѣте, врата князи ваши, да вънидеть цесарь славы! и ови съвязаныя душа рѣчаше от тьмницы пущаху: друзии же противныя силы вяжуще глаголаху: Кде ти, смерти жало? Кде ти, аде, победа? Къ ним же оцѣпѣвьше бѣси въпияху: Кто се есть цесарь славы, с толикою на нъ пришел властию? Погубил есть князя тьмы и вся его съсхытил скровища, разбы смертьный град, адова чрѣво, извоева плѣньникы, иже съ Адамомь сѣде, сущая грѣшных душа". (XШ,424)

В третий же раз (в "Слове на Вознесение") цитата Пс.23.7 помещена в совершенно иной контекст (отметим, кстати, что в двух предыдущих случаях цитаты текстуально близки между собой; в данном случае разночтения более заметны). Отсутствие противоречий, общее торжественной приподнятое настроение делают цитату центром радостной картины происходящего на горе Елеонской: " Нъ си оставльше, о възнесении Христовом побѣсѣдуим и яже быша на горѣ Елеоньстѣй. Тамо бо ангельскыя силы и архангельская воиньства: ови обла-

кы крилы в трьними приносять на възятие от земля Христа бога нашего, друзии же прѣстол хѣровимьскый готовять. Бог отець ждеть, его же прѣже имѣ в ядрѣх съ собою. Дух же Святый велить всѣм ангелом его: Възмьте врата небесная, да въмидеть цесарь славы! Небеса веселяться своя украшающе свѣтила, да благословяться от своего творца, съ плътию сквозѣ тѣх врата на облацѣх възносима. Земля радуеться видяще на себе Бога явьствьно ходяща, и вся тварь красуеться от Елеоньскыя горы просвѣщаема, яко на той ангели съ святыми апостолы, по повелѣнию Бога отца, съвъкупишася, ожидающе сыновьня пришествия". (ХУ,341).

Таким образом, одну и ту же цитату Кирилл Туровский помещает в самые разные контексты, что отражается и на плане выражения. Но в целом цитаты из "Ветхого Завета" у Кирилла в плане выражения довольно точны. Сопоставление текстов Кирилла с "Псалтирями" XI-XШ в.в. и с паремийным переводом книг "Библии" показало, что разночтения незначительны и касаются, в основном, форм и порядка слов. Тем не менее, есть основания полагать, что русский оратор, хорошо зная тексты, распоряжался ими достаточно свободно, поскольку цитаты из них служат основом художественной конструкции произведений Кирилла.

Рассмотрим для примера "Слово на неделю цветную". Вполне естественным для древнерусского проповедника было связать торжественное "Слово" на праздник с соответствующей службой. И действительно, основой сочинения туровского епископа является пересказ сюжета, изложенного в "Новом Завете" (Мф.21.5). Стилистической же и эмоциональной доминатной, центром, вокруг которого сосредоточена риторическая амплификация[7], являются слова: " Днесь Христос от Вифанья в Ерусалим въходить, въсѣд на жребя осля, да пророчьст...

Захарьино свершиться, иже рече о нем: Радуйся зѣло, дщи Сионова! Се бо цесарь твой грядеть кротск, всѣд на жребець ун (Зах.9.9) Се убо пророчество разумѣюще веселимся" (ХШ,409). Далее тема "Слова" развивается по двум линиям: описание самого вхождения в Иерусалим и описание всеобщей радости. Обращает на себя внимание тот факт, что подчеркивая непосредственное цитирование пророка, Кирилл Туровский все-таки приводит цитату не в том виде, в котором она существует в "Ветхом Завете", а в соответствии с ее текстом в 2I-й главе "Евангелия от Матфея", т.е. в сокращенном виде. Цитата Зах. 9.9 также есть в тексте "Слов" на вербницу Иоанна Златоуста и патриарха Фотия, но их цитаты соответствуют именно варианту "Ветхого Завета", а патриарх Фотий даже разворачивает пророчество своими словами. У Кирилла Туровского же Зах.9.9 не разбирается подробно как пророчество, а является частью описания событий и еще и поэтому не может быть длинной.

Вспомнив пророка Захарию, Кирилл Туровский берет из этой книги и следующую цитату: "Вселю бо ся - рече - в ня и похожю, и буду им бог, и ти будуть мнѣ люди" (Зах.8.8 - ХШ,4I0). Впрочем, она также имеет точную параллель в "Новом Завете" и сокращена в соответствии с ней (2 Кор.6.I6). Тема поиска своих людей Господом и утверждения единства в Боге возникает и в конце "Слова". Кирилл Туровский приводит подряд две цитаты из пророка Исайи (65.I и 49.I6), которые не читаются в "Паремийнике". Видимо, русский оратор вспомнил их по ассоциации, как параллельные места для развития темы (параллельный Ис.65.I стих Ис.66.I8 читался в пятницу 6-й недели Великого Поста; службы 6-й недели Кирилл Туровский использовал и далее в "Слове на неделю цветную"). Не исключена возможность, что такая ассоциация была подсказана и уже встречалась в произведениях

византийской патристики. Пока можно с уверенностью сказать лишь то, что в "Словах на вербницу" Иоанна Златоуста и патриарха Фотия этих цитат из пророка Исайи нет.

Другой ассоциативный ряд в употреблении ветхозаветных цитат Кириллом Туровским также начинается с Зах.9.9. Дело в том, что стих этот читается в субботу 6-й недели Великого Поста, т.е. непосредственно перед вербным воскресением. Поэтому неудивительно, что в "Слове" Кирилла Туровского возникают цитаты Быт.49.10 и Соф.3.14 из той же службы. Принимая это объяснение, нетрудно понять и следующую, казалось бы странную вещь. Русский оратор, практически всегда точный в указании на свои источники, говорит: "Не разумѣша Софонья чтуща, писаша тако:..." (XIII,410) и приводит фразу, составленную из словосочетаний, известных по Соф.3.14, Мал.3.1, Дан.6.26. Таким образом, Кирилл Туровский позволяет себе не изменять тексты "Писания", а сокращать и совмещать их по своему усмотрению в соответствии со своей художественной задачей. С одной стороны, он старается придерживаться единства служебных чтений, а с другой,- смыслового бы художественного единства внутри собственного произведения.

Два направления ассоциативности в использовании цитат можно заметить и в "Слове на Пасху": тематическое и содержательное единство может быть задано источником (т.е. библейским служебным текстом), а может быть создано внутри произведения Кирилла.

Тема поиска народа снова возникает и в этом "Слове", но подкрепляется уже другими цитатами - Ис.66.18 и Зах.13.7. Стих Соф.3.8 читается в страстную седмицу, т.е. и здесь Кирилл Туровский использует службы, предшествующие празднику.

Интересный ассоциативный ход просматривается в "Слове о расслаб-

ленном". В одной фразе Кирилл Туровский объединяет части двух стихов "Книги пророка Исайи": "О ней же глаголеть Исаия: яко протържеся вода в пустыни (Ис.35.6); жажюще на воду живу идѣте!" (Ис.55.I - ХУ.334). При этом стих Ис.55.I имеет непосредственное отношение к службам в 4-ю неделю по Пасхе (читается во 2-й паремье на Преполовение). Он же читается и в Св.Богоявление на водоосвящение после отрывка Ис.35.I-IO. Этим, видимо, можно объяснить возникновение в тексте Кирилла стиха Ис.35.6, который он счел наиболее близким к Ис.55.I и соединил вместе их части.

Кирилл Туровский может соединять части различных стихов даже если в "сумме" получается не просто риторическая амплификация, а привнесение нового смысла, которого не было в стихах источника (здесь мы говорим не о том, что такой мысли вообще не было в книгах "Писания", а о том, что именно части определенных стихов, будучи соединенными, "в сумме" дают другое значение). При сокращении и соединении цитат Кирилл Туровский оставляет только самую суть. Например, упрекая расслабленного за его слова Исус Христос говорит: "Что глаголеши: человѣка не имам? Аз тебе ради человѣк бых - щедр и милостив, не сългав обѣта моего въчеловѣчения. Слышал бо еси пророка глаголюща: Яко отроча родиться сын вышняго, и дан бысть нам (Ис.9.6), и тъ болѣзни и недугы наша понесет" (Ис.53.4 - ХУ,333). Кирилл Туровский в данном случае убирает эмоциональные оценки (см. стихи из "Книги пророка Исайи" полностью), и цитата у него является как бы квинтэссенцией дальнейшей взволнованной речи Христа.

Цитируя, Кирилл Туровский всегда строго следит за тем, чтобы не было лишних деталей, и цитата отвечала бы своему назначению. Например, когда русский оратор говорит о брани "бывъший на объщаго

врага диавола", он подготавливает слушателя к описанию этого цитатой из Зах.I4.3-4: "Се бог нашь грядеть в славѣ, от брани опълчения своего, и вси святии его с нимь, и станета нозѣ его на горѣ Елеоньстѣй, пряму Иерусалиму на въсток" (ХУ,340). То, что произошло с Елеонской горой, Кирилл Туровский опускает, чтобы сохранить динамичность. Главное в этом отрывке, что "сам бо господь нашь Исус Христос един въплъчися на вся бѣсовьскыя силы и власти тьмныя испроверже" (ХУ,340).

Рассказ прожолжается словами из Писания: Ис.63.3,5,8. Кстати, обе цитаты из пророков есть в службе на Вознесение Господне. Цитаты из этой же службы, причем, из тех же глав пророческих книг (Ис.63.9 и Зах.I4.9), есть и в "Слове о слепце" (6-я неделя по Пасхе). В этом же "Слове" можно увидеть еще одно ассоциативное построение русского оратора. Кирилл в обращении к слепому цитирует "Книгу пророка Варуха" 3.38 и 4.I (читалась за "Книгой пророка Иеремии" и традиционно приписывалась ему; в указании на источник Кирилл Туровский следует традиции). Стихи Вар. 3.38 и 4.I есть в 5-й паремье на Рождество Христово. В ответе прозревшего слепца звучат слова из Втор. 32.I6-I7: " Има же вы с Еровамомь пожьрше в руцѣ оружия прѣдани бысть богомь. Раздражиша бо мя, рече, в щюжих и в мьрзостьх своих прогнѣваша мя. Ци ли на высокыя холмы хощете мы повести, иде же вы своя дѣти бѣсом закаласте? Пожроша бо - рече - дѣмоном, а не богу, - богом, их же не вѣдаша отци их." (ХУ,338). Продолжение этой мысли в "Библии" находим в стихе Втор.32.I8, который является параллельным местом как раз в Вар.4.I. Таким образом, Кирилл Туровский распространяет свой прием амплификации и предельного раскрытия мысли и на цитацию.

Использование "Священного Писания" и, в частности книг "Ветхого Завета", основывалось у Кирилла Туровского на соответствующей празднику службе или на других службах. Немалую роль в выборе цитируемых мест играют ассоциации, которые возникают у русского оратора при раскрытии определенной темы. Цитаты внутри "Слова" подчинены у Кирилла Туровского законам риторической амплификации, а иногда и являются ее основой.

ПРИМЕЧАНИЯ

I При сопоставлении использовались следующие издания: Брандт Р. Григоровичев паремейник.- М.- 1893-1901. - Вып. I-IУ; Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древне-славянском переводе. - Ч. I. Паримейный текст. - Варшава. - 1912; Евсеев И. Книга пророка Исайи в древневлавянском переводе. - СПб, - 1897; Дурново Н. К. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык билейских текстов. - ИОРЯС.- Т.25. - 1925. - С. 353-429.

2 Самый старший список "Толковых Пророчеств" - XIУ в., хотя свидетельства о существовании этого типа идут в XЙ в. И.Евсеев относил появление редакции "Толковых Пророчеств" ко времени не позже века царя Симеона и писал о том, что "Толковые Пророчества" "практически не менялись, что объясняется их крайней непопулярностью" - См.: Евсеев И. Указ. соч. - С. 23-26.

3 Четий текст "Книги Бытия" пророка Моисея так же как и "Толковые Пророчества" читается в списках позднего происхождения. Но,

ссылаясь на мнение А.В.Михайлова, можно считать, что "паримейное и четье Бытия по словоупотреблениям и формам, независимо от древности списков являются... представителями... двух редакций церковно-славянского языка, так называемой паннонской и восточноболгарской" - См.: Михайлов А.В. К вопросу о литературном наследии Свв. Кирилла и Мефодия в глаголических хорватских миссалах и бревиариях (Из истории древнеславянского перевода кн. Бытия пр. Моисея). - Варшава. - 1904. - С.54.

[4] О принципиальности этого различия в сочинениях Кирилла Туровского см.: Колесов В.В. К характеристике поэтического стиля Кирилла Туровского. - ТОДРЛ.- М.-Л. - 1981. - Т. 36. - С.37-49.

[5] См.: Лихачев Д.С. Текстология. - М. - 1983.

[6] Произведения Кирилла Туровского цитируются по изданию: Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского. - ТОДРЛ. - ТТ. XШ, ХУ. - М.-Л. - 1957-1958. Ссылки приводятся в тексте статьи: римскими цифрами обозначен том, арабскими - страница.

[7] См.: Еремин И.П. Ораторское искусство Кирилла Туровского. - ТОДРЛ. - Т. 18. - М.-Л. - 1962. - С.45-54.

Л.В.Левшун

ПОЗИЦИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО В ДЕЛЕ ФЕОДОРЦА РОСТОВСКОГО И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В "СЛОВЕ НА СБОР СВЯТЫХ ОТЕЦЬ"

"Слово на сбор святых отець" - единственное из дошедших до нас восьми "слов" Кирилла Туровского, написанное не по библейскому тексту, положенному для прочтения на литургии в "неделю преже пянтикостия" - т.е. в 7-е воскресенье после пасхального (Деян. 20.16-18; Деян. 20.28-36; Ин.17.1-13). Сюжет взят из св. истории: в "слове" рассказывается о событиях 325 года, о первом Вселенском соборе в Никее, осудившем арианскую ересь и принявшем "никейский символ".

Имеются некоторые основания предположить, что данное "Слово" вовсе не предназначалось для произнесения на литургии. Во-первых, по наблюдениям Е.Б.Рогачевской, "цитаты" из св. писания, использованные в нем ни в коей мере не соответствуют не только чтению, положенному в неделю св. отец, но и текстам, читаемым в другие дни этой недели [1]. Во-вторых, употребление автором таких слов как "власфимисающе", "догматисати" (15.345) [2] свидетельствует о том, что "Слово" рассчитано на специально образованную аудиторию, владеющую хоть в какой-то степени греческим языком. В-третьих, необычна для Кирилла композиция "Слова", нарация которого более самостоятельна, чем в других "словах" и представляет собой некое подобие обвинительной судебной речи, а конклюзия, хоть и построена по одному принципу с соответствующими частями других "слов" Кирилла, отличается от них своей пространностью и может рассматриваться как так же достаточно самостоятельный панегирик отцам церкви. В-четвертых, наррация данного "Слова", кроме уже отмеченной ее особенности, носит ярко выраженный апологетико--полемический характер и претендует, скорее, на "науч-

ность", чем на художественность. В-пятых, сам выбор темы - обличение арианства - уводящей слушателя в глубины богословской догматики, говорит о том, что "Слово на сбор святых отець" не может быть литургической проповедью, мессионерской и в этом смысле просветительской по своей сути. Это "Слово" не "просвещает", а "обличает", несомненно предполагая хорошее знание слушателями св.истории.

Все это позволяет предположить, что рассматриваемое нами "Слово" является именно обвинительной речью на одном из церковных соборов. Привлечение некоторых других фактов дает основания думать, что этот собор был посвящен осуждению ереси Феодорца [3]. В связи с этим необходимо, по-видимому, доказать, что обличение арианства не было основной задачей Кирилла при составлении данного "Слова", что автора интересовала не история арианства как такового, а возможность на примере Никейского собора продемонстрировать участь ереси вообще, и что Ария, по-видимому, надо рассматривать не как создателя конкретно этой ереси, а как символ еретика, наказанного за свое богохульства. Это нетрудно сделать.

1. В своем "Слове" Кирилл, с одной стороны, уличает Ария в том, чего тот никогда не утверждал (что Христос - не сын божий, но что вся тварь - сын божий. 15.345), а с другой стороны, основной пункт разногласий арианства и ортодоксального православия (о единосущности бога - отца, сына и св.духа) лишь констатируется автором как следствие того, что Христос не признается сыном божиим. И вообще система Ария изложена весьма односторонне, все внимание Кирилла сконцентрировано именно на сыновстве Христа богу-отцу, т.е. на пункте, в которой Арий не имел расхождения с ортодоксами.

2. Ничего не сказано в "Слове" и про то, что на соборе имелась средняя партия, пытавшаяся примирить две враждующие стороны формулой "подобосущия" сына. И уж совсем не отражена дальнейшая судьба

Ария и арианства, кроме указания на то, что "мужи-чюдотворцы... проклъньше богохульника Ария, издринуша и ис церкве" (15. 346). Как известно, Арий был исключен от общения с церковью и его последователи прокляты. Но дело в том, что это произошло еще в 318 г., т.е. задолго до собора. А в 328 г., спустя всего 3 года после принятия Никейского символа, император Константин, видя, как неохотно Восток принял новый догмат, перешел на сторону евсевиан (по имени последователя Ария Евсевия). Арий был призван из изгнания и в 336 г. должен был торжественно быть принят в круг духовенства, но неожиданно умер. А в 335 г. Тирским собором был осужден Афанасий - главный обвинитель Ария - и сослан. Главную роль на этом соборе играли арианские епископы. После смерти Константина (337 г.) их партия получила первенствующее значение при дворе и в государстве. На втором же Вселенском соборе в Константинополе (381 г.) спорный член Никейского символа получил более мягкую формулировку. Но и после этого арианская ересь прекратилась не сразу. Об этом Кирилл умалчивает при всем при том, что он несомненно был хорошо знаком с арианским учением по греческим источникам, о чем свидетельствуют некоторые интерполяции из произведений св. Антония, св. Макария Великого, аввы Исайи, обличавших арианство, как в "Слове на сбор святых отець", так и в других "словах" К.Т.

3. Выбор Кириллом примера для обличения ереси весьма неудачен (ведь Арий был оправдан), если только не предположить, что этот эпизод истории, видимо, более всего напоминал именно "дело Феодорца". И мы действительно находим ряд параллелей: и Арий, и Феодорец - еретики, "возмутившие церковь"; и тот, и другой были привлечены к суду по инициативе своих "цесарей" (Арий - Константином, Феодор - Андреем Боголюбским); по поводу обеих ересей были созваны соборы; оба не раскаялись в своей ереси и были прокляты; оба были людьми весьма об-

разованными и талантливыми. Если же обратиться к тексту "Слова" и сопоставить рассказ Кирилла об Арии с рассказом русских летописей о Феодорце (под соответствующими годами), то параллелей станет больше:

Арий...начат...пущати богохульная своя словеса... остави небеса и позвавшаго на ня Христа... им же тогда сам дьявол неподобная глаголаше (I5.345).	(Феодорец) неподобно глаголаше, и закон божественный укори и на самого господа Бога и на пречистую Богородицу хулу изглагола (Никоновск.II70) [4] ... хулу измолви на святую Богородицу (Лавр.II69) [5] .
Приведен же бысть и Арий с единомысльникы своими (I5.345).	Князь же Андрей оковав его и посла в Киев к митрополиту Константину (Воскр. II70) [6] .
Повеле же цесарь Ариеви преже своя учения глаголати, ими же льстяше мир (I5.345).	Митрополит же повеле его испытати от содеяных от него злых (Никон. II7I).
...бяху бо философи и книжници горазди (I5.345).	...язык имеа чист, и речь велеричиву, и мудрование кознено (Никон. II70).
(Арий) не въсхоте благословения [7] , но възлюби клятву, и приде ему (I5.345).	(Феодорец) не восхоте благословения и удалися от него (Никон.II7I; Лавр.II69).
...уста его пълна суть горести и льсти (I5.345).	Изгна Бог... злаго и пронырливаго и гордаго льстеца (Лавр.II69; Воскр. II70).
...препреша... еретикы, и прок-	...уподобився злым еретиком не кла-

леньше богохульника Ария, изд-ринуша и ис церкве (I5.346).	няющимся (Лавр.II69). (велел митрополит Феодорцу) язык урезать,яко злодею и еретику (Лавр.II69; Воскр.II70; Никон. II7I).
И тъ заточи Ария, хулившаго Христа... (I5.346): ...нераскаемый грешниче (I5.345).	...бес покаяния пребыс и до последняго издыхания (Лавр. II69). ... и тако пребыс без покаяния все лето (Никон. II7I) [8] .
Си от своего ума, а не от святых книг извещал еси (I5.345).	... беси вознесше мысль его до облак (Лавр.II69).
И възвратися болезнь на главу его, и на върх ему неправда его снидеть... не будеть прощения ни в сий век, ни в будущий, но сде проклинаем есть, и тамо горце мучим улютаеть (I5.347).	...еюже мерою мерите и възмериться вам... суд без милости не сотворившему милости (Лавр.II69; Никон. II7I); ... грешный бо и сде по греху мучится, а на суде божии осудится в муку... обрати бо ся болезнь его на главу ему, и на верх его неправда его сниде (Лавр.II69).

Уже сам факт употребления одних и тех же топосов и использования одних и тех же библейских цитат при описании обоих сопоставляемых событий (в контексте всепроникающей этикетности) говорит о том, что это события одного порядка в представлении автора "Слова" [9] . Следовательно, выдвинутые нами предположения небезосновательны, и "Слово на сбор святых отець" можно рассматривать как речь, произнесенную туровским епископом на соборе, посвященном ереси Феодорца. А о

том, что Кирилл действительно участвовал в обличении Феодора, мы узнаем из проложного жития Кирилла: "... Феодорца... блаженны Кирилл от божественных писаний ересь обличи и прокля его".

4. Говоря об участии Кирилла в "деле Феодорца", нам, естественно, нельзя обойти молчанием "Притчу о хромце и слепце", в которой автор дал "весьма яркое и сильное обличение и не менее убедительное увещание, в прозрачных намеках, кого-то из честолюбивых и возносящихся умом представителей церковной иерархии" [10]. Исследователь этого произведения И.П.Еремин назвал его "замечательным памятником древнерусской публицистики" и отметил, что если "Притчу" "и нельзя признать за обличение на суде... то несомненно она была одним из числа обличений, направленных Кириллом против (Феодорца) [11]. Исследователь приводит весьма убедительные аргументы, доказывающие, что притча посвящена действительно "увещательному обличению" ростовского епископа.

Можно добавить, пожалуй, еще одно обстоятельство: если "Притча" не была "обвинительным словом" на суде, то посланием князю Андрею и его епископу "от евангельских и прочих указаний" она могла быть. Допущение основывается на том, что в данном произведении несколько модифицирована самоуничижительная формула, с которой автор обращается к предполагаемому адресату (причем, обращается чаще, чем в каком-либо другом своем произведении) к этикетным выражениям - "... мутен ум имею и язык груб... недостоин есмь о сих глаголати..." и т.п.) Кирилл добавляет: "Аще ли кто зла слуха имать, то не ищеть что бы ему на пользу обрести, но зазираеть, чим же бы нас потязал и укарял" (12.342) [12]. Опасение автора становится понятным, если припомнить, что Феодор "язык имел чист, и речь велеречиву, и мудрование кознено", и в споре, видимо, был достойным соперником Кириллу.

Перекличка многих мест "Притчи" и "Слова", а так же текста "Суз-

дальской летописи" по Лаврентьевскому списку с тем и другим произведением должна упрочить наше предположение о том, что "Слово на сбор святых отець" действительно посвящено обличению Феодорца.

"Аще ли тщеславием сказаеть болшим угаждая, а мнози меншая презрить, буестью крыя господню мнасу... и видев господь горды его ум, возметь свой от него талант; сам бо прозоривым противится, смиренным же даеть благодать" (I2.340-34I), - увещевает Кирилл. Но Феодор не внял этому, продолжая "пущати богохульныя своя словеса... ему же клятвы уста его пълна суть горести и льсти... крепко въоружився на святую троицю" (I5.345), за что и "възвратися болезнь на главу его, и на върх ему неправда его снидеть" (I5.345), - констатирует проповедник в "Слове". Ср. в летописи: "...бог отъя от него ум... (бог) всемагущен еси... въздвизая кроткая на высоту, и смиряя грешникы до земля" (Лавр.II69).

"Приставлены суть патриарси, архиепископи, епископи, архимандрити межю церковью и олтарем стрещи святых таин от враг Христов, сиречь от еретик и зловерных искусник, нечестивых грехолюбець, иноверных скверник" (I2.342), - напоминает в "Притче" Кирилла, но Феодорец, которому было "поручено учити Христове вере людей, нъ понеже не бе от делатель винограда Христова, начат злое семя сеяти... хульник бо бе, а не благовестьник" (I5.344), - заключает Кирилл в "Слове".

Далее, в "Притче" автор говорит о "надмении Адамова высокомысльѝа, яко... преже освящения на святая дерзнув, из едема бо вниде в рай... яко же се церковник недостоин ерейства и утаив грех свой, не брег же о божии законе, но имене деля висока и славна житья на епископи взиде сан" (I2.343), "изволи бо тьму паче, нежели свет... остави небеса... и обратися в преисподняя ада с прельстившим его змием" (I5.345), о чем и будет сказано на суде. Ср. в летописи: "Уподобився злым еретиком ... беси ... устроивши в нем второго Сотонаила и

сведоша въ ад" (Лавр. 1169).

В качестве отрицательного примера понимается в "Притче" и Каин, "не сый священный на священьчьскый дерзну чин, поревнова священному Авелю, его уби завистью" (12.344). Не те ли священники, отказавшиеся принимать благословение у Феодорца и за то "мучимые" им, имеются здесь в виду?

Однако, во время написания "Притчи", положение Феодорца не было безнадежным, т.к. "многое владычне человеколюбие! ... не захочеть бо смерти грешнича, но обратитися велить и живу быти" (12.344). Путь к прощению - "смиреномудрие... любы, послушание, покорение", причем, "в отлучении от сана" (12.344-345), т.е. Феодору, по-видимому, предлагается пока не поздно отказаться от сана, которому он не соответствует, и покаяться "о злобе, о зависти, о льсти, о убийстве, о лжи... Близь бо господь скрушенных сердцем; смиренныя духом спасаеть... Точию не отчаим себе, яко Иуда ... Несть бо греха, иже сдолееть божии милости" (12.345), - Кирилл убедительно просит прислушаться к его словам: "молю вашю любовь, со вниманиемь пишемых смотрите и яже слышите разумейте" (12.344), иначе "учай человека разуму (бог) не уразумеет ли нашего грехопадения! Благым делом не сущим в нас, ни покаянию о гресех, в коим си сану будем, далече бога есмы" (12.344-345). А когда настанет время последнего суда, то души пред богом "явятся и тъ судить по делом их... Ими же согрешить кто, темь и мучен будеть" (12.346-347). Ср. в летописи: "Злые бо зле погыбнять" (Лавр.1169).

И коль скоро Феодор не последовал мудрым советам, Кирилл вполне справедливо разразился в "слове" тирадой, называя его "нечистый душе, окаяньный человече, новый Каине, вторый Июдо, прелестьный змею... нераскаемый грешниче... хотящим ся спасти пакостьниче, божий враже" (15.345), и не будет ему "прощения ни в сей век, ни в будущий".

Такое сопоставление позволяет глубже проникнуть в суть "дела" Феодорца ростовского. Факт захвата им "не по правде" епископской кафедры, думается, лишь повод к его осуждению. Во всяком случае, Андрея Боголюбского, который и доставил Феодорца на суд, это обстоятельство никак не могло возмутить, поскольку он хотел поставления Феодора.

То что епископ "начат сокровищ богатых и сих восхищаше, таже и многых князей и боар измучи и имение их восхити" (Никон.1171), возможно, делалось с согласия или даже с повеления Боголюбского, который и сам в свое время "выгна... братю свою... и мужи отца своего переднии... хотя самовластець быти всеи Суждальской зели" (Ипат. 1162).

Не обедняем ли мы содержание "Притчи", усматривая в ней только обличение и только одного Феодорца. Укор "будим во иереях" относится здесь, как кажется, не только к ростовскому епископу. Стоит припомнить, как получили епископство и как пользовались своим положением Нифонт Новгородский, Леон Ростовский, Константин I Черниговский, впоследствии митрополит, как вина Феодорца несколько тускнеет. Скорее, Кирилл не столько противопоставляет Феодора "честным" иереям, сколько ставит их в один ряд с перечисленными выше. Список этот можно было бы дополнить и именем митрополита Иоанна, предшественника Константина I, которго патриарх, не спросясь Ростислава, поставил на Русь, "и не хотя его Ростислав прияти" [13]. Цесарю пришлось преподнести дары русскому князю и пойти на кое-какие уступки, чтобы тот принял митрополита. В тот же ряд можно поставить и самого Константина П, чья деятельность вызвала столько недовольств среди княжеско-боярской знати Руси и в среде русских церковников.

Не только к Феодору, как кажется, обращается Кирилл, восклицая: "Горе в разуме согрешающим! ... Господь... изметаеть неправедные из

власти, изгонит нечестивыя от жертвенника" (12.344). Впрочем, это равно может относиться и к Мстиславу Изяславичу за содействие митрополиту, и к епискома Черниговскому и Переяславльскому (оба Антонии), помогавшим Константину заточить Поликарпа, игумена Печерского, и даже в какой-то мере к самому Андрею Боголюбскому, если соответствующе взглянуть на приводимый Кириллом пример жреца Илии, "иже ведый своя сына безакньствующа во иерействе, не отлучи ею от священства" (возможный намек на долготерпение Андрея по отношению к действиям Феодорца).

Так что, как кажется, цель "Притчи" не "увещевательное обличение", а "обличительное увещевание", где обличение относится ко всем известным "буим во иереях", а увещевание - к Феодору (и, возможно, в какой-то степени к Андрею).

Дело, видимо, тут не столько в деяниях Феодора, сколько в его взглядах и гражданской позиции, в его ереси, об обличении которой говорится в проложном житии Кирилла. Об этом же, в какой-то мере, свидетельствует и рассуждение о пользэ божественных книг в начале "Притчи": "обретый божественных книг сокровище... уже не собе единому быст на спасение, но инем многим послушающим его" (12.340) и перекликающееся с ним, как кажется, обвинение в "слове" Ария (Феодорца?) в том, что "си от своего ума, а не от святых книг извещал еси" и говорил "еже... сердце умысли, а не еже бог пророком и апостолом... въписати повеле" (15.345).

Думается, что ростовский епископ может рассматриваться как представитель крайней "язычествующей" партии на Руси в этот период "языческого возрождения" [14]. Попробуем обосновать наше предположение:

1. В "Слове на сбор святых отець" Кирилл, сравнивая отцов 1-го вселенского собора с Авраамом, говорит: "Авраам пять цесарев... погуби, а си вся еретикы духовьными исекоша мечи и церковь Христову

възвратиша от кумирослужения". В панегирике святителям Кирилл называет последних "кумиром раздрушители". А характеризуя Ария, говорит, что тот "изволи тьму паче: нежели свет". "Свет" - "тьма" является традиционным противопоставлением (идущим еще от библейское образности: см. Ис. 9.I-2; Мф.4,I6; Еф.5,8; I Фес.5,4-5 и др.), которое соответствовало оппозиции "христианин - язычник". Таким образом, в характеристике Ария и его ереси использованы формулы, по этикету применяемые к язычникам. Но Арий не был язычником. Напротив, своим учением о неединосущности сына единому богу он, скорее, утверждал христианский монотеизм в противовес "политеизму" троицы.

Данное несоответствие объясняется тем, что ересь Ария и его грех традиционно приравнивалась отцами церкви к греху язычества. Так св. Антоний пишет: "не имейте никакого общения с арианами, ибо какое общение света со тьмой? ... они, называющие тварию... сына божия, ничем не отличаются от язычников..." [I5]. Тем удобнее было Кириллу на примере арианской ереси обличать Феодорца.

2. Из летописной характеристики Феодора узнаем, что "неции же глаголаху о нем, яко от демона есть сей, иний же волхва его глаголаху" (Никон. II70). "Он же не точию князя поруганми и укоризнами обложи, но и на пречистую Богородицу хулу изглагола... и на самого господа Бога... и закон божественный укори" (Никон.II7I). Что, собственно, нам мешает сопоставить эти данные летописей с фактом зарождения на Руси в это время культа божества света, отличного от солнца, и культа женского божества, отдельного от богородицы [I6]. В этой связи любопытна характеристика бога суздальским летописцем в той же статье о Феодорце II69 г.: "Боже... ты всемогущен еси... творяи от нощи день, а от зимы весну, и от буря тишину, и от суша тучю... всяк бъ дар свыше сходяи от тебе отца светом, его же благословять человеци, будет благословен, его же прокленуть человеци, бу-

дет проклят..." (Как не вспомнить тут Дажьбога?).

3. Феодор происходил из боярской среды (Петр Брячиславич, тысяцкий Мстислава Изяславича Киевского, приходился ему дядей или - по Татищеву - братом), а возрождение язычества в этот период наблюдается именно в княжеско-боярских кругах, недовольных вмешательством церкви в их традиционный быт[17]. "Камнем преткновения" в противоборстве церкви и великокняжеской власти явился конфликт с церковниками из-за мясоединия, запрещение которого было прямым посягательством на дедовские (языческие) традиции. Два предшественника Феодора - Нестор и Леон - поплатились кафедрой за то, что "не веляше мяса ясти в господьския праздники, аще прилучится когда в среду или в пяток...", всячески ратуя за аскетический образ жизни, запрещая даже вступать в брак и т.д. Феодор "упре Леона" (Лавр.1164) и "посты отвергал и монашество охуджал и отметал"[18]. Став епископом, "церкви вся в Володимери (повелел) затворити и ключи церковныя взя" (Лавр.1169). Это последнее, естественно не могло понравиться Андрею, носящему прозвище Боголюбивый, т.к. во-первых, дискредитировало его в глазах патриарха, от которого он, как видно, все-таки надеялся добиться поставления "своего" митрополита; во-вторых, угрожало раскрытию заговора, готовящегося против Мстислава и Константина II. Поэтому-то Андрей Боголюбский и не задумался пожертвовать упрямым и неблагодарным попом, дабы создать видимость покорности митрополиту и отмести от себя подозрения в языческой ереси. В связи с этим интересно, что в "Суздальской летописи" перечисление всех вин Феодорца начинается с констатации того, что он "не всхоте послушати христолюбиваго князя Андрея, веляща ему ити ставитися к митрополиту г Кыеву" (Лавр.1169), чем и подтверждается, в какой-то мере, данное предположение.

Андрей Юрьевич, думается, занимал серединную позицию между откровенно язычествующими и ортодоксами, о чем можно заключить, сопо-

ставив такие факты, как сооружение многочисленных храмов и действия против запрета мясоедения; хорошие отношения с патриархом и всяческое стремление к церковной независимости как от киевского митрополита, так и от самого патриарха.

Кирилл Туровский, в проложном житии которого говорится, что он "Андрею Боголюбскому... многа послания написа от евангельских и пророческих указаний, и яж суть на праздники господьские слова и многа ина душеполезная в них словеса", по-видимому, был среди сочувствующих Андрею. Во-первых, Туровские князья приходились родственниками Боголюбскому: Юрий Ярославич был ему двоюродным племянником. В условиях обостряющейся борьбы между тремя династиями они не могли не поддерживать старшего в роде. Во-вторых, туровские князья добивались того же, чего и Андрей: независимости от киевского князя и митрополита. Кстати, великими князьями и Андрей Юрьевич в Ростове и Суздали, и Юрий Ярославич в Турове стали примерно в одно и то же время (около 1157 г.). В этот период Турово-Пинское княжество переживает свой расцвет подобно тому, как это происходит и в Ростово-Суздальской земле. В-третьих, из проложного жития нам известно, что Кирилл - "богату родителю сын", т.е. по рождению и воспитанию принадлежал к городскому патрициату, к тем же княжеско-боярским кругам. "На епископски стол возведен бысть... умолением князя и людей града того", т.е., вероятно, по решению городского совета. В-четвертых, прославившийся по всей туровской земле своим благочестием, Кирилл не мог не возмущаться поведением церковных иерархов, не мог не разделять с большинством русичей разочарования в православном духовенстве, представленном в основном греками, ставлениками Константинопольского патриарха. Но, с другой стороны, Кирилла не могло не возмущать и поведение Феодора, так явно и так не ко времени пустившегося в открытое язычествование. В-пятых, позиция Кирилла прочитывает-

ся в "Слове на сбор святых отець", если привести целиком незаконченную автором цитату из I Тим. 4,3-5: "В последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что бог сотворит, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение божие хорошо, и ничего же не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освещается словом божиим и молитвою". Кирилл этого не сказал, но отцы собора должны были услышать это "между слов", поскольку священное писание, а тем паче "Новый Завет" не могли не знать достаточно хорошо, чтобы "узнавать" приводимую цитату. В-шестых, то, что Кирилл занимал среднюю позицию между двумя враждующими группировками, подтверждается и выбором аналога из истории христианства для обличения Феодора: в IУ в. борьба между арианами и ортодоксами завершилась принятием в 381 г. вторым Вселенским собором формулировки, примиряющей оппозиционные партии. Участники собора русских епископов по "делу Феодорца" не могли не знать этого, коль скоро знали об Арии и его ереси. Поэтому выступление Кирилла можно, вероятно, расценивать как тонкий намек на то, что следует искать "золотую середину", чтобы урегулировать вопрос о взаимоотношении власти княжской и церковной, церкви греческой и русской, учитывая особенности обстановки в государстве. Ведь и спорный пункт Никейского символа был изменен именно потому, что неохотно принимался народами Востока. И наконец, нельзя не отметить, что только в "Слове на сбор святых отець" проповедник нигде не отступает от ортодоксально-христианского учения, хотя в прочих "словах" (наиболее заметно в "Слове о расслабленном" и в "Слове о слепци") эти отступления имеются, что и обусловливает оригинальное, специфическое религиозно-христианское миросозерцание Кирилла, не похо-

жее (и даже иногда враждебное) как реставрируемому языческому, так и ортодоксально-греческому. Однако, исследование философско-религиозных взглядов Кирилла Туровского - задача отдельного большого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Рогачевская Е.Б. Цитаты из "Нового Завета" в торжественных словах Кирилла Туровского // Материалы 26-ой научной студенческой конференции: Филология. Студент и НТП. - Новосибирск, 1988. - С.49-53; Она же. О некоторых особенностях средневековой цитации (на материале ораторской прозы Кирилла Туровского) // Филологические науки. (В печати).

[2] Еремин И.П. Литературное наследство Кирилла Туровского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1958. Т.15. - С.345. (В дальнейшем ссылки по этому изданию).

[3] Грушевский А.С. Очерк истории Турово-Пинского княжества X-XIII вв. // Университетские известия. - Киев, 1901, № 6 (июнь). - С.76; Татищев В.Н. История российская. - М., 1964. Т.3. - С.91: "прокляли его (Феодорца) собором, а книги, писанные им, на торгу перед народом сожгли".

[4] ПСРЛ. - М., 1965. Т.9: Никоновская летопись.

[5] ПСРЛ. - Л., 1927. Т.I, вып.2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.

[6] ПСРЛ. - СПб., 1856. Т.7: Летопись по Воскресенскому списку.

[7] От благословления отказывался Феодор, но не Арий.

[8] Запись свидетельствует о том, что Феодор некоторое время

("все лето") провел в заточении. См.: "Митрополит же Константин... повеле его вести в Песии остров и тамо его осекоша..." (ПСРЛ. - М., 1962. Т.2: Ипатьевская летопись. Под 1172 г.). У Макария в "Истории русской церкви" (СПб., 1889. Т.2, С.18-20) указывается, что митрополит послал Феодорца на остров Песий "для покаяния".

[9] Это же дает нам право предполагать, что "Слово на сбор святых отець" (а возможно, и "Притча в хромце и слепце", посвященная тому же событию), было использовано составителем первоначальной летописной статьи о ереси Феодорца, но это тема отдельного исследования.

[10] Еремин И.П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. - Л., 1926. Т.30. - С.346.

[11] Там же. - С.347.

[12] Еремин И.П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1956. Т.12. - С,340-347. (В дальнейшем ссылки по этому изданию).

[13] Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси Х-ХП вв. - СПб., 1913. - С.393.

[14] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - М., 1988. - С.775.

[15] Барсов Н. Очерки из истории христианской проповеди: Представители нравственно-аскетического типа проповеди на Востоке в IУ в. - Харьков, 1889. - С.18-19.

[16] Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - С.774-775.

[17] См.: Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. - Харьков, 1916. Т.1-2; Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI-XШ вв. // ТОДРЛ. - М.; Л., 1960. Т.16. - С.94-104; Становление философской мысли в Киевской Руси. -

М., 1984; Щапов А.П. Смесь христианства с язычеством и ересями в древнерусских народных сказаниях о мир // Соч. - СПб., 1906. Т.I. и др.

18 Татищев В.Н. История российская. - М., 1964. Т.3. - С.91.

А.Л.Никитин

ПОХОД ИГОРЯ: ПОЭЗИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

В исторической и специально "слововедческой" литературе большое внимание уделено анализу похода Игоря в степь, возможным маршрутам следования, идентификации топонимов и общей хронологии событий. Только за последние десятилетия появившиеся монографии, посвященные этим вопросам, дают различное толкование целям, которые преследовал новгород-северский князь, количеству его войска, согласно традиции, идущей еще от В.Н.Татищева, достигавшего чуть ли не 5-6 тысяч всадников о-двуконь, по разному реконструируют течение первой стычки и последующего трехдневного сражения [I]. Все это опирается или на теоретические соображения, или на буквальное понимание поэтического текста "Слова о полку Игореве" и летописных повествований. Между тем даже сообщения летописей являются не официальными отчетами очевидцев, а всего лишь литературными произведениями о событиях, имевших место часто за несколько лет до их фиксации. Другими словами, исследователи похода Игоря, как правило, не замечают литературный характер используемых источников, а вместе с тем весьма невнимательно относятся к содержащимся в них фактам.

Задача настоящей заметки - привлечь внимание исследователей к возможности нового прочтения уже известного текста и показать отражение исторической реальности в ее литературно-поэтическом осмысле-

---

I Кудряшов К.В. Половецкая степь. - М., 1948; Федоров В.Г. Кто был автором "Слова о полку Игореве" и где расположена река Каяла. - М., 1956; Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - М., 1971; Гетманец М.Ф. Тайна реки Каялы. - Харьков, 1982 и др.

нии древнерусской поэмой и летописным повествованием. При этом я вынужден ограничиться констатацией выводов предшествующего исторического и текстологического анализа текстов, оставляя подробное изложение его на будущее.

Для реконструкции исторической реальности весны и лета 1185 г. мы располагаем рядом источников неодинаковой степени подробности и достоверности, которые принадлежат разным литературным жанрам, но тесно между собою связаны. Это повествование в "Ипатьевской летописи", основной источник наших сведений, рассказ "Лаврентьевской летописи", отголоски его в поздних новгородских летописях, в "Никоновском летописном своде" XVI в., и само "Слово о полку Игореве". Как можно полагать, наряду с поэмой существовала самостоятельная повесть о походе и злоключениях Игоря, оказавшая влияние на известный нам текст "Слова" и дошедшая в значительно сокращенном виде в составе "Ипатьевской летописи" [2]. В свою очередь, этот текст испытал на себе прямое воздействие "Слова" (ожидание Всеволода из Курска, хотя в начале указан Трубчевск, указание на пятницу, как на день первой стычки с половцами, упоминание Каялы, тогда как битва произошла на берегу реки Сюурлий, пресловутого "моря" и так далее), и воздействовал на рассказ "Лаврентьевской летописи", которая заимствовала из протографа "Ипатьевской летописи" эпизод с осадой Переяславля и ранением Владимира Глебовича. Впрочем, последнее могло быть взято непосредственно из недошедшей до нас "Повести", поскольку в "Ипатьевской летописи", в отличие от "Лаврентьевской летописи", раны переяславльского князя определены как "смертные" [3], что позволяет

---

[2] Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). - СПб., 1908. Т.2. Стб.637-651.

[3] Там же. Стб.648.

говорить о редакции текста после 18 апреля 1187 г.

Рассказ "Лаврентьевской летописи" носит характер литературного памфлета, конец которого сохранился только в ряде списков новгородских летописей. Согласно первоначального его варианта, князья, три (!) дня пировавшие на месте первой стычки с половцами и похвалявшиеся пойти за ними "в луку моря, где же не ходили ни деды наши" [4], действительно отправились воевать половцев за Дон "и тамо побиша их без вести" [5]. В настоящем виде этот памфлет, по-видимому под воздействием "Слова", распространен кратким изложением второй битвы и дополнен явно чужеродным ему рассказом об осаде Переяславля.

Этот краткий обзор позволяет ощутить диапазон задач, которые решали разные авторы, а вместе с тем и спектр использованных литературно-поэтических средств и приемов. Поэтика "Слова" от начала и до конца проникнута героизацией образа Игоря, его сподвижников и противников, окружающей природы, персонифицированных стихий и образов славянского язычества, выступающих действующими лицами в поэме. Смешение персонажей мира реального и трансцендентного между тем не помешало поэту изложить фактическую сторону событий, как того требовал литературный этикет эпохи. Поэтому исследователь может не сомневаться в указании дня, когда произошла первая сшибка с половцами, в захвате половецкого обоза, ранах переяславльского князя, в реальности перечислений признаков могущества адресатов воззвания, но должен отнести на счет условного языка поэзии поведение зверей и птиц, вмешательство стихий, эпическую "трехдневность" боя и другие аксессуары средневековой поэтики.

---

4 ПСРЛ. - Л., 1926-1927. Т.1. Стб.397.

5 ПСРЛ. - Пг., 1917. Т.4, ч.2: Новгородская пятая летопись. - С.174.

Эпическая аттрибутивность особенно явно проступает в рассказе "Лаврентьевской летописи". К числу литературных приемов следует отнести причину похода ("мы есмы ци не князи же? такы же собе хвалы добудем"), трехдневность пира на месте первой победы, хвастливые речи, напоминающие речи Пикрошоля у Ф.Рабле, трехдневность осады князей половецкими лучниками, очередную трехдневность последующей битвы... Тем не менее здесь присутствует и документальная основа. Она просматривается в изложении первого боя, которое в основных чертах совпадает с описанием в "Ипатьевской летописи", в предложении половцев разменять пленных, потерянное в летописном варианте "Повести", где осталось только имя "гостя" - Беловолод Просович [6] , и в указании, что Игорь бежал "по малых днех" после возвращения половцев из набега на Переяславль.

Наиболее цельным и исторически достоверным, несмотря на явные утраты и сокращения, представляется текст в "Ипатьевской летописи", - произведение человека, благожелательно настроенного к Игорю, но посл/едовательно проводившего определенную тенденцию. Повествование должно было убедить читателя в заботе Провидения о раскаявшемся грешнике, каким представлен Игорь, раскаявшийся в усобице с переяславльским князем. Владимир Глебович в этой повести представлен дважды потерпевшем: сначала от самого Игоря, мстившего за набег того в 1183 г., и взявшего "на щит" город Глебов [7] , а затем от Кончака, свата Игоря, то есть в конечном счете, опять же от Игоря, сводившего счеты с недругом с помощью половцев. Поручившись Гзаку за новгород-северского князя после сражения, устроив ему почетную жизнь в своей ставке, отказавшись идти с Гзаком разорять города и села Иго-

---

6 ПСРЛ. Т.2. Стб.645.

7 Там же. Стб.653-644.

ря и не сумев отговорить того, Кончак бросился со своими половцами на ничего не подозревавших жителей Переяславля и Римова...

Последнее чрезвычайно важно. Другие источники рисуют Игоря борцом с половецкой опасностью, пусть даже иногда в шаржированном виде. Здесь перед нами не противоположная тенденция, а достаточно объективное изложение фактов. Однако стремление одного из редакторов летописного свода "замазать" конфликт между Игорем и переяславльским князем так же заметно, как его попытка не акцентировать явную прополовецкую ориентацию Игоря, с очевидностью вытекающую из описанных событий. Действительно, при всей сдержанности повествования, текст не оставляет сомнений в явном расположении Кончака к Игорю, причины которого следует искать в более ранних событиях.

Внимательное изучение летописных статей за предшествующие годы убеждает, что редакторы, включавшие в летописный свод 1198 г. известия о событиях 1180-1185 гг., в одних случаях резко обрывали текст, а в других - разрывали его вставками о тех же событиях из других источников [8]. Несмотря на такую мозаичность и дублирование, в этих купюрах можно проследить ту же самую тенденцию, в силу которой убирались сведения о конфликте между Игорем и Владимиром Глебовичем, а в равной степени - и свидетельства о растущей дружбе между половецким ханом и Игорем.

Таким образом, оба эти сюжета оказываются взаимосвязаны и обусловлены. Ссора с переяславльским князем в феврале 1183 г. была вызвана отказом Игоря, возглавившего объединенные русские силы, собранные по случаю подхода Кончака к Чернигову, пустить Владимира Глебовича "ездити напереди полком" [9]. После отказа представитель Рюри-

---

[8] Там же. Стб.628-637.

[9] Там же. Стб.628.

ка Ростиславича, каким был тогда переяславльский князь, бросился со своим войском разорять города и села в Северской земле. Об ответных действиях Игоря нам известно только из его покаяния, сохраненного "Повестью". Все остальное из летописей исчезло. Между тем можно полагать, что отказ объяснялся не упрямством или тщеславием Игоря, а нежеланием ставить под удар Кончака, расположившегося мирно у Хорола [10].

Дружба Игоря с Кончаком началась, как можно думать, много раньше 1180 г., когда они вместе охраняли Чернигов [11]. В следующем 1181 г. они также вместе выступали под Дрютеском, Вышгородом и Долобском, откуда бежали с поля боя в одной лодье к Чернигову [12]. Дальнейший текст "Ипатьевской летописи" в достаточной степени запутан. Три последовательных похода на половцев в феврале 1183, 1184 и 1185 гг. являют собой повествования трех различных источников о событиях февраля-марта 1183 г. на Хороле, откуда берет начало конфликт Игоря с переяславльским князем и явное стремление Игоря обезопасить Кончака. Оба эти обстоятельства в последующие годы вынуждают Игоря и его братьев отказываться от участия в совместных выступлениях русских князей против половцев, поскольку главенствующую роль в походах начинает играть их враг, Владимир Глебович [13].

Такой была расстановка сил весной 1185 г., когда Игорь с братом, племянником и сыном отправились в степь.

Отправной момент эпопеи новгород-северского князя может служить

---

[10] Там же. Стб.635.

[11] Там же. Стб.618.

[12] Там же. Стб.623.

[13] Там же. Стб.631, 635.

примером того, как поэтическое освещение факта, описанного достаточно точно, заступает в сознании исследователей место исторической реальности. Вчитываясь в текст "Слова" можно понять, что его автор прямо усвояет Игорю желание сразиться с половцами ("Хощу бо, рече,.. а любо испити шеломомь Дону!"). Между тем автор текста в "Ипатьевской летописи", проводивший идею безусловной героизации Игоря, ни словом не обмолвился о целях похода. Впрочем, ни "походом", ни "полком" он это мероприятие не называет. Уже одно такое нарушение "литературного этикета" заставляет усомниться в целях, которые обычно приписывают Игорю. По словам автора повести, Игорь просто "поехал" из Новгорода, "взяв с собою" остальных своих спутников, подчеркнув при этом неторопливость поездки, что тоже не вяжется с ожиданием предстоящих военных действий.

Обычно подтверждение боевых намерений Игоря усматривают в его беседе со "сторожами", сообщающими, что они "видехомся с ратными, ратницы наши со доспехом ездят; да или поедете борзо, или возворотимся домовь, яко не наше есть веремя". По мнению исследователей попытка добыть "языка" свидетельствует об определенных стратегических планах Игоря. Однако стоит напомнить, что в те времена без разведки и без конвоя не рисковали ездить из одного замка в другой, тем более в немирную половецкую степь. Разведчики не могли сказать, что "с доспехом", то есть вооруженными, ездят половцы, - те, как известно, всегда были вооружены. Речь шла о сторожевых русских разъездах ("наши ратницы") и содержала сообщение о тревожной обстановке в пограничье. Предшествующий год был отмечен крупной победой над половцами [14]. Судя по реплике "Лаврентьевской летописи", большая часть

---

[14] Там же. Стб.632.

знатных пленников еще ждала на Руси выкупа [15], и было ясно, что половцы так этого дела не оставят: им нужны были знатные пленники, чтобы обменять их на своих "отцов и братьев". Отмечая "немирье" разведка предлагала вернуться домой или поспешить, на что Игорь резонно отвечал, что повернуть домой можно только в случае боя.

Разговор этот непонятен, если исходить из традиционного взгляда, что Игорь собирался в набег. Обойтись без боя в набеге невозможно, тем не менее Игорь недвусмысленно заметил, что если дело дойдет до боя, можно будет повернуть домой. Другими словами, бой не входил в его планы. Возможна ли такая ситуация, чтобы добыча в набеге была получена без боя? На первый взгляд, невозможна, поскольку противоречит логике действия. Однако дальнейшие события подтвержденные рассказом "Лаврентьевской летописи" и текстом "Слова", говорят о ~~противоположном.~~ другом.

На следующий день в полдень Игорь подошел к реке Сюурлий. На противоположном берегу его ожидали построившиеся в боевые порядки половцы. За ними находились вежи с женщинами и детьми. Не успели русские полки (до этого момента повесть говорила о "дружине") подойти к воде, как из рядов половцев выступили лучники, пустили по стреле и ударились в бегство. Следом за ними, не думая ни о каком бое, бросились бежать и те половцы, что стояли "далече от реки", бросив свои вежи и семьи на милость победителей [16]. Именно после этого Игорево войско "рассушясь стрелами по полю, помчаша красныя девкы половецкыя, а с ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты..."

Итак, половцы отдали без боя свои вежи, лишь для вида пустив в сторону русских по стреле. Произошел не бой, а инсценировка боя, на

---

[15] ПСРЛ. Т.I, Стб.399.

[16] ПСРЛ. Т.2. Стб.639-640.

что, как видном и рассчитывал Игорь. Почему же на следующий день "изумешася князи руские", увидев себя окруженными превосходящими половецкими силами? К сражению они были не готовы. Чего они ожидали? И хотя в перечне подошедших половецких родов в повести первым назван Кончак, почти наверняка можно утверждать, что он занял место Гзака, в данном случае не названного. Гзак в русской истории вообще загадочная личность, пришедший неизвестно откуда и ушедший неизвестно куда. По-видимому, он возглавлял какую-то "дикую" орду, враждебную и Игорю и, отчасти, Кончаку. Сам Кончак подоспел только к концу сражения, которое вряд ли длилось долго, поскольку даже крупнейшие битвы той эпохи заканчивались в течение одного светового дня. И здесь опять возникает неясность. Обладая взятым накануне полоном, русские могли им окупить свою свободу, это было обычным делом. Но о полоне, о вежах, о "красных девках" в источниках нет больше никакого упоминания. Известно лишь, что подоспев к концу битвы Кончак, как истинный друг и рыцарь, первым делом взял на поруки Игоря, устроил его у себя и, не успев отговорить разъяренного Гзака от похода в Посемье, бросился мстить за Игоря Владимиру Глебовичу.

Получается, что загадок много больше, чем принято считать. На первый взгляд, они неразрешимы. И все же они поддаются достаточно логическому прочтению. Стоит лишь вспомнить взаимосвязанные факты, о которых теперь можно говорить с уверенностью: крепнущую на протяжении 5-6 лет дружбу Игоря с Кончаком, положение Игоря в "плену", отказ Кончака идти на города Посемья, скорое и успешное бегство Игоря после возвращения Кончака из-под Переяславля, а главное - тогда же происшедшая женитьба Владимира Игоревича на Кончаковне, с которой он вернулся на Русь, как только подрос их первенец. А это случилось очень быстро! [17]

---

[17] Там же. Стб.658-659.

О том, что брак детей Игоря и Кончака был ими задуман задолго до мая 1185 г., писал еще А.И.Лященко [18]. Предполагали это и другие исследователи. Подтверждение такой мысли можно найти во всех трех источниках, сообщающих о странном "бое", что в исторической реальности, как можно думать, соответствует обыкновенной инсценировке умывания невесты. В сущности, автор "Слова" прямо писал об этом, поминая "красную девку половецкую" с ее подругами и служанками, составлявшими свадебный кортеж. При всей фантастичности образов поэтический текст в передаче "опорных" фактов опять оказывается более точен, чем историко-литературные повествования! Отсюда и своеобразная "опись приданого" в "Слове", и веселое пиршество, попавшее в рассказ "Лаврентьевской летописи" в совершенно искаженном виде... Такое прочтение прозаического текста объясняет и описание поездки, предназначенное подчеркнуть мирный характер предприятия, отношение Игоря к солнечному затмению и разговор со "сторожами". В самом деле, вернуться домой, не попытавшись "выкрасть" невесту, которая уже ждала жениха в условленном месте, всего за один дневной переход, было бы "соромом пуще смерти"!

В этом случае становится понятно, почему вместе с Игорем отправился из Чернигова Ольстин Олексич, на которого уже не первый раз возлагались дипломатические миссии в переговорах "ольговичей" с половцами [19]. Понятно и изумление русских князей, когда вместо ожидаемого Кончака, который, согласно ритуалу степной свадьбы, должен был появиться на следующий день, проснувшись они увидели, что окружены враждебными половцами, от которых пришлось оборонять не только себя,

---

18 Лященко А.И. Этюды о "Слове о полку Игореве" // ИОРЯС. - Л., 1926. Т.31. - С.140.

19 ПСРЛ. Т.2. Стб.635.

но ~~и себя, но~~ и свой драгоценный "полон"... Кстати сказать, очень вероятно, что возникший в описании боя с Гзаком сюжет о половецких лучниках "три дня" не подпускавших к воде воинов Игоря, возник как своеобразное отражение описания первой "сшибки": "не успели подойти к воде", "выступили лучники" и т.д. Иными словами, здесь мы находим уже собственно литературное развитие сюжета по законам калейдоскопического умножения единичного факта...

Мне уже приходилось писать о причинах, побудивших неведомого автора "Слова" взяться за перо с призывом к русским князьям прекратить усобицы и "закрыть Полю ворота", то есть отказаться от приглашения к участию в усобицах своих половецких друзей и родственников. Иными словами - "не выносить сор из избы", не приглашать чужаков разбирать семейные конфликты [20]. Пример Кончака, мстившего переяславльскому князю за Игореву обиду, оказывался достаточно красноречив и страшен. Но не одни только высокие идеи единения русских князей перед лицом степной опасности побудили патриота XП в. к созданию бессмертного произведения. Его пронизывали "вечные темы" мира, любви и дружбы. Современные ему читатели видели в "Слове" и в недошедшей до нас повести увлекательный и, надо сказать, традиционный для средневековья литературный сюжет [2I], неожиданно воспроизведенный дейст-

---

[20] Никитин А.Л. К вопросу стратификации "Слова о полку Игореве" // Герменевтика древнерусской литературы: XI-XУ века.

[2I] В этом направлении много сделано А.Н.Робинсоном, в ряде фундаментальных исследований показавшим место и значение древнерусской литературы в системе средневековых литератур Востока и Запада (напр. последняя по времени работа: Робинсон А.Н. Литература древней Руси в литературном процессе Средневековья XI-XШ вв. - М., 1980).

вительностью: борьбу князей, дружбу христианского рыцаря с "язычником", желание породниться домами, зловещие знамения на пути свадебного поезда, пир, едва не ставший смертным, неожиданное нападение врагов, плен, месть "язычника" за своего христианского друга, лишенного возможности исполнить свой рыцарский долг [22], спасение из плена и, наконец, возвращение молодых домой уже с ребенком. Сюжет, совершенно невозможный на Руси сто лет спустя, а в то время не только широко распространенный в куртуазной литературе, но даже встречавшийся в жизни.

---

[22] Можно думать, что поход Игоря преследовал две цели: женитьбу сына (ср.: Манн Р. Свадебные мотивы в "Слове о полку Игореве" // ТОДРЛ. - Л., 1985. Т.38. - С.514-519), который должен был вернуться с молодой женой в Путивль или остаться в кочевьях Кончака, и дальнейший совместный набег с Кончаком на Переяславль, для чего и требовалось "черниговская помочь". Только из степи Игорь мог внезапно нанести удар Владимиру Глебовичу. Замысел его был достаточно прозрачен для Святослава, пытавшегося примирить "братию", почему и "нелюбо бысть ему", когда он узнал об уходе Игоря, представляя,во что может вылиться разгорающаяся вражда между "ольговичами", к которым сам принадлежал, и "мономашичами"...

А.Л.НИКИТИН

К ВОПРОСУ СТРАТИФИКАЦИИ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Всестороннее изучение "Слова о полку Игореве", продолжающееся без малого уже два столетия, показало, насколько труден и сложен путь к пониманию и правильному прочтению этого замечательного памятника древнерусской литературы. Одним из главных препятствий в этом направлении оказывается уникальность текста, дошедшего до нас к тому же не в палеографическом варианте, а в его издательском прочтении, вызывающем многочисленные споры, догадки и нарекания. Эта же уникальность, как мне кажется, создает иллюзию обманчивой легкости расшифровки древнего произведения и достигнутых успехов, зафиксированных в изданиях последних лет как нечто окончательное, другими словами, как некий исторический факт, хотя на самом деле отмечено всего лишь одно из возможных толкований. Такое положение одинаково распространяется как на древнерусскую поэму в целом, так и на отдельные ее части, фразы, слова и перестановки частей. Между тем уже существование "Задонщины" в шести списках, весьма отличных друг от друга - по композиции, охвату и интерпретации фактов, лексике, использованию в поэтической ткани прямых заимствований из "Слова о полку Игореве", благодаря чему между двумя выдающимися поэтическими произведениями средневековой Руси прослеживается четкая текстологическая и хронологическая зависимость, - могло бы заставить исследователей с большей осторожностью настаивать на окончательности того или

много толкования очередной загадки "Слова".

Другим источником затруднений в понимании и анализе "Слова" служит молчаливо принятая большинством его исследователей точка зрения, согласно которой имеющийся в нашем распоряжении текст во всех своих частях является продуктом единоличного и одноразового творческого акта, дошедшим до нас без каких-либо существенных искажений. Подобное утверждение, идущее вразрез со всем тем, что твердо установлено историческим литературоведением относительно творческого процесса средневековья [1], ничем не доказывается, будучи постулировано как аксиома. Многослойность текста "Слова" могла явиться результатом ранней контаминации прозаической повести о походе Игоря и поэмы ("песни")об этом же событии, усложненной последующим влиянием обоих произведений на летопись и "Задонщину" (что предполагает возможность и обратного, так сказать отраженного, влияния "Задонщины" на "Слово" в его позднем изводе), или в результате усвоения текстом "Слова" более ранних произведений сходного жанра, послуживших такой же основой для творчества автора "Слова", как его собственное произведение послужило образцом и "строительным материалом" для "Задонщины".

Разработка "стратификационного" направления в изучении "Слова" представляется мне первоочередной задачей потому, что вводит нас в творческую лабораторию русского средневековья, позволяя увидеть технологию возникновения литературных произведе-

---

[1] Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домосковского периода. Пг, 1922, стр.57; Лихачев Д.С. Текстология. Л. 1983, стр.~~44~~-45 и др.

ний и принципы формирования жанров [2]. Первые шаги на этом пути позволили подтвердить факт текстологической зависимости автора "Слова" от произведений Бояна, поэта второй половины XI в.

В предыдущих работах, посвященных этим вопросам, я показал, что попытки обнаружения остатков текста Бояна, как в "Слове", так и в русских летописях, предпринимались давно и многими исследователями. Текст Бояна, поддающийся в большей или меньшей степени прочтению и реконструкции, был обнаружен в так называемом "панегирике", "сне Святославе" и в "ответе бояр", восходящем к "вещему сну" Святослава Ярославича [3]. К этому перечню надо добавить реконструкцию начальных фраз "Слова", заключавших в себе первоначально не противопоставление автора поэмы – Бояну, а наоборот, утверждение, что он, автор, будет следовать основной идее ("замышлению") Бояна и заимствуемым у него "старым словесам". Логическое объяснение возникшего под пером позднего переписчика недоразумения (соединительный союз "а" был воспринят им в противительном значении и усилен отрицательной частицей "не") нашло полное грамматическое подтверждение в специальном исследовании И.А.Поповой [4], почему-то вы-

---

[2] Лихачев Д.С. Указ.соч.

[3] Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве". Сон Святослава // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XVII веков. - М., 1978. - С.112-140; Он же. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы // Октябрь. 1977. № 7. С.133-163.

[4] Попова И.А. Значение и функции союза "а" в древнерусском языке // Научный бюллетень ЛГУ. - Л. 1945. № 2. С.30-33.

павшей из круга зрения всех без исключения исследователей "Слова".

Поскольку вопрос этот чрезвычайно важен, а небольшая статья опубликована в редчайшем издании, позволю себе процитировать основной вывод работы. "Одним из древнейших и основных значений союза "а" было соединительное, обнаруживающееся более четко лишь в древнейших памятниках... Соединительное значение "а" было соединительным особого рода: "а" соединяло не родственные, близкие, объединяемые между собой понятия, а служило для соединения понятий далеких, неоднородных, необъединяемых и даже противополагаемых. Соединение с помощью "а" носило характер необязательного присоединения, добавления, вроде "кроме того", "сверх того", "да", прибавляющего еще что-то, причем добавляемое органически не связано с предшествующим, не вытекает из него, но присоединяется как нечто новое, далекое, часто случайное, неожиданное, даже противоположное ожиданию и тогда противополагаемое" [5].

Именно такая ситуация открывается в одной из первых фраз "Слова", автор которого заявил, что "начати же ся тьи песни по былинамь сего времени, а (не) по замышлению Бояню", то есть "поэма будет повествовать о современных событиях, и (сверх того) следуя также идеям Бояна". Отсюда – обращение к Бояну, воспроизведение его творческой манеры, "старые словеса", – все то, что прямо указывает на зависимость поэта XII в. от поэта XI в., но что из-за появления частицы "не" воспринималось в смысле прямо противоположном тому, какой вложил в эту фразу ее автор.

---

[5] Там же, стр. 31.

Снятие мнимого противоречия не просто открыло возможность стратифицированного подхода к тексту "Слова". Вычленяемые и реконструируемые отрывки произведения Бояна оказались новым историческим источником о событиях 70-х гг. XI в., - времени наиболее "темном" в истории домонгольской Руси, поскольку из летописей оказались изъяты сведения о годах княжения Изяслава и Святослава Ярославичей, а оставшийся материал был тенденциозно переработан в пользу Всеволода Ярославича и его сыновей. Кроме того вычленение текстов, восходящих к XI в., открывало заманчивые перспективы и для филологов, осторожно указывавших на своеобразное "двуязычие" замечательного памятника, наличие в его лексике уникальных для письменности домонгольской поры прилагательных [6], редких слов - гапаксов, а вместе с тем болгаризмов и сербизмов [7], предполагающих влияние культуры Первого болгарского царства.

Не меньшее значение имел новый подход для текста самого "Слова о полку Игореве", учитывая тот вид, в котором он дошел до нас. Реконструкция и новое прочтение отдельных отрывков, исходя из реальности XI в., помогли в ряде случаев обнаружить ошибки средневековых переписчиков, не замеченные ранее. Это относится к случаю с частицей "не", упоминанию "моря" в сцене бегства Игоря, исправление слова "дьскы" в "Сне Святослава" на первоначальное "детскы". Последний пример заставил обратить внимание на изменение значения того или иного слова при вторич-

[6] Перетц В.Н. К изучению "Слова о полку Игореве", Л., 1926, стр. 88-149.

[7] Перетц В.Н. Слово о полку ІгоревІм. У КиІвІ, 1926. стр. 247-248 и др.

ном использовании текста. Как я постараюсь показать ниже, искажение первоначального значения слова или термина не всегда носило пассивный характер, когда переписчик заменял незнакомое ему слово – знакомым, сходным по написанию [8]. В том случае, когда изменения касались текста, восходящего к XI в., часто можно видеть сознательное переосмысление и последующую перестройку фразы, отвечающую той новой эмоциональной и смысловой нагрузке, которую ей предназначал автор "Слова". Как это происходило с текстом самого "Слова о полку Игореве", использованном в "Задонщине", в свое время показала В.П.Адрианова-Перетц в обстоятельной работе, к сожалению, не получившей дальнейшего развития, хотя примеры были весьма красноречивы [9].

Естьи примеры другого рода, когда то или иное слово, "захваченное" в старом контексте и не переработанное, оказывается "незамеченным" новым содержанием. Между тем оно сохраняет свою смысловую активность и в дальнейшем может оказывать серьезное влияние на другой, корреспондирующийся со "Словом" текст (например, летопись), разрушая его достоверность. Так произошло с "морем", игравшим немалую роль в сюжетной канве поэмы Бояна – как указание страны света, как географический ориентир, как символическое указание на судьбу сыновей Святослава в его "вещем сне", наконец, как путь, которым Олег Святославич возвращается на Русь из Византии. Неожиданная вставка в рассказ "Ипатьевской летописи" фразы о гибели в море остат-

---

8 Лихачев Д.С. Указ. соч., стр. 78-84.

9 АдрІанова-Перетц В.П. "Слово о полку ІгоревІм" І "Задонщина". Радяньске лІтературознавство", 1947, № 7-8, стр.135-177.

ков войска Игоря Святославича, приводившая в недоумение многих исследователей, пытавшихся оправдать ее историко-географической реальностью, как нельзя лучше показывает роль поэтического произведения в формировании общественного мнения и прямой зависимости истории - от поэзии.

В этих заметках, которые служат продолжением предыдущей работы [10], я предлагаю ряд новых прочтений отдельных мест "Слова", восходящих как к тексту 1185 года, так и к текстам, заимствованным у Бояна.

"Галичкы Осмомысле Ярославе..." Необычный эпитет в обращении автора "Слова" к галичскому князю Ярославу Владимировичу (около 1130 г. - 1.X.1187 г.) вызвал к жизни ряд заметок, пытавшихся объяснить его с помощью исторических сведений об этом князе, которые сохранили нам древнерусские летописи и текст поэмы. Следуя примерам, собранным в соответствующей статье "Словаря-справочника..." [11] и комментарию Д.С.Лихачева [12], все эти попытки можно свести к трем толкованиям: 1) "осмомысл" - "осмородный", так в древнерусской литературе было переведено второе имя Августа Октавиана, что, по мнению В.Ф. Ржиги, должно было подчеркнуть "цезаризм" Ярослава, его неограниченную власть и успехи в борьбе с галичским боярством, особен-

---

[10] Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве"...

[11] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып.4, Л., стр. 38-39.

[12] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический. В кн.: "Слово о полку Игореве". Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. Литературные памятники. М.-Л., 1950, стр. 410.

но досадившим Ярославу в юности; 2) "осмомысл" - человек восьми греховных помыслов, то есть погрязший в грехах, - мнение маловероятное, поскольку подобное обращение было бы предельно оскорбительным; 3) "осмомысл" - человек восьми государственных забот, восьми господствующих в его уме дел, которые перечисляются в "Слове": "подпирание" Угорских гор полками, "заступление" какому-то королю пути, "затворение ворот" Дуная, "метание неких тяжестей "чрез облакы", наряд судов до Дуная, "течение" гроз по землям, открытие киевских ворот и охота за "салтаном".

Малопонятный перечень дел Ярослава Владимировича убеждает, что этот поэтический персонаж далеко не так прост, как может показаться с первого взгляда. И все же можно думать, что действия его вряд ли имеют какое-либо отношение к эпитету. Общий обзор толкований показывает, что исследователи всякий раз исходили из предпосылки главенствующего значения числа "восемь" и точной передачи первоначального написания слова "осмомысл". Между тем возможно иное прочтение, опирающееся на значение древнерусского слова "оснъ" - "острие"[13]. Другими словами, в дошедшем до нас тексте заключена одна из ошибок-"невидимок" очередного переписчика, которая может быть выявлена только логическим путем. Первоначальное слово "осномыслъ", т.е. "остроумец", "прозорливый", острого ума человек, в конечном счете - "мудрый", в результате нечеткого написания (или прочтения) буквы "н" было превращено в "осмомыслъ", сохранив почти неизменным звучание, графику и мнимую смысловую ясность, не подда-

---

[13] Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка. т. II, СПб, 1895, стб. 732.

ющуюся, однако, точному переводу. Мне кажется, именно мнимая понятность странного эпитета, первоначальное значение которого интуиция подсказывала каждому читателю древнерусской поэмы, и стояла долгое время на пути решения одной из загадок Ярослава Владимировича галичского, сведения о котором, содержащиеся в "Слове", еще ждут своего действительного истолкования.

"Стязи глаголютъ". В не до конца понятном перечне явлений, предшествующих основному столкновению войска Игоря с половцами, внимание исследователей останавливалось, как правило, только на выражении "стязи глаголютъ", отъединяя его от предшествующих фраз и, наоборот, смыкая с последующими. Подобное чтение зафиксировано и в соответствующей статье "Словаря-справочника...", где стяги "глаголют" о том, что "половцы идут от Дона, и от моря, и от всех стран..." [14]. В таком виде указанный отрывок предстает перед читателем как безусловная проза. Между тем внимательное чтение всего текста обнаруживает "шов", проходящий как раз перед словом "половцы". Предшествующие фразы, включая и выражение "стязи глаголютъ", являют нам остатки строфики (от "земля тутнет..."), с наибольшим вероятием восходящей к поэтическому наследию Бояна, порождая ряд недоуменных вопросов.

Нет единого мнения и относительно выражения "стязи глаголютъ". Споры вызывают как существительное "стязи", трактуемые то как "отряды", то как "знамена", так и глагол, выражающий действие или состояние: если "отряды" переговариваются, шумят, сигнализируют о приближении половцев, то и "знамена" шумят или

---

[14] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. I, Л., 1965, стр.156.

трепещут (звучат).

Образ "переговаривающихся перед сражением отрядов" может возникнуть только в том случае, если указанное словосочетание будет отнесено к последующему прозаическому тексту, сообщающему о подходе половецких войск. На самом же деле выражение "стязи глаголютъ" принадлежит предшествующему тексту, который рисует обстановку перед боем. Не настаивая на окончательности прочтения, приведу этот отрывок в своем пояснительном переводе: "земля трясется, помутнели реки, пыль окутывает степь". Естественное развитие этой панорамы перед битвой завершается логическим указанием на развевающиеся знамена стоящих в ожидании войск, которые только и вписываются в общую картину. Мне представляется, что в данном случае поэт употребил эвфемизм, сохранившийся в русском разговорном языке до начала XX века - "стоять глаголем" - подобно тому, как о человеке, упирающем руки в бока, принято было говорить, что он "стоит фертом".

Конечно, можно допустить, что автор "Слова о полку Игореве", использовав динамическую картину затишья перед боем, заимствованную у Бояна, прозаическим добавлением о подходе половцев изменил смысловые акценты, заставив стяги "говорить", но мне кажется это маловероятным: древнерусский книжный человек был чувствителен к оттенкам значений слова, а выражение "стязи глаголют", то есть "стоят глаголем", "развеваются", было, по-видимому, настолько однозначно в поэтическом восприятии текста, что изменение его смыслового значения вряд ли могло иметь место.

Наконец, стоит напомнить еще об одном обстоятельстве, которое прямо готовит читателя к восприятию именно развевающихся знамен - упоминание перед этим ветров, которые "веют с моря

стрелами" на полки Игоря, рождая картину мощного воздушного потока, отмеченного развевающимися войсковыми значками и штандартами.

"Посуху живыми шереширы стреляти...". В обращении автора "Слова" к князьям за помощью первым назван владимиро-суздальский Всеволод Юрьевич "Большое гнездо". Своеобразный ритмический рисунок, сохраняющийся от начала до конца обращения к этому князю, выдержанное чередование обращения и восхваления его мощи (от "не мыслию ти..." до "...поблюсти" и от "аще бы ты..." до "...по резане" чередуются с "ты бо можеши..." до "...выльяти" и "ты бо можеши..." до "...сыны Глебовы") не оставляют места сомнению, что он полностью принадлежит перу автора XII в. и сохранился достаточно хорошо. В нем присутствует намек на династические права адресата ("отня злата стола поблюсти"), на недавний победоносный поход против волжских болгар ("Волгу веслы раскропити" и т.д.) 15, так что единственной загадкой остаются "шереширы", которым уподоблены рязанские и пронские князья, сыновья Глеба Ростиславича рязанского.

Упоминание драчливых, постоянно враждовавших с владимиро-суздальским князем рязанских князей в качестве его "подручных", ходящих "в его воле", само по себе чрезвычайно интересно, поскольку становится своеобразным датирующим признаком возникновения "Слова". Поход на волжских болгар в 1183(6692) году был тем редким случаем, когда рязанские князья оказались объединены под главенством Всеволода Юрьевича. Уже в 1186 г. между Рязанским и Владимирским княжествами разгораются военные

---

[5] Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). - СПб., 1900. Т.II. - Стб.625-626.

действия, а в 1187 г. Всеволод Юрьевич совершает обстоятельный поход на своих рязанских "подручных". Другими словами, упомянуть именно так о взаимоотношении Всеволода и "сынов Глебовых" можно было только в 1185 г., на что в свое время обратил внимание Б.А.Рыбаков [16], притом с позиций человека, явно симпатизирующего владимиро-суздальскому князю.

Однако, что же подразумевал автор под "шереширами", когда сравнивал с ними рязанских князей? Слово "шереширы" до сих пор известно только в этом контексте "Слова", в других памятниках древнерусской литературы оно не встречено. Попытка вывести его из греческого слова "сарисса", т.е. "копье", вызвала категорический протест М.Фасмера [17] и, насколько мне известно, филологами поддержана не была. Столь же неудачной оказалась попытка П.М.Мелиоранского связать "шереширы" с персидским "tīr-i čarx", означавший снаряд, летящий по воздуху и напоминающий ракету. К.Г.Менгес в обстоятельном разборе возможных тюркских истоков интересующего нас слова показал невозможность подобной этимологии, отказавшись и от варианта Р.Якобсона, выводившего "шереширы" из звукоподражательного "шуршать, издавать шорох", и т.п. [18]. По-видимому, следует отказаться и от догадки, ни на чем, впрочем, не основанной, что "шереширы" являются русским названием знаменитого "греческого огня". Все это делает понятной позицию комментаторов, которые при очеред-

---

[16] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.494.

[17] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., 1973. Т.IУ. - С.430.

[18] Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". - Л., 1979. - Стб.180-186.

ном издании текста "Слова" приводят в примечаниях к "шереширам" одно из толкований, которое кажется им наиболее верным, или ограничиваются замечанием первых издателей "Слова", что его автор назвал так "неизвестный уже ныне воинский снаряд".

Попробуем посмотреть, нет ли еще неиспользованных возможностей, которые могут помочь если не разгадать загадку, то хотя бы наметить пути к ее решению, исходя из функционального значения непонятного слова и рассмотрев его в общем контексте обращения к Всеволоду Юрьевичу.

По-видимому, главное свойство "шереширов" раскрывается возможностью использовать их в виде своеобразных стрел ("можеши... стреляти"), подразумевая под этим определенное техническое действие. Уже одно это позволяет отказаться от поисков их среди "греческого огня", баллист и прочих осадных орудий. Вторая особенность, на которую до сих пор не было обращено внимание, заключена в указании, что "шереширами" можно стрелять "посуху". Подобное уточнение вряд ли случайно. Скорее всего автору оно понадобилось для того, чтобы указать на возможность использовать "сынов Глебовых" не только в речном походе, каким был поход на волжских болгар, но и в сухопутных военных акциях. Это означает, что читателю конца XII в. термин был хорошо знаком и неизбежно ассоциировался с водой. Больше того, указанные свойства "шереширов" позволяют думать, что автор "Слова", широко использовавший в своей поэтике зоологические параллели, и в этом случае уподобил рязанских князей - быстрых, подвижных, стремительных - каким-то схожим и хорошо известным представителям водного царства.

Приведенные соображения позволяют мне с достаточным основанием предполагать, что на месте теперешних "шереширов" в текс-

те "Слова" стояло схожее, достаточно древнее и широко известное в народе слово "шерешперы", означающее рыбу жерех (Aspius aspius L.). Этот сильный и стремительный хищник при нападении выскакивает из воды подобно серебряной стреле и обрушивается на стайку рыбьей мелочи, оглушая ее ударами хвоста. Непревзойденный знаток пресноводных рыб русских водоемов Л.П.Сабанеев [19] в качестве характерной черты жереха отмечает, что, если взрослые особи, как правило, охотятся на плесах в одиночку, молодые, наоборот, нападают стайкой и их выплеск над водой похож на залп металлических стрел.

Эти наблюдения вполне согласуются с тем образом, который возникает у читателя "Слова". Он находит свое место в ряду остальной зооморфной образности поэмы, вполне объясняет невольную описку одного из ее переписчиков - "и" вместо "пе" - и хорошо согласуется с прилагательным "живыми", которое в данном случае является не антитезой "мертвые", а употреблено в значении "быстрый", "подвижный", "стремительный".

Стоит указать еще одно немаловажное обстоятельство, подтверждающее такое толкование. В ритмическом и смысловом рисунке текста, в котором собственно обращения к Всеволоду чередуются с демонстрацией его неограниченных возможностей, "шереширы" прямо корреспондируются с упоминанием рек Волги и Дона, где действительно были употреблены "сыны Глебовы"; теперь автор предлагает использовать их "посуху"...

"Се бо готские красныя девы въспеша на брезе синему морю,

---

[19] Сабанеев Л.П. Жизнь и ловля пресноводных рыб. Киев, 1960, стр. 520-523.

звоня рускым златомъ; поютъ время бусово, лелеютъ месть Шароканю".

Завершающий пассаж "ответа бояр" на загадки "сна Святослава" ни разу не был объектом самостоятельного исследования. Рассматриваемый на хронологическом и семантическом уровне событий 1185 г. он воспринимался, с одной стороны, как воспоминание о поражении Шарукана в 1068 г. от Святослава Ярославича, своеобразным "отмщением" которого стало пленение Игоря Святославича "с братьей", а с другой стороны - идиллической картиной прибрежной Готии, куда должно пойти "русское золото", полученное половцами в результате выкупа Игоря из плена. Привлекало внимание только "время бусово". Впрочем, начиная с 1876г., когда О.Огоновский высказал мысль, что это выражение означает воспоминание готов об антском князе Бозе или Бусе, который, по сообщению Иордана, был распят вместе с семьюдесятью старейшинами готским королем Амалом Винитарием [20], это мнение прочно укоренилось в литературе о "Слове". Правда, филологи-германисты неоднократно подчеркивали малую вероятность мнения Огоновского, поскольку в тексте Иордана нет никакого "Боза" или "Буса": есть "бож", но это скорее всего не имя собственное, а всего лишь латинизированная передача славянского слова "вождь", как то свидетельствует из контекста [21], однако на них внимания не обратили [22]. Между тем сама возможность сложения готами песен о побежденном противнике, имя которого при этом распространено на всю эпоху, то есть прославлено в веках, мягко говоря, маловероятно. Ничего подобного в истории неизвестно.

---

[20] Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, стр. 115.

[21] Там же, стр.611.

[22] Ср. Рыбаков Б.А. Указ. соч., стр. 417-421.

Недавно появившаяся содержательная заметка М.А.Салминой показала возможность иного объяснения этого места, напомнив о существовании в прошлом "бусы" - средневекового военного корабля, хорошо известного на Балтийском море и в качестве такого термина зафиксированного новгородскими летописями и юридическими документами ХУ-ХУI вв.[23] Новое прочтение позволяет интерпретировать выражение "поют время бусово" как "воспевают времена морских походов", что коренным образом меняет не только поэтическое звучание, но и смысл отрывка. Правда, не на уровне событий II85 г., а на предшествовавшем ему уровне поэмы Бояна, откуда, как мне довелось показать в свое время, был целиком взят цитируемый текст [24]. Возможность заимствования "готских красных дев", мифического "Буса", имени Шарукана из Бояна и более древних источников не отрицалась и раньше, поскольку налицо были реалии не только второй половины XI в. (Шарукан), но и более архаические (Боз, готы) [25].

В какой связи Боян сопоставил в одной фразе готов, время их набегов, отразившееся в песнях, с "русским золотом" и отмщением Шарукану?

Развивая идею М.А.Салминой, стоит напомнить, что готы обитали не только на Нижнем Дунае, где существовала самостоятельная готская епископия и где, кстати сказать, происходили у них указанные столкновения с антами, а позднее - с русами [26]. Не

---

[23] Салмина М.А. Из комментария к "Слову о полку Игореве", ТОДРЛ, XXXУI, Л., I98I, стр. 228-229.

[24] Никитин А.Л. Наследие Бояна.., стр. II4.

[25] Рыбаков Б.А. Указ. соч., стр. 42I-439.

[26] См. Белтков Д.Н. Начало христианства у готов и деятельность епископа Ульфилы. Казань, I887.

случайно на реках, впадающих с северо-запада в Черное море, в том числе и на Днепре, еще в конце прошлого века можно было найти "бусу" - древнейший тип судна, описанный Константином Багрянородным под именем "однодеревки" в полном соответствии с его конструкцией [27].

Именно туда, в Подунавье, а не на приднепровскую Русь,как это может показаться знакомому с древнерусскими летописями человеку, направляли свои основные походы половцы, обитавшие в южнорусских степях между Волгой и Днепром. Их привлекали богатства Византийской империи. Именно там, а не на побережье Крыма, они входили в тесный контакт с торговцами-готами, населявшими приморские города к югу от дельты Дуная. Туда же отправляли половцы полон и туда, по-видимому, притекало "русское золото", которое они получали в качестве выкупа за пленных [28]. Для Бояна, который писал в сложной внутри- и внешнеполитической обстановке тех лет, естественно было провести параллель между "отмщением Шаруканю", выразившимся в убийстве половцами сына Святослава Ярославича, который всего за II лет до этого наголову разбил и захватил в плен выдающегося половецкого хана, и "готскими красными девами", воспевавшими набеги своих предков на славянские земли.

Напрашивалась и еще одна параллель - между русским золотом в руках готов и тем золотом, которым Всеволод Ярославич оплатил половцам убийство своего племянника. Реализацию этой параллели можно видеть во фразе "панегирика", непосредственно

---

[27] "Буса". Энциклопедический словарь, изд. Ф.А.Брокгаузом и И.А.Ефроном. т. У, СПб, 1891, стр. 64.

[28] Diaconu P. Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XII siècles. Bucureşti,1978.

восходящей к тексту Бояна, в которой он обличает Всеволода. Князя "кают" - проклинают - окрестные народы за то, что в день битвы на Каяле он разрушил мир на Русской земле, "руки половецкие русским златом осыпаша" [29].

И все же значение заметки М.А.Салминой о "времени бусовом" было гораздо значительнее и шире, чем только прочтение очередного "темного места". Ее обращение за подкрепляющими примерами к северному культурному региону Европы могло быть интуитивным, но далеко не случайным. Выражение "время бусово", переводимое, как "время виков", то есть время морских набегов, открывает в нем простой кеннинг, типичный для скальдической поэзии, отзвуки которой у Бояна находили многие исследователи "Слова" [30], догадывавшиеся, что перед ними не первый, верхний, а второй, нижний пласт поэмы. Соответственно, на этом уровне иное толкование получают и знаменитые "бусовы враны", справедливо читающиеся в тексте 1185 г. как "серые вороны", и не менее известный "босый волк", объяснение которого, в соответствии с замыслом автора "Слова", находили в параллелях брянских говоров [31].

Истоки того и другого кеннинга, как теперь можно полагать, восходят не к тотемическим представлениям половцев [32], а ко

---

[29] Никитин А.Л., Наследие Бояна.., стр. 131.

[30] Напр., последняя по времени статья Д.М.Шарыпкина: Боян в "Слове о полку Игореве" и поэзия скальдов. ТОДРЛ, XXXI, Л., 1976, стр. 14-22.

[31] Козырев В.А. Словарный состав "Слова о полку Игореве" и лексика современных русских народных говоров. ТОДРЛ, XXXI, стр. 95.

[32] Гордлевский В.А. Что такое "босый волк"? В кн.: Избранные сочинения, т.П, М., 1961, стр. 482-504.

"времени бусову". Обращаясь к скальдической традиции, в силу каких-то причин повлиявшей на поэзию Бояна достаточно сильно, можно видеть, что все три словосочетания имеют один определяющий элемент - "бусу": "ворон бусы", "волк бусы" и, как итог, "время бусово". В древнескандинавской (балтийской) скальдической традиции "ворон бусы" и "волк бусы" были адекватны простым кеннингам типа "ворон корабля" и "волк корабля" (в сложных кеннингах вместо корабля будет использован образ "морского коня"), что равнозначно кеннингам "ворон моря" и "волк моря". Все они обозначают "воина" [33]. И если единственное упоминание, предстающее в авторском тексте "Слова" уже в новом осмыслении "босого"- т.е. первоначально "бусова" - волка" не позволяет со всей определенностью настаивать на предлагаемой реконструкции толкования поэтического образа, то сохранившийся контекст с "бусовыми вранами" ("боусовы врани възграяху у Плъснеска на болони") делает возможным отнести всю фразу к наиболее архаическому пласту реалий, уводящих исследователя в область Балканской (Дунайской) археологии (Дунай, Траян и др.), где на валах какого-то Плеснеска (возможно, в предградье Плиски весной 972 г.) могли появиться "бусовы враны" - воины Святослава Игоревича, продолжавшие на Черном море традиции готских викингов.

"Дивь кличет връху древа, велитъ послушати земли незнаеме, Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тьмутороканьскый блъванъ".

Комментарий к слову "дивѣ" ("дивь"), приведенный в "Слова-

33 Младшая Эдда, Л., 1970, стр. 69 и др.

ре-справочнике...", далеко не исчерпывает всех толкований, предложенных за истекшее время исследователями и переводчиками[34]. Кроме неведомого божества из круга славянской или индо-иранской мифологии, дозорного на кургане (или на дереве), "дикого" половца и других объяснений этого, не совсем ясного места в тексте "Слова", часть исследователей видит в "диве" представителя царства пернатых. Наиболее подробно объяснил "дива", как "филина" Е.В.Барсов, хотя его точка зрения преобладающего признания не получила. В последние годы возник интерес к старому предположению Л.Гая – Д.Н.Дубенского, что "див" является искажением первоначального "диеб" или "деб", обозначавшего в западно-славянских языках птицу удода. Наиболее убедительное историко-литературоведческое подтверждение эта догадка получила в работе С.В.Шервинского, обратившего внимание на устойчивую функцию удода в средневековой поэзии Востока, где он исполняет роль вестника[35]. В тексте "Слова" эта функция реализуется обращением "дива" при виде выступившего в поход Игоря к "землям незнаемым", перечисленным поименно, со включением в их число "тьмутороканьского блъвана".

Само по себе прочтение "дива" как "удода" не вызывает особых возражений потому, что в "Слове" упомянуты многие виды зверей и птиц. И все же, несмотря на убедительность приводимых аргументов, можно заметить, что переводчики, в том числе и сам С.В.Шервинский, не решились на замену "дива" его реаль-

[34] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". - Л., 1967. Вып.2. - С.29-31.

[35] Шервинский С.В. "Дивъ" в "Слове о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-XУП веков. - С.134-140.

ным прототипом. Причину этого следует искать, по-видимому, в явной несоразмерности маленькой птички с очень негромким голосом той грандиозной картине, в которую включен "див", а вместе с тем и в дисгармонии удода с образом зловещего вестника той реальности, которая его окружает.

По-видимому загадка "дива" требует не одного, а нескольких решений, каждое из которых будет соответствовать определенному семантическому (и хронологическому) уровню текста древнерусской поэмы. В этом случае крайними определениями "спектра" возможных толкований "дива" окажется, с одной стороны, признание его мифологической природы, а с другой - концепция Гая - Шервинского. Соединяющим их звеном при этом будет фольклорная интерпретация "дива" Е.В.Барсовым, основанная на словах его информаторов в Олонецком крае, что "див - птица-укальница, серая как баран, шерсть на ней как войлок, глаза как у кошки, ноги мохнатые, как у зверя, птица она вещая - села на шелом - ожидай беду. Сидит она на сухом дереве и кличет, свищет она по-змеиному; кричит она по-звериному; с носа искры падают, из ушей дым валит" [36].

За всей фантастичностью описания можно видеть два слитых воедино, а на самом деле различных образа. Первый из них - оказывается обычным филином или полярной совой; второй - мифологическим персонажем, идущим из глубокой древности. Из каких черт складывался этот образ, как трансформировался в течение веков, сказать пока трудно, это тема специального исследования. Здесь может быть много влияний и наслоений, в том числе и литературных реминисценций, поскольку, начиная с "Задонщины",

36 Барсов Е.В. "Слово о полку Игореве" как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1884, стр. 370.

то есть с конца XIУ века, можно видеть традиционность мифологического толкования "дива" с горестным, зловещим оттенком, - тем самым, который мы находим в "Слове о полку Игореве". В силу этого с достаточной долей вероятия можно утверждать, что в тексте "Слова" загадочный "див" уже изначально представлялся неким зловещим феноменом, чей образ , однако, в сознании автора "Слова", его читателей и переписчиков еще не получил достаточно отчетливых очертаний. Должно было пройти определенное время пока, вогнездившись в древнерусской литературе, "див" перешел в народное сознание уже с какими-то специфическими чертами. Поэтическая интуиция лучших переводчиков "Слова", вопреки толкованиям исследователей, сохранила этот зловещий образ.

Таков "див" первого, верхнего пласта "Слова". Однако здесь он не первичен. Доказательством вторичности использования "дива", появляющегося вместе с текстом Бояна, может служить развернутое перечисление "земель незнаемых" (Влъзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню"), вовсе не являющихся таковыми, что позволяет видеть в этом перечне интерполяцию, разрывающую текст, который восходит к XI в. и связан с Романом Святославичем [37].

Только на этом, более древнем уровне можно попытаться установить первоначальное значение слова "див". Перечисление географических ориентиров, в ряду которых находился и "тьмутороканьский блъванъ", переносило внимание читателя на адресатов, к которым обращался "див" с каким-то ("велит послушати" - что?) известием. Изъятие из поэтической фразы разрывающего ее переч-

---

37 Никитин А.Л. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы... стр. 150.

ня-интерполяции соответственно меняет и ее смысл. В то же время собственно обращение "дива" к тьмутороканскому бльвану, чье изначальное присутствие в тексте подтверждается ритмическим рисунком фразы, повисает в воздухе. Другими словами, изъятие интерполяции сразу ставит вопрос о смысловой соотнесенности между "дивом" и "бльваном", становящимся, таким образом, в один ряд с "землями незнаемыми".

В отличие от "дива", сущность которого мало занимала исследователей "Слова", может быть в связи с интуитивным его постижением на верхнем семантическом уровне текста, "тьмутороканьскый бльванъ" на протяжении всего двухвекового изучения древнерусской поэмы будил воображение, оставаясь одной из самых трудных ее загадок.

В нем предполагали видеть статую, истукана, святилище, половецкого хана, знаменитого богатыря, владельца Тьмутороканя, Таманский полуостров, Керченский пролив, иранское слово "пэглеван", камень с надписью Глеба и многое другое [38]. Толкований было много, и все же, следуя поэтической интуиции, как и в случае с "дивом", переводчики "Слова" предпочитали оставлять его без перевода в ряду географических названий. Иными словами, они следовали примеру автора "Слова", для которого загадочная фигура в системе поэтических образов играла роль лишь одного из ориентиров, позволяющих отметить пространственный окоем героико-эпического действа.

Необходимость точного выяснения природы "тьмутороканского бльвана" возникает только при изучении поэтического наследия

---

38 Словарь-справочник "Слова о полку Игореве", вып. I, стр.56 - 58.

Бояна. Эпическая, поэтическая, мифическая Тьмуторокань XII века при рассмотрении ее в реальности второй половины XI в., приобретает вполне конкретные черты далекого окраинного городка, ставшего последним оплотом сыновей Святослава Ярославича после его смерти. Где конкретно находился этот город, сейчас не имеет значения: вероятнее всего его следует искать не на Таманском полуострове, а где-то в верховьях Дона, на территории, только контролируемой Черниговом, там же, где находился схожий с ним по словообразованию город Шарукань.

Как мы знаем, именно оттуда, из Тьмутороканя, в июле 1079 г. выступил в свой последний поход тьмутороканский князь Роман Святославич, один из главных героев поэмы Бояна. Поход этот был верхом безрассудства и героизма: Роман был еще слишком молод для такого предприятия, опирался он, по-видимому, только на "диких половцев", от которых и принял смерть, начало похода сопровождалось солнечным затмением I июля 1079 г. [39]

Эти обстоятельства позволяют полагать, что "дивъ" - на этом семантическом уровне просто "вестник" - обращался к Роману с каким-то предупреждением, именуя его "тьмутороканьскым блъваном". Если оставить пока в стороне обращение, где "блъванъ" оказывается синонимичен "князю", мы обнаружим в этой логической посылке несколько уязвимых мест. Во-первых, обращение "дива" к Роману предполагает отсутствие союза "и", что сразу нарушает ритмический рисунок фразы; во-вторых, вестник должен передать какое-то сообщение, которому нет места в поэтической ритмике фразы. Отсюда мы должны заключить, что сообщение адресовано "землям незнаемым" и оно здесь уже присутствует. В-третьих, любое со-

---

[39] Никитин А.Л. "Слово о полку Игореве": загадки и гипотезы... стр. 149.

общение, адресованное Роману в данной ситуации, оказывается лишено смысла, поскольку он уже перешел свой "Рубикон" и "диву"-вестнику остается только славить его отвагу и дерзость. В этом и заключается его обращение к "землям незнаемым", которым он "велит послушати" о героизме тьмутороканьского князя ("о тебе..."). Так единственно возможным предлогом в изначальном тексте Бояна оказывается предлог "о", на месте которого при перечне земель было поставлено "и".

Теперь, когда стала понятна связь "дива" с Романом Святославичем, можно попытаться выяснить, что означает его странный титул. Пытаясь решить загадку "тьмутороканьского блъвана" исследователи упустили из вида поэтическую образность "Слова", восходящую своими истоками к литературному этикету XI в. Я имею в виду так называемую "соколиную образность" древнерусской поэмы, на что указывали многие литературоведы, в первую очередь В.П.Адрианова-Перетц, посвятившая этому вопросу специальные главы своего исследования [40]. В результате было твердо установлено, что при всей широте зоологических уподоблений, образ "сокола" в "Слове" неизменно синонимичен понятию "князь"; последние, в свою очередь, уподобляются как отдельным птицам, так и "гнезду" соколов с тонкими оттенками своеобразной иерархии видов.

По отношению к Роману Святославичу "див" употребил видовое название, широко распространенное в то время, но на Руси забытое уже к началу ХУШ века - "бълъбанъ" - "балабан, болобан", название одного из наиболее крупных и красивых степных соколов, в знаменитой соколиной охоте царя Алексея Михайловича именован-

[40] Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-ХШ веков. - Л., 1968. - С.19-20.

лихся "подкрасными кречетами" [41]. Память об этих "князьях" пернатого царства южнорусских степей сохранилась до нашего времени в довольно распространенной фамилии Балабановых (в России зафиксированной с ХУI века), а на Волыни и в Галиции - в имени дворянского рода Балабанов. Одно из древнейших упоминаний этого термина в качестве имени собственного в форме "Балованъ" отмечено М.Морошкиным в польских кодексах ХП века [42]. Таким образом восстанавливаемая фраза поэмы Бояна "Дивъ кличетъ върху древа, велит послушати земли незнаеме о тебе, тьмутороканьскый бълъбанъ", с наибольшим вероятием может быть переведена как "дивъ с вершины дерева обращается ко всем, вплоть до крайних земных пределов, призывая послушать о тебе (о твоем героизме), тьмутороканский сокол!"

В связи с этим можно предположить, что почти не искаженная строфа, восходящая к Бояну и сохранившая единственное число, однако использованная автором "Слова" для загадочных "Романа и Мстислава", о которых до сих пор идут споры, "высоко плаваеши на дело въ буести// яко соколъ на ветрехъ ширяяся // хотя птицю въ буйстве одолети", по-видимому, прямо взята из характеристики Романа, почему и соответствует обращению "дива".

Так кто же этот "див" в своем первоначальном виде? Вопрос, как мне кажется, теперь может быть решен с максимальной вероятностью. Выше, цитируя Е.В.Барсова, я отметил "двуликость" северного "дива", отразившего двойственную природу народного мифотворчества, в котором меня заинтересовал неожиданно реалистический и,

[41] "Книга глаголемая урядник: новое уложение и устроение чина сокольничья пути" // Собрание писем царя Алексея Михайловича. - М., 1856.

[42]. Морошкин М. Славянский именослов или собрание славянских личных имен. - СПб., 1867. - С.7.

по-видимому, не случайный атрибут: сухое дерево.

Если вернуться к толкованию "дива" как птицы удода, не принимая во внимание отмеченное выше его физическое несоответствие масштабу всей картины, эта деталь окажется случайной и ни с чем не говорящей. Однако у удода есть соперник. Если быть точным, в системе средневековой восточной поэзии удод занимает место не герольда, а посланника, вестника. Настоящий герольд - аист, а он, как известно, обитает исключительно на сухих деревьях, башнях, минаретах, как аналогах все того же "сухого дерева": без листвы, в которой могут скрываться враги, и без живых соков, притягивающих молнию. Может быть "дивъ" - аист?

Действительно, в древнерусском азбуковнике ХУІ века, происходящем из Соловецкого собрания, сохранилось забытое, не вошедшее в словари, название аиста (журавля) - "зивь" [43], что графически гораздо ближе написанию "дивь", чем указанные "диеб" или "деб" западнославянских наречий. Таким образом, народное сознание, трансформировав образ "дива" в соответствии с географическими условиями и бытом, в памяти своей сохранило реалистическую и, пожалуй, самую характерную черту забытого прототипа - "сухое дерево", только теперь находящее себе объяснение.

В этой связи стоит упомянуть о специальном исследовании словосочетания "върху древа", которое выполнил один из лучших знатоков древнерусского и болгарского языков профессор Н.М. Дылевский [44]. Он пришел к заключению, во-первых, о присутствии здесь безусловно древнеболгарской языковой конструкции с предлогом "върху", что может служить дополнительным аргументом в

---

[43] Карпов А. Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. - Казань, 1877. - С.18.

[44] Дылевский Н.М. Заметки к "Слову о полку Игореве" // Известия на Института за български език. - София. Кн.ХУІ. - С.269-279.

пользу принадлежности отрывка тексту Бояна; во-вторых, о намеренной акцентации местонахождения "дива" не просто на дереве, но именно на вершине его, как то свойственно для аиста...

Замена удода на аиста в первоначальном тексте Бояна, посвященного выступлению Романа Святославича в его первый и последний поход из Тьмутороканя, на башнях которого и на сухих деревьях при дороге должны были обитать аисты, поднимавшие крик при виде проходящего внизу войска, резко меняет всю поэтическую картину. Она приходит в соответствие не только с реальным пейзажем, но и с литературным этикетом того времени.

"Бориса же Вячеславича слава на суд приведе, и на Канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада князя".

Неожиданный в контексте "Слова" фрагмент, сообщавший о судьбе некоего Бориса Вячеславича, непосредственно не связанного с сюжетом "Слова" и никак на него не влияющего, неизменно привлекал внимание исследователей древнерусской поэмы. Правда, их основной интерес был направлен на выяснение места и обстоятельства гибели Бориса, так и не получивших окончательного прочтения, хотя общий смысл выражения "на Канину зелену паполому постла" в свое время был достаточно убедительно истолкован Д.С.Лихачевым, опиравшимся на доводы своих предшественников, в первую очередь К.В.Кудряшова [45].

Значительно меньше внимания было уделено самому Борису Вячеславичу, в том числе его взаимоотношениям с Олегом (Святославичем), который здесь указан в качестве основного виновни-

---

[45] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический... С.442.

ка гибели Бориса. О Борисе известно крайне мало [46], но и то, что известно, нуждается в проверке. Причину следует искать, по-видимому, как в мнимой ясности содержания фразы, так и в существовании статьи 6586 года, повествующей о битве на Нежатине ниве и дошедшей до нас в составе "Повести временных лет" в трех главнейших списках - Лаврентьевском, Ипатьевском и Радзивилловом, - где упоминание Бориса Вячеславича текстуально совпадает с тем, что мы находим в "Слове о полку Игореве": "убиша Бориса, сына Вячьславля, похвалившася велми". Между тем исключительность такого совпадения двух независимых источников, летописи и поэтического произведения, могла бы заставить задуматься над его причинами и проявить больший интерес к личности князя, о котором ни раньше, ни позже мы не находим никакого упоминания в летописных сводах.

Таким образом, вопрос о Борисе Вячеславиче прямо связан, с одной стороны, с текстологическим изучением "Слова" и его взаимоотношениями с другими письменными памятниками той эпохи (в данном случае, с памятниками русского летописания, на что осо-

---

46 Настолько, что "Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" объявляет его "князем Тъмутороканским" (Вып.I. С.6I). Я оставляю в стороне предположение Б.И.Яценко о Борисе Вячеславиче, якобы сыне Вячеслава Владимировича (Яценко Б.И. Кто такой Борис Вячеславич "Слова о полку Игореве"? // ТОДРЛ. Л. 1976. Т.XXXI. С.296-304) из-за отсутствия у автора каких-либо фактических аргументов и потому, что оно противоречит прямому указанию летописного текста о предложении Олега Борису обратиться "с молбою к стрыема своима", полностью исключающему возможность считать Бориса двоюродным братом Изяслава и Всеволода Ярославичей.

бое внимание обращали "скептики"), а с другой - с выяснением той исторической действительности, которая нашла свое отражение в "Слове" и в летописях.

Фраза с припоминанием судьбы Бориса Вячеславича находится в отрывке, сообщающем об отдельных фактах ситуации 1078 г.: выступлении Олега Святославича из Тьмутороканя, чтобы овладеть Черниговом, и смерти "отца Святополка" - великого киевского князя Изяслава Ярославича, погибшего 3-го октября того же года во время битвы на Нежатине ниве. Большинство исследователей согласно, что все указанные сведения автор "Слова" заимствовал непосредственно у Бояна - или в составе текста, или пересказав их [47]. Сами упоминания и форма, в которой каждое из них изложено, друг с другом никак не связаны. Это важно подчеркнуть с самого начала, поскольку присутствие в интересующей нас фразе частицы "же" ("Бориса же Вячеславлича") дошедшим до нас текстом не оправдано, оставляя гадать, относится ли она к отчеству Бориса или к причинам его прихода "на суд". В первом случае ее присутствие вызвано - по-видимому - неожиданностью появления в тексте ничего не говорящего читателю имени Бориса, требующего уточнения; во втором - желанием подчеркнуть то обстоятельство, что Борис погиб, отстаивая дело Олега. Мне представляется, что здесь мы имеем дело со вторым случаем, и вот почему.

В момент смерти Святослава Ярославича, последовавшей 27.XII. 1076 г., его сын, Олег Святославич, находился на княжении во Владимире Волынском. Переход киевского престола к Всеволоду Яро-

[47] Тихомиров М.Н. Боян и Троянова земля // Слово о полку Игореве: Сборник исследований и статей / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. - М.; Л., 1950. - С.175-187; Рыбаков Б.А. Указ. соч. - С.439-471.

славичу ничего не изменил в положении Олега. Можно думать, что какое-то время ситуация оставалась прежней и после возвращения Изяслава Ярославича из Польши, во всяком случае - до весны 1078 г, когда Олег был "выведен" из Владимира и оказался на положении пленника у Всеволода в Чернигове. 9.IV.1078 г. Олег присутствовал на обеде, который давал своему отцу Владимир Мономах вернувшийся из Смоленска. Факт этот не подлежит сомнению, потому что подтверждается летописной статьей и перечнем походов в "Поучении" Владимира Мономаха. На следующий день в силу каких-то обстоятельств Олег бежал из Чернигова в Тьмутаракань, к своему брату Роману, где уже находился Борис. Последний пытался перед этим в мае 1077 г. захватить Чернигов, но прокняжил там только восемь дней [48].

Что произошло с Олегом на званом обеде у Владимира Мономаха - мы не знаем. Самое общее указание в тексте "Слова" каких-то обстоятельств ("за обиду Олгову") позволяет весьма широко толковать эту фразу. Равным образом "обидой" можно посчитать лишение Олега владимирского княжения и содержание его под присмотром Всеволода в Чернигове, городе, который Олег с полным основанием считал своей "отчиной", поскольку там находился отцовский дом, в котором он рос с братьями, к тому же Чернигов был "дан" его отцу еще дедом, Ярославом Мудрым. "Обида" могла быть нанесена Олегу и непосредственно во время пира, что толкнуло его на немедленное бегство. Труднее рассматривать в качестве "обиды Олговой" смерть его старшего брата Глеба, последовав-

---

48 В лето 6585. ПСРЛ, т.II, издание 2-е, стб. 190; ПСРЛ, т. I, Л., 1926, стб.247; Орлов А.С. Владимир Мономах. М.-Л., 1946, стр. 142-143.

дут 30 мая 1078 г. "за Волоком" [49], поскольку это в равной мере касалось всех Святославичей.

Имеющиеся в нашем распоряжении факты, их последовательность и взаимосвязь, позволяют видеть в выражении "за обиду" не иносказание, а вполне конкретный предлог появления Бориса вместе с Олегом в августе 1076 г. сначала на Сожице (Оржице), где они наголову разбили Всеволода Ярославича, а потом - на Нежатине ниве, где Борис был убит, после чего Олег с остатками дружины бежал в Тьмуторокань. Но при чем здесь "слава"? - возникает вполне естественный вопрос. Примирить две названные причины гибели Бориса - "жажду славы", как переводят это место комментаторы "Слова" [50], и чужую обиду - возможно только в одном случае: истолковав "славу" как "просьбу". В этом значении глагол "славить" еще недавно можно было встретить в живой речи поморов Терского берега. Он употреблялся в том случае, когда просьба бывала подкреплена похвалой в адрес того лица, к которому с ней обращались. Так, перемежая духовные стихи с просьбами о подаянии "славили" хозяев ряженые на святках. Пример именно такой "славы" можно найти в "Слове": обращение автора к владимиро-суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу с просьбой о помощи и восхвалением его мощи. Другой пример подобной "славы" отмечен в ПВЛ под 1068 г., когда восставшие киевляне прогнали Изяслава, освободили из поруба Всеслава Брячиславича полоцкого, после чего "прославиша и среде двора княжа" [51]. Это означает, что к не-

[49] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. - М.; Л., 1950. - С.10.

[50] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве". - Л., 1978. Вып.5. - С.158.

[51] ПСРЛ. Т.I. - Стб.171.

му обратились с просьбой занять киевский престол, а вовсе не с исполнением в его честь хвалебных песен (кто и когда их сложил?).

Кстати сказать, тот факт, что инициатором похода на Всеволода был именно Борис, а не Олег, литературно подтверждается якобы состоявшимся разговором между ними перед битвой на Нежатиной ниве. Согласно автору рассказа, Олег, увидев объединенные силы Изяслава и Всеволода, обратился к Борису с предложением не вступать в бой, а попытаться решить дело переговорами. На это Борис довольно резко ответил, что Олег может отойти в сторону, а он будет биться со всеми четырьмя князьями. Далее, весьма непоследовательно, автор добавил: "и похваливъся велми, не веды, яко бог гордым противится, смиренным же благодать даеть, и да не похвалится силни силою своею". А строчкой ниже, сообщив о происшедшей битве, констатировал: "и первое убиша Бориса, сына Вячьславля, похвалившася велми" [52].

Как можно видеть, и первое, и второе сообщение о Борисе удивительным образом расходится с его собственными словами, не содержавшими никакой похвальбы, а, тем паче, гордости. В них звучит лишь твердая решимость Бориса идти до конца. Больше того, приведенная сентенция против сильных, похваляющихся силою своею, оказывается прямо опровергнута случившимся. Олег и Борис пришли с настолько малыми силами, что войску Изяслава не пришлось вступать в сражение. Вот почему комментарий к разговору Бориса с Олегом представляется мне прямым следствием фразы, сообщающей о смерти Бориса, а та, в свою очередь, обязана

[52] В лето 6586. ПСРЛ, т. II, издание 2-е, стб.192.

своим появлением соответствующему пассажу в "Слове", в результате чего "слава" была истолкована как "похвальба" ("похвалився велми", "похвалившася велми").

Как это могло произойти? Написанная по заказу если не самого Всеволода Ярославича, то его потомков, повесть о вокняжении Всеволода Ярославича, и о битве 1078 г., как хорошо показал в свое время М.Х.Алешковский, не содержала погодных дат, разрывающих теперь повествование [53], представляя собой не хроникальное, а литературно-художественное произведение (содержание многочисленных личных разговоров, сентенции, панегирик, плачи), значительно позднее приспособленное для "Повести временных лет". Во время последней переработки она поверялась другими, в том числе и "внелетописными" памятниками, дополнялась вставками календарного (о похоронах Глеба Святославича в Чернигове) и генеалогического характера самого различного происхождения. Так из "Слова" в нее мог попасть "Борис Вячеславич".

Стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство. В древнейших списках "Новгородской Первой летописи" (далее НIЛ) под 6586 (1078) годом содержится краткое известие о бегстве Олега в Тьмуторокань и его победе над Всеволодом на "Съжицяхъ", а также о битве под Черниговом, где "убьена быста 2 князя: Изяслав и Борис". Как можно видеть, у этого краткого сообщения оказывается тот же источник, но, по-видимому, еще не содержавший отчества Бориса. Это еще раз убеждает в его позднем появлении в тексте повести, делая упоминание "Слова" об этом князе уникальным и требующим всестороннего рассмотрения.

Участие Бориса Вячеславича, по предположению генеалогов –

---

[53] Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М., 1971.

сына рано умершего смоленского князя Вячеслава Ярославича, в борьбе своих двоюродных братьев, сыновей Святослава Ярославича, за отцовское наследие, совершенно необъяснимо. Во-первых, мы не знаем, были ли вообще у Вячеслава Ярославича дети и какова их участь - потомство этого смоленского князя никому неизвестно. Во-вторых, при полной безвестности Бориса Вячеславича до 4 мая 1077 г., непонятна его попытка захватить Чернигов. Тем более совсем необъяснимо согласие черниговцев (летописная повесть отмечает, что он прокняжил в этом городе 8 дней), принять его своим князем, поскольку никакого отношения к Чернигову он не имел. Между тем в глазах черниговского боярства и остальных горожан этот Борис обладал правами на их город большими, чем тот же Владимир Мономах, которому в конце сентября 1078 г. они оказали упорное вооруженное сопротивление.

Вот почему, следуя за выводами некоторых своих предшественников, я склонен видеть в "Борисе" летописной повести, а, вместе с тем и в "Слове о полку Игореве", не "Вячеславича", а "Святославича", как то прямо указывает В.Н.Татищев. Опираясь на неизвестные нам источники, он сообщает, что Борис Святославич был посажен отцом в Вышгороде, откуда после его смерти попытался укрепиться в Чернигове, но в силу каких-то причин по истечении восьми дней бежал в Тьмуторокань[54]. Действительно, по возвращении Изяслава в Киев, на свободный вышгородский престол был посажен Ярополк Изяславич[55]. Похоже, что после смерти Глеба Святославича Борис становился старшим в семье и был, так сказать, братьям "в отца место", а вместе с тем оказывал-

---

[54] Татищев В.Н. История Российская. - М.; Л., 1963. Т.II. - С.90-91.

[55] ПСРЛ. Т.I. - Стб.200; ПСРЛ. Т.II. - Стб.191.

ся первоочередным претендентом на "отчину", город Чернигов, которую захватил у племянников Всеволод Ярославич. Это объясняет, почему именно Борис возглавил поход из Тьмутороканя, почему он (а не Олег) в первую очередь претендовал на Чернигов, почему считал себя обязанным мстить "за обиду Олгову, храбра и млада князя".

Признание фразы с упоминанием "Бориса Вячеславича" в летописной повести относительно поздней интерполяцией, позволяет искать первоначальную писцовую ошибку или в позднем списке поэмы Бояна, находившемся в руках автора "Слова", или в одном из ранних списков самого "Слова", когда потеря начального "с" привела к неправильному воспроизведению слога "-то-", воспринятого как "-че-". Палеографически это легко допустимо при чашевидном "ч", в ряде случаев позволяющем прочесть его как "т" и наоборот. Не стоит забывать Ипатьевский список ПВЛ, где в этом месте - именно в отчестве Бориса, - слог "-че-" оказывается переправлен из какого-то другого [56]. Наконец, важно указать, что определенная группа летописных сводов сохранила безусловное свидетельство существования несколько иного извода летописной повести, где в качестве действующего лица указан именно Борис Святославич. Следы соединения двух версий можно видеть в списках, восходящих, например, к редакции "Новгородской Пятой летописи", где Борис представлен в двух ипостасях - как "Борис Святославич" и как "Борис Вячеславич", причем Борис Святославич в битве на Нежатиной ниве сражается на стороне Изяслава против Олега и Бориса Вячеславича [57].

[56] ПСРЛ. Т.П. - Стб.192.

[57] ПСРЛ. - Пг., 1917. Т.IУ, ч.2: Новгородская пятая летопись. Вып.I. - С.136.

Приведенные аргументы - отсутствие известий о потомстве Вячеслава Ярославича, включение Бориса в число сыновей Святослава Ярославича, его претензии на Черниговский престол, главенство в походе 1076 г. над Олегом, зависимость летописной повести от "Слова", наличие летописной традиции, указывающей Бориса Святославича в событиях 1078 г., и ряд других соображений, - позволяют видеть в "Борисе Вячеславиче" не сына смоленского князя Вячеслава Ярославича, а одного из сыновей Святослава Ярославича, родного брата Олега и Романа. Правда, на пути такого заключения стоит не только традиция, но и знаменитая миниатюра фронтисписа "Изборника Святослава" 1073 года, где среди поименованных сыновей Святослава Ярославича Бориса нет.

Несколько лет назад, чтобы преодолеть такое препятствие, пришлось бы прибегнуть к аргументам, использованным в своей работе Р.В.Зотовым [58]. Теперь, после тщательного исследования и реставрации всего "Изборника" во Всесоюзном научно-исследовательском институте реставрации (ВНИИР) реставратором высшей квалификации Г.З.Быковой, положение изменилось [59]. Собственно откры-

---

58 Зотов Р.В. О черниговских князьях по "Любецкому синодику" и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб, 1892, стр.260, прим. 36: "вероятно, его еще не было на свете во время составления рисунка, или он уже умер ранее этого времени".

59 Пользуюсь случаем высказать свою искреннюю благодарность зав. сектором реставрации рукописей ВНИИР Г.З.Быковой за предоставленную возможность использовать в своей работе сделанные ею наблюдения и фотодокументы, из которых не все нашли свое отражение в статьях сборника "Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1983.

тие, меняющее наши прежние представления об "Изборнике" 1073 года, связано с изучением теперешнего 1-го листа рукописи, несущего на оборотной стороне (фронтиспис) изображение семьи великого князя с цитатой псалма Давида вверху страницы и надписью над головами изображенных "Глѣбъ. Ольгъ. Да(вы)дъ. Романъ. Ярославъ. княгыня. Святославъ". В литературе уже высказывалось соображение, что "Изборник" 1073 года первоначально предназначался не для Святослава Ярославича, а для Изяслава, и только изгнание последнего заставило в уже готовой книге заменить фронтиспис, приведя ее в соответствие с новым заказчиком [60]. Вопрос этот достаточно спорен. Но вот что интересно: после того, как рукопись была расшита, было установлено, что лист с миниатюрой вшит в тетрадь не своим правым (от зрителя) подогнутым краем, как то можно было предполагать, а пришит к специально вставленому фальцу [61].

Произошло так потому, что сам лист с уже имеющейся на нем миниатюрой, но еще без надписи (или с какой-то другой надписью), был вырезан из уже готовой книги, если судить по пергамену - несколько более старой, к тому же большего формата. Последнее хорошо видно по новой обрезке листа, сохранившего неизменным левое поле до 6,5 см шириной, тогда как от правого, примыкающего к узкой полоске фальца, сохранилось не более 2-3 мм. Другими словами, правое поле было обрезано почти вплотную к изображению. То же самое относится и к верхнему краю листа и к его общей высоте, о которой можно судить по едва заметным остат-

60 См.: Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. - М., 1977.

61 Быкова Г.З. Технико-технологические особенности рукописи Изборника 1073 г. // Древнерусское искусство. - М., 1983. - С.104.

кам верхнего и нижнего тератологического фриза, аналогичного имеющемуся на миниатюрах "Изборника", в том числе и Спаса, но здесь разнесенным друг от друга на большее расстояние. При этом верхний фриз, как можно видеть, был частично смыт для написания отрывка псалма.

И все же для нас наиболее важен факт, что строка с перечнем членов великокняжеской семьи оказывается написанной после извлечения листа из его "родной" рукописи. Об этом свидетельствует начертание букв, несколько отличающихся от почерка писцов "Изборника" (впрочем, отличаются и почерк написания псалма от почерка "похвалы" над Спасом), а главное - "излом" правого края строки с перечнем членов великокняжеской семьи, что безусловно свидетельствует о ее появлении после обреза листа. В числе второстепенных признаков, подтверждающих такой вывод, можно указать, например, на иной рисунок ограничительных розеток текста над семьей князя и над Спасом, а вместе с тем и на резко отличный общий декор миниатюры.

Основным декоративным мотивом "Изборника" 1073 года служат павлины, присутствующие на всех без исключения листовых миниатюрах, в том числе и на миниатюре Спаса. Естественно их было бы видеть и на листе с изображением княжеской семьи, если бы эта миниатюра была написана специально для этой книги. Однако здесь вместо павлинов группу окружают гриффоны. Один из них парит над книгой, которую держит в руках "Святослав" и частично обрезан; другой, сохранивший полностью свои очертания, но осыпавшийся, как бы замыкает шествие. В целом же вся композиция миниатюры с гриффонами резко подчеркивает свое отличие от всех прочих миниатюр "Изборника".

Перечисленные факты - иные исходные размеры листа с миниатюрой, его обрезка, позднее появление надписи, идущей несколько

косо, декор, смыв верхнего фриза и прочее, - позволяет настаивать на том, что эта миниатюра не предназначалась для данного "Изборника", а была заимствована из какой-то другой рукописи: или прямо происходящей из библиотеки царя Симеона болгарского (тератологические фризы, характерные для декора симеоновского времени), или из такой же, как "Изборник" 1073 года, только более древней копии еще какого-то симеоновского оригинала. В том, что появление миниатюры в "Изборнике" произошло значительно позже времени его изготовления, свидетельствует, как мне кажется, отсутствие имени жены Святослава, обозначенной просто "княгыня". Между тем она занимает центральное место в композиции, во всяком случае, наравне со "Святославом". Могло ли такое произойти при жизни этого князя, тем более, что ряд исследователей определяют ее как дочь графа Этлера Дитмархенского?[62] Сомневаюсь. Скорее подобное умолчание свидетельствует о значительном отрезке времени, прошедшем после ее смерти, когда имя бывшей великой княгини стерлось в памяти живущих и оказалось изъято из летописей, которые, кстати сказать, не знают и дочерей Святослава: о них нам сообщают только иностранные источники.

Все изложенное, как мне кажется, позволяет исключить выходную миниатюру "Изборника Святослава" 1073 г. из числа достоверных источников, свидетельствующих о составе семьи Святослава Ярославича. Что же касается источников летописных, то, опираясь на них, исследователи расходятся в определении общего ко-

---

[62] Пользуюсь случаем поблагодарить Д.В.Донского за предоставленную мне возможность в этом и в других случаях использовать рукопись его монографии "Генеалогия Рюриковичей (домонгольский период)", а также за неизменно ценные консультации.

личества детей этого князя весьма существенно. Не пытаясь решить здесь этот сложный вопрос, который должен стать предметом самостоятельного исследования историков, укажу только еще на одно обстоятельство, свидетельствующее в пользу существования у Святослава Ярославича сына Бориса.

Занимаясь историей возникновения памятника, известного нам как "Повесть временных лет", его редакций, купюр, замен и перестановок в тексте, М.Х.Алешковский обратил специальное внимание на время, причины и обстоятельства установления культа Бориса и Глеба в Русской земле. Текстологическое исследование памятников, связанных с этим вопросом, в том числе и летописных, привело историка к заключению, что инициатором канонизации первых русских святых был не Ярослав Владимирович, как то обычно считали, а Святослав Ярославич, чье дело потом ревностно продолжил его сын Олег, и только позднейшие редакторы постарались приписать все Всеволоду Ярославичу и Владимиру Мономаху[63].

В самом деле, имена Бориса и Глеба (Романа и Давыда) не отмечены у сыновей Ярослава Владимировича. Если не считать мифического, как я пытаюсь показать, "Бориса Вячеславича", нет их и среди большинства его внуков. Исключение составляют только сыновья Святослава, где из пяти достоверно известных нам (Глеб, Олег, Роман, Давыд, Ярослав) трое (!) носят их имена: два христианских, крестильных (Роман и Давыд), и одно языческое, ставшее после канонизации христианским (Глеб). Ввиду такого почитания естественно было бы видеть обе пары имен в соответствующей последовательности. Предположение, что крестиль-

---

63 Алешковский М.Х. Указ. соч. стр. 33-92.

ным именем Олега было "Борис" отпадает по той причине, что на основании "Любечского синодика" и "Хождения" Даниила ему усвояется крестильное имя Михаил [64]. Не означая абсолютную достоверность такого известия, факт этот заставляет все же направить поиски в другую сторону, отождествляя "Бориса Вячеславича" с вероятным "Борисом Святославичем". В таком случае появление имени Олега после использования первой пары имен новоявленных русских святых в их тогдашней иерархичности (Глеб и Борис), вполне закономерно, и можно искать причины, в силу которых Святослав при рождении двух следующих сыновей возвратился к использованию крестильных имен его "стрыев" по отцу и деду.

Предположение, что Вячеслав Владимирович мог назвать своего сына Борисом, поскольку один из двух князей был убит на Смядыни, возле Смоленска, где Вячеслав княжил, не выдерживает критики: на Смядыни был убит не Борис, а Глеб, к тому же, как показал М.Х.Алешковский, в то время Борис еще не был прославлен чудесами и только сопутствовал Глебу [65]. Кроме того в "Воскресенском летописном своде" первой половины XVI в., в родословии великих князей рязанских и в перечне потомства Святослава Ярославича черниговского, в двух не связанных друг с другом статьях мы находим тот самый перечень его сыновей, к которому пришли в результате всестороннего рассмотрения этого вопроса: "А дети у Святослава черниговского: Олег, Ярослав, Борис, Глеб, Роман, Давыд" [66]; у Святослава черниговского де-

[64] Зотов Р.В. Указ.соч.; Путешествие игумена Даниила по Святой Земле, в начале XII в. / Под ред. А.С.Норова. - СПб., 1864. - С.155, 160-161.

[65] Алешковский М.Х. Указ.соч. - С.87-88.

[66] ПСРЛ. Т.VII. - С.232.

ти: Давыд, Олег, Ярослав, Глеб. Борис, Роман"[67].

Итак, рассмотренные нами факты в их взаимоотношении позволяют видеть в "Борисе Вячеславиче" летописной повести о событиях 1078 г. и "Слова о полку Игореве" действительно Бориса Святославича. Ошибка в написании его отчества, возникшая, по всей вероятности, в первом или ближайшем к нему списке "Слова", в свою очередь повлияла на летописную повесть, уже включенную в "Повесть временных лет" в составе протографа "Ипатьевской летописи", но до возникновения Лаврентьевского списка или его протографа. Скорее всего это произошло тогда же, когда летописный рассказ о походе Игоря Святославича 1185 г. был дополнен вставками о "море" и "Каяле" в соответствии с текстом "Слова".

О времени и месте возникновения "Слова о полку Игореве"

Изучение исторических лиц, упомянутых в тексте древнерусской поэмы, их взаимоотношений, самой исторической реальности, отраженной в "Слове", поставили перед его исследователями вопрос о времени и месте написания этого произведения. Априорное мнение, господствовавшее в прошлом веке, согласно которому создание "Слова" относили к 1185 г. - году похода Игоря на половцев, - под давлением скептической критики неоднократно пересматривалось. Аргументация подобных уступок скептицизму строилась, как правило, на толковании тех или иных упоминаний возможных событий: походов Романа Мстиславича на половцев, упомянутых в числе народов, которые ему "главы свои поклониша"[68],

[67] Там же. - С.242.

[68] Котляр М.Ф. Чи міг Роман Мстиславич ходити на половців раніше 1187 р.? // Український Історичний журнал. 1985. № 1. С.117-120.

времени смерти определенных персонажей, к которым автор обращается за помощью, и так далее. Происходило так потому, что авторы подобных концепций рассматривали поэтический текст, содержащий в себе части разного происхождения, как исторический документ, обладающий силой юридического свидетельства. Они не принимали во внимание его литературную – более того, поэтическую, – природу, задачи, которые ставил перед собой автор, а также возможность многократных добавлений и искажений за время его существования в веках.

Другим затруднением при решении вынесенных в заголовок вопросов остается ограниченность наших знаний об историко-географической реальности того времени, поскольку, даже если мы примем с полным доверием хроникально-событийные известия, дошедшие до нас в составе неоднократно редактировавшихся летописных сводов, объем содержащейся в них информации почти всегда будет недостаточен для вынесения окончательного суждения по тем или иным частным вопросам. Общее количество имен князей и названий существовавших тогда населенных пунктов, которые нам известны, столь ничтожно, что всякий вывод приходится оговаривать его гипотетичностью. Так, например, соглашаясь, что автором "Слова" был уроженец южной Руси, черниговец или киевлянин, наиболее авторитетные исследователи вынуждены объяснять ошибками переписчиков странную географию тех мест, например, в случае с Сулой, которая "уже... не течет... к граду Переяславлю". И в самом деле, как объяснить это место – мы не знаем.

Все это затрудняет, но не лишает возможности в очередной раз попытаться проанализировать факты, содержащиеся в тексте

"Слова", на основании которых можно составить представление о времени и месте его возникновения.

Не разделяя системы аргументации и конечных выводов Б.А. Рыбакова, мне все же кажется, что он ближе других подошел к решению этой задачи, опираясь на факты, содержащиеся в самой поэме. Вряд ли "вопрос о том, когда написано "Слово о полку Игореве", по существу сводится к вопросу о том, когда Игорь бежал из плена [69]. Такая его постановка предполагает одноразовое написание всей поэмы, между тем накопилось достаточно много аргументов, свидетельствующих, во всяком случае, о двух этапах работы над ней ее автора, хотя и в пределах сравнительно небольшого отрезка времени. В связи с этим представляется, что обращение к князьям возникло первым, как и призыв "закрыть Полю ворота", до возвращения Игоря из плена, когда вопрос не потерял своей остроты. Все остальное было написано чуть позже, когда страсти улеглись, равновесие было восстановлено и первоначальное "ядро", переработанное и дополненное, приобрело - в соответствии с остальным текстом, - эпическое звучание, с каким воспринимались весенне-летние события к осени того же II85 г.

Два этих временных рубежа - лето и осень II85 г., - и определяют время написания "Слова" во всех его основных частях, причем наблюдения Б.А.Рыбакова в связи с упоминанием рязанских князей, как подручных Всеволода Юрьевича, оказываются одним из самых серьезных аргументов, подтверждающих раннюю дату сложения ядра поэмы [70].

---

[69] Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - М., 1971. - С.267.

[70] Рыбаков Б.А. Русские летописцы... - С.494.

Посмотрим теперь, что можно сказать о месте ее возникновения, а, стало быть, и о вероятном ее авторе.

Согласно свидетельству летописных источников после пленения Игоря объединенные силы половцев разделились. Присутствовавший, но, как видно, не принимавший участия в битве Кончак в полном соответствии со своим расположением к Игорю ("поручился по свата Игоря") отправился не на северские города, а разорять землю давнего недруга Игоря - переяславльского князя Владимира Глебовича. Вряд ли то было, как полагает Б.А.Рыбаков, "иронией судьбы". Наоборот, Гзак (Кза), отправился в земли северских князей, пройдя их огнем и мечом [71]. После плена и связанного с ним огромного выкупа это был еще один сокрушительный удар по Игорю и его "братии", о котором - казалось бы - должен был обязательно упомянуть автор "Слова".

Ничего похожего в тексте мы не находим. Конечно, можно предположить, что такое упоминание имелось, а потом было утрачено, но рассуждение о возможных утратах сейчас не входит в нашу задачу. Анализ должен опираться на те факты, которые присутствуют в "Слове". И здесь мы с интересом должны отметить, что краткий перечень жертв половецкого набега летом 1185 г. ограничивается исключительно окрестностями Переяславля Русского. Таково упоминание битвы у Римова, указание на раны Владимира Глебовича, а главное - настойчивый призыв к князьям объединиться против Кончака, "поганого кощея", чтобы отомстить "за раны Игоревы". О Гзаке (Кзе) автор ничего не знает, как не знает он и того, что именно Кончак спас Игоря от унижений плена. Не знает он,

---

[71] ПСРЛ, т. II, издание 2-е, стб. 646.

по-видимому, и того, что в данный момент именно Гзак в землях северских князей, оставшихся без защиты, являет собой главную опасность для "жизни" - т.е. имущества, - Игоря, а, вместе с тем, и для других княжеств: "ворота Полю" были открыты в Посемье, а вовсе не у Переяславля...

Столь же интересным обстоятельством, определяющим политическую ориентацию автора воззвания, оказывается имя князя, стоящего первым в перечне князей, к которым он обращается с призывом о помощи. Это владимиро-суздальский князь Всеволод Юрьевич "Большое гнездо", сын Юрия Долгорукого, неизменно претендовавшего на Переяславльское княжество и обладавшего им [72]. В отличие от отца, Всеволод Юрьевич проявлял мало интереса к Переяславлю Русскому, занимаясь устроением и расширением своих владений в междуречье Оки и Волги, хотя его связи с южной "отчиной" не прерывались. По-видимому и в самом Переяславле находились люди, для которых связи с далекой северо-восточной Русью были важнее и перспективнее, чем с Киевом и Черниговом, одинаково пытавшимися поглотить земли Переяславля. К числу таких сторонников владимиро-суздальских "Мономашичей", надо думать, принадлежал и автор "Слова", связанный с Владимиром-на-Клязьме быть может не только симпатиями, но и деловыми отношениями. Отсюда его хорошая осведомленность о положении дел на северо-востоке: намек на победоносный поход Всеволода в Волжскую Булгарию и на отношения с рязанскими князьями, которые начали портиться только в это самое время.

Приведенные факты, практически, исчерпывают перечень признаков, опираясь на которые можно пытаться определить время и мес-

---

72 Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества X-XIII вв. - М., 1975. - С.118-144.

тонахождение автора "Слова о полку Игореве" в момент создания его центральной и наиболее важной программной части. Человек этот оказывается интересен не только широтой своих взглядов, начитанностью, образованностью, политической зоркостью, талантом писателя-публициста и поэта одновременно, но, в первую очередь, своей лояльностью по отношению к современным ему "ольговичам", в том числе к самому Игорю Святославичу, враждовавшему с Владимиром Глебовичем переславльским, одним из прямых потомков Владимира Мономаха и Всеволода Ярославича.

И здесь, на мой взгляд, возникает одна из любопытнейших ситуаций, на которую до сих пор почему-то никто не обращал внимания.

Исследователи в общем единодушны в признании того, что южнорусский летописный свод, продолживший "Повесть временных лет" в составе "Ипатьевской летописи", в целом, излагает историю XII в. с позиций "мономашичей". Однако в нем заметно не только лояльное отношение к "ольговичам", но и безусловный интерес к одному из них, а именно – к Игорю Святославичу, о котором здесь содержится сведений больше, чем в каком-либо еще летописном своде. Это же касается и летописной повести о походе Игоря в апреле-мае 1185 г., резко выделяющейся объемом и явной симпатией к его инициатору среди сообщений о том же событии других летописей. Причин тому называли много, но, как правило, авторы гипотез исходили из общих соображений, не основанных на фактах, содержащихся в самом тексте. Внимательный читатель указанной повести может видеть, что главный сюжет повествования – рассказ не о военной неудаче Игоря, а о его раскаянии по поводу ссоры и междоусобицы с Владимиром Глебовичем переяславльским.

С точки зрения автора повести, поражение Игоря - возмездие за то, что он "взял на щит город Глебов у Переяславля". Именно в этом грехе кается Игорь, прежде чем отдаться в руки половцам. Это - катарсис, очищение, которое подтверждает и автор повести, развивая свою мысль далее: "И се богъ казня ны, грехъ ради нашихъ, наведе на ны поганыя, не аки милуя их, но нас казня и обращая ны к покаянью, да быхомся востягнули от злыхъ своихъ делъ..." Очищение произошло, Игорь осознал свою главную вину, готов принять плен как должное и долгое наказание, но тут вступается Провидение: "избави й господь за молитву хрестьянску" [73].

Согласно повести, вернувшись домой, Игорь тотчас же отправился в Чернигов, а оттуда - в Киев. Извиняться перед Святославом Всеволодовичем и просить у него военной помощи на половцев, у которых в плену остались его сын, племянник и брат? Сомнительно. Ни в ту осень, ни на следующий год похода не было, между тем Игорю "рад бысть... Святослав, также и Рюрик сват его". Просить деньги на выкуп близких из плена? Вряд ли бы Святослав и Рюрик радовались бы такой просьбе. Причина радости, по-видимому, заключалась не в избавлении Игоря из плена, а в чем-то другом. В признании своей вины перед Владимиром Глебовичем? Но прежде чем ответить на вопрос, попытаемся взглянуть на него сквозь призму "Слова".

Если первоначальная просьба обращения к князьям сводилась к их объединенному выступлению против Кончака и помощи Владимиру Глебовичу переяславльскому, то в окончательном тексте поэмы призыв, в полном соответствии с назиданием летописного рассказа, состоял в отказе от усобиц. Это общепризнано. Забыто

---

73 ПСРЛ, т. П, издание 2-е, стб. 649.

другое – указание автора на вполне определенную вражду между "мономашичами" и "ольговичами", о чем постоянно вспоминает поэма. Переработка текстов Бояна, рассказывающих о начале этой вражды, дала возможность автору "Слова" не просто использовать "старые словеса", но и в полной мере реализовать "замышление Бояна", заключавшееся в призыве к миру на Русской земле между потомками "старого Владимира", каким для Бояна был Владимир I Святославич. Битвы конца 70-х гг. XI в. между сыновьями Святослава и Всеволодом неожиданно получили свое продолжение в 1185 г.: поход Кончака на Переяславльскую землю и на Переяславль был прямым следствием ссоры "мономашича" (Владимира Глебовича) и "ольговича" (Игоря Святославича), причем виноват был, безусловно, первый из них. За отказ Игоря пустить его перед полками во время общего похода, Владимир Глебович бросился, вместо половцев, грабить и жечь владения новгород-северского князя [74]. С другой стороны, в мае-июне 1185 г. Кончак не просто грабил Переяславльское княжество: он мстил переяславльскому князю за Игоря. Вот откуда прямо звучащая параллель с "наведением поганых на Русскую землю", как то делал Олег Святославич.

Затихшая было за столетие вражда, неожиданно вспыхнув, готова была разжечь безумный пожар усобиц, в который оказались бы втянуты большинство князей обеих фамилий, а вместе с ними и дружественные им половцы, куда крепче связанные теперь родственными узами с русскими князьями, чем во второй половине XI в. Не случайно образ Карны и Жли, помчавшихся по Русской

---

[74] В лето 6691(1183)г. Там же, стб. 628-629.

земле "смагу мычючи в пламяне розе", заставляет невольно вспомнить точно такой же образ "сеятеля огня раздоров" в исландской "Саге о Ньяле" [75].

Автор "Слова" вовремя понял эту опасность. Поэма была обращена не только к князьям, но, в первую очередь, к Игорю – с призывом о мире. Этот призыв Игорем был не только услышан, но и принят. Отсюда и радость Святослава в Киеве, который совершал свою весеннюю поездку в попытках утишить начинающие разгораться междоусобные страсти. Именно поэтому Игорь "ехал по Боричеву к Богородице Пирогощей" – ехал в "мономашичью" церковь, чтобы там совершить торжественное "замирение" с раненым Владимиром Глебовичем, привезенным, как можно понять по рассказу "Лаврентьевской летописи", в Киев, а вместе с тем – и с главным "мономашичем" – Рюриком Ростиславичем, что вызвало вполне обоснованное ликование "стран и градов", облегченно вздохнувших при вести о мире в Русской земле. Если при этом вспомнить наступившую в ней на два последующие года "тишину", сопровождаемую знаменательными браками в течение одной недели – Рюрик Ростиславич выдал свою дочь за сына Игоря, женил своего сына на дочери владимиро-суздальского Всеволода Юрьевича, к которому обращался с просьбой о помощи автор "Слова", и в эти же дни "ис половець" возвратился Владимир Игоревич с Кончаковною и ребенком [76], – можно согласиться с утверждением, что автор "Слова" блестяще выполнил поставленную перед собой задачу.

В этих кратких по необходимости заметках я старался пока-

---

75 Исландские саги. М., 1956, стр. 659–660.

76 В лето 6695(1187). Там же, стб. 658–659.

зать перспективность стратифицированного подхода к изучению текста "Слова", позволяющего рассматривать каждый составляющий его элемент с точки зрения исторической ситуации и динамики языка, вскрывающего время, обстоятельства и причины появления "темных мест", прямых ошибок и новых прочтений. Надеюсь, что мне удалось показать плодотворность метода не только для лучшего понимания древнего текста, заимствованного автором у Бояна, но и для более верного прочтения самого "Слова", более правильного следования за авторской мыслью, как это произошло, например, с эпитетом Ярослава Владимировича галицкого, тьмутороканским "болваном" и обращением автора к Игорю Святославичу.

Признание возможности разновременных включений в текст древнерусской поэмы позволило подойти с новых позиций к вопросу о времени, месте и цели ее создания, обнаружив в самом тексте черты, определенным образом характеризующие облик ее автора. Не менее важным представляется мне и тот факт, что стратификация "Слова о полку Игореве" позволяет использовать сохранившиеся отрывки поэмы Бояна в качестве нового исторического источника, который находит подтверждение в летописных сообщениях и, в свою очередь, позволяет дать их новое критическое прочтение. Это означает, что в развитии светской литературы древней Руси можно проследить преемственность традиций, своими корнями уходящих, как можно думать, в культуру Первого Болгарского царства: эпоха царя Симеона (оригиналы "Изборников" 1073 и 1078 гг), откуда идут архаические реалии, - поэмы Бояна - "Слово о полку Игореве" - "Задонщина". Наконец, подобное направление исследований открывает прямой путь к ре-

альному изучению остатков поэтического наследия Бояна, сохранившегося в тексте "Слова", что, в свою очередь, может оказать неоценимую услугу для более точного прочтения и более глубокого осмысления самого его текста.

Влияние "Слова" на древнерусское летописание оказалось куда больше, чем то могли предположить самые смелые его исследователи. Равным образом это касается уже упоминавшегося "моря", "Каялы", "Бориса Вячеславича", а также заимствованных фраз и оборотов, восходящих к тексту поэмы, которая была отнюдь не единственным поэтическим произведением того времени. Воздействие же, вопреки утверждениям скептиков, в ту эпоху всегда шло одним путем - из поэзии в историческую литературу, но никак не наоборот. Об этом стоит помнить одинаково историкам и филологам. Вот почему я закончу свои заметки свидетельством Снорри Стурлусона, поэта и историка начала XII в., который писал по поводу песен скальдов о деяниях конунгов следующее: "То, что говорится в этих песнях, исполнявшихся перед самими правителями или их сыновьями, мы признаем за вполне достоверные свидетельства. Мы признаем за правду все, что говорится в этих песнях об их походах или битвах. Ибо, хотя у скальдов в обычае всего больше хвалить того правителя, перед лицом которого они находятся, ни один скальд не решился бы приписать ему такие деяния, о которых все, кто слушает, да и сам правитель знают, что это явная ложь и небылицы. Это было бы насмешкой, а не хвалой" [77].

---

[77] Снорри Стурлусон. Круг земной. М., 1930, стр.9-10.

А.Н.Карсанов

"МЕСТЬ ШАРОКАНЮ" В "СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Отрывок в "Слове", в котором "готские девы" "лелеют месть Шароканю" [1], Д.С.Лихачев комментирует так: "Здесь, очевидно, имеется в виду поражение Шарукана и Боняка в битве 1106 г. ... Мысль о мести за это поражение лелеял прежде всего сам Кончак... Шарукан был дедом хана Кончака. Месть за деда, как и слава дедовская, была естественной в представлениях того времени. Шарукан потерпел жестокое поражение от Владимира Мономаха. Его сына Отрока Владимир Мономах загнал на Кавказ, за Железные Ворота. Внук Шарукана и сын Отрока – хан Кончак впервые смог отомстить после поражения Игоря за бесславие своего деда и своего отца... Поражение Игоря еще не было местью за Шарукана. Это поражение только открывало ворота на Русскую землю, открывало возможность его движению на Переяславль и Киев. Вот почему только после поражения Игоря Кончак начинает лелеять место за своего деда" [2].

Возникает вопрос: если, как считает Д.С.Лихачев, месть за Шарукана лелеял хан Кончак, то почему в "Слове" эту месть лелеют "готские девы", т.е. готы, жившие в Северном Причерноморье. Для того чтобы разобраться в этом вопросе, необходимо рассмотреть все летописные известия о Шаро(у)кане.

В 1068 г. черниговский князь Святослав Ярославич одержал победу

---

[1] "Слово о полку Игореве" / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1950. – С.20.

[2] Лихачев Д.С. Комментарий исторический и географический // "Слово о полку Игореве". – С.431.

над половцами и взял в плен их князя [3]. В "Новгородской первой летописи" добавлено: "... а князь их яша Шаракана" [4]. Владимир Мономах в "Поучении", которое помещено в "Лаврентьевской летописи" под 1096 г. сообщил, что он "пустилъ есмь Половечких князь лѣпших изъ оковъ толико: Шарукана 2 брата, Багубарсовы 3, Овчины братѣ 4, а всѣх лѣпших князии инѣхъ 100" [5]. В.Ф.Миллер справедливо указывал, что "Шарукан имя родовое" [6]. Наверное, в приведенных летописных сообщениях речь идет о трех представителях рода Шаруканов. Может быть, вышеупомянутые князья-братья были не братья, а родичи, члены одного рода, связанные общностью происхождения. В 1107 г. русские одержали победу над половцами, во главе которых были "Бонякъ и Шаруканъ старыи и ини князи мнози", в сражении под г.Лубны. В ходе сражения: "... оубиша же Таза, Бонякова брата, а Сугра яша и брата его, а Шаруканъ едва утече,..." [7]. С.А.Плетнева считает, что Сугр был брат Шарукана [8]. О судьбе плененных Сугра и его брата летописи ничего не сообщают, и из летописного известия не следует, что Сугр, единственный раз упомянутый под 1107 г., был братом Шарукана. В летописях под 1159 г. упомянут еще один Шарукан: "Стославъ же посла по немъ

---

[3] ПСРЛ. М., 1962.Т.I: Лаврентьевская летопись. Стб.172.

[4] Новгородская первая летопись. - М.; Л., 1950. - С.190.

[5] ПСРЛ. Т.I. Стб.250.

[6] Миллер В.Ф. Рецензии на "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа". Тт. XXI, XXII // ЖМНП. 1887. № 10. С.328.

[7] ПСРЛ. Т.I. Стб.281-282.

[8] Плетнева С.А. Донские половцы // "Слово о полку Игореве" и его время. - М., 1985. - С.259.

Георгия Иванови, Шакушаня (так в Ипатьевском списке летописи, в Погодинском и Хлебниковском списках - Шаруканя) брата, ..." [9]; "Святославъ же пославъ по нем Юрья Ивановича, Шаруканя брата,..."[10]. В.В.Мавродин заметил об этом известии летописей, что черниговские князья дали приют "брату Шаруканя, Георгию Ивановичу, также ставшему черниговским бояриным" [11]. В.Т.Пашуто тоже обратил внимание на это сообщение летописей: "Георгий Иванович, брат хана Шаруканя, ездил послом от Святослава к Изяславу Давыдовичу" [12]. Если В.В.Мавродин и В.Т.Пашуто имели в виду "Шарукана старого", упомянутого в летописи под 1107 г., то трудно считать Георгия Ивановича его единоутробным братом, ибо слишком велик хронологический разрыв между ними. В летописях упоминаются половецкие предводители с русскими именами, что объясняется матримониальными связями половцев с русскими, но у всех этих предводителей тюркские отечества. Как объяснить отчество "Иванович" у "брата хана Шарукана"?

Б.А.Рыбаков считает, что Шарукан был первым половецким ханом, приведшим половцев на Русь и продержавшим ее сорок лет под угрозой постоянных вторжений (с 1068 г. по 1107 г.) [13]. Впервые половцы со-

---

9 ПСРЛ. М., 1962. Т.2: Ипатьевская летопись. Стб.499.

10 ПСРЛ. М.;Л., 1949.Т.25: Московский летописный свод конца ХУ в. - С.65.

11 Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины. - Л., 1940. - С.251.

12 Пашуто В.Т. Особенности структуры Древнерусского государства//Новосельцев А.П.и др. Древнерусское государство и его международное значение. - М., 1965. - С.109.

13 Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - М., 1971. - С.100.

вершили нападение на Русь в 1061 г. и возглавлял их "князь Искал" (или "Сокал") [14]. Определенно отождествлять Шаракана, плененного в 1068 г., с "Шаруканом старым" (1107 г.) нельзя, ибо в русских летописях упоминается не один представитель этого рода. По мнению Б.А.Рыбакова, в "Слове" сопоставляется плен Шарукана в 1068 г. с пленом Игоря Святославича. "Теперь после того как внук Шарукана Кончак взял в плен правнука Святослава Игоря, можно было "лелеять мест Шароканю", радоваться совершившемуся отмщению, воспевать его" [15].

Согласно грузинской хронике, царь Грузии Давид Строитель (1089-1125) был женат на Гурандухте, дочери предводителя кипчаков Атрака Шараганидзе [16]. С помощью кипчакских союзников Давид Строитель освободил Грузию от турок-сельджуков. В "Ипатьевской летописи" под 1201 г. упоминаются половецкие ханы Отрок, справедливо отождествляемый историками с Атраком Шараганидзе грузинской хроники, и его брат Сырчан. Сыном Отрока был хан Кончак [17]. Но на основании русских источников нельзя утверждать, что Отрок (Атрак) был сыном "Шарукана старого". Они принадлежали к роду Шаро(у)канов, но об их родстве ничего определенного сказать нельзя. Указание в "Словаре-справочнике "Слова" ("Шарагана, половецкого князя, отца Отрока (<Артыка) и деда царя Давида II (1089-1125), упоминают и грузинские хрони-

---

14 ПСРЛ. Т.1. Стб.163; ПСРЛ. Т.2. Стб.152.

15 Рыбаков Б.А. Русские летописи и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.420.

16 Джанашвили М.Г. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. - Тифлис, 1897. Т.XXII. - С.35-36.

17 ПСРЛ. Т.2. Стб.715-716.

ки"[18]) является опиской, ибо дедом и отцом Давида Строителя были грузинские цари Баграт IУ (1027-1072) и Георгий П (1072-1089). Кровная месть в древности и средневековье имела родовой характер: мстили не только за ближайшего родственника, но и за родича, принадлежавшего к данному роду. Трудно согласиться с утверждением, что Кончак выступал в качестве мстителя за военные неудачи своих родичей в 1068 г. или в 1107 г. Дело не только в "давности лет", а в отношениях между Игорем Святославичем и Кончаком.

В 1174 г. Игорь Святославич нанес поражение половцам во главе с Кобяком и Кончаком, двигавшимся к Переяславлю: "дружина же Игорева постигъше онѣх избивше, а иныхъ изьимаша...". Поэтому если говорить о мести за военные поражения, то у Кончака были свои "личные" счеты с Игорем Святославичем. Но эти счеты не помешали союзу Игоря и других русских князей с Кончаком и Кобяком в 1180 г. в борьбе за Киев против Рюрика и Давыда Ростиславичей. Под Киевом союзники: дружина Игоря и половцы Кончака потерпели поражение. "Игорь же, видѣвъ Половцѣ побѣжены, и тако с Кончакомъ въскочивша в лодью, бѣжа на Городѣць къ Черниговоу". В бою был убит брат Кончака Елтут, а два сына Кончака попали в плен. Вероятно, тогда же Игорь и Кончак договорились о браке их детей: сына Игоря Владимира с дочерью Кончака и стали сватами. После поражения в 1185 г. в сражении с половцами бранный "пиръ докончаша храбрии русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую", Игорь был пленен, "тогда же на полъчи Кончакъ пороучися по свата Игоря, зане бяшеть раненъ". Летопись рассказывает о пребывании Игоря в половецком плену, и плен этот был достаточно почетным. В "Слове", когда Игорь бежал из плена, "на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ с Кончакомъ... Млъвить Гзак Кончакови: "Аже соколъ

---

[18] Словарь-справочник "Слова о полку Игореве" / Сост. В.Л.Виноградова. - Л., 1984. Вып.6. - С.174.

къ гнѣзду летитъ, - соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами". Рече Кончак ко Гзѣ: "Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною девицею". В отместку за побег отца Гзак предложил убить Владимира Игоревича,оставшегося в половецком плену. "Мстительные" настроения Гзака, вероятно, объясняются тем, что еще в 1168 г. старший брат Игоря Олег "ходиша на Половци, бѣ бо тогда люта зима велми, и взя Олегъ вежѣ Козины и жену, и дѣти, и злато, и сребро,..." Но Кончак рассуждал и действовал как отец, у которого дочь на выданье. И в 1187 г. "приде ис Половѣць" на Русь Владимир Игоревич "с Коньчаковною, и створи свадбоу Игорь сынови своемоу и вѣнча его и с дѣтятем" [19]. Как видим, между Игорем и Кончаком были и военные столкновения, и военный союз, и плен Игоря у Кончака, и сватовство, завершившееся браком их детей. Если бы Кончак думал мстить Игорю за военные неудачи и за побег, то вряд ли он отдал бы свою дочь замуж за Владимира Игоревича. Если бы Кончак выступал в роли мстителя за своих родных, то прежде всего он мстил бы за гибель брата и плен двух сыновей в 1180 г. и уж никак не Игорю, своему тогдашнему союзнику.

Д.С.Лихачев считает, что поражение Игоря открывало для Кончака возможность движения на Переяславль и Киев, и "после поражения Игоря Кончак начинает лелеять месть за своего деда". Неясно, почему поражение дружин черниговских князей: новгород-северского Игоря, трубчевского и курского Всеволода и рыльского Святослава создавало для половцев возможность нападения на переяславльские и киевские земли? В Киевской и Переяславльской землях были свои вооруженные силы и князья: в Киеве - Святослав Всеволодович и Рюрик Ростиславич, в Переславле - Владимир Глебович, которые в 1185 г. после поражения дружин

---

[19] ПСРЛ. Т.2. Стб.532,568-569,621-623,644,649,659;"Слово о полку Игореве". М.;Л.,1950. - С.17,29-30.

Игоря отразили нападение половцев. Дорога на Переяславль и Киев Кончаку была хорошо известна; он водил туда половцев в 1171, 1174, 1179, 1180, 1183 и в феврале 1185 г., как враг и как союзник русских князей. Если говорить о мести за военные неудачи, то у Кончака были личные счеты также к великому киевскому князю Святославу Всеволодовичу за недавнее поражение 1 марта 1185 г. на р.Хороле [20]. Летом 1185 г. после победы над Игорем Кончак снова собрался на Русь: "поидем на Киевьскую стороноу, гдѣ соуть избита братья наша и великыи князь нашь Бонякъ". Но Г(К)за предлагал летом 1185 г. напасть на новгород-северские земли: "поиде на Семь (Сейм. - А.К.), гдѣ ся осталѣ жены и дѣти, готовъ намъ полонъ собранъ" [21]. Хан Боняк, неоднократно возглавлявший набеги половцев на Русь, упоминается в летописях с 1096 г. Кончак двинулся в поход не на переяславльскую землю, где в 1107 г. под г.Лубны были разбиты Боняк и Шарукан старый, а на Киевщину, чтобы отомстить за поражение Боняка от старшего брата Игоря Олега в 1167 г. [22]. Но достоверность последнего известия Ипатьевской летописи вызывает сомнения, ибо в 1096 г. Боняк был "зрелым мужем" и в 1167 г. ему должно было быть свыше девяноста лет.

В вводной части "Повести временных лет" упомянуты скандинавские готы: по морю "Варяжьскому" "сѣдять Варязи, ... Свеи, Оурмане, Готе, Русь, Агиняне,...", "Гъте" [23]. Готы в "Слове" - это готы, жившие в нагорном Крыму. В конце II в. н.э. с берегов Балтики в Северное Причерноморье переселились германские племена готов. В III-IV вв. они возглавили в Причерноморье племенной союз, в который вошли и сарма-

---

20 ПСРЛ. Т.2. Стб.548, 612-613, 628, 634-636.

21 ПСРЛ. Т.2. Стб.646.

22 ПСРЛ. Т.1. Стб.231; Т.2. Стб.527.

23 ПСРЛ. Т.1. Стб.4,19.

то-аланские племена, кочевавшие в причерноморских степях. В 70-х годах IУ в. гунны, вторгшиеся в Причерноморье, разгромили этот союз и вытеснили готов на запад. Только в нагорном Крыму укрылась небольшая часть готов. Прокопий Кесайриский (УI в.) писал о крымских готах, что их страна называется Дори и лежит на возвышенности. Земля плодородна, и готы занимаются земледелием. Они являются союзниками Византии и во время военных действий выставляют до трех тысяч бойцов [24]. По сообщению Никифора (ок. 758-829), император Юстиниан П (685-695 и 705-7II), низложенный и сосланный в Крым, в 704-705 г. "бежал из Херсона и скрылся в крепости, называемой Дорос и лежащей в готской земле" [25]. В "Житии Иоанна", епископа Крымской Готии, содержится рассказ, что в связи с иконоборческой компанией в Византии Иоанн, избранный в епископы в 758 г., ездил в Иверию (Грузию), где был рукоположен в сан епископа грузинским католикосом. В житии сообщается также о сопротивлении жителей Крымской Готии нападению хазар [26]. В списке епархий Константинопольского патриархата, относящемуся к УШ в., готская митрополия с резиденцией в Доросе занимала 37-е место [27].

О сармато-аланском населении в Крыму в первые века н.э. и ран-

---

[24] Прокопий. О постройках // ВДИ. 1939. № 4. С.249.

[25] Никифор. "Бревиарий" // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. - М., 1980. - С.155, 163.

[26] Житие преподобного отца нашего Иоанна, епископа Готии. Текст и перевод // Записки Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1883. Т.ХШ. - С.25-29.

[27] Васильев А.А. Готы в Крыму // Известия Государственной академии истории материальной культуры. - Л., 1927. Т.У. - С.210-2II.

нем средневековье свидетельствуют археологические и антропологические материалы [28]. Об аланах говорит топонимика и эпиграфика средневекового Крыма [29]. В ареал распространения памятников салтово-маяцкой культуры, в создании которой главная роль принадлежала аланам, входит Крым [30]. М.И.Артамонов полагал, что местное население Крыма, еще недостаточно изученное, состояло "преимущественно из готов и алан" [31].

Епископ Федор, которого Ю.А.Кулаковский считал по происхождению аланом, около 1240 г. прибыл в Крым и нашел аланов в окрестностях Херсонеса. Аланы жили там "словно некое ограждение и охрана (города)" и встретили епископа Федора как "родного пастыря" [32]. Рубрук,

---

[28] Тиханова М.А. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма // Материалы и исследования по археологии СССР. - М.; Л., 1953. № 34. - С.322, 327; Веймарн Е.В. Оборонительные сооружения Эски-Кермена // История и археология средневекового Крыма. - М., 1958. - С.52; Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // Там же. - С.70.

[29] Кузнецов В.А. Очерки истории алан. - Орджоникидзе, 1984. - С.72-82.

[30] Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. - М., 1981. - С.64.

[31] Артамонов М.И. История хазар. - Л., 1962. - С.194.

[32] Епископа Федора "Аланское послание" / Предисловие и пер. Ю.А. Кулаковского // Записки Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1898. Т.XXI. Материалы. - С.17-18; Кулаковский Ю.А. Христианство у алан // Византийский временник. - СПб., 1898. Т.V, вып.1-2. - С.17.

посетивший Крым в 1253 г., сообщил, что "между Керсоной и Солдаией существует сорок замков (очевидно, укрепленных поселений. - А.К.); почти каждый из них имел особый язык; среди них было много Готов, язык которых немецкий". В северной, степной части Крыма "до прихода Татар обычно жили Команы (половцы русских летописей. - А.К.) и заставляли вышеупомянутые города и замки платить им дань". В Крыму "пришли к нам некие Аланы, которые имеются там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников"[33]. Эльмуфаддаль (ХШ в.) писал, что в Крыму обитает множество кипчаков, русских и алан[34]. Согласно Ибнабдеззахыру (1221-1293), Солхат (около Судака) населяли кипчаки, русские и аланы[35]. По мнению А.Л.Якобсона, в ХП-ХШ вв. население Херсонеса составляло 4,5-5 тыс. человек: греки, армяне, аланы, евреи, наезжали половцы, итальянские купцы[36]. Византийский историк Георгий Пахимер (1242-1310) среди покоренных монголами народов Восточной Европы назвал аланов, зихов (адыгов), готов и русов[37]. Абульфеда (ум. в 1331 г.) указывал, что город Кырк-ер (совр. городище Чуфут-кале) населяют асы, которые по религии являются гяурами, т.е. христиа-

---

[33] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. - М., 1957. - С.90, 106.

[34] Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - СПб., 1884. Т.1: Извлечения из сочинений арабских. - С.192.

[35] Там же. - С.63.

[36] Якобсон А.Л. Средневековый Крым. - М.; Л., 1964. - С.82-83.

[37] Georgii Pachymeris. De Michaele et Andronico Palaeologis. Bonnae, 1835. libri XIII, vol. I. p. 345.

нами [38]. В византийских церковных документах кон. XIУ в. среди деревень, из-за которых спорили крымские митрополиты - Херсонский, Готский и Сугдейский - названа Алания. А.Л.Бертье-Делагард считал, что это название дано "по имени жившего там народа" [39]. Немец Иоанн Шильтбергер, посетивший Крым в нач. ХУ в., упомянул "город Киркер (Karckeri) в хорошей стране, именуемой Готией" [40].

Иосафат Барбаро жил в 1436-1452 гг. в Тане, венецианской колонии в устьé Дона. В описании Крыма он назвал Готию и Аланию. "Готы говорят по-немецки. Я знаю это, потому что со мной был мой слуга немец; они с ним говорили, и обе стороны вполне понимали друг друга, подобно тому, как поняли бы один другого фурланец и флорентиец. Я думаю, что благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы (Gothaland). Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и как бы смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те и другие следуют обрядам греческой церкви..." [41]. Название Каталония - провинция Испании объясняется

---

[38] Кулаковский Ю.А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. - Киев, 1899. - С.63, 64.

[39] Бертье-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Записки Одесского общества истории и древностей. - Одесса, 1915. Т.XXXII. - С.230, 237.

[40] Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. и снабдил примечаниями Ф.Брун // Записки Новороссийского ун-та. - Одесса, 1867. Т.I, вып.1-2. - С.57-58.

[41] Барбаро и Контарини о России. - Л., 1971. - С.157.

как Гот - Алания [42], что связано с пребыванием готов и аланов в Испании в эпоху "великого переселения народов".

Б.А.Рыбаков считает, что готы были "союзниками половцев и радовались поражению русских"; "В руки прибрежных, приазовских готов попала добыча, взятая у тех воинов Игоря, которым удалось доскакать до Азовского моря...". По его мнению, готское население на северном берегу Азовского моря (в районе Бердянска и Мариуполя) было известно, начиная с Ш в., и сохранялось позже ХП в. [43]. Нет никаких фактов (археологических, письменных), свидетельствующих о пребывании готов после нашествия гуннов в кон. IУ в. на северном побережье Азовского моря. Если готы, жившие в нагорном Крыму, платили половцам дань (см. выше у Рубрука), то из этого еще не следует вывод, что готы были союзниками половцев.

Вероятно, в интересующем нас месте "Слова" речь идет о событиях, более значительных, чем месть хана Кончака за прошлые военные неудачи половцев. В XI томе сочинений Екатерины П в приложениях опубликованы текст и перевод "Слова". Интересующее нас место переведено так: "Се бо готские красные девы... прославляют мщение Шаруканово". В примечаниях указано: "Шарукань, город половецкий, был близ реки Донца; он в IIII г. сдался без сопротивления войскам великого князя Святополка" [44].

---

[42] Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. - М.; Л., I949. Т.I. - С.82.

[43] Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. - С.IOI, 237; Он же. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - С.4I9; Он же. Историзм "Слова о полку Игореве" // История СССР. I985. № 5. - С.4I-42.

[44] Сочинения Екатерины П. - Спб., I906. Т.XI. - С.446-447.

Донские походы русских в начале XП в. имели целью нанести поражение половцам, кочевавшим в донских степях, и их союзникам, донецким аланам. Аланы оседло жили в бассейне Северского Донца. Когда в IIII г. русские двигались к городу Шарукану, то впереди дружин шли священнослужители и пели религиозные гимны. Горожане "выидоша из города и поклонишася князем Рускымъ, и вынесоша рыбы и вино". Русские вошли в город, "перележаша нощь ту", а на следующий день двинулись дальше, "поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и,...". Затем в двух сражениях 24 и 27 марта русские одержали победы над половцами. Далее под III6 г.: "В се же лѣто посла Володимеръ (Мономах. - А.К.) сына своего Ярополка, а Давыдъ сына своего Всеволода на Донъ (Северский Донец. - А.К.), и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ, Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе собѣ жену, красну велми, Яськаго князя дщерь полонивъ" [45]. В "Троицкой летописи" под тем же годом: "В том же лѣтѣ Ярополкъ ходи на Половьчскую землю к рѣцѣ, зовомѣи Донъ, и ту взя молонъ многъ, и 3 городы взяша половечскыѣ: Галинъ, Чешюевъ и Сугровъ, и приведе с собою Ясы, и жену полони собѣ Ясынь" [46]. По мнению Ю.А.Кулаковского, население городов на Донце было аланское и христианское, и когда русские подступали к Шарукану, они знали, что он населен христианами [47].

А.А.Спицын и Ю.В.Готье также считали, что упоминаемые в летопи-

---

[45] ПСРЛ. Т.2. Стб.264-268, 284.

[46] Приселков М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста. - М.; Л., 1950. - С.206-207.

[47] Кулаковский Ю.А. Христианство у алан. - С.17.

сях донецкие города были населены аланами [48]. М.И.Артамонов писал: "Упоминаемые в летописи половецкие города на Донце - Сугров, Шарукань и Балин - скорее всего принадлежали именно им (аланам. - А.К.), имевшим за собой традицию оседлого образа жизни, а не кочевникам половцам" [49]. А.П.Новосельцев писал в связи с летописным известием об "антиполовецком" походе 1116 г.: "Связи асов, живших на Дону, с половцами несомненны..." [50]. Отметив, что в УШ-IX вв. аланы жили в бассейне Северского Донца и оставались там до XП в., С.А.Плетнева указала, что город Шарукань "был населен в основном не половцами, а аланами, у которых был к тому же свой князь. Однако половецкие князья, давшие свое имя этим городам, владели ими, а рядовые половцы ставили, вероятно, свои вежи у их валов" [51]. Позднее С.А.Плетнева писала, что названия двух городов "даны по именам крупнейших ханов - Шарукан и Сугр", а для Балина она предположила тюркскую этимологию

---

[48] Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. I. Исконные обитатели Дона и Донца // ЖМНП. Новая серия. Часть XIX.-СПб., 1907. Ч.XIX, январь.-С.75; Археология в темах начальной русской истории // Сборник статей по русской истории, посв. С.Ф.Платонову. Пг., 1922. - С.11; Готье Ю.В. Ясы-Аланы в ранней русской истории // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии.- Симферополь, 1927. Т.1. - С.46; Железный век в Восточной Европе. - М.; Л., 1930. - С.89.

[49] Артамонов М.И. История хазар. - С.356.

[50] Новосельцев А.П. Русь и государства Кавказа // Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. - М., 1968. - С.216.

[51] Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X-XШ вв. - М., 1975. - С.271.

šalïq – "город", "безымянная" или коллективная ставка половцев... Очевидно в этих "городах" жили вместе с половцами остатки разоренного и почти полностью уничтоженного еще печенегами аланского (ясского) населения Хазарского каганата" [52]. Но из похода в 1116 г. русские привели "полон мног" из ясов, а половцы при этом в летописи не упомянуты.

В связи с точкой зрения, что половецкие ханы давали аланским городам свои имена, необходимо рассмотреть вопрос о названиях этих городов. Половецкий хан мог назвать аланский город своим именем, но стало бы аланское население и соседнее русское употреблять это название?!

Н.П.Барсов обратил внимание на название села Сугров в Курской губ., "хотя там не было половцев" [53]. Город Шарукан в "Лаврентьевской летописи" и "Троицкой летописи" под 1111 г. называется Осенев [54]. А.А.Спицын заметил, что "в названии Асенев прямо слышится этническое имя, а корень названия "Сугрова близок к названию Сурожа и Сугдеи" [55]. Ранее В.Ф.Миллер дал этимологию названия Сугров: "...название города Сугров легко поддается истолкованию из осетинского языка: оно, кажется, ничто иное как несколько прилаженное к русскому произношению имя сурх гау, т.е. красное село; причем груп-

---

[52] Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. – М., 1982. – С.58-59.

[53] Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. – Вильно, 1885. – С.304.

[54] ПСРЛ. Т.I. Стб.289; Приселков М.Д. Троицкая летопись. – С.205.

[55] Спицын А.А. Историко-археологические разыскания. – С.75.

па согласных рхг или при быстром произношении рг, была согласно с свойствами русского языка переставлена гр..." [56] .

Можно предложить аланскую (иранскую) этимологию названия Шаро(у)кан. В первой части названия: *sara* (скифо-сарм.), *sær* (осет.) – 'голова', 'глава', в топонимии "холм", "вершина" [57] . В "Географическом руководстве" Птолемея (втор. пол. П в. н.э.) среди днепровских городов упомянуты Сар (Σάρον) и Сарбак (Σαρβάκον) [58]. Названия этих городов скифо-сарматские, во втором названии *baga* (древн-перс., скифо-сарм.), *baγa* (авест.) – 'бог' [59] . Они переводятся так: "Холм" и "Холм Бога", второе, вероятно, потому, что город возник на холме, где было святилище. В.И.Абаев приводит скифские и сарматские имена, в основе которых слово *sara*: *Saragas* Σαρώης, Σαρώσιος или Σαρώδιος (аланский царь УI в. у Менандра) и др. [60] . У Феофана и Никифора упомянут персидский военачальник Сарварос (Σαρβαρος) (нач. УП в.) [61] . В Северной и Южной Осетии много топонимов со словом "с(ш)ær". В Средней Азии в топонимии долин Фан – Дарьи и Ягноба, где проживают ягнобцы – потом-

---

[56] Миллер В.Ф. Осетинские этюды. – М., 1887. Ч.Ш. – С.67.

[57] Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1979. – С.302.

[58] Клавдий Птолемей. Географическое руководство // Латышев В.В. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. – СПб., 1893. Т.I: Греческие писатели. Вып.I. – С.230.

[59] Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия. – С.283.

[60] Там же. – С.302.

[61] Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – С.34, 35, 58, 59, 152, 153, 159, 160.

ки древних согдийцев: Кати сар (ягн.) - "местность выше крайнего дома", Сари канта (тадж.) - "местность выше рытвины", Сари к'ала (тадж.) - "местность выше крепости" (отмечено дважды) [62]. (Ср. название Саркел - средневековая крепость на Дону). В долине Фан - Дарьи есть развалины старинной крепости Сарвадор. В мордовской топонимии ряд населенных пунктов, расположенных по рекам, имеет названия "*Saro-don*", где вторая часть означает в мордовском "устье реки" [63], заимствование из иранского: *danu* (скифо-сарм.) - 'река', *don* (осет.) - 'вода', 'река' [64], и название в целом - "верховье (устье, начало) реки". Г.В.Цулая считает, что кипчаки не представляли собой "этнически однородной массы", имя Шарукан является аланским, и наличие аланских имен у кипчаков есть результат алано-кипчакских связей [65], в чем с ним можно полностью согласиться. В древнерусском языке имело место совпадение или смешение свистящих и шипящих звуков, поэтому в русских летописях имеем славянизированную форму "Шаро(у) -" [66]. Отметим также на Киевщине: городище Шаргород и села Шарин и Шарки [67]. Во второй части названия иранское кап -

---

[62] Хромов А.Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. - Душанбе, 1975. - С.38, 58, 59.

[63] Пассек Т.С., Латынин Б.А. Заметки по Приволжью // Яфетический сборник. 1930. Вып.6. С.15.

[64] Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия. - С.285-286.

[65] Цулая Г.В. Отрок Шарукан - Атрака Шараганисдзе // Кавказский этнографический сборник. - М., 1984. Вып.VIII. - С.186-205.

[66] Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. - Л., 1972. - С.267-272.

[67] Фундуклей И. Обозрение Киева в отношении к древностям. - Киев, 1847. - С.22; Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. - Киев, 1864. - С.371, 531.

'рыть', 'насыпать', две неразрывно связанных действия. В иранских языках: *kantha katha* (сак.) - 'город', *kånt* (ягноб.) - 'город', *kandai* (афган.) - 'квартал города', *kænt* (осет.) - 'здание' [68]. Это слово в большом количестве встречается в названиях населенных пунктов в Средней Азии, где, как известно, древнее население было иранским. Таким образом, название *Sarakan* означает "поселение на холме, обнесенное стеной и окопанное рвом".

Вероятно, в основе славянизированной формы Балин: *bala* (древ. - инд., скифо-сарм.), *bal* (осет.) - 'военная сила', 'дружина', 'отряд' [69]. Русский "аналог" города с таким названием - это город Воинь, пограничная со степью крепость в Переяславльском княжестве. В "Лаврентьевской летописи" и "Троицкой летописи" город называется также Галин [70]. В основе этого названия осетинские: *galwan|galaw...* *galaon* 'каменная ограда', 'крепостная стена', 'замок', 'дворец', *gallæ* - 'крепость' [71]. Анализ иранского слова *kala* и соответствующих названий в топонимике Средней Азии, Ирана, Афганистана и Кавказа дан в работе А.З.Розенфельд [72]. Ал-Идриси (ок. 1100-

---

[68] Абаев В.И. Этимологические заметки // Труды ин-та языкознания. - М., 1956. Т.VI. - С.442-448; Он же. Историко-этимологический словарь осетинского языка. - М.; Л., 1958. Т.I. - С.579.

[69] Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия. - С.284.

[70] ПСРЛ. Т.I. Стб. 291; Приселков М.Д. Троицкая летопись. - С.207.

[71] Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. - Л., Т.I. - С.507; Т.II.1973.С.259.

[72] Розенфельд А.З. *Qal'a* (*Kala*) - тип укрепленного иранского поселения // Сов. Этнография. 1951. № I. С.22-36.

1164) назвал аланский город Ашкала (или Аскала) на западном Кавказе, недалеко от черноморского побережья [73]. Недалоеко от Киева, в селе Фасове, есть древний вал, называемый "гальным", т.е. "крепостным" по ирански [74]. Таким образом, Балин и Галин - это русское написание близких по характеру аланских названий: Балин - "Военная сила", Галин - "Крепость".

В результате донских походов русских половцы и аланы потерпели поражения, аланское княжество на Северном Донце было ликвидировано, и аланы частично были переселены на Русь. Половцы, одержавшие победу над дружинами Игоря и Всеволода Святославичей, в какой-то мере отомстили русским за поражения, понесенные в этом же районе в начале века. Крымские готы или готаланы радовались поражению русских и "лелеяли месть" за разгром аланского донецкого княжества, центром которого был город Шаро(у)кан. В "Слове" бояре, доложившие великому киевскому князю Святославу Всеволодовичу о поражении дружин князя Игоря, сказали и о "готских девах", "лелеющих месть Шароканю". Устами бояр автор "Слова" подчеркнул контраст между победоносными донскими походами русских войск в начале века и печальным концом похода князя Игоря.

---

73 Бейлис В.М. Ал-Идриси (XII в.) о Восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // Древнейшие государства на территории СССР: 1982. - М., 1984. - С.210.

74 Похилевич Л. Сказания о населенных местностях Киевской губернии. - С.721.

О.М.Анисимова

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРАВДЕ, ЛЮБВИ, ДОБРЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XII-XIII вв.

В изучении стилистики древнерусской литературы XII в. особую роль играет выявление нравственных и эстетических представлений, влиявших на мироощущение людей того времени [1]. Они определяли неповторимые черты материальной и духовной культуры, и даже обыденной жизни, отразившейся в грамотах. Однако многие широко распространенные представления трудноуловимы для исследователя,потому что были связаны, как правило, с устной культурой. Причем, чем отдаленнее эпоха, тем сложнее их изучение, так как почти не сохраняется фольклорных текстов, записей неофициального характера и т.д. Особый интерес в этом плане представляет собой древнерусская культура XII в.: за такими выдающимися памятниками, как "Поучение Владимира Мономаха", "Слово о полку Игореве", "Слово Даниила Заточника", "Слово о погибели Русской земли" многими исследователями предполагалась система ценностей, восходящая не только к книжной, но и к устной культурной традиции [2]. Однако для XII в. число источников, по которым

---

[1] Данный аспект исследования средневековой культуры наиболее полно рассматривается: Гуревич А.Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. - М., 1986. - С.153-167. Здесь же приведена библиография новейших работ на данную тему.

[2] О возможных устных источниках этих памятников см., например: Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978. - С.7-39, 150-198; Айналов Д.В. Очерки по истории древнерус-

эту культурную традицию можно было бы восстановить, очень ограниченно. Среди археологических находок особенно ценны берестяные грамоты, точно датируемые и отражающие часто бытовую, неофициальную переписку людей. В литературных же памятниках Древней Руси следы интересующих нас представлений можно обнаружить, изучая стилистические формулы в прямой речи древнерусских летописей. Обратимся к ним подробнее.

Прямая речь в древнерусских летописях - явление совершенно особое и очень интересное. Прежде всего, обилие прямой речи и ее жизненно реальный, а не вымышленный характер резко отличает оригинальную древнерусскую литературу от переводной (от византийской, от западноевропейских хроник). На это явление обращали внимание многие исследователи (Д.С.Лихачев [3], Н.А.Мещерский [4]).

Более того, когда древнерусскому книжнику надо было перевести греческий текст, то "большая живость изложения достигается в переводе через почти всегда проводимую замену косвенной речи оригинала прямой речью" [5]. Наиболее подробно прямая речь была исследована в

ского искусства: I. Два примечания к "Слову Даниила Заточника"// ИОРЯС. 1900. Т.XIII, кн.1. - С.352-364; Лихачев Д.С. Социальные основы стиля "Моления Даниила Заточника"// ТОДРЛ. - М.;Л., 1954. Т.10. - С.106-119; Воронин Н.Н. Даниил Заточник// Древнерусская литература и ее связи с новым временем. - М., 1966. - С.52-101.

3 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

4 Мещерский Н.А. "История Иудейской войны" Иосифа Флавия в древнерусском переводе. - М.; Л., 1958.

5 Там же. - С.82.

трудах Д.С.Лихачева. Из новейших исследований прямой речи в "Повести временных лет" посвящена диссертация Е.В.Душечкиной [6], в "Киевской летописи" - лингвистическое исследование В.Ю.Франчук [7]. В отличие от Д.С.Лихачева, Е.В.Душечкиной Ю.В.Франчук считает, что прямая речь, до того как попала в летопись, бытовала не в устной, а в письменной форме в виде посланий. Но даже если принять эту гипотезу, все равно послания безусловно отражали стилистическую культуру устной речи, только еще через одно опосредованное звено. Нам представляется более убедительной гипотеза Д.С.Лихачева, который утверждает, что прямая речь в древнерусских летописях отражала поэтику устной речи более или менее непосредственно [8], и конкретный стилистический анализ это подтверждает.

Д.С.Лихачевым выделены три типа прямой речи в летописании: фольклорная, заимствованная из переводных произведений и посольская [9]. Культура устной речи отражена в фольклорных и посольских речах. К ним мы и обратимся. Стиль прямых речей изучался в следующих аспектах. Была отмечена афористичность прямой речи и приводились отдельные примеры яркой художественной образности, например, "можете ли древо поддържати сулицами, а на сию рать дерзнути"

---

[6] Душечкина Е.В. Художественная функция чужой речи в киевском летописании: Дис. ... канд.филол.наук. - Тарту, 1973.

[7] Франчук В.Ю. Киевская летопись. - Киев, 1986.

[8] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947; Он же. Русский посольский обычай XI-XIII вв. // Исторические записки. - 1946. Т.18. - С.42-55; Он же. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978.

[9] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.153-155.

(И.540) [10]. "Мира не хочем, а мужи у мене; а далече есте" или "вышли есте акы рыбы на сухо" (Н.I. 159-160) [11]. Обращалось внимание на выразительность метонимии и антитезы [12]. Однако наиболее подробно была изучена феодальная и военная терминология, отраженная в прямой речи летописи: "всесть на конь", "взять на щит", "ударить копьем", также употребление слов: "меч", "стяг", "копье", "конь", "ворота", "обида" и др. [13]

Для нас же наибольший интерес представляет иной аспект исследования стилистических формул в прямой речи, еще не рассматривавшийся подробно учеными. Это - стилистические выражения, отражающие эмоциональные состояния человека или нравственную оценку совершающегося. Дело в том, что прямая речь в летописи появляется всегда в наиболее драматические, эмоционально чрезвычайно напряженные моменты человеческой жизни. Таково большинство диалогов, восходящих к фольклору, например, Ольги и древлян, Яна и волхвов. Во всех случаях - это прямая речь между убийцей и его будущей жертвой, это предсмертная речь. Сохранились и остатки похоронных плачей (например, плач новгородцев по Мстиславу. И.413). С трагическими ситуациями связаны речи перед

---

[10] Летопись по Ипатьевскому списку. - СПб., 1871. (Здесь и далее ссылка на это издание приводится в тексте (И.) с указанием страниц).

[11] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н.Насонова. - М.; Л., 1950. (Здесь и далее ссылки на это издание приводится в тексте (Н.I) с указанием страниц).

[12] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.159-168.

[13] Там же. - С.165-189.

битвой, когда воинам уже "некуда деться" (уже "некамо ся дети"), "здесь и умереть" ("Уже нам сде пасти") - они исследованы Д.С.Лихачевым [14]. И, наконец, почти все посольские речи связаны с постоянными драматическими событиями XII в. - братоубийственными крамолами, разорениями и т.п. Безусловно трагичны и крестоцеловальные речи, связанные с нарушением клятв, клятвопреступлениями.

Таким образом, широкое использование прямой речи объясняется и драматизмом жизни человека периода феодальной раздробленности, междоусобий, войн и т.д. Поэтому в прямой речи летописей XII в., кроме ее информативной, деловой части, описывающей военную, генеалогическую (кто кого старше) или иную ситуацию, рекомендующей, как и что надо конкретно делать, есть часто элемент и эмоционального отношения к происходящему и нравственной оценки его. Это и понятно. Ведь основная цель посольских речей, крестоцеловальных, а также диалогов - выяснение человеческих взаимоотношений, выражение эмоционального отношения друг к другу, споры, попытки самооправдания и нравственной оценки случившегося. Обычно информативная часть прямой речи содержит описание военных действий, поэтому представлена военной и феодальной терминологией и наиболее традиционна ("взять на щит", "всесть на коня" и т.д.). Этот раздел изучен исследователями, и была подчеркнута устойчивость традиционных формул, употребляемых здесь. Совершенно иную картину представляет собой стилистическое выражение эмоциональных состояний и нравственных оценок.

Прежде всего, обратимся к тому, как сам летописец характеризует многие речи с эмоциональной стороны.

Книжником ситуация произнесения речи описывается обычно как "пря велика, злоба" (И.213) или "распре мнозе и речи велице" (И.463).

---

[14] Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение; Он же. Русский посольский обычай XI-XIII вв. - С.42-55.

Очень часто используется эпитет "буюю речь". "Слышав же князь великый речь их буюю" (Л.410) [15]. Иногда - эпитет "тяжкие" или "крепкие" речи. "Иванко же взъми тяжкы речи", "речи продолжившиеся и пребывши крепце межи ими" (И.345).

Интересно, что когда летописец говорит о "буей" речи, самих ("буиных") слов он обычно не приводит; о том, какой характер могли иметь в реальности или в быту эти речи, дает представление бытовая переписка, найденная в новгородских берестяных грамотах, и статьи устава Ярослава о штрафе за оскорбление словом (за оскорбление боярской жены - 5 гривен злата, т.е. столько же, сколько за раба и т.д.).

Берестяная грамота XII в. (№ 531) [16] показывает реальную ситуацию произнесения "буих" слов и ее трагические последствия: "Како еси возложило поруку на мою сестру и на доцерь еи, назовало еси сьтру мою коровою и доцере блядею. А нынеца Федо прьехаво услышаво то слово и выгонало сестру мою и хотело потяти". Т.е. слова бывали и такие, за которые могли убить.

Очень интересно наблюдать, как эта "пря велика", "злоба", "многие распри", "буии речи" реальной жизни, отраженные в берестяных грамотах, выливаются в афористически сдержанные, лаконичные формулы прямой речи летописи. Например, посмотрим, какие слова Ольговичей приводит летописец после упоминавшегося уже выражения: "... и бысть в том межи има пря велика злоба, идяху, слово рекуче, Олговичи: "яко вы начали есте перво нас губити" (И.213).

---

[15] Летопись по Лаврентьевскому списку. - СПб., 1872. (Здесь и далее ссылка на это издание приводится в тексте (Л.) с указанием страниц.

[16] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). - М., 1978. - С.131-134.

Очевидно, существовал какой-то поэтический отбор слов и выражений, попадавших в летопись, возможно, на него оказывала влияние культура устной речи, в которой традиционно отбирались наиболее выразительные и одновременно наиболее емкие стилистические формулы. Возможно, определенный речевой этикет, влиявший на эту устную традицию, отражен, например, также в берестяной грамоте XII в. (№ 605) [17], представляющей собой письмо монаха Ефрема к монаху Исихию, в котором Ефрем просит Исихия выразиться совсем иначе: "А чему ся гневаеши. А я вьсъгда у тебе. А сором ми, оже ми лихо сълвляше: "И покланяю ти ся братьче мои". "То си хотя мълви: "Ты еси мои, а я твои". По наблюдению А.А.Зализняка [18] лаконизм, афористичность и сдержанность в выражениях свойственны стилю большинства берестяных грамот.

Обратимся к рассмотрению того, в какие стилистические обороты оформляется прямая речь в летописях. Отметим очень интересное явление. По анализу стилистических формул прямой речи, отражающих эмоциональные состояния и представления, можно в какой-то мере выявить систему нравственных ценностей авторов речей XII в. Это и понятно, т.к. во время междоусобных войн, переговоров, преступлений в своих речах люди либо занимаются самооправданием, либо, наоборот, осуждают кого-то, либо предостерегают, и, естественно, апеллируют к каким-то важным нравственным оценкам. Эти этические представления, отраженные в прямой речи, интересны особенно еще и тем, что затвердев в традиционных стилистических формулах, они представляют собой расхо-

---

[17] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 г.). - М., 1986. - С.68-70.

[18] Зализняк А.А. Текстовая структура древнерусских писем на бересте: Исследования по структуре текста. - С.147-182.

жие, обыденные, во многом независимые от переводной книжности нравственные ценности. И частично их можно восстановить, если исследовать стилистику речей. Обратимся же к стилистическому анализу.

В прямой речи летописи мы не встретим того разнообразия передачи трагических эмоциональных состояний человека, как в косвенной. Скорее, наоборот, в древнерусской литературе как будто бы не было традиции изливать свою скорбь в прямой речи.

Если в косвенной речи летописей отрицательные эмоции чрезвычайно разнообразно выражены через экспрессивные перечисления синонимов, таких как скорбь, туга, печаль, горе, беда, то в прямой речи картина иная: мы встречаем здесь только два широко распространенных способа описывать свою скорбь (боль): при помощи слова "лихо" и стилистические вариации со словом "сердце". Это наиболее типичные художественные средства. (Очень ярко они проявились также в "Поучении Владимира Мономаха"). Другие же описания отрицательных эмоций явно книжные по происхождению, встречаются редко и являются исключениями из правила. Они большей частью привнесены из агиографической литературы. В редких описаниях горестных эмоций в прямой речи (типа "выдать на великую муку", "избавить от великой беды"), кроме того чувствуется акцент не на самом переживании, а на реальном содержании несчастья. Горе в прямой речи как бы предстает со стороны тех материальных лишений и последствий, которые оно приносит. Поэтому часто встречаются и следующие выражения: "тягота": "тяжко", "трудно", "держать в нужи", "болен". Эти упоминания единичны и описывают не эмоции, а обозначают конкретную драматическую ситуацию. В воинском контексте встречаются "зло", "пакость" в значении урон, ущерб и "лесть" (ложь, обман, хитрость). Употребляются и обозначения конкретных отрицательных явлений, близкие к терминам - "вражда", "тяжа", а также "обида" (рассмотренная подробно Д.С.Лихаче-

вым[19]).

Мы видим, что когда книжник обращается к отрицательным явлениям жизни и к описанию трагических эмоций, то в прямой речи, в отличие от косвенной, он предпочитает существительные с более конкретным значением. Это явление - следствие особой тенденции, проявившейся в прямой речи летописи. Для книжника наиболее важно не выражение эмоционального состояния, а нравственно оценочный момент. И потому за стилистическими формулами, существительными, наречиями и прилагательными, выражающими оценку, встает для нас целая система нравственных и моральных ценностей древнерусского общества. По частоте употребления тех или иных формул мы можем подойти к раскрытию этих представлений. Прежде всего, подчеркнем следующее наблюдение: система нравственных ценностей представлена в виде четких бинарных оппозиций, очень часто выделенных и поставленных рядом в прямой речи.

Часто мы встречаем развернутые противопоставления. Наиболее распространены антонимические сочетания добро - зло, добро - ложь. Но встречаем и другие: "... яз, брате, не лиха хотя тобе бороню не ходити, но хотя ти добра и тишины земли Рускые" (И.343). "Молимся, княже, тобе и братома твоима, не мозете погубити Русьскые земли; аще бо възмете рать межю собою, погании имуть радоваться, и возьмут землю нашю, иже беша стяжали отци ваши и деди ваши трудом великим и храбрьством, побарающе по Русьскей земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую". Се слышав Володимер, росплакавься и рече: "Поистине отци наши и деди наши зблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити..." (Л.254).

---

19 Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.187-189.

Противопоставление "лиха" "добру" и "тишине", а также желания погубить землю тому, что ее "зблюли" отцы и деды, напоминает противопоставление усобиц, мятежей, ратей, крамол - тишине и покою в Русской земле в косвенной речи в "Повести временных лет": "И уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли" (Л.145); и в "Галицко-Волынской летописи": "Начнемь сказати бесчисленныя рати, и великыя труды, и частыя войны, и многия крамолы, и частая востания, и многия мятежи, измлада бо не бы има покоя" (И.501).

Но здесь чувствуется и небольшая разница, если положительными ценностями и в прямой, и в косвенной речи являются "тишина" и "покой", то в прямой речи добавляется нравственно оценочное существительное "добро". Отрицательные явления жизни, подробно и конкретно перечисленные в косвенной речи, обобщенно охарактеризованы в прямой речи как "лихо" и "погубить". И это выражение эмоционально-этического отношения, а не реалий исторической жизни. Таким образом, и в прямой, и в косвенной речи летописи отражены одни и те же представления о положительных и отрицательных ценностях человеческой жизни, но выражены по-разному, в косвенной - через конкретное описание реальных исторических явлений, в прямой же - через нравственно-этическую обобщенную оценку их.

Очень важным представлялись также книжникам противопоставления истинного, справедливого - ложному. За ними явно чувствуется афористическая завершенность, свойственная поговоркам или пословицам: "Еда се право будеть, или лжа, - не веде; и рече Святополк к Давыдови: "Да аще право глаголеши, Бог ти буди послух; да аще ли завистью молвишь, Бог будеть за тем" ("Повесть об ослеплении Василька Теребовльского" (Л.248); "Право ли, криво ли - надели же мене" (И.393).

Встречается противопоставление "воли" - "нужде": "Игорю! целуй крест, яко имети братью в любов; а Володимир, и Святослав, и Изяс-

лав целуйте крест ко Игореви; что вы начнеть даяти, но по воли, а не по нужи" (И.227).

Очень ярко это явление отразилось в "Слове о полку Игореве". "На реце на Каяле тьма светь покрыла: по Руской земли прострошася Половци, акы пардужье гнездо. Уже снесеся хула на хвалу, уже тресну нужда на волю, уже връжеся Див на землю" [20].

Мы видим, что таинственное объяснение боярами загадочного же самого по себе сна Святослава восходит к той же системе нравственно эмоциональных оппозиций, которая распространена в других памятниках XII в., и стилистически выражено подобно поговоркам "по воли, а не по нужи"; здесь оно приобрело олицетворенный характер "нужда" бросается на "волю", т.е. в метафорически образной картине "Слова о полку Игореве" эта система нравственных оппозиций как бы оживает. Любопытно, как положительные части этой оппозиции, встречающиеся в прямой речи бояр, так/же встречаются в летописи. Например, хвала - "мы есмы ци не князи же? поидем такыже собе хвалы добудем" (Л.376); "по имени твоем тако и хвала твоя" (Л.401). Воля - "... а ноне всю волю твою стваряем, чего то хощеши" (Л.411).

"Слово о полку Игореве" как бы впитало в себя распространенные формулы прямой речи, совместив в маленьком отрывке противопоставленные нравственные ценности и увенчав их обобщенно ярким представлением - "тьма свет покрыла". (Причем речь здесь идет и о "погибели" Русской земли, описание которой также часто встречается в прямой речи летописи).

Итак, предварительно можно заметить следующее. Если в косвенной речи летописи и памятников мы встречаем синонимические сочетания су-

---

20 "Слово о полку Игореве" / Под ред. В.П.Адриановой-Перетц. - М.; Л., 1950. - С.20.

ществительных, своеобразные эмоциональные перечисления их ("туга и беда", "печаль и скорбь" и т.д.), то в прямой речи картина другая. Здесь мы почти не находим синонимического нагромождения существительных, выражающих экспрессивные состояния. Их крайне мало. Акцент же в прямой речи на существительных, имеющих нравственное значение. Причем вместо сочетания синонимов мы встречаем здесь яркие противопоставления, оппозиции. Следовательно, если в косвенной речи важен был акцент на трагедийности бытия человека, важно было усилить выразительные средства этого - отсюда концентрация печали, туги, скорби, то в прямой речи древнерусский человек осуществляет свой нравственный выбор - поэтому здесь не синонимы, а антонимические противопоставления. И эта система нравственных оппозиций предстает ярко и законченно: лихо (зло, пакость) - добро; погибель (вражда, мятеж) - тишина; не любовь - любовь; лесть (неправда, ложь) - правда; нужа - воля; хула - хвала.

Об этой антонимичности, противопоставленности свидетельствует и большое количество существительных и наречий с частицей не: любовь - нелюбовь, добро - недобро, создающих в прямой речи как бы антонимические пары.

Но эта система нравственных и жизненных оппозиций, восстанавливаемая по прямой речи, обладает яркой чертой. Мы встречаемся с особой выделенностью и широкой распространенностью нескольких существительных (и однокоренных наречий), отражающих положительную систему ценностей. У них очень широкая семантика, и создается такое впечатление, что на них сделан особый акцент. Это - "правда", "добро", "любовь". (По широте употребления с ними можно только сравнить "погибель" и глагол "погибать", остальные отрицательные понятия встречаются гораздо реже). Для древнерусского книжника, очевидно, "правда", "любовь", "добро" представляли особо важную положительную ценность.

Рассмотрим же семантику понятий: "правда", "любовь", "добро" в прямой речи.

"В правду ходить"

Д.С.Лихачев среди ряда терминов, связанных с феодальными отношениями, называет "учинить неправду", "погубить правду" [21]. В перечисленных же далее случаях мы встречаемся с подобными понятиями, играющими роль нравственной оценки.

"Иметь в правду": "Брате! на том аз целовал к ним хрест, оже ти я имети в правду и любити" (И.230). "Всих нас старей отець твой, но с нами не умееть жити, а мне дай Бог вас, братью свою, всю имети и весь род свой в правду, ако и душю свою" (И.257). "Имаим правду во сердци своем" (И.500).

"Приять в правду": "Се брате... яз же тя приях в правду... Ты же еси, брате, удумал был тако... и тобе было въехавши в Киев, брата моего яти и сына моего... и дом мой взяти" (И.261), встречается это выражение и в берестяной грамоте XIУ-XУ вв. (№ 473) [22]: "Поклон... и к Ивану... прияле в...мъ правду... делъ, а от м...". Это свидетельство того, что в XIУ в. это выражение было распространено в бытовой переписке.

"Ходить в правду" ("в правду сей путь ходить"): "В правду ли идеши? а тако же ми яви, ать не погубити волости моея, ни мене в тяготу вложиши" (И.263); "... в правду ли идеши на Изяслава? Како хощю не в правду ити?" (И.263); "се есмы путь замыслили велик, а то есть утверждение дед наших и отец наших, хрест есме целовали; а

---

[21] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - С.186.

известимся и еще, ако на сем пути ни тяжи имети, ни которого же извета, но во правду сий путь сходити и с противными ся бити" (И.244). "Ходи... на всю правду" (Н.1.37).

"Правду делать": "Вам Бог тако велел быти: правду деяти на сем свете, в правду суд судити и в хрестном целованьи вы стояти" (И.363).

Как мы видим, в этом высказывании четко определена вся система нравственных ценностей и жизненная позиция князей в мирской жизни. Она сформулирована при помощи повторения одного слова "правду" - "правду деяти на сем свете", "суд в правду судить" и характерная черта XII в. - не изменять крестному целованию. Т.е. представление о "правде" оказалось настолько емким для человека XII в., что все - положительную цель и ценность жизни можно было сформулировать "правду деяти на сем свете". Здесь же видно, что это понятие не только широкое, но и наполнено конкретным жизненным содержанием, т.к. стоит в одном ряду с такими реалиями, как крестное целование, суд и т.п. Знаменательно в этом плане и название главного юридического памятника - "Русская правда".

И, соответственно, "неправду учинить": "Мне еси учинил неправду, а себе еси погубил" (И.546). "Неправда" здесь поставлена в один ряд с "погубить"; "а город пожгоша весь, за Новгородьскую неправду, оже на дни целують крест честный и переступають" (Л.366).

"Правый" (прав): "Перед вами не творится прав, но кланяеться и милость ваю хочеть, аз же не прост есмь ходатай межи ваши: ангела Бог не послеть, и пророка в наши дни нетуть, ни апостола" (И.273). Прилагательное "правый" употребляется с разными существи-

---

22 Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962-1976 гг.). - С.69.

тельными, и когда сочетается с ними, то семантика его становится очень значительна: "право" - "слово, путь, весть, ряд"; "а наю слово право будеть к вама" (И.371). "Изведи мя на путь правый, живот примеши" (И.540). "Вести от тебе ждати правое" (И.469).

Представление о правде как истине, правоте [23] - одно из важнейших понятий древнерусского человека. Мы видим, как постоянно оперирует он им в прямой речи летописи. Сказать: "иметь в правду" - значило все сказать для летописца.

Представление о правде (и соответственно, неправде - кривде) пришло из переводной литературы. Противопоставление праведного человека и пути неправедного - одно из главных, например, в "Псалтыри", где речь идет о духовной истине - и, соответственно, о неправедности и грехе (т.е. противопоставление правда - грех, праведник - грешник). В апокрифах интересный образ, где правда как бы олицетворена (одухотворена). В "Беседе трех святителей": "Что есть: стоит бел щит, а на нем сидит сокол, и прилетела злая сова и отгнала сокола? - бел щит - свет сей, а на нем сидит сокол - то есть правда: а прилетела злая сова - то есть кривда, и отгнала правду, а лжа - кривда осталась" [24].

Это горькое ощущение утраты правды будет ярко использовано впоследствии в "Повести о Псковском взятии". Князь московский велел боярам своим: "... а велел им в суде сидети с наместники и с тиуны, правды стеречи, и у наместников и их тиунов, и у дияков великого князя правда их и крестное целованье возлетела на небо, а кривда в

---

[23] Срезневский Н.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. - СПб., 1895. Т.II. - С.1355-1356.

[24] Памятники литературы Древней Руси: XIII век.- М., 1981.- С.144.

них нача ходити, и нача быти многая злая в них, быша немилостивы до псковичь; а псковичи бедныя не ведаша правды московския"[25].

Правда вырастает здесь не только в оживший обобщенный образ, ее наместники и тиуны стерегут, она сочетается и с совершенно конкретными реалиями - суд, наместники, тиуны, дьяки.

Итак, придя из переводной книжности, важнейшее понятие нравственной жизни - "правда" - стало широко распространенным, даже в быту (встречается в берестяных грамотах XIУ в.), но приобрело в прямой речи летописи особое значение и значимость. Она либо отражает истинность конкретной прожитой жизни человека ("правду деяти на сем свете","в правду суд судити"), либо представляет собой утверждение правды, истинности в ситуации почти всегда с реально драматическими подробностями. Это может быть ссора между сыном и отцом ("всих нас старей отець твой, но с нами не умееть жити" - И.257), захват дома, волости, сына, брата. "Путь в правду ходить" - это нечто противоположное "тяже", "извету" (лести). Неправда - это погибель, она связана обычно с нарушением крестоцелования и т.д. Иными словами, "правда" перестает быть только обобщенным смыслом, праведностью (противопоставлением греховности), как в переводной книжности. В сложной, коварной (неправой) жизни XП в. - слово правда приобретает в прямой речи особый оттенок единственной ценности, которая близко связана с этими крестоцеловальными преступлениями, изветами, постоянно противопоставляется им как идеал правды в человеческих отношениях. То, что это слово обладало для древнерусского человека реальной конкретностью, подтверждается и следующим.

Кроме существительных "правда", "любовь", "добро" в прямой речи

---

25 Памятники литературы Древней Руси: Конец XУ - первая половина XУI века. - М., 1984. - С.374.

широко распространены и прилагательные "правый", "любый", "добрый" и особенно наречия "право", "любо", "добро". То, что важным положительным понятиям соответствуют наречия (обозначающие эмоциональные, нравственные отношения), говорит о почти разговорной актуальности этих понятий, перешедших в образный язык, закрепленных в расхожих выражениях, бытовой речи.

Укажем некоторые примеры с наречиями "право": "право ти, отце, молвлю" (И.312); "право, сыну" (И.328); "тако же, отце, и учини тако право" (И.392, то же И.298, 341 и т.д.). То же в берестяной грамоте рубежа XII-XIII вв. (№ 222) [26] : "От Матья к Гюргю. То пьрьво семо пришльт над усрячю тяи и ожь ли право запираються. Я даю княжю дьньскамоу гривьноу сьрьбра едоу с нимо...". В переводной же литературе словом "право" переводится иногда "аминь".

Наречие "право", встречаясь и в высоких евангельских текстах, и в берестяных грамотах, используется и для особого убеждения адресата ("право воистину тако есть", "право ти молвлю"), и для усиления утверждения чего-либо ("право, брате" и "учини тако право").

Другое важное понятие, часто встречающееся в прямой речи летописей, любовь.

"Быть в любви"

В.Ю.Франчук отметила в "Ипатьевской летописи" случаи значения слова "любовь" как "мир, согласие, мирный договор" в выражениях "послати с любовью", "прияти в любовь", "сотворить любовь" [27] . Доба-

---

[26] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1956-1957). - М., 1963. - С.44-45.

[27] Франчук В.Ю. Киевская летопись. - С.121.

вим еще несколько примеров. Кроме "принять" - "ввести в любовь". "Ввести в любовь": "Введи мя к Гюргеви в любовь" (Л.309); "брате! въведи мя к отцю в любовь" (Л.312). "За первую любовь": "Сыну! За первую любовь не могу на нь востати, а налези собе други" (И.489).

"С любовью": "С великою любовью". "С великою любовию и с великою честью" (И.309). "И прия Гюрга сыновець в мир с любовью, и волости им раздал достоиныя, и бысть тишина в Русьстеи земли" (Н.I.29). Здесь "любовь" в значении мир сочетается с тишиной в Русской земле. "Братья моя! возмите у мене с любовию, что вы дак, Городень, Рогачев, Берестий, Дорогичин, Клическ" (И.223). "Оже мя въправду зовете с любовию; то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцем собе в правду и в моемь вы послушаньи ходити" (И.344); "брате и свату! отчину нашю и хлеб нашь взял еси; ажь любишь с нами ряд правый и в любви с нами быти, то мы любви не бегаемь, и на всей воле твоей станемь; пакы ли что еси умыслил, а того не бегаемь же, да како ны Бог разсудить с вами и святый Спас" (И.469).

В двух последних примерах "любовь" входит в одно сочетание с "волей" ("зовете с любовью", "иду на волю") и с "правдой" ("имети в правду"). В другом случае соединяются так: "ряд правый", "в любви быть", "любви не бегаешь", "на всей воли встать". Мы видим, как князья XII в. все свои представления о лучших человеческих отношениях, светлую картину их изображают опять-таки при помощи одних и тех же стилистических формул ("с любовью", "в правду", "на воли" и т.д.). Очевидно, и для адресатов этих речей эти словесные выражения представляли важность и могли их убедить.

То, что понятие любви в отношениях между людьми XII в. несло большую смысловую нагрузку, доказывается и тем, что в "Повести временных лет" летописец посвящает ему очень яркое эмоциональное отступление, в котором любовь предстает как основа всего живущего, не-

кая всеобщая связь. Начинается оно умелым подбором цитат: "Соломон же рече: братья, в бедах пособива бывают, любы бо есть выше всего. Якоже Иоан глаголеть: Бог любы есть, пребываия в любви, в Бозе пребывает, и Бог в нем пребывает", о сем свершается любы, да достоянье имам в день судный, да якоже он есть, и мы есмы в мире сем; боязни несть в любви, но свершена любы вон измещеть боязнь", яко боязнь мученье имать, бояй же ся несть свершен в любви; аще кто речет; любьлю Бога, а брата своего ненавижю, ложь есть, не любяй бо брата своего, егоже видит, Бога егоже не видит, како можеть любити? сию заповедь имамы от него, да любяй Бога любить брата своего". И далее очень важное рассуждение летописца. "В любви бо все свершается: любве ради и греси расыпаются, любве бо ради сниде Господь на землю и распяться за ны грешныя, взем грехы наша, пригвоздися на кресте, дав нам крест свой на прогнанье ненависти бесовьское, любве ради мученици прольяша крови своя, любве же ради сий князь пролья кровь свою за брата своего, свершая заповедь Господню" (Л.197).

Любовь предстает здесь какой-то всемогущей силой, лежащей в основе бытия, очевидно, поэтому так страстно и апеллирует к ней книжник. (Эти представления отразились также и в частом употреблении наречия "любо"). Впрочем, таким же сильным представлялось древнерусскому человеку и зло, а особенно - зол человек, и оно тоже вызывало у летописца бурные высказывания: "Зол бо человек, тщася на злое, не хужи есть беса; беси бо Бога боятся, а зол человек ни Бога боится, ни человек ся стыдить; беси бо креста ся боять Господня, а человек зол ни креста ся боить" (Л.132 в повествовании о Святополке Окаянном). "Зол бо человек против бесу, и бес того не замыслить еже зол человек замыслить" (И.371).

Итак, отображению ярких представлений о любви и зле посвящены в летописи специальные отрывки (есть подобные отрывки и о лести). Но

и добро является в прямой речи летописи столь же могущественным, важным и распространенным понятием.

"Добро творить"

Можно предположить, что "добро" еще шире, чем "любовь" и "правда" бытовали в устной речевой культуре. Выражения с этим словом часто встречаются в берестяных грамотах и даже, например, в таком уникальном случае, как фраза из "Слова Даниила Заточника": "Глаголеть бо в мирских притчах: "речь продолжена не добро, добро продолжена паволока" [28]. Автор тут прямо ссылается на бытование этого слова в мирских притчах.

Примеры сочетаний со словом добро многочисленны. "Отче! добро бяшеть тишина, но оже ся уже не годило; но абы ны Бог дал ты сдоров был" (И.417); "... аже бы лиха хотел, то что бы ми годно; то же бы створил; а ныне целовал еси хрест ко мне, аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Бог будеть за всим" (И.219); "оже добре надееши-ся на Кияны, то ты сам ведаеши людия своя, а комони под нами, а добро, княже, друг прибудеть" (И.287); "поеди с своими полкы близ моего полку, а где яз стану, ту же и ты стани, ать добро нам о всем гадати" (И.309); "а добро ти бы ради не починавши переди; аже дееши" (И.342); "добри бо вси бьяхуться идуще пеши" (И.493); "добро видил еси от нас, и изиди с нами на Ятвезе" (И.538). В плаче новгородцев по Мстиславу: "добро бы, ныны, господине, с тобою умрети створшему толику свободу Новгородцьцем от поганых" (И.413). Во всех этих примерах слово "добро", очевидно, несло на себе эмоциональное ударение,

---

[28] Зарубин Н.Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII-XIII вв. и их переделкам. - Л., 1932. - С.35.

должно убедить адресата.

В прямой речи встречается также много противопоставлений добро - зло, добро - лихо, например: "Или на добро, или на наше зло, а то же нам видити" (И.431).

Очень распространено "добра хотеть": "Хотя ти добра и тишины земли Русской" (И.248). "Ожи межи нами добра хочете; а жизни нашея ни сел наших не губите" (И.271).

В этом и следующих примерах добро уже раскрывается в противостоянии с отрицательными явлениями (губить, кровь пролить, головы ловить): "ты ему добра хотел, а он головы твоея ловить... а он хочеть кровь проьляти" (Л.362); "княже! мы тобе добра хочем, и за тя головы свое складываем, а ты держишь ворогы свое просты" (Л.365). (То же И.226, Л.296; И.337).

"Добро творить": "Брате и сыну! много ти есмь добра творил и не чаял есмь сякого возмездия от тебе; но же еси умыслил на мя зло и ял сына моего..." (И.419. То же И.422). Это выражение встречается и в берестяных грамотах. В грамотах конца XI - первой трети XII вв. (№ 613) [29] : "Грамота от Воньга къ Ставъро (ви). ... и ногате въ борьзе, а добр сътвори хъчоу ити". В грамоте XII в. (№ 87) [30] . "От Дрочке от папа пъкланяние ко Демеяноу и къ Мине и къ Ваноукоу и къ въхемо вамо добре створя".

Эти древние грамоты отражали обыденное, расхожее употребление выражения "добро створя" и подтверждают близость прямой речи летописи к употреблению этих выражений в быту; часто употребляется и

---

[29] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). - С.76.

[30] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953-1954 гг.). - М., 1958. - С.12-13.

"добром" с разными глаголами: "ведомо буди, хочю искати Новагорода и добром, и лихом" (И.349). Перед убийством Игоря Ольговича кияне говорят: "мы ведаем, оже не кончати добромь с тем племенем, ни вам, ни нам, коли любо" (И.246, Л.301); "пакы ли не поидешь добром, иду на тя ратью" (Л.406); "дай мою дружину добром, како то еси у мене поял" (Л.382).

Нетрудно заметить, что эти высказывания содержат угрозу. Драматические последствия того, что человек не жил добром с братом, отражены также и в берестяной грамоте XII в. (№ 487) [31] : "... веляшь дети. А ты чьрьсо силу деял. Аж бы ти (добром) жил з братом" ... на обратной стороне грамоты "...живи ж со Лукою, а возывахо тя с строю повестькою".

Широко распространен и эпитет "добрый", сочетающийся с разными существительными. Приведем лишь самые яркие примеры. "Добра ли вы есть честь" (Н.1.111). В берестяной грамоте XV в. (№ 122) [32] : "Слово добро от Ксифа брату Фоме. Не забудь Льва с позъве до рьжи. А позъвале Родиване Падиногине. А иное все добро, здорово. Ат ъ то помъни". "Кто вы добр, того любите, а злих казните" (Н.1.50).

"Не добро": "Княже! не стряпай, еди вборзе, Всеволодичь бо недобре жил с отцем твоим и с тобою; ачи что замыслить лихое?" (И.357). "Не добро вам стояти сде близ воюющих нас иноплеменьников" (И.524).

Мы видим, представление о добре очень широко отразилось в разнообразии выражений и сочетаний, созданных на его основе, в частоте

---

[31] Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1962-1976 гг.). - С.79-80.

[32] Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1953-1954 гг.). - С.54-56.

апелляций к нему; стилистические формулы, связанные с добром, вошли и в прямую речь летописи, и в берестяные грамоты, очевидно, были и в мирских притчах. Возможно, они были одними из важных приемов убеждения, бытового красноречия XII в.

Итак, правда, любовь, добро в представлении древнерусского человека XII в. были важнейшими нравственными ценностями. На их основе создаются различные словесные сочетания, бытующие и в прямой речи летописи, и в берестяных грамотах. Представления о любви и зле ярко раскрываются летописцем и в особых эмоциональных отступлениях. Встречаясь в переводной книжности, слова правда, любовь, добро приобретают новое значение в прямой речи летописи и берестяных грамотах, с ними связана богатая цепь ассоциаций, почерпнутых из разных сфер жизни (суд, рати, пути, тяжи, ссоры, крестоцелования). Они стали расхожими, широко понятными выражениями, которые могли помочь человеку XII в. назвать и тем самым частично разрешить многие конкретные кровавые, запутанные события русской жизни XI-XII вв. с их нарушением клятв, предательствами, беззаконием. Во всех трагических и сложных случаях, и в осуждениях преступления крестоцелования, и в призывах к миролюбию древнерусские люди апеллировали сочетаниями со словами "правда", "любовь", "добро". Массовая распространенность их, и, возможно, разговорное употребление, выражалось также в том, что каждому из этих существительных соответствовали наречия - право, любо, добро, очень распространенные и придававшие убедительность речам в летописи.

Интересно, что представления о том, что должно быть, об истинной жизни человека, ее положительных ценностях и идеалах полностью вмещались в выражения со словами правда, любовь, добро и тишина. Других летописец почти не употребляет. Выразительная сила, заключающаяся в таком веском использовании немногих слов, была, очевидно,

огромной и достаточной для убеждения людей. Отсюда и афористичность прямой речи летописи. Древнерусский книжник обходится различными вариациями очень немногих выражений.

В отличие от нравственно значимых слов правда, любовь, добро, в прямой речи редки выражения, описывающие отрицательные эмоции человека. (В основном, это слово "лихо" и глагол "погибати").

Такое устойчивое употребление выражений, имеющих нравственную окраску, объясняется одной особенностью прямой речи в древнерусских летописях. В ней всегда чувствуется стремление подчеркнуть свою нравственную правоту или обвинить кого-то в неправоте. И поэтому в стилистические формулы прямой речи выливаются самые сокровенные, важные, волнующие представления об истинных ценностях жизни. Будучи произнесены почти всегда в трагических обстоятельствах, они утверждают лучшее, нравственное, идеальное. Поэтому в отличие от изображения трагических душевных состояний через экспрессивные перечисления синонимов в косвенной речи, в прямой речи мы встречаем систему оппозиций, антонимических противопоставлений нравственных ценностей (злу, лиху, погибели, лести, нуже, хуле противопоставляются добро, любовь, правда, тишина, воля, хвала).

Итак, изучая прямую речь летописи, можно выделить группу стилистических формул, отражающих нравственные представления и идеалы людей XII в. Их широкое бытование в летописании, а также в берестяных грамотах, позволяет предположить, что они отражают массовую и широко распространенную систему ценностей, в них ощущается стремление к некоему светлому идеалу и миру, где люди жили бы по правде, в любви и добре. Приобретя художественную законченность, те же самые представления возникают в "Поучении Владимира Мономаха", "Слове о полку Игореве", "Слове Даниила Заточника". Яркая образность этих памятников восходит к тем же идеалам правды, любви, добра, что и обыденные словосочетания в прямой речи летописей и берестяных грамотах.

А.А.Пауткин

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ В ЛЕТОПИСНЫХ КНЯЖЕСКИХ НЕКРОЛОГАХ

Средневековая письменность дает немало примеров всевозможных "похвал" светским и духовным деятелям. Панегирическое начало проявилось в различных по жанру, объему и форме бытования произведениях древнерусской литературы. Особенно тесно с практикой государства были связаны тексты, содержащие прославления светских правителей. Агиография, торжественное красноречие, летописание становились носителями княжеских "похвал", которые подчас начинали и самостоятельную жизнь (например, "Похвала князю Ростиславу Мстиславичу"). Они становились композиционной частью пространного повествования или являлись цельным произведением. Ю.К.Бегунов, характеризуя разнообразие этой литературы, отмечал случаи, когда "не особенно заботясь о "чистоте жанра", писатели соединяют панегирик то с книжной припиской, то с княжеским житием, то с летописью, то с повествованием типа сказаний" [I]. Известны не только персональные, но и своего рода "коллективные" прославления. Так, в "Похвале роду рязанских князей" содержится ретроспективная характеристика целой ветви княжеского дома.

В ряду панегирических сочинений особое место принадлежит летописным княжеским "похвалам". Они выглядят сравнительно скромно и

I Бегунов Ю.К. Проблемы изучения торжественного красноречия южных и восточных славян IX-ХУI вв. (К постановке вопроса) // Славянские литературы: УП Международный съезд славистов. - Варшава, август 1973. Доклады советской делегации. - М., 1973. - С.392.

будничнo, ведь их судьба была связана прежде всего с задачами историографическими. Тем не менее летописным похвалам суждено было стать одной из ранних попыток освоения человеческой личности в нашей литературе. Способы и традиции изображения человека, выработанные русским летописанием уже в начале своего развития, невозможно себе представить без фактов такого рода. Летописцы вставали перед необходимостью сделать известное обобщение, дать оценку деятельности властителя, предложить характеристику князя в особом тексте, венчающем рассказ о целом этапе истории. Для этого избирались разные пути и средства. Иногда заметно влияние других жанров (от акафиста до ораторской прозы), широкое проникновение книжной языковой стихии в эти летописные фрагменты [2]. Ориентация на высокие образцы приводила к риторической изощренности отдельных летописных похвал. Широко известно летописное прославление волынского князя Владимира Васильковича, автор которого воспользовался "Словом о законе и благодати" митрополита Илариона, а через него и всей предшествующей традицией. Отдельные похвалы свидетельствуют даже о межславянских литературных связях. Так, Р.Якобсон указывал на чешскую "Hometia in festo Ludmile, patrone Bohemiorum" как на модель "для образного строя похвалы св. Ольги, вставленной под датой 969 в русский Начальный свод" [3].

Самый многочисленный тип летописных похвал - некрологические характеристики [4]. Известно, что "поступки, дела, действия и жесты-

[2] См.: Франчук В.Ю. Киевская летопись: Состав и источники в лингвистическом освещении. - Киев, 1986. - С.7, 34-37.

[3] Якобсон Р. Работы по поэтике. - М., 1987. - С.52.

[4] Этот термин в частности использует Ю.К.Бегунов. (См. его указ.статью).

основное в характеристике князей" [5]. Специальным же рассуждениям о чертах какого-либо деятеля отводилось особое место и время. Качества князя сами по себе интересовали летописца почти всегда в связи с кончиной правителя. За сообщением о смерти князя, как правило, следовало перечисление достоинств умершего. В известной мере оно противопоставлено показу князя в конкретном действии. Возможно, появление таких описаний связано не только с необходимостью посмертного прославления. Разрозненность отдельных биографических фактов в летописи вызывала потребность суммировать все уже в ином виде. Летописцу представлялся случай "подвести под общий знаменатель" подчас запутанную информацию о князе. И.П.Еремин отмечал противоречивость оценок деяний отдельных князей в "Повести временных лет" (князь - "хамелеон") [6]. Не является ли летописная характеристика, строившаяся по определенному канону, свидетельством устремленности к эстетическому идеалу, понимаемому как порядок, соразмерность, попыткой преодолеть хаостичность повседневных проявлений человеческой личности? Ведь этому способствовало особое место таких характеристик. Будучи одной из малых форм в общем строе летописи,они не только становятся границами между частями повествования, но и могут отделять друг от друга тексты разных авторов [7].

---

[5] Лихачев Д.С. Изображение людей в летописи ХП-ХШ веков// ТОДРЛ. - М.; Л., 1954. Т.II. - С.I2.

[6] Еремин И.П. Литература Древней Руси (Этюды и характеристики). - М.; Л., 1966. - С.88.

[7] Известны попытки атрибуции отдельных некрологов. Так, М.Д.Приселков, Б.А.Рыбаков, Ю.К.Бегунов связывают ряд некрологов Ростислава Мстиславича и его детей с именем Моисея Выдубицкого.

И.П.Еремин на материале "Киевской летописи" пришел к выводу о том, что "зерном, из которого повесть как жанр выросла и сформировалась"[8] стала запись о смерти князя. Исследователь показал эволюцию этого типа повествований от простой погодной записи до агиографического панегирика, отметив, что "прямая - "от автора" - характеристика покойного князя как человека"[9] присоединилась к записи о смерти еще на раннем этапе этого процесса. К сожалению, далеко не все некрологические записи содержат полный перечень компонентов, отмеченных И.П.Ереминым. Чаще перед нами отдельные звенья этой цепи. Если информация о кончине того или иного князя неизменно дается летописцами, то посмертная похвала-характеристика встречается не всегда. Многие известные правители вообще ее не удостоились. С другой стороны возможно появление краткой похвалы даже о не правившем члене княжеской семьи. Например, сын Юрия Долгорукого Святослав, страдавший "от рожества и до свершенья мужьства" жестокой болезнью и умерший в молодости, изображается суздальским летописцем как "божии оугодникъ избраныи въ всех князехъ"[10]. И тем не менее, краткая характеристика может быть названа организующим центром летописных сообщений этого рода, ведь она обладает бесспорной жанровой определенностью, обособленностью и устойчивой традиционностью.

Нельзя утверждать, что собственную концепцию исторической личности мы в состоянии выработать на основании посмертной летописной характеристики. Полнота представлений о человеке средневековья (с

---

[8] Еремин И.П. Литература Древней Руси. - С.115.

[9] Там же.

[10] ПСРЛ, - М., 1962. Т.I. Стб.366. Последующие ссылки в тексте на ПСРЛ (м., 1962. Т.I-П) с указанием тома и столбца.

определенными оговорками) может быть почерпнута лишь из повествовательной части. Панегирик служит вспомогательным материалом, ибо "идеализация общественного положения", "геральдичность" [11] проявляются здесь с еще большей силой. Однако даже тут конкретность идет рука об руку с идеализацией. Что же действительно индивидуального в оценке личности мы найдем в посмертной характеристике князя? Итогом неоднократного обращения исследователей к проблемам изображения человека в древнерусской литературе стала констатация закономерностей, доминирующих черт в запечатлении средневековыми авторами своих героев. Отмечая проявления литературного этикета, мы зачастую видим лишь подтверждение тезиса о том, что должен был и мог, сообразно средневековому миросозерцанию, описывать древний книжник, а чего нельзя от него ожидать. При этом в стороне остаются реалии самой жизни, без которых не мог обойтись ни один писатель. Возникает вопрос, только ли морализирование и идеализация "создавали" некрологическую характеристику князя, или его деятельность и свойства личности влияли на приемы летописца, создающего похвалу?

Летописцы традиционно фиксировали определенный ряд качеств князя. Б.А.Рыбаков, сопоставивший известия киевского летописания с материалами В.Н.Татищева, предложил "подробную анкету", по которой составлены характеристики князей в татищевской "Истории" [12]. Одно из ведущих мест здесь занимают черты князя-полководца. Этот опыт систематизации важен и для осмысления собственно летописных сведений, ведь среди добродетельных качеств князя современники выше все-

---

[11] См. об этом: Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. - М., 1970. - С.26-30.

[12] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - М., 1972. - С.364.

го ценили именно ратный труд. Это позволило Д.С.Лихачеву отметить, что даже для монахов "эстетическим идеалом... остается все же светский идеал воина, именно образ воина стоит впереди церковного подвижника" [13].

Однако, несмотря на очевидное первенство воинского начала в оценке личности, далеко не во всех некрологических характеристиках говорится о ратных подвигах князя. Особенно это заметно на самых ранних этапах развития летописного повествования, где вся информация об умершем зачастую занимала несколько строк. Так, в "Повести временных лет" о Глебе Святославиче, с которым лично был знаком Никон Великий, читаем: "Бѣ же Глѣбъ милостивъ на вбогия и страньнолюбивъ тщанье имья къ церквамъ теплъ на вѣроу и кротокъ взоромъ красенъ" (П.190-191). Не явилось ли причиной отсутствия ратных доблестей в некрологе Глеба, убитого в Заволочье, то обстоятельство, что князь этот был мало удачлив, изгонялся из своих владений? В обширной похвале князю-скитальцу Изяславу Ярославичу, предательски убитому на Нежатинной Ниве, основное внимание уделено тому, что был он: "Незлобивъ нравомъ кривды ненавидя любя правду клюкъ же в немь не бѣ ни льсти но простъ оумомъ не воздая зла за зло" (П.193). Ничего не говорит летописец и о воинских качествах Ярополка Изяславича, пронзенного во время отдыха саблей Нерадца. Христианские добродетели этих князей сближают их характеристики с посмертной похвалой духовному лицу - митрополиту Иоанну (под 1086 г.).

Безусловно, мытарства князей-изгоев, обстоятельства их трагической гибели заставляли книжника писать о них как о мучениках. Это уже само по себе - проявление воздействия исторического факта,

---

[13] Лихачев Д.С. "Слово о полку Игореве" и культура его времени. - Л., 1978. - С.65.

судьбы героя на форму похвального текста. Но отсутствие значительных полководческих успехов, склонности к ратному делу, преобладание воинских неудач, которые и делали князя страдальцем, в неменьшей степени могли становиться причиной возникновения похвалы, лишенной дружинного элемента. Так, "обделены" воинскими добродетелями Роман Ростиславич, потерпевший в 1177 г. поражение от половцев, и знаменитый волынский князь Владимир Василькович. Волынский автор, верный традициям киевского летописания, создал чрезвычайно подробную похвалу Владимиру, где и при столь детальном перечислении достоинств усопшего не нашлось места для качеств ратника, полководца. Видимо, такая оценка продиктована самой жизнью.

Этим посмертным характеристикам противостоят похвалы, содержащие воинский элемент. Иногда он подчиняет себе всю характеристику, становясь ведущим или единственным признаком князя, а подчас, напротив - затмевается прочими качествами. Мстислав Владимирович Храбрый, "иже зареза Редедю предъ пълкы касожьскыми", и Ростислав Владимирович Тмутараканский оцениваются в "Повести временных лет" преимущественно как воины: "Бѣ же Мьстиславъ дебелъ тѣломъ чермьномь лицемь великома очима храбръ на рати и милостивъ и любяще дружину по велику а имѣния не щадяше ни питья ни ядения" (П.138); "Бѣ же Ростиславъ мужь добръ на рать възрастом же лѣпъ и красенъ лицемь милостивъ оубогимъ" (П.55). Интересно, что летописец подробно излагает версию об отравлении Ростислава на пиру греческим посланцем. И тем не менее, характеристика столь варварски умерщвленного князя не принимает облика похвалы мученику.

"Киевская летопись" дает примеры похвал, где качества государственного деятеля, воина, соединяются с традиционными христианскими. Вот, как описываются именно полководческие достоинства некоторых князей. Владимир Мономах "наипаче же бѣ страшенъ поганымъ... и доб-

рыи страдалець за Рускую землю" (П.289), - сообщает южнорусский летописец. В "Суздальской летописи" о нем читаем аналогичную информацию: "Прослувши в побѣдах его имене трепетаху вся страны" (I.294). Мстислав Ростиславич Храбрый, удостоенный в ХУ в. евфимиевской канонизации: "Бѣ бо крьпокъ на рати всегда бо тосняшеться оумрети за Роускую землю и за хрестьяны" (П.6II). Людям "не може забыти доблести его" (П.612). Характеризуя этого князя, который "всегда бо тосняшеться на великая дела", летописец не удержался от подробного описания отношения Мстислава к дружине. Для нее он не жалел имущества, золота и серебра. Здесь появляется даже излюбленная формула княжеского обращения к своим воинам: "Егда бо видяше хрестьяны полонены от поганых и тако молвяше дружинѣ своеи братья ничто же имете во умѣ своем аще нынь оумремь за хрестьяны то очистився грѣховъ своих... слава богу мы бо аще нынѣ оумрем умрем же всяко" (П.6II). Своевольный и энергичный брат Мстислава - Давыд Ростиславич смоленский тоже удостоился довольно подробной похвалы. Хотя князь и принял перед смертью монашество ("в скымѣ бывъ" - I.4I4), наряду с христианскими качествами отмечена и его ратная доблесть, любовь к дружине ("бѣ бо любяи дроужиноу" - П.703) [I4]. Воинские разделы характеристик двух братьев Ростиславичей весьма близки между собой в формальном отношении, что дало основания Б.А.Рыбакову говорить о "некрологическом штампе" игумена Моисея - "злата и сребра не собирал но давал дружине" [I5].

[I4] Оценка историками деяний этого князя противоречива. См., в частности: Воронин Н.Н., Жуковская Л.П. К истории смоленской литературы ХП в. // Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. - М., 1976. - С.75-79.

[I5] Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". - С.64.

Галицкое летописание XIII в., где наблюдается подавляющее преобладание воинского начала, не дает традиционной похвалы. Жизнеописанию Даниила Романовича чужда подобная локализация характеристики. Она распространяется до масштабов всего произведения, рассредоточена по многим отдельным описаниям, повестям, входящим в "Летописец". (знаменитую фразу: "Бѣ бо дерзъ и храборъ от главы и до ногу не бѣ на немь порока" - П.744-745 - нельзя отнести к интересующему нас жанру). Как известно, "Летописец" Даниила не доведен до смерти объединителя юго-западной Руси. Запись о его кончине сделана уже волынским автором, который лишь перечислил главные добродетели короля Даниила. Князь-воитель удостоен здесь только эпитета - "хоробрыи". Несмотря на то, что эта краткая характеристика резко контрастирует с богатым подробностями повествованием о жизни Даниила, все в ней конкретно, отражает реальные свойства правителя, вплоть до особо теплой привязанности князя к брату Васильку ("Бяшеть бо братолюбьемь святяся с братомъ своимъ Василкомъ" - П.862). Воинские качества короля Даниила отмечены, пусть и бегло, даже сдержанным по отношению к нему волынским летописцем, не пожелавшим прославить князя в пространном панегирике.

Далеко не все князья, однако, вели себя в жизни так, как Даниил Галицкий ("спешаше бо и тосняшеся на воину" - П.821). Показательные уточнения в этом смысле дают характеристики сына Ярослава Мудрого - Всеволода и знаменитого Ярослава Владимировича Мономаха. И в похвале про него говорится: князь раздавал волости, чтобы избавиться от посягательств своих племянников. Это - не лучшая характеристика князя с позиции воинов. Тем более, что Всеволод начал противопоставлять младшую и старшую дружину: "Нача любити смыслъ оуных" (П.208). Галицкий же правитель, по словам похвалы, "бе... славен полкы", но сам не ходил со своими дружинами в бой: "Гдѣ бо бяшеть

ему обида самъ не ходяшеть полкы своими" (П.656).

Таким образом, различное внимание отдельных летописцев к воинским качествам своих "героев" объясняется не столько определенными литературными задачами, писательскими склонностями, сколько реальными свойствами людей, удостоенных похвалы. Недаром суздальский летописец отмечал: "Князь бо не туне мечь носить в месть злодѣем а в похвалу добро творящим" (I.436). Характерно, что даже канонизированные князья-страстотерпцы Юрий Всеволодович, убитый в сражении на Сити, и Василько Константинович ростовский, замученный татарами после битвы в Шерньском лесу, наделены в похвалах "Суздальской летописи" воинским мужеством и доблестью. Реальность и здесь берет верх над задачами агиографической идеализации.

Особенно интересны в некрологических похвалах те моменты, которые связаны с прославлением мудрости, книжной образованности. Надо признать, что летописные сведения такого рода редки и крайне не регулярны. Светский идеал требовал иных средств характеристики личности, искал в ней другие свойства (ср. с летописными известиями о кончинах духовных лиц, где книжность человека отмечалась особо). Кроме того, не все князья были настолько грамотны, не все искали в книжности ответы на государственные вопросы, и уж совсем не многие, как Ярослав Мудрый засеяли "книжными словесы сердца вѣрныхъ людии" (П.I40). Часто происходило то, что применительно к Западной Европе отмечал М.Блок: князья "вступали слишком молодыми в жизнь, полную приключений и опасностей; у них не было досуга готовить себя к профессии властелина, разве что на практике или внимая устной традиции" [I6]. И все-таки государственная мудрость связывалась древнерус-

---

I6 Блок М. Феодальное общество // Он же. Апология история, или Ремесло историка. - М., 1986. - С.I43.

скими летописцами в немалой степени именно с книжностью, вниманием к письменному слову. Б.В.Сапунов, ссылаясь на летописи, перечисляет выдающихся "книжных людей" XI-XIII вв., относящихся к княжескому сословию. Это - Владимир Святославич, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Ярослав Осмомысл, Владимир Василькович и Константин Всеволодович ростовский [17]. В похвале последнему говорится: "Часто бо чтяше книгы съ прилежаньемъ и творяше все по писаному" (I.443). Константин обладал "мудростью" Соломонею", умудрял всех "духовными бесѣдами".

К сожалению, даже в тех случаях, когда факты истории письменности свидетельствуют об интересе князя к книжному богатству, летописный текст не редко бывает лишен нужной нам информации: активно вмешивается политика, симпатии создателей свода. О Святославе Ярославиче, умершем "от резанья желве" в 1076 г., с именем которого связаны два знаменитых памятника славяно-русской письменности, "Повесть временных лет" не донесла вообще ни одного похвального слова. Виной тому его вражда с печерскими монахами и Феодосием, обличавшим князя за изгнание брата Изяслава ("Великъ бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего" - П.173). О грамотности Святослава говорит и тот факт, что Феодосий посылает ему большое письмо, а князь "яко... прочьте епистолию ту разгневася зело и яко львъ рикнувъ на правьднаго и удари тою о землю" [18]. Изгнанный же Изяслав, несмотря на его обращения к папе и Болеславу, сложные отношения с киевлянами, заслужил прочувствованную похвалу печерского летописца. Правда, из нее можно судить о слабости характера князя, ведь она лишена не только воинского элемента, но и упоминания о государственной мудрос-

---

[17] Сапунов Б.В. Книга в России XI-XIII вв.- Л., 1978. - С.152.

[18] Успенский сборник XII-XIII вв. - М., 1971. - С.121.

ти ("простъ умом" - П.193). В истории письменности возникает любопытная ситуация. Князья-братья словно бы перехватывают похвалы друг у друга. Один "отбирает" у брата похвалу в летописи. Другой -, скорее всего, присваивает себе читаемую в конце Изборника 1073 г. похвалу Изяслава, утвердив по стертому свое имя и заставив исследователей гадать о нечитаемом тексте.

Сын Изяслава - Святополк, в княжении которого окончательно формировалась "Повесть временных лет", был по известиям В.Н.Татищева, "читатель книг" [19]. Это подтвердают и данные эпиграфики. Князю принадлежит редчайший автограф на стене киевского Софийского собора [20]. Б.А.Рыбаков считает, что Святополк был еще ребенком в момент появления этой записи [21]. Оказавшись замешанным в истории ослепления Василька Теребовльского, Святополк стал жертвою последующих редакторов летописи. О его кончине только сообщается, все внимание будет сосредоточено на идущем ему на смену Владимире Мономахе, в некрологе которого летописец подчеркнет мудрость князя: "Просвьти Рускую землю акы солнце луча пущая" (П.289).

Немало князей и правителей средневековья получило меткие прозвища. При всей своей лапидарности эти наименования, как и некрологические характеристики были отражением взглядов людей того времени, подчинялись известным установлениям эпохи. Сопоставив их с рассмат-

---

[19] Татищев В.Н. История Российская: В семи томах. - М.; Л., 1962. Т.П. - С.211.

[20] См.: Высоцкий С.А. Киевские граффити и "Слово о полку Игореве" // "Слово о полку Игореве" и его время. - М., 1985. - С.204.

[21] См.: Рыбаков Б.А. Из истории культуры древней Руси: Исследования и заметки. - М., 1984. - С.56.

риваемыми характеристиками, можно увидеть те же свойства личности, доминирующие черты человека, которые подмечали и летописцы. Различно лишь число признаков, но принцип их отбора одинаков. И у нас, и в Европе, типы прозваний, способы их образования сходны, а иногда и повторяются при большем лексическом разнообразии западных аналогов. Создавая похвалу, летописец иногда рисовал идеальный портрет князя. Эта часть характеристики наименее конкретна, лишена за редким исключением (напр., портрет Владимира Васильковича) живых черт. Внешность князя или отдельные физические недостатки (увечья) становились основой образования многих прозвищ: Красный, Черный, Безокий, Немой - Красивый, Барбаросса, Слепой, Кривоустый, Толстый и т.д.

Доблесть и сила (Удатный, Храбрый, "Буй-тур" - Смелый, Завоеватель, "Львиное сердце"), отношение к религии (Святой, Постник, "Святоша" - Благочестивый, Исповедник, Монах), доминирующие черты характера (Добрый, Гордый - Справедливый, Тихий, Суровый) отмечались как создателями похвал, так и народной молвой. Гораздо реже прозвания отражали отношение современников к мудрости, умственным способностям того или иного правителя. У нас - это единичные случаи (Вещий, Осмомысл, Мудрый), в Европе таких фактов почти совсем нет. Подобная оценка личности подразумевает сложный спектр качеств. Здесь и грамотность, знание книг и законов, государственная мудрость. Словом, многое из того, что предлагал ценить в человеке Даниил Заточник. Наличие перечисленных свойств делало правителя совершенно экстраординарной личностью. (Ср., напр., Ярослава Мудрого, который "книгамъ прилежа почитая часто в дьни и вь нощи" (П.139) и Альфонса X Кастильского, тоже прозванного Мудрым за свои научные занятия и покровительство знаниям).

Действительно, необычный правитель вырисовывается из похвалы волынского летописца XIII в. Стремление создать небывало пышную лау-

дацию не помешало ему сосредоточить в некрологе весьма разнообразные сведения о Владимире Васильковиче. О нем говорится прежде всего как о князе-мыслителе. Сразу же за описанием наружности Владимира следует фраза: "Глаголаше ясно от книгъ зане бысть философъ великъ" (П.921). Это - доминирующее свойство личности волынского князя. Сравним, например, как оценивалась современниками мудрость других юго-западных правителей. Даниил Романович просто назван мудрым, но, желая быть точным, летописец прежде упомянул храбрость этого князя. В прижизненной характеристике его брата Василько сказано: "Оумом великъ и дерзостью" (П.799). Даже прославленный автором "Слова о полку Игореве" Ярослав Осмомысл оценен более скромно - "князь моудръ и рѣченъ языком" (П.656). Дружинная характеристика, представленная в этих фрагментах, отсутствует в похвале Владимиру (тоже наблюдаем и в похвале знатоку книг Константину ростовскому). Ее место занимает нечастое в некрологах упоминание об охотничьем искусстве князя ("ловечь хитръ и хоробръ" - П.921). Даже когда летописец замечает: "Моужьство и оумь в немь живяше" (П.921), имеется в виду отнюдь не ратное мужество, а жизненная стойкость, умение переносить удары судьбы и страдания. Бездетный волынский князь, завещавший свои земли двоюродному брату, долгие годы безропотно переносил жестокие мучения. Болезнь, ставшая причиной его смерти, ужасала современников. Кроткий страдалец избегал участия в военных экспедициях, умело вел политику с татарами, отказываясь участвовать в их набегах против соседей. Не только подробность и объем похвалы позволяют в данном случае полнее судить о характере конкретного человека. Здесь по-иному расставлены акценты, изменен традиционный порядок перечисления свойств личности князя. Отсутствие в похвале того или иного момента зачастую может быть гораздо более значимым, чем наличие всех испытанных временем компонентов.

Таким образом, при всей этикетности похвал, моралистическом их звучании, условности многих элементов, в традиционной характеристике всё же оставалось место для конкретности. На примере рассмотренной оппозиции - "в ратьхъ храбъръ в съветехъ мудръ и разумьнъ" мы видим, что летописные похвалы содержат меткие наблюдения, адекватные в основных чертах свойствам личности. Отображая судьбу человека в ее итогах, летописные похвалы стали одним из проявлений первых робких попыток раскрытия духовного мира исторической личности в нашей древней литературе.

Реальная личность влияла не только на содержание характеристики, но и на литературную форму похвалы, до известной степени определяла ее жанр. Действительно, невозможно представить, чтобы о Владимире Васильковиче, князе-мыслителе и страдальце, в летописи была помещена эпическая похвала в духе характеристики безрассудно храброго Романа Мстиславича, который тоже обладал "оума моудростью" (П.715), но был правителем совершенно иного типа. Выбор эпической, дружинной или церковно-книжной традиции, преобладание в похвале одной из них, тоже во многом соотносятся с фигурой князя, его окружением (приближенные воителя - окружение князя "любокьнижнаго"). С этим связано также соотношение в похвале сугубо моралистического начала и информации о практической деятельности, конкретике привычек, поведения. Характеристика, да и вся похвала в целом (в случае появления пространной лаудации), могла быть адресована как людям "преизлиха насыьтьшемся сладости книжные" (например, похвалы - Андрею Боголюбскому, Владимиру Васильковичу, Константину Всеволодовичу и некоторым другим), так и княжеской гриди. В первом случае похвала становилась гораздо шире простой некрологической характеристики, приобретала изощренные книжные очертания, получала большую самостоятельность от летописного текста. Во втором - превращалась в немногословное пере-

числение главным образом дружинных достоинств князя, оставаясь в рамках столь характерной для раннего летописания малой повествовательной формы.

А.Н.Ужанков

"ЛЕТОПИСЕЦ ДАНИИЛА ГАЛИЦКОГО": РЕДАКЦИИ, ВРЕМЯ СОЗДАНИЯ

Попытки установить редакции и редакторов "Летописца Даниила Галицкого" [1], а также время их работы, были предприняты отечественными медиевистами уже в советское время. Однако прежде чем приступить к их рассмотрению, следует внести определенную ясность в применяемый исследователями термин "редакция".

При исследовании и изданиях текста одного памятника, когда существуют несколько отличных друг от друга вариантов содержания этого памятника, текстологи употребляют для их обозначения термин "редакция". К примеру, для "Повести временных лет" первая редакция - это непосредственно редакция Нестора 1113 г., вторая, сохранившаяся в "Лаврентьевском летописном своде", - редакция Сильвестра 1116 г. и, наконец, третья редакция 1118 г. лучше сохранилась в "Ипатьевском летописном своде".

Кроме того, существует понятие "полная" или "краткая" редакции памятника, и так далее.

"Галицко-Волынская летопись" сохранилась в Ипатьевском, Хлебниковском, Погодинском и Ермолаевском списках и не имеет коренных текстовых различий - вариантов. То есть, говорить о редакциях "Галицко-Волынской летописи" в таком текстологическом понимании было бы неправильным.

---

[1] "Летописцем Даниила Галицкого" мы вслед за Л.В.Черепниным (15.228-253) именуем "Галицкую летопись", представляющую собой первую часть "Галицко-Волынской летописи", входящей в "Ипатьевский летописный свод".

По отношению к "Летописцу" этот термин применен в несколько ином значении. Редакциями названы относительно самостоятельные части "Летописца Даниила Галицкого", составленные или разными авторами, или в разное время. Главное их отличие от "редакций текста" в том, что они не создают варианты одного и того же текста, а, следуя друг за другом, продолжают повествование далее, использовав (с редактурой или без нее) творение своего предшественника.

В какой-то степени эти редакции "Летописца Даниила Галицкого" можно сравнить с выделенными А.А.Шахматовым в "Повести временных лет" сводами - "Древнейшим Киевским сводом", "Первым Киево-Печерским сводом" Никона, "Вторым Киево-Печерским сводом" (или "Начальным сводом" 1095 г.) и "Повестью временных лет" Нестора, но с тою разницей, что отмеченные А.А.Шахматовым более ранние своды - законченные произведения, достигшие своей конечной цели. Скажем, если бы не сохранилась "Повесть временных лет", а только "Начальный свод" 1095 г., то мы бы и о нем говорили как о законченном интереснейшем труде по ранней истории Древней Руси.

Но как раз о завершенности всех редакций "Летописца" сказать нельзя. С правомерностью можно говорить об относительной завершенности только первой редакции. Следующая закономерно вытекает из предыдущей, не может без нее существовать, и, в целом, обе преследуют одну общую задачу: дают описание жизни и деятельности галицко-волынского князя Даниила Романовича от "младых" лет и до смерти. Задача эта более узкая, чем у "Повести временных лет", а потому взаимосвязь частей "Летописца" гораздо сильнее. Если бы сохранилась только одна редакция "Летописца", конечно, и о ней говорили бы, как о высокохудожественном произведении из жизни галицкого князя, но как о задуманном, но не законченном большом произведении о жизни древнерусского князя. О "Летописце Даниила Галицкого" в целом могли бы

только догадываться.

Вот главное отличие редакций "Летописца" от составных частей (сводов) любой летописи. "Летописец" изначально задумывался с четким конечным результатом, именно как княжеское жизнеописание, а не летопись. (Более подробно см. далее). Его невозможно было продолжать бесконечно, как любую летопись, поскольку он имел четкий хронологический предел - смерть князя. В этом еще одно его коренное отличие от летописи.

Предварительный вывод из сказанного - "Летописец Даниила Галицкого" построен по иным законам, нежели летопись. И методологический прием его исследования должен быть также иным. Этого не учли все его исследовали, традиционно подходившие к его изучению, как к летописи, и пытавшиеся выделить его редакции по образцу шахматовских летописных сводов. Именно поэтому во множестве цитат из таких исследований наблюдается чехарда терминов, когда редакции называются и редакциями, и летописями, и сводами, и даже повестями. И, кстати сказать, ни в одной из этих работ ни один из ученых не объяснил, что он подразумевал под тем или иным термином.

С этим и подойдем к рассмотрению исследований, в которых предприняты попытки установить редакции и редакторов "Галицкой летописи", то есть, "Летописца Даниила Галицкого".

I.

Первое, по времени, исследование принадлежит Л.В.Черепнину (15.228-253), второе - В.Т.Пашуто (10.17-101), третье - А.И.Генсёрскому (2).

По мнению Л.В.Черепнина, "Летописец Даниила Галицкого" состоит из трех редакций. Первая редакция, или начальная повесть (так! - А.У.) (15.244) написана в 1211 г. и повествует о детских годах Да-

ниила и Василька Романовичей. Ее автором Л.В.Черепнин считает упоминаемого под 1205 г. "премудрого" книжника Тимофея, родом из Киева, который "притчею рече о том томителе Бенедикте..." (II.157). Других данных, подкрепляющих этот вывод не приводится, поскольку их попросту нет.

В последующем тексте Л.В.Черепнин выделяет еще две редакции с четко выраженными, по его мнению, тенденциями в изображении борьбы Даниила за галицкий престол: "Первая, принадлежащая начальной галицкой повести, приписывала инициативу призвания Даниила (на престол - А.У.) галицкому боярству. Вторая версия, проводником которой является автор Летописца 1256-57 гг. подчеркивала инициативу венгерского короля" (15.243), то есть третья редакция 1256-57 гг. явилась переработкой первоначальной галицкой повести с учетом политической конъюнктуры 50-х годов XIII в. - изменения политики князя Даниила и его упрочившихся связей с Западной Европой.

Восстанавливая вторую, по его нумерации, редакцию "Летописца Даниила Галицкого" Л.В.Черепнин приходит к выводу, что она была составлена между 1238 и 1245 гг., то есть, в период борьбы против феодального боярства и победы над ним в 1245-46 гг. По мнению ученого, "этот разгром (боярства - А.У.) должен был получить идеологическое обоснование в политической литературе того времени. В этих целях и была создана вторая редакция галицкой повести. Она представляет собой острый памфлет (так! - А.У.). В ней находим яркие сатирические образы галицких феодалов и идеологическую защиту позиций княжеской власти" (15.251).

Для этой повести "Летописец" использовал ранние литературные заметки, "которые вел какой-то близкий соратник Даниила в его борьбе за Галич" (15.251) и непосредственно материалы правительственного обследования системы боярского управления конца 30-х - начала 40-х гг. XIII в., собранные по поручению князя Даниила "печатником" Кирил-

лом и "стольником" Яковом. Автором этой второй повести (так! - А.Э.) "Летописца Даниила Галицкого" Л.В.Черепнин считает тысяцкого Демьяна, литературные заметки которого якобы и "послужили основой для второй галицкой повести 40-х годов XIII века" (I5.с.251-252). Из этого, видимо, следует заключить, что Демьян и есть тот самый "соратник Даниила в его борьбе за Галич", который написал "вторую повесть", использовав за основу свои ранние литературные заметки. Что это за заметки и почему ученый пришел к выводу об их существовании, Л.В.Черепнин не уточняет.

Что же касается окончательной - третьей - редакции, то "в I256-57 гг. при кафедре холмского епископа по прямому заданию князя Даниила Галицкого был составлен "Летописец", ставивший своей задачей, во-первых, обличение боярской крамолы, обличавшей захваты русских земель польскими и венгерскими узурпаторами, во-вторых, - пропаганду организации лиги в целях борьбы с татарским игом" (I5.252). Однако не понятно, на каком основании исследователь заключил, что "Летописец" был составлен именно при кафедре холмского епископа, и именно в I256-57 гг., ведь повествование "Летописца" I257 г. не заканчивается.

Необъяснимо и принятие этой даты без каких-либо поправок и оговорок Д.С.Лихачевым в его двух работах, касающихся "Галицкой летописи" (5; 6), и в предисловии к третьему тому "Памятников литературы Древней Руси", в котором содержится последняя публикация "Галицко-Волынской летописи" (7.20).

Так же осталось необъяснимым, почему для "обличения боярской крамолы" и "пропаганды организации христианской лиги в целях борьбы с татарским игом" был выбран жанр княжеского жизнеописания. Оставив эти вопросы без ответа, Л.В.Черепнин тем не менее констатирует, что "Летописец Даниила Галицкого" состоит из трех редакций: I-я - I2II г.; II-я - I238-45 гг.; III-я - I256-57 гг.

В.Т.Пашуто при исследовании "Галицко-Волынской летописи" значительное внимание уделил выявлению ее источников, с тем, чтобы на их основании выделить редакции (10.17-134). Нас в данном случае интересуют выводы ученого касающиеся исключительно "Галицкой летописи", то есть, "Летописца Даниила Галицкого".

Проанализировав источники "первой редакции" "Галицкой летописи" В.Т.Пашуто пришел к выводу, что она представляет собой княжеский свод (так! - А.У.), созданный в 1246 г. в Холме, и потому он назван ученым Холмским (10.61-92). Причиной его составления, по мнению В.Т.Пашуто, стал ряд обстоятельств: "Разгромив... войска черниговского князя и связанные с ним полки венгерско-польских захватчиков, а также установив некоторый status vivandi с татарами, признавшими Даниила Романовича "мирником", галицко-волынский князь выразил твердое намерение стать главой всей русской земли, что подчеркнул открытым превращением своего канцлера Кирилла в митрополиты русские и отправлением его на поставление в Никею. Понятно, что все э т и с о б ы т и я с л у ж и л и д о с т а т о ч н ы м о с н о в а н и е м (разрядка В.Т.Пашуто - А.У.) для создания летописного свода, в котором князь Даниил представлялся великим князем "русской земли", преемником власти киевских князей..." (10.90).

Может быть, "все эти события" и послужили "достаточным основанием для создания летописного свода", но без доказательств с этим согласиться трудно. "Не раз отмеченное нами участие Кирилла в летописной работе (уточню - дважды отмеченное, а именно: "Содержание речи Кирилла, произнесенное им при встрече с Ростиславом Михайловичем ... наводит на мысль (и только! - А.У.), что Кирилл принимал деятельное участие в составлении летописного свода" (10.83); и еще раз: "Редактор включил в свой свод также серию известий о русско-венгерских отношениях, основав их ... частью на личных впечатлениях

печатника Кирилла" (I0.87 и сл.); но каких впечатлениях? откуда о них знает В.Т.Пашуто, ведь "Летописец" об этом ничего не сообщает? - А.У.), а также высокое назначение, пожалованное ему князем, дают достаточное основание считать его одним из руководителей (он не автором, это существенная оговорка - А.У.) в создании этого обширного летописного свода. Вполне светское недавнее прошлое митрополита благотворно отразилось на созданном труде, оказавшемся свободным от обычного в летописании той поры налета церковщины. Таков княжеский холмский свод митрополита Кирилла, составленный, вероятно, до отъезда его в Никею, т.е. около I246 г." (I0.9I-92). Трудно признать, что дважды отмеченное возможное участие Кирилла в летописной работе (подчеркиваю, возможное, поскольку в обоих случаях не приводятся доказательства этого участия) служит "достаточным основанием считать его одним из руководителей ... летописного свода".

Попутно замечу, что термин "канцлер" в то время, то есть в XIII в. на Руси не употреблялся. Он пришел из Западной Европы позднее. На Руси, и в частности в Галицко-Волынском княжестве, подобные канцлеру функции выполнял "печатник" - хранитель княжеской печати. Именно эта должность Кирилла и названа в "Летописце Даниила Галицкого" под I24I г.

Свою точку зрения о причастности Кирилла к составлению свода I246 г. В.Т.Пашуто подкрепляет ссылкой на исследование Д.С.Лихачева "Галицкая литературная традиция в житии Александра Невского" (5), в котором Д.С.Лихачев, по оценке В.Т.Пашуто, "устанавливает участие бывшего галицкого печатника митрополита Кирилла и галицких книжников в летописании северо-восточной Руси и вскрывает существование галицкой литературной традиции в "Житии Александра Невского"; оно служит еще одним веским аргументом в пользу того мнения, что составление свода I246 г. нужно связывать с именем Кирилла". (I0.9I). Здесь следует еще раз оговориться. Д.С.Лихачев, как и В.Т.Пашуто,

только предполагал участие Кирилла в создании "Летописца" и "Жития Александра Невского", причем свое предположение (а не вывод!) ученый повторил недавно в книге "Великий путь": "Автор жизнеописания - начитанный дружинник, скорее всего - это "печатник" князя Кирилл, ставший затем митрополитом, или кто-то из его окружения" (подчеркнуто мной - А.У.) (8.86). То есть, в обоих случаях выдвинутая гипотеза осталась пока недо-казанной.

Вернемся, однако, к предположению В.Т.Пашуто о том, что Кирилл принимал "участие ... в летописной работе" и был "одним из руководителей в создании этого ... летописного свода" (10. 91-92). Что конкретно подразумевал исследователь под "участием в летописной работе" он не объяснил, и об этом можно только догадываться по аналогии с упомянутыми в исследовании, как авторами определенных сообщений (но текстологически не доказанными!), тысяцким Демьяном (10.74-78), дворским Андреем (10,с.89), стольником Яковом (10.79), книжником Тимофеем (10.33-34). Их рассказы (отчеты), по мнению ученого, легли в основу свода, причем, как пишет В.Т.Пашуто, в одном случае Демьян сам вносит в свод определенный текст (10.78), в другом - отчет стольника Якова обрабатывается редактором и вносится в летопись (10.79), в третьем - записывается со слов дворского Андрея (10.89) или того же Демьяна (10.36). Что послужило основанием для воспроизведения таких подробностей творческой работы большого коллектива людей над "Летописцем" В.Т.Пашуто не указывает. Судя по всему, и Кирилл мог сам вносить записи в летопись, или же с его слов это делал редактор. Честно говоря, мне трудно представить технологию работы упомянутых авторов. Неужели каждый желающий мог подходить и вносить какие-то свои записи в официальную летопись? Или, все-таки был один официальный летописец, который отбирал и обрабатывал необходимые для летописи сообщения упомянутых лиц?

Надеюсь в дальнейшем ответить на эти вопросы.

Бездоказательным получился и вывод относительно второй редакции "Галицкой летописи" - "Холмской летописи" епископа Ивана начала 60-х гг. "Если считать, - пишет в своей монографии В.Т.Пашуто, - составителем холмской летописи начала 60-х годов XIII в. епископа Ивана, то над ее текстом можно сделать еще несколько наблюдений..." (I0. 97). А если не считать, то что тогда? Какова ценность дальнейших выводов ученого и можно ли принимать их на веру, чтобы потом на них ссылаться, ежели опираются они на "если считать"? Но самое главное - вызывает недоумение тот факт, что исследование и выводы строятся на одном бездоказательном посыле об авторе второй редакции "Летописца" - епископе Иване. Это более чем странный исследовательский прием для того крупного ученого, каким являлся В.Т.Пашуто.

Итак, согласно недоказанной, но уже некоторыми медиевистами принятой гипотезы В.Т.Пашуто, "Летописец Даниила Галицкого" состоит из двух редакций: I-й - I246 г. ("Холмский княжеский свод" Кирилла, говоря словами В.Т.Пашуто) и II-й - начала 60-х гг. ("Холмская летопись" епископа Ивана). Обе, как видим, составлены в Холме.

Еще одно рассуждение по поводу структуры "Летописца Даниила Галицкого" принадлежит украинскому ученому А.И.Генсёрскому. Он не учитывает работ своих предшественников, то есть не только не анализирует их и не сравнивает со своими разысканиями, но даже не упоминает о них. В основу своего исследования А.И.Генсёрский положил методику А.А.Шахматова и предпринял попытку из самого позднего свода - "Галицко-Волынской летописи", завершенной на Волыни, вычленить более ранние ее редакции. Вначале - волынские, затем - галицкие. В итоге он приходит к выводу, что "Галицкая летопись" состоит из двух редакций: I-я заканчивается по "Ипатьевскому летописному своду" I234 г. и написана около I255 г. II-я продолжает первую до I266 г., закончена около I269 г. Обе редакции составлены в Холме (2.99).

А.И.Генсёрский также попытался назвать авторов этих двух редакций. Автором редакции 1234 г. он склонен считать "седельничего" князя Даниила - Ивана Михалконича Скулу, упоминаемого "Летописцем" под 1230 г.: "Ивана же посла, седелничего своего, по неверныхъ Молибоговичихъ и по Волъдрисе, и поимано бысть их 20 и 8 Иваномъ Михалковичемъ, и ти смерти не прияша, но милость получиша" (II.763). Такая точность в рассказе, по мнению А.И.Генсёрского, говорит об авторе - очевидце. Замечу, однако, что Иван Скула был не просто очевидцем операции, а ее непосредственным участником, и почему в таком случае не берется во внимание, что он мог сообщить эту информацию кому угодно, в том числе и автору"Летописца"?

Другое доказательство своей гипотезы А.И.Генсёрский якобы находит в описании под 1213 г. битвы польского князя Лешка и венгерского короля Коломана с войском Мстислава Удалого [2] под Город-ком. Воевода Мстислава Удалого - Дмитрий - не выдержал вражеского напора и побежал с поля боя:" Тогда же и Василь, дьяк, рекомый Молза, застреленъ бысть подъ городомъ; Михалко же Скулу убиша, согонивше на Щиреце, а главу его сосекоша, трои чепи сняша золоти и принесоша главу его ко Коломанови". "Михалко Скула - это, как видно из контекста, Михалко Глебович (также воевода Мстислава Удалого - А.У.). Отметить его смерть в официальных записях мог, очевидно, всякий хронист, и на их основе, конечно, и автор свода (так! - А.У.). Но история с принесением головы к Коломану, а тем более с тремя золотыми цепями - это уже детали, которые имели значение для родственников

---

2 Мстислав Мстиславич прозван своими современниками "Удатным", то есть "способным", "удачливым", однако историки традиционно называют его "Удалым", что приходится делать и нам, дабы не вводить путаницу.

Михалка (и о каких память сохранилась только среди родни). Внести их в летопись мог только автор - родственник. Следовательно, взвесив, с одной стороны, это обстоятельство, а с другой - предположение, что автором свода 1234 г. был седельничий Иван Михалкович, можно сделать вывод, что этот Иван Михалкович - сын Михалка Глебовича Скулы, и только благодаря тому, что именно он является автором свода 1234 г. эти известия о Михалке Глебовиче попали в летопись" (2.92).

Под 1234 г. летописец рассказывает о поражении Даниила и его союзника Владимира Рюриковича в битве с князем Изяславом и его половцами, которая произошла "съветом безбожного Григория Василевича и Молибоговичевъ". Вторая фамилия, по замечанию А.И.Генсёрского, была интересна только автору повести (см. цитату выше, где Иван Михалкович упомянут как пленитель Молибоговичей), поскольку у него были свои взаимоотношения с крамольными боярами. Тот факт, что после 1234 г. эта боярская фамилия не встречается больше (а именно этим годом по мнению А.И.Генсёрского заканчивается повесть - так! - А.У.), только подчеркивает эту заинтересованность. "Таким образом, седельничий Иван Михалкович Скула был редактором свода 1234 г." (2.92-93).

Прервем рассуждения ученого, чтобы сделать по их ходу ряд замечаний. Где доказательство того, что "седельничий", то есть конюшенный, князя Даниила Романовича - Иван Михалкович Скула умел писать? К тому же, неубедительным кажется вывод А.И.Генсёрского, что автором трагической истории мог быть только родственник Михалка Глебовича. Вполне допустимо, что предание хранилось в его семье, и не исключено, что кто-то из родственников мог рассказать его летописцу. Ведь многие предания Яна Вышаты попали в "Повесть временных лет", но внесены они были не родственниками Вышаты, и не им самим, а печерским летописцем...

В дальнейшем "Летописец" не упоминает имени Ивана Михалковича Скулы, но зато под 1223 г. находится сообщение о поставлении Ивана, церковного "достойника" Богородичной церкви во Владимире на епископскую кафедру в Холме. А.Генсёрский считает, что мы имеем дело с одним и тем же лицом - Иваном Михалковичем Скулою (2.94-95). На основании восстановленных биографических данных Ивана Михалковича А.И.Генсёрский заключает, что первая редакция "Летописца" была составлена в Холме (2.92). Необходимо, однако, заметить, что, во-первых, биография одного из героев повествования и редакция "Летописца" вещи суть разные. Осталось недоказанным самое главное - причастность Ивана Михалковича к созданию жизнеописания Даниила Галицкого. Ученый так и не привел в качестве доказательства ни одного факта, который бы подтвердил, что Иван Михалкович Скула является автором (или редактором) первой редакции "Летописца". Очевидно, что открытие А.А.Шахматовым имени летописца Никона, точнее, метод открытия, сыграл не последнюю роль в исследовании А.И.Генсёрского.

А, во-вторых, вывод А.И.Генсёрского о тождестве седельничего Ивана Михалковича Скулы с церковным "достойником" Богородичной церкви Иваном, ставшим впоследствии епископом, ошибочен. Отождествление произведено на основе совпадения имени двух лиц. Но исследователь упустил из виду одно весьма важное обстоятельство: епископом мог стать только представитель черного духовенства, то есть монах. А при пострижении в монахи светское имя заменялось монашеским. Так-что в данном случае тождество имен красноречиво свидетельствует, что это разные люди!

А.И.Гнесёрский определяет время работы над первой редакцией "Летописца" исходя из возможностей епископа Ивана. А поскольку Иван-епископ не мог быть автором (редактором) первой редакции "Летописца", ибо не был (и не мог быть!) прежде Иваном Михалковичем Скулою,

которому приписывает авторство А.И.Гнесёрский, то, стало быть, исследователь на основе ложного посыла приходит к неправильному выводу. А мог ли сам Иван Михалкович Скула работать над "Летописцем" в 1255 г. - неизвестно, поскольку "Летописец" после 1230 г. о нем больше не вспоминает. Так-что предположение А.И.Гнесёрского о первой редакции 1234 г. и времени ее создания - 1255 г. не могут быть признаны верными.

Обратимся к рассмотрению второй редакции, датированной А.И.Гнесёрским 1266 г., составленной, по его мнению в 1269 г. в Холме (2.66-68). Ее автором, полагает А.И.Гнесёрский, был Дионисий Павлович, о котором сообщается в статье под 1257 г..В подтверждение своей гипотезы исследователь приводит следующие факты. В 1241 г. князь Даниил поручает своему печатнику Кириллу "исписати грабительства нечестивых бояръ". Уважительные слова, которыми характеризуется деятельность Кирилла в этой экспедиции, могут, по мнению А.И.Гнесёрского принадлежать подчиненному Кирилла. Из чего строится заключение, что, возможно, автор тогда работал под руководством Кирилла и участвовал в этом походе в Бакоту. Вот почему в тексте "Летописца" приводится точная численность войска Кирилла: 3000 "пешець" и 200 "коньникъ" (2.75). А поскольку впоследствии Кирилл стал русским митрополитом, то "следовательно, возможно, автор стал позднее преемником Кирилла на должности печатника" (2.75).

Дальнейшие рассуждения исследователя строятся, как и у В.Т.Пашуто, на одних предположениях. В статье под 1257 г. повествуется, как Дионисий Павлович по поручению тех же князей - Даниила, Василька и Льва, но уже самостоятельно, то есть без Кирилла, отправляется с подобной миссией в Межибожье (в соседние, а не те же, как считает А.И.Гнесёрский, места - см. карту у В.Т.Пашуто - А.У.), "очевидно потому, что он уже ранее там (? - А.У.) выполнял подобное задание,

знал местность и отношения и должен был одновременно привести в порядок административные дела" (2.81). Поскольку обе экспедиции похожи А.И.Гнесёрский считает, что Дионисий Павлович отправился выполнять свою миссию, заступив на посту печатника своего предшественника Кирилла (2.81-82). Следовательно, именно ему, по мнению А.И.Гнесёрского, принадлежат и хвалебные слова о Кирилле под 1241 г. (2. 75), и вторая, созданная в 1269 г. (2.10-16), редакция вцелом (2. 66-90). Однако выводы, сделанные на основе одного предположительного факта, не выглядят убедительными. И на сей раз решение вопроса о редакциях и редакторах, предложенное А.И.Гнесёрским, не может быть признано удачным.

Итак, мы рассмотрели три исследования структуры "Летописца Даниила Галицкого", три традиционных подхода к "Летописцу" как к летописи, а то и летописному своду. Отсюда, видимо, стремление ученых выделить в его составе более ранние повести, летописи, и даже своды, а в целом, представить процесс его сложения по типу летописного свода. Но даже при таком единодушном методологическом подходе к исследованию "Летописца Даниила Галицкого", когда за основу выделения редакций бралась определенная группа источников - в основном сведений тех или иных лиц, ученые пришли к разным выводам.

Л.В.Черепнин выделил три редакции: Начальную редакцию 1211 г. (автор - Тимофей), вторую - 1238-45 гг. (автор - Демьян), и третью - 1256-57 гг. (автор не установлен).

В.Т.Пашуто выделил две редакции - 1246 г. (руководитель - Кирилл) и начала 60-х годов (руководитель - епископ Иван).

А.И.Генсёрский выделил также две редакции: первую - 1234 г. (автор или редактор - Иван Скула), созданную в 1255 г., и вторую - 1266 г., созданную в 1269 г. Дионисием Павловичем.

Подводя итог этим в общем-то незначительно дополняющим друг дру-

га исследованиям, следует обратить внимание на некоторую близость в датировках второй редакции (1238-45 гг.) Л.В.Черепниным и первой редакции (1246 г.) В.Т.Пашуто, которая, возможно, указывает на правильное направление поиска.

Заслуживает внимания и предположение Д.С.Лихачева, поддержанное В.Т.Пашуто, об участии в составлении "Летописца" печатника Кирилла. Помимо обоснования этой гипотезы необходимо еще выяснить, какую именно роль играл митрополит Кирилл при создании "Летописца": был ли он, как полагает В.Т.Пашуто, руководителем работ, или же сам принимал участие, как допускает Д.С.Лихачев, в его написании. Но эта тема требует самостоятельного рассмотрения.

Нельзя обойти вниманием и совпадение мнений В.Т.Пашуто и А.И.Генсёрского о составлении "Летописца Даниила Галицкого" в Холме.

Вот, собственно, все то, что имеет литературоведение на сегодняшний день в изучении структуры "Летописца". Из этого обзора понятно, что до окончательного разрешения вопроса еще далеко, поэтому взглянем еще раз на данную проблему, учитывая опыт и ошибки предшественников.

2.

На мой взгляд "Летописец Даниила Галицкого" состоит из двух поздних по составлению редакций, близких к выделенным В.Т.Пашуто. Обособление Начальной редакции 1211 г., как это сделал Л.В.Черепнин, кажется не целесообразным, и вот почему. Если "Галицкую летопись" сопоставить с более поздними летописными сводами - "Софийской I-й летописью", "Новгородской IУ", "Воскресенской", "Львовской", "Тверской", "Никоновской" и др., то можно заметить, что они содержат в своем составе ряд сведений по истории Галицкой Руси, которые отсут-

ствукт в "Летописце Даниила Галицкого" [3] (3, с.149-151).

К ним можно отнести сообщение о двух походах Рюрика с Ольговичами на Галич: в 1205 и 1206 гг. "Летописец" сообщает только об одном походе, при этом не упоминает Ольговичей. Под 1206 г. во всех северно-русских летописях сообщается о приглашении галичанами Ярослава Всеволодовича Переяславльского на галицкий престол, а в "Летописце" упоминание об этом вовсе отсутствует. Ничего в немне сообщается и о походе в 1207 г. из Галича Владимира Игоревича на помощь Всеволоду Чермному Киевскому, упоминание о котором есть в Черниговской летописи под 1207 г. Под 1210 г. "Никоновская летопись" сообщает о кратковременном княжении в Галиче Ростислава Рюриковича, "Летописец Даниила Галицкого" не знает и этого. Не знает он и о требовании Мстиславом Мстиславичем Галицкого престола у венгерского короля в 1214 г., отраженном в "Никоновской летописи". Не сообщает и о том, что король, посадив на галицкий престол своего сына, "епископы и попы изгна изъ церкви, а свои попы Латыньския приведе на службу" ("Восресенская летопись" под 1214 г.), или "церкви претвори въ латынскую службу" ("Никоновская летопись" под 1214 г.). Не упоминает "Летописец" о втором походе Мстислава Мстиславича на Галич в 1221 г. и его битве с венграми ("Никоновская летопись"), а содержит сведения только о первом и третьем походах.

Некоторые другие сообщения этих летописей имеют, между тем,

---

[3] Б.Т.Пашуто полагает, "что Воскресенская летопись пользовалась (в отношении южных известий первой половины XIII в.) сходным с Ипатьевским списком, в котором читалась Киевская летопись, доводившая свое изложение до 1238 г." (10.21). К тому же выводу приходит и Ю.А.Лимонов: "Видимо, южным источником северо-восточных летописей была киевская великокняжеская летопись" (4.168).

родственную связь с повествованием "Летописца Даниила Галицкого", на что обратил внимание в свое время еще А.И.Гнесёрский: "Буквально совпадает часть описания битвы на Калке (Ипат. I224, Воскрес. I223) и повесть о походе Батыя, особенно описание обороны Козельска (Ипат. I237, Воскр. I238, Соф. I-я, Ростов.), местами совпадает описание завоевания Батыем Переяслава и Чернигова (Ипат. I237, Воскр. I239, Новгор.IУ, Соф. I-я, Твер.). Так же совпадает описание осады Батыем Киева (Ипат. I240, Воскр. и др.)" (2. I8-I9) [4].

Трудно представить, чтобы киевский "книжник" Тимофей, упомянутый в самой летописи под I205 г. (II.I57), составляя "Начальную летопись" I2II (I5.244), не коснулся в своем повествовании тех событий I205-I2I0 гг., о которых мы говорили выше, и которые сохранились в северо-восточных летописях, то есть, далеко не местных источниках. Если Тимофей и имел какое-то отношение к галицкому летописанию, то не непосредственное, а опосредственное, то есть, через использованную редактором первой редакции "Летописца" "Киевскую великокняжескую летопись" I238 г., в создании которой Тимофей, возможно, мог участвовать, поскольку был духовником Мстислава Удалого и жил в Киеве, то есть, в принципе должен был быть в курсе галицких событий. (I0.34-37). А то обстоятельство, что описание этих событий не попа-

---

4 А.И.Гнесёрский сопоставляет "Галицкую летопись" с гипотетичным "Владимирским полихроном", легшим, по мнению А.А.Шахматова, в основу "Воскресенской" и некоторых других летописей (I6.I59). В свое время М.Д.Приселков убедительно доказал, что такого свода не существовало (I2.46,95). Его поддержал Д.С.Лихачев (6.432). В настоящее время существование "Владимирского полихрона" не признается; поэтому целесообразно сравнивать данные "Летописца" непосредственно с северно-русскими летописями.

ло в "Летописец" как раз свидетельствуют, что к галицкому летописанию он прямого отношения не имеет.

Автор первой редакции "Летописца" действительно использовал труд своих коллег - киевских летописцев, поскольку ко времени его работы над "Летописцем" в Выдубицком монастыре в Киеве уже существовала "Киевская летопись" 1238 г., а других летописных источников он по истории Галичины не имел (10.21-67). Поэтому трудно согласиться с выводами Л.В.Черепнина о существовании Начальной редакции летописи 1211 г. Судя по всему, существовали только две более поздние редакции "Летописца". К этому выводу мы приходим после внимательного изучения самого текста "Летописца" и, прежде всего, его манеры изложения материала.

Цельность начального повествования "Летописца" за первое десятилетие отмечал и сам Л.В.Черепнин, что, кстати, и привело его к ошибочному выводу об определенной самостоятельности этой части "Летописца" (15.243-244). Как и все повествование "Летописца" в целом, так и сведения первых десятилетий очень тесно взаимосвязаны между собой, не имеют погодной разбивки, что дает возможность говорить о целостном характере изложения событий. Автор повествует только об основных с его точки зрения событиях, в их оценке выражает свое к ним отношение и не только вводит читателя в мир описываемого, но и как бы исподволь подводит его к восприятию главного в произведении.

Начало "Летописца" повествует о скитаниях малолетних Даниила и Василька Романовичей, сильно пострадавших от произвола галицких бояр. После гибели в 1205 г. их отца Романа Мстиславича Галицкого княжичи оказались не только без отцовского престола, но и за пределами самого княжества; причем даже в разных местах: Даниил попал в Венгрию, а Василько в Польшу. Несомненно, что идеологическим центром повествования "Летописца" явилось отражение борьбы князя Даниила и его

младшего брата Василька с боярством за возвращение себе отцовского княжества. Именно этим, почти 30-летним, периодом борьбы с боярством начал подробный, со всем множеством детелей целеустремленный рассказ "Летописец" о трудном княжении Даниила Романовича.

Обращает на себя внимание одна особенная черта "Летописца": чем ближе его автор подходит в отображении истории ко времени своей работы, тем больше в тексте встречается подробностей. Этот вывод подтверждается и тем фактом, что "Летописец", начиная с 1223 г. - битвы на реке Калке - содержит все те же сведения, что и другие, уже упомянутые летописи. Следует, таким образом, предположить, что начальную историю Даниилова княжения автор составлял с одной стороны по воспоминаниям и устным рассказам очевидцев, о которых говорит в тексте, а с другой - используя "Киевскую летопись" 1238 г. (10. 21-91), продолжая "Летописец" уже как очевидец происходящего. Именно поэтому отсутствуют в начале "Летописца" точные даты (о неверной хронологии Ипатьевского списка см. специальную работу М.Грушевского - 3-а), конкретный материал заменяется околособытийными известиями. Это может свидетельствовать только о недостатке фактических знаний по начальной истории Даниилова княжения, а так же о том, что воспроизводилась она спустя определенное время - достаточное, чтобы многое забылось.

Однако лучшим доказательством того, что не существовало начальной редакции 1211 г., служат сами сообщения о событиях и людях 10-х гг., которые тесно связаны с повествованием о 20-30-х гг. Под 1207 г. "Летописец" повествует о несостоявшемся намерении венгерского короля Андрея выдать свою малолетнюю дочь Елизавету замуж за Даниила Галицкого и здесь же говорит о ее дальнейшей судьбе: "И да дщерь свою за Лонокрабовича за Лудовика, бе бо мужъ силенъ и помощникъ брату ее юже ныне святу наречають" (II.723). Известно, что Елизавета умерла

в 1231 г. и была канонизирована в 1234 г. (I.17). Поскольку оба сообщения не являются позднейшими вставками, то приходится заключить, что автор "Летописца" работал после 1234 г., поскольку ему было известно о канонизации Елизаветы.

Далее, под 1213 г. агиограф перечисляет детей Даниила, которому в ту пору было только 13 лет, родившихся от его брака с дочерью князя Мстислава Удалого Анной: "и родиша от нея много синови и дщери, первенец бо бе у него Ираклей, по нем же Левъ (ум. в 1301 г.) и по немъ Романъ (ум. в 1288 г.), Мстиславъ, Шеварно (ум. в 1269 г.) и инии бо млади отидоша света сего" (II.732). Такое сообщение можно было сделать не ранее конца 30-х гг. уже зная судьбы детей князя Даниила, поскольку даже под 1249 г. говорится о Льве, что он "младъ сы", то есть имел юный возраст. Попутно еще замечу, что Даниил женился осенью 1217 г., одна из дочерей родилась в 1224 г., другая - в 1250 г. вышла замуж за Андрея Ярославича, а в те времена замуж отдавали довольно юных дочерей.

Под тем же 1213 г. рассказывается о гибели в борьбе с поляками воина князя Даниила - Клима Христинича со следующим замечанием: "-го же крест и доныне стоить на Сухой Дорогови". Даже деревянный крест мог вполне достоять до начала 40-х гг.

Под 1217 г. впервые сообщается о "прегордом" венгерском воеводе Филе с ремаркой: "во ино время убьен бысть Даниилом Романовичем древле прегордый Филя". О последнем же "Летописец" повествует под 1249 г. (по "Ипатьевской летописи"), исторически события произошли в 1245 г. Следовательно, рассказ 1217 г. писался после 17 августа 1245 г., когда был казнен венгерский воевода Филя. Это существенная уточняющая деталь, когда писалась первая редакция "Летописца". Причем следует отметить, что рассказ, в котором, собственно, и описано пленение Даниилом Фили и последующая его казнь, ведется, по-видимо-

му, очевидцем с упоминанием всех подробностей: "Даниилъ же видѣвъ близъ брань Ростиславлю и Филю в заднемъ полку стояща со хоругоѣ рекущю яко Русь тщивы суть на брань, да стерпимъ устремление ихъ... приде на ны Данило ... Данила же емшу исторжеся из руку его и выеха ис полку. И видевь Угрина гряндушаго на помощь Фили, копьемь сътче и, и вогружену бывшу в немь, уломлену спадеся изъдше" (II. 803-804).

Не безынтересно в плане вычленения первой редакции и двухкратное упоминание каких-либо событий в разных местах и контекстах. Очень искусное их вплетение в канву текста с помощью различных литературных приемов сразу снимает вопрос о позднейших вставках и свидетельствует о принадлежности их одному автору. Так например, под 1238 г. помещен небольшой рассказ о мытарствах черниговских князей Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава и об оказанной им услуге их противниками (увы, было и так!) Даниилом и Васильком Романовичами: "... яко бежалъ есть Михаилъ ис Кыева в Угры, ехавъ (Ярослав Всеволодович Суздальский - А.У.) я княгиню его ... поима ... Слышавъ же се Даниилъ, посла слы река: "Пусти сестру ко мне, зане яко Михаилъ обеима нама зло мыслить" ... Присла бо Михаилъ слы Даниилу и Васильку (после того, как был прогнан венгерским королем - А.У.), река: "Многократы согрешихо вам и многократы пакости творях ти ... Ныне же клятвою кляну ти ся, яко ником же вражды к тебе не имамъ имети". Даниилъ же и Василько не помянуста зла, вьдаста ему сестру и приведоста его из Ляховъ. Данилъ же светъ створи со братом си, обеща ему Киевъ, Михаилови, а сынови его Ростиславу вдасть Луческъ ... Данилъ же и Василько вьдаста ему ходити по земле своей, и даста ему пшенице много и меду и говядь и овець доволе..." (II.783).

А теперь сравним ее со словами печатника Кирилла, сказанными Ростиславу Михайловичу, и приведенными уже под 1241 г.: "Се ли тво-

ри возмездье уема своима воздобродеанье! Не помниши ли ся, яко король угорьский изгналъ тябе и земле сь отцьмь ти? Како тя восприаста огосподина моя, уя твоя, отча ти во величи чести держаста, и Киевъ обечаста, тобе Луческъ вдаста, и матерь твою и сестру свою изъ Ярославлю руку изъяста и отчю ти вдаста" (II.791). Налицо использование одного и того же материала одним автором: в первом случае - в виде авторского повествования, во втором - в прямой речи персонажа, не фигурировавшего ранее.

Или другой пример из того же ряда. Под 1240 г. сообщается: "Преже того ехалъ бе Данило князь ко королеви Угры, хотя имети с ним любовь сватьства, и не бы любови межи има" (II.787). А вот косвенная ссылка на это известие из последней статье первой редакции "Летописца": "Въ то же лето присла король угорьскый вицькаго река: "Поими дщерь ми за сына своего Лва. ... Помыслив же си с братомъ, глаголу его не уя веры, древле бо того изменилъ бе, обещавъ дати ощерь свою" (II.809). И таких примеров в "Летописце" достаточно.

К этому следует добавить, что тот автор, который работал в середине 40-х гг. над "Летописцем", использовал в своем труде, как установил В.Т.Пашуто, "Киевскую великокняжескую летопись", заканчивающуюся 1238 г. (10. 21-91). В этой связи любопытно взглянуть на его обработку южнорусских источников о битве на реке Калке в 1223 г., почерпнутых, прежде всего, из "Киевской летописи".

В специально посвященном этому вопросу исследовании В.К.Романов приходит к выводу, "что основным источником ... статьи является киевский текст о битве, но спустя значительное время после битвы он был выправлен галицким редактором..." (13.99). Обработка киевского источника выразилась в стремлении автора придать ему свою идейную направленность. "... Надо думать, что данные отрывки отражают текст, созданный книжником, близким Даниилу, стремившимся к наибо-

лее полной характеристике его личных качеств. Время создания этого текста следует относить ко второй половине 40-х - первой половине или середине 50-х гг. XIII в., когда политическое могущество Даниила стало общепризнанным" (13.102).

Для нас важен сам факт использования "Киевской летописи" 1238 г., в которой находилось сообщение о Калкской битве, в качестве источника некоторых статей I-й редакции "Летописца". Видимо, из нее заимствовал "Летописец" и сведения по истории княжения Мстислава Удалого в Галиче в 1219-1228 гг. Именно "Киевская летопись", по мнению В.Т.Пашуто, содержала подробные сведения об этом княжении, причем на это раз свои выводы он обосновал более убедительно (10. 21-68).

И здесь еще раз необходимо подчеркнуть, что биограф Даниила творчески подходил к использованию материала этой летописи, отбирая только необходимое для подкрепления его концепции истории Даниилова княжения. Об этом свидетельствуют упомянутые выше сведения по истории Галицкой Руси, сохранившиеся в северо-русских летописях, но не нашедшие отражения в "Летописце". Это тем более интересно, поскольку, как показали исследования В.Т.Пашуто и Ю.А.Лимонова, источником северо-восточных летописей по южно-русской истории была та же "Киевская великокняжеская летопись" 1238 г., то есть тот же, что и у "Летописца" источник (10.21; 4.168).

Но вернемся к заметкам "Летописца" конца 10-х - начала 20-х гг., которые, как мы видели, связаны тематически, а, главное, хронологически с событиями конца 30-х - первой половины 40-х гг. Чтобы в 1217 г. написать о будущей гибели Фили от руки Даниила, нужно было об этом знать. Стало быть, автор работал над первой редакцией "Летописца" (пока ее хронологических границ мы не указываем, определим их ниже) не ранее 17 августа 1245 г.

Следовательно, нельзя согласиться с предложением Л.В.Черепнина о существовании самостоятельной "Начальной летописи" I2II г.,и с ограничением А.И.Генсёрского первой редакции "Летописца" I234 г. Что же касается размышлений Л.В.Черепнина о времени создания второй (по его классификации) редакции - I238-I245 гг. - то их невозможно принять по той же причине: текст "Летописца" от начала и до августа I245 г. писался сразу (отсюда - продуманность композиции произведения) и, совершенно точно, после I245 г., о чем свидетельствует текст самого "Летописца".

Так, под I240 г., в статье об осаде Киева монголо-татарами так же имеется примечательная ремарка, свидетельствующая, что рассказ этот писался не ранее августа, но уже I246 г.! В числе всевод Батыя, пришедших под стены Киева, упомянут и Гуюк (в "Летописце" - Кююк), который "вратися уведавъ смерть канову, и бысть каномъ..." (II.785). А избрание Гуюка великим ханом монгольским состоялось 24 августа I246 г. (I.39).

С весны I234 г. и по сентябрь I245 г. (I250 г. по "Ипатьевской летописи") "Летописец" очень подробно рассказывает о сложных взаимоотношениях Галицкого князя Даниила Романовича и Черниговских князей Михаила Всеволодовича и его сына Ростислава Михайловича. Это цельный рассказ без каких-либо позднейших вставок и исправлений.

Под I245 г. по "Ипатьевской летописи", то есть, за 4 года до рассказа о смерти Фили, среди описываемых событий I242-44 гг. помещен рассказ о поездке Михаила Всеволодовича к Батыю в Орду, "прося волости своее от него" и трагическом конце черниговского князя и его боярина Федора: "Батыи же яко сверепыи зверь возьярися, повеле заклати, и закланъ бысть (Михаил - А.У.) безаканьнымъ Доманомъ Путивльцемь нечестивым, и с ним закланъ бысть бояринъ его Федор, иже мученическыи пострадаша" (II.795). Дата гибели черниговцев извест-

на точно - 20 сентября 1246 г. (1.43,47). И еще раз, уже под 1250 г., повествуя о событиях 1245-46 гг. автор упоминает о гибели двух русских князей - Ярослава Всеволодовича Суздальского и Михаила Всеволодовича Черниговского в Орде, причем с весьма интересной для нас авторской ремаркой: "... Михаила, князя Черниговского, не поклонившуся кусту, со своимъ бояриномъ - Федоромъ, ножемъ заклана быстра, еже преде сказахомъ кланение ихъ, еже венець приястра мученицки" (II, т.П, ст.808), а об этом писалось как мы видели выше, под 1245 г. То есть, и эти статьи взаимосвязаны между собой.

Примеры использования автором сведений из более позднего времени при описании ранних событий позволяют заключить, что весь текст "Летописца Даниила Галицкого" с самого начала и по 1250 г. включительно представляет собой неразрывный текст, который принадлежит одному автору.

Здесь хотелось бы обратить внимание на две примечательные особенности авторских экскурсов во времени. Первая - постепенное сокращение временной дистанции между упоминаемыми событиями. В начальной части "Летописца" эта дистанция значительна. В 1207 г. сообщается о канонизации Елизаветы, произошедшей в 1234 г., то есть спустя 27 лет. В 1213 г. приводится информация о детях Даниила Галицкого, хотя его брак состоялся только в 1217 г., которую можно было получить в конце 30-х - начале 40-х гг. В 1217 г. сообщается о смерти Фили, произошедшей в 1245 г. - разница 28 лет.

А при изложении событий 40-х гг. временная дистанция между упоминаемыми разновременными событиями сходит на нет. Под 1240 г. сообщается об избрании Гуюка великим ханом монгольским, а случилось это 28 августа 1246 г., то есть спустя 6 лет. Под 1245 г. говорится о трагической гибели Михаила Черниговского, произошедшей 20 сентября 1246 г., то есть, на следующий год. Под 1250 г. рассказывается о по-

ездке князя Даниила в Орду (исторически она состоялась осенью 1245 г. и длилась по апрель 1246 г.) и женитьбе сына Даниила Романовича на дочери венгерского короля Белы, что случилось в начале 1247 г. В повествовании этого года, то есть 1250 г. по "Ипатьевской летописи", нет уже экскурсов в будущее, зато есть обращение к ранее описываемым событиям, скажем, смерти Михаила Черниговского, о чем мы писали выше.

Вторая особенность заключается в том, что "Летописец" в своих сообщениях 1201-1246 гг. (по "Ипатьевской летописи" - 1201-1250 гг.) не содержит ссылок ни на одно событие, произошедшее после 1247 г. Автор, об этом можно сказать с уверенностью, не знает, что происходило дальше в истории Даниилова княжения. Эта исследуемая часть "Летописца" сугубо автономна. Из этого можно заключить, что автор заканчивал свою работу в 1247 г., событиями начала этого же года.

Но вот что любопытно. Следующая статья "Летописца" под 1251 г. также говорит о событиях 1247 г.: "Умре князь великий лядьскый Кондратъ..." Эта смерть случилась 31 августа 1247 г., но сообщение о ней невозможно отнести к предыдущей статье 1250 г. и не только потому, что она помещена уже под другим годом и повествует совершенно о других событиях. Причина в другом. Уже в начале этой статьи сжато излагаются события четырех лет - 1247-1251: вокняжении в конце 1248 - начале 1249 гг. Самовита в Мазовше и походе 1251 г. князя Даниила на ятвягов. В ней чувствуется ретроспективный взгляд на описываемые события, как и в следующей за ней статье 1252 г., воспроизводящей взаимоотношения Даниила и литовского князя Миндовга в 1248-1251 гг. И здесь важно отметить, что помещенный в ней рассказ о язычестве литвы заимствован, как показал А.С.Орлов, из "Хронографа" 1262 г. (9.26).

Как эти, так и последующие статьи "Летописца" тесно связаны одной темой и не касаются событий,произошедших до 1247 г. Только об

убийстве герцога Фридриха 15.06.1246 г. упоминается (под 1252 и 1254 гг.) как о давно прошедшем ("герцюкъ бо уже убьенъ бысть"), и то затем, чтобы объяснить, почему в борьбу за его землю в 1246 и 1252 гг. были втянуты князь Даниил и его сын Роман. Поскольку в работе над этой частью "Летописца" использовался "Хронограф" 1262 г., то создавалась она уже после 1262 г. Таким образом, между первой частью, заканчивающейся по "Ипатьевской летописи" 1250 г. (исторически - началом 1247 г.) и второй частью, начинающейся 1251 г. существует, как минимум, 16-летний перерыв в изложении.

Существование этого перерыва в "Летописце" между 1250 и 1251 гг. не дает нам права согласиться с В.Т.Пашуто, который относил начало второй редакции к 1252 г. (10.93). Судя по всему, мы имеем дело с поэтапной работой, скорее всего, двух авторов над жизнеописанием галицко-волынского князя Даниила Романовича.

Первый автор закончил свой труд описанием событий конца 1246-начала 1247 гг. - сообщением о свадьбе Льва на дочери Белы. Может показаться несколько странной такая концовка значительного биографического труда на начале года, тем более, что во второй половине год был ознаменован удачным походом князя Даниила на ятвягов, о котором не забыл написать автор второй части "Летописца" даже спустя полтора десятилетия. Если бы первый автор знал об этом походе, то и он, надо полагать, не преминул бы сообщить о нем. Но автор первой части не был, судя по всему, в курсе событий, произошедших после начала 1247 г. Об этом свидетельствует тот факт, что последующие события 1247 г. были описаны после 1262 г., то есть они были настолько весомы, что и спустя 16 лет имели значение для продолжателя "Летописца".

Этот перерыв в описании 1247 г. указывает на внезапное прекращение работы первым автором. Но прекращение работы не связано с его смертью. На это указывает логическая завершенность его труда. Он рассказал о детских и юношеских годах Даниила и его брата Василька. Показал их борьбу за отчий престол и возмужание братьев. Продемонстри-

ровал рост авторитета Даниила Романовича в Русской земле и за ее пределами. Наконец, последняя статья его сочинения (под 1250 г.) повествует о поездке князя Даниила к Батыю и получении от него ярлыка на Галицко-Волынское княжество, то есть признании и монгольским ханом его прав на княжество. Последнее обстоятельство возвысило Даниила Романовича в глазах его давнего соперника венгерского короля Белы, который поспешил заручиться дружбой с грозным русским князем и упрочить ее браком детей. Ну а авторитет Даниила Романовича в Русской земле подчеркнут еще и тем, что именно Даниил Галицкий назвал кандидата на пост русского митрополита из своего окружения и отправил его в конце 1246 - начале 1247 гг. на поставление к византийскому патриарху в Никею.

Этим и заканчивается первая часть "Летописца", которую в дальнейшем мы будем называть I-й редакцией. Если бы не существовало ее продолжения, то эта часть "Летописца" вполне могла расцениваться как законченное цельное произведение. Стало быть, успев логически завершить свой труд, автор не смог закончить жизнеописание князя Даниила в целом. Объяснить это обстоятельство можно только отъездом автора из Галицкого княжества навсегда. Ясно и другое - он не оставил после себя последователей, которые и в его отсутствие продолжили бы начатое им дело, и не было бы столь длительного перерыва.

Таким образом, первая редакция "Летописца Даниила Галицкого" представляет собой повествование о жизни Даниила Романовича Галицкого с 1201 по начало 1247 гг. Работа над этой частью жизнеописания была закончена в начале того же 1247 г. По хронологии "Ипатьевского летописного свода" она заканчивается статьей под 1250 г.

Вторая редакция "Летописца", об этом можно сказать с уверенностью, писалась после 1262 г. [5]. Начинается она, как мы выше опре-

---

[5] Ср. с В.Т.Пашуто: "Внимательное изучение выделенного лето-

делили, статьей 1251 г. А где ее конец - предстоит еще выяснить.

Ко второй редакции "Летописца", названной В.Т.Пашуто "Летописью епископа Ивана", ученый относил текст, охватывающий период с 1247 (по "Ипатьевской летописи" - 1252 г.) по 1263 гг. "Выделение этого текста еще не дает ключа к его пониманию, поскольку этот летописный холмский материал (как и свод 1246 г.) в дальнейшем (после смерти Даниила Романовича в 1263 г.) попал во Владимир и был там подвергнут книжниками князей Василька Романовича и его сына Владимира весьма существенной переработкой" (10, с.92). Мы не знаем, на каком основании В.Т.Пашуто смерть Даниила Романовича датирует 1263 г. и, соответственно, заканчивает этим же годом "летопись Ивана". Значительно ниже, на с.287 своего исследования он указывает иную дату смерти Даниила - 1264 г. - общепризнанную, причем ни в первом, ни во стором случаях не может быть и речи об опечатке.

Но нас в данном случае интересует, каким годом исследователь заканчивает "Летопись епископа Ивана". Учитывая ошибку в первой дате смерти князя Даниила и связывая окончание работы над летописью со смертью Даниила, конец ее, надо полагать, ученый относил все же к 1264 г. "Ипатьевская летопись" тоже сообщает о смерти князя Даниила под этим годом. Однако некая сухость и скупость этого сообщения, а также окружающий его текст, указывают на значительную переработку конца "Галицкой летописи" следующим, по единодушному мнению всех ученых, редактором. Из этого следует, что "Летописец Даниила Галицкого заканчивался 1264 г., годом смерти Даниила Романовича, как за-

---

писного текста (1247 - начало 60-х годов XIII в.) позволяет установить, что он не принадлежит и к своду 1246 г., являясь произведением следующего, более позднего этапа летописной работы" (10. 93).

канчивались со смертью правителя, возможно, взятые за образец, византийские императорские хронографы.

Но это гипотетическая или вероятная граница несохранившегося оригинала "Летописца". Наблюдения над текстом "Галицко-Волынской летописи" за 1260-1264 гг. позволяют точно установить сохранившийся конец жизнеописания Даниила Романовича, то есть выделить его из "Волынской летописи".

Повествование под 1260 г., в котором фигурирует Даниил Романович и которое, несомненно, написано (как и вся вторая редакция) близким ему автором, внезапно обрывается фразой Даниила: "Аще вы будете у мене, вамъ ездети в станы к нимъ, аже ли азъ буду...". Далее - обрыв фразы. Разговор касался приближающегося войска Бурундая и князья обсуждали, как лучше им поступить. Внезапный обрыв незаконченного разговора свидетельствует о грубом вмешательстве следующего, уже владимирского редактора в текст предшественника.

Возможно, он сам, а скорее всего позднейший составитель или переписчик "Ипатьевского летописного свода" почувствовал несогласованность предыдущего - галицкого - и последующего - волынского - текстов и вставил после указанных слов князя Даниила предложение: "По сем же минувшу лету", после чего повествование переключалось на брата князя Даниила - волынского князя Василька Романовича, а через абзац вновь возвращается к сообщению о походе Бурундая. Достаточно сравнить два сообщения под 1260 и 1261 гг., чтобы заметить редакторскую работу над связкой двух текстов. Под 1260 г.: "Татаромъ же приехавшимъ во ятвязе, ята быста посла и прашаше: "Где есть Данило?" Она же отвещаста: "В Милници есть". Онем же рекшимъ, яко: "То есть мирникъ нашь, братъ его воевалъ с нами. Туда идемъ". Сторожем же изминувшимся с ними, они же проидоша ко Дорогычину. Бысть же весть Данилу, послаша Лва и Шварна вонъ и Воло-

димера, река имъ: "Аще вы будете у мене, вамъ ездети в станы к нимъ, аже ли азъ буду ..." Фраза не закончена.

Под 1261 г. помещено новое описание тех же самых событий: "И приде весть тогда Данилови князю и к Василкови, оже Буронда идеть оканный проклятый, и печална бысть брата о томъ велми. Прислалъ бо бяше, тако река: "Оже есте мои мирници, сретьтя мя. А кто не сретить мене, тый ратный мне". Василко же князь поеха противу Бурандаеви со Львомъ, сыновцемь своимъ, а Данило князь не еха с братом, послалъ бо бяше себе место владыку своего Холмовьского Ивана". Обращают на себя внимание некоторые отличительные детали двух повествований. В первом из них князь Даниил выпроводил сына Льва из Владимира, чтобы тому не довелось ехать к Бурундаю, а во втором случае, наоборот, Лев едет к Бурундаю вместе с дядей - князем Васильком. Сменилась и позиция автора, при описании происходящих событий. Если в первом случае Василько фигурирует только как брат "мирника" татар - Даниила Романовича и даже не назван по имени, то во втором - совершенно противоположная картина: "мирниками" названы оба князя, но первенствующее положение занял Василько, Лев назван не как сын Даниила, а как племянник Василька, а Даниил - как брат Василька.

Совершенно очевидно, что владимирский писатель воспользовался концовкой статьи 1260 г. и, развив ее, привязал свой труд к сочинению своего предшественника. Получилось как бы продолжение описания одного события. Правда, некоторую путаницу вносит ремарка "По сем же минувшу лету". И хотя герои одни и те же, но тенденция в их описании круто меняется. Очевидно, что на первый план выдвигается Василько Романович. Хотя и в последующих статьях (1261, 1262, 1264, кроме 1263, которая является фактически продолжением статьи 1262 г.) имя Даниила Романовича встречается, но оно только упоминается в буквальном значении этого слова, а рассказ ведется о Васильке Романовиче Волын-

ском. И здесь следует обратить внимание на две примечательные детали. В "Летописце" князь Даниил всегда стоял на первом месте, когда упоминались он и его брат Василько: "Данило же с братом" (II.838), "Данилови же седшоу с братом" (II.848) и т.д., всегда подчеркивалась главенствующая роль князя Даниила в их братских и союзнических отношениях. В принципе, это вполне объяснимо, поскольку Даниил был старшим братом и лидером в их союзе.

Однако, статья 1261 г. сразу же называет на первом месте Василька, отводя ему, тем самым, главную роль, а Даниил упоминается всего лишь как брат его: "Бяшеть же тогда братъ Василковъ Данило князь со обоима сынома своима..." (II. 847-848). В том же духе изменилось, как говорилось уже выше, и описание истории с Бурундаем.

И другая весьма примечательная деталь. Начиная с 1255 г., то есть со времени коронации, и заканчивая последней статьей "Летописца" 1260 г., Даниил Романович везде на всем протяжении фигурирует как король, а не князь. Но та же статья 1261 г., как видно из только что приведенной цитаты, по-прежнему называет его князем, а не королем. И что самое интересное, на эту тенденциозную деталь обратил внимание более поздний редактор "Галицко-Волынской летописи" (или составитель "Ипатьевского летописного свода"), который зачеркнул в оригинале слово "князь" и написал слово "король" (см. примечание 4, "а" и "б" к столбцу 849). Совершенно очевидно, что интерес повествователя статей начала 60-х гг. круто изменился, и его больше привлекала личность Василька Романовича, нежели Даниила Романовича.

Такая разительная перемена пристрастий не могла произойти у автора второй редакции "Летописца", достаточно зарекомендовавшего себя в своем труде единомышленником и преданным сподвижником князя Даниила. И вряд ли он закончил бы жизнеописание князя Даниила, которого очень любил и уважал, после коронации называл только королем,

и еще при жизни воздавал вполне заслуженную хвалу ему, так скромно, как оно закончено в "Галицко-Волынской летописи": "Княжащу же Войшелькови в Литве, и поча ему помагати Шварно князь, и Василько. Нареклъ бо бящеть Василка отца собе и господина. А король (Даниил – А.У.) бяшеть тогда впалъ в болесть велику, в ней же и скончa животъ свой. И положиша во церкви святе Богородици в Холме, юже бе самъ создалъ. Се же король Данило князь добрый, хоробрый и мудрый, иже созда городы многи, и церкви постави, и украси е разноличными красотами. Бящеть бо братолюбьемь святяся с братомъ своимъ Василкомъ. Сей же Данило бяшеть вторый по Соломоне. Посем же Шварно поиде..." и т.д. уже без упоминания Даниила Романовича (II. 862-863).

Чтобы узнать, кому принадлежат статьи начала 60-х гг., достаточно проанализировать запись под 1264 г., куда, кстати, входит и процитированное сообщение о смерти Даниила Романовича. Во-первых, статья 1264 г. прочно примыкает к предыдущему тексту статей 1261-1263 гг., являясь его продолжением. На это указывает редакторская ремарка в начале текста статьи 1264 г.: "... и оного Остафья уби, оканьнаго, ... о немже переде псахомъ". Об Остафии Константиновиче действительно упоминалось выше, в начале рассказа под 1262 г. Во-вторых, эти тексты связаны между собой единой темой: они воспроизводят последние годы правления великого князя литовского Миндовга, историю его убийства и вокняжение на отчем столе его сына Воишелка. Собственно, под тремя годами помещено одно развернутое повествование, которое гораздо позднее, надо полагать уже при составлении "Ипатьевского летописного свода", было разбито погодной сеткой на небольшие сюжетные отрезки - 1262, 1263, 1264 гг. Конец его, видимо, следует искать под 1268 годом. Скорее всего, это была цельная, сюжетно законченная повесть о литовском княжестве или литовской княжеской династии, близкой Васильку Романовичу.

Датированная годом смерти Даниила Романовича часть ее текста начинается, как мы видели, сообщением о вокняжении Воишелка "во всей земле Литовской" в 1264 г. Затем повествование возвращается на год назад и вспоминается свадьба у брянского князя Романа Михайловича, отдавшего свою дочь Ольгу за князя Владимира Васильковича, сына Василька Романовича. И снова повествователь возвращается к вокняжившемуся в Литве Воишелку, которому оказывали помощь галицко-волынские князья Шварно Данилович и Василько Романович, которого Воишелк назвал себе отцам и господином. Чтобы уточнить и объяснить, почему не король Даниил назван Воишелком отцом, сказано: "А король бяшеть тогда впалъ в болесть велику, в ней же и скончa животъ свои". И следом приводится уже цитированная краткая и скупая характеристика жизнедеятельности Даниила. И вновь повествование возвращается к Воишелку, Шварну, и Васильку, и автор этого текста еще дважды подчеркнул, что Воишелк назвал себе отцом Василька...

Таким образом, о смерти князя Даниила упоминается мимоходом в рассказе о взаимоотношениях нового великого князя литовского Воишелка и галицко-волынских князей Шварно Данииловича и Василька Романовича. Троекратное подчеркивание покровительства Василька Воишелку позволяет видеть в авторе этого повествования близкое владимирскому князю лицо, и приводит к мысли, что этот текст был написан уже после смерти князя Даниила.

Дело все в том, что князь Даниил никогда бы и не смог покровительствовать Воишелку, который в 1258 г. ("Ипатьевская летопись" сообщает об этом под 1260 г.) захватил сына Даниила - Романа и тогда же, видимо, убил его. Даниил отправился в том же году в Литву на поиски сына, но не нашел его. Под 1260 г. "Летописец" открыто называет Воишелка врагом князя Даниила. Между Даниилом и Васильком были настолько дружественные братские отношения, что о разногласиях

между ними не могло быть и речи. Гибель Даниила сына - племенника Василька - естественным образом отразилась обострением отношением между Даниилом и Воишелком, о чем "Летописец" и сообщает под 1260 г. Поэтому текст 1262-1264 гг. не мог появиться при жизни князя Даниила и войти в жизнеописание его. Разногласия в оценке Воишелка в тексте 1260 г. и 1264 г. свидетельствуют о том, что принадлежат они разным авторам, причем не одного круга. Стало быть, текст 1261-1264 гг. был написан не в Холме и не вторым автором "Летописца".

В рассказе 1261-1264 гг. чувствуется совершенно иная ориентация автора, нежели авторов "Летописца", и совершенно иные цели ставил он перед собой. Скорее всего, он и заменил холмский текст своим, и упомянул смерть Даниила только потому, что необходимо было объяснить читателю (скрыв при этом реальную причину), почему не король Даниил, а князь Василько, на которого сориентирован автор, покровительствует Воишелку.

Потому-то последние годы жизни Даниила и не сохранились в "Летописце". Отмеченное автором второй редакции враждебное отношение князя Даниила к Воишелку явно не устраивало владимирского автора (редактора). Отражая видимо изменившееся после смерти брата отношение своего князя к Воишелку, ставшему и союзником Василька и названным сыном, он умышленно заменил окончание "Летописца" на новое, чтобы связать его с тенденцией "Волынской летописи".

Несомненно, что автор второй редакции "Летописца", заканчивая жизнеописание князя Даниила, более подробно описал бы его последние годы жизни и смерть. Следовательно, "Летописец Даниила Романовича" в дошедшем до нас виде заканчивается не годом смерти Даниила Романовича - 1264, а 1260 г., поскольку его окончание заменено владимирским редактором. Поэтому мы предлагаем относить непосредственно к "Летописцу Даниила Галицкого" текст между 1201-1260 гг. включитель-

но[6].

Таким образом, в "Летописце Даниила Галицкого" можно вычленить две редакции: первую, охватывающую события 1201 - начала 1247 гг. (по "Ипатьевскому летописному своду" - 1201-1250 гг.) и вторую, охватывающую события со второй половины 1247 г. по 1260 г. (по "Ипатьевскому летописному своду" - 1251-1260 гг.), конец которой с 1261 г. по 1264 г. не сохранился (но, видимо, имелся в оригинале), составленную сразу же после смерти князя Даниила Романовича. Сообщение о его смерти находится уже в "Волынской летописи" под 1264 г. Таковы, на наш взгляд, хронологические рамки и структура "Летописца Даниила Галицкого".

1 Галицько-Волинський літопис // Жовтень. 1982. № 7.

2 Генсьорский О.І. Галицько-Волинський літопис (процес складання, редакції і редактори). Київ, 1958.

3 Грушевський М. Історія українськоі літератури. - Львів, 1923. Т.Ш.

3а Грушевський М. Хронологія подій Галицько-Волинськоі літописи // Записки Наукоаго товариства Ім. Шевченка. - Львів, 1901. Т.ХІ. - С.1-72.

---

6 К этому же выводу, но путем текстологического анализа Ипатьевского и Хлебниковского списков, приходит и Л.Махновец: "Здесь (то есть в конце 1260 г. - А.У.) ... рассказ прерывается и этим заканчивается "Галицкая летопись"; далее начиначется "Волынская летопись" (І.61).

4 Лимонов Ю.А. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. - Л., 1967.

5 Лихачев Д.С. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского // ТОДРЛ. - М.; Л., 1947. Т.5.

6 Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

7 Лихачев Д.С. Литература трагического века в истории России // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. - М., 1987.

8 Лихачев Д.С. Великий путь. - М., 1987.

9 Орлов А.С. О галицко-волынском летописании // ТОДРЛ. - М.; Л., 1947. Т.5.

10 Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. - М., 1950.

11 ПСРЛ. - СПб., 1908. Т.2: Ипатьевская летопись. Указываются столбцы.

12 Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. - Л., 1940.

13 Романов В.К. Статья 1224 г. о битве на Калке Ипатьевской летописи // Летописи и хроники: 1980. - М., 1981.

14 Ужанков О.М. Про авторський стиль у літературі Давньої Русі // Радянське літературознавство. 1985. № 11.

15 Черепнин Л.В. Летописец Даниила Галицкого // Исторические записки. 1941. № 12.

16 Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV-XVI вв. - М.; Л., 1938.

З.А.Гриценко

ЗАГАДОЧНОЕ "БЪДЫНЪ"

(Об одном разночтении в произведениях о княгине Ольге)

Статья "Загадочное "бъдынъ" уже была опубликована мною [1]. Но специфика журнала не позволила представить научный аппарат, без которого работа кажется усеченной, не дающей полного объема борьбы мнений вокруг этого разночтения. Кроме того за последнее десятилетие опубликованы работы, автор которых вновь обращается к этому действительно загадочному слову [2].

Оно встречается в произведениях о княгине Ольге. И сама личность княгини, и все, что с нею связано, с давних времен и до сего дня привлекают внимание исследователей. И слову "бъдынъ" посвящено не меньше статей, нежели, допустим, путешествию Ольги в Царьград. Его мы находим в завещании Ольги сыну своему Святославу, который, похоронив мать, должен был "с землею равно погрести ю, а могылы не соути, ни тризны творити, ни бдына деяти".

Посмотрим, как бытует это слово в наиболее распространенных проложных житиях княгини. Для большей убедительности приведу найденные мною примеры, расположив их по времени составления "Прологов", а также по типам разночтений в них. Самый ранний найденный мною список „Жития Ольги" (ХШ-ХIУ вв.) содержит такой текст завещания: "... и призва сына своего Святослава, заповеда моу погрести ся

---

[1] Гриценко З.А. Загадочное "бъдынъ" // Русская речь. 1978. № 6. - С.107-109.

[2] Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - М., 1981. - С.279; Он же. Язычество древней Руси. - М., 1987. - С.389.

съ землею равно, а многи не соути, но посла злато к патриарьхоу Царяграда..." (ГПБ, Q.п,I,63).

В "Прологах" XIУ-XУ вв. в этой фразе появляется новое слово. "Пролог" XIУ-XУ вв. (ГПБ, СПб. ДА.А, I.264, т.2): "... а могылы не сыпати, ни тризна творити, ни годины деяти". "Пролог" XУ в. (ГБЛ, ф.37, № 188): "... а могилы не сыпати, ни тризна творити, ни годины деяти". "Пролог" XУI в. (ГПБ, собр. Михайловского, F,273): "... а могилы не забывати, ни годины деяти".

В более поздних "Прологах" это слово читается усеченным, без первого слога. "Пролог стишной" исхода XУ - начала XУI в. (ГИМ, собр. Уварова, № 688): "... а могилы не соути, ни творити, ни дьна деяти". "Пролог" начала XУI в. (ГПБ, ОЛДП, F, 475): "... ни дина деяти". "Пролог" XУI в. (ГИМ, собр. Уварова, № 693): "... а могылы не съсыпати, ни тризнъ творити, ни дыны деяти". "Пролог" XУI в. (ГИМ, собр. Уварова, № 679): "... а могилы не оути, ны творити, ни делы деяти". "Пролог" XУП в. (ГИМ, собр. Вахрамеева, № 349): "...а могилы не сыпати, ни тризн творити, ни дыни деяти".

Далее на месте слова "година" появляется "бдын" или его варианты. "Пролог" 1562 г. (ГБЛ, ф.304, № 724): "... а могилы не сути, ни тризна творити, ни бьды деяти". "Пролог" XУI в. (собр. Барсова, № 728 - указан Улухановым И.С.): "... бедына". "Пролог" второй половины XУI в. (ГБЛ, ф.354, № 20): "... а могилы не соути, ни тризнъ творити, ни бдына деяти".

В некоторых "Прологах" слова "година", "бдын" вообще опускаются или заменяются новыми, близкими по смыслу или начертанию. "Пролог" XУ в. (ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 304): "... а могилы не соути, ни тризнъ творити, ни надеятися". "Пролог" второй половины XУ в. (БАН, Арх.Д.,№8): "... а могилы не сыпати ниедина". "Пролог" XУI в. (БАН, собр. Никольского, № 267): "... а могилы не соути, ни

тризъна творити, ни дела деяти". "Пролог" конца ХУI - нач. ХУП в. (ГБЛ, ф.37, № 194): "... а могилы не сыпати, ни тризны творити, ни плакатися".

Кроме названных есть еще пример из "Жития Ольги", взятый из "Пролога" ХУ в. и указанный А.Х.Востоковым [3]. Мною этот "Пролог" не обнаружен.

Анализ наличия этого разночтения в проложных статьях показывает, что выражение "ни бъдына деяти" появилось в рукописях с ХУI в. В "Прологах" ХIУ-ХУ вв. встречается "ни година деяти". Самый ранний список "Жития Ольги" вообще не содержит этого выражения, которое стало предметом изучения и толкования для историков, археологов, лингвистов, литературоведов.

Одни исследователи без тени сомнения объясняют это слово как языческий надгробный памятник. Другие с некоторой осторожностью присоединяются к их мнению [4]. Третьи выдвигают свои гипотезы, более или менее убедительные [5]. Например, Л.Нидерле истолковывает это

---

[3] Востоков А.Х. Словарь церковно-славянского языка. - СПб., 1959. Т.I. - С.33.

[4] Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. - М., 1868. - С.118-120, 224; Гальковский Н.М.Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. - Харьков, 1916. Т.I. - С.75; указанный словарь Востокова А.Х.; Соболевский А. Из истории словарного материала // Русский филологический вестник. 1911. Т.65, вып.2. С.209-410; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. - М., 1964. Т.I. - С.141.

[5] Нидерле Л. Славянские древности. - М., 1956. - С.212, примеч. Близок к мнению Л.Нидерле: Трубачев О.Н. Следы язычества в славянской лексике // Вопросы славянского языкознания. - М., 1959.

слово как "бдение и связанные с ним элегии над умершим". Некоторые словари включают его в свой состав и приводят варианты [6].

Наиболее подробный и обстоятельный анализ слова дан в статье И.С.Улуханова "Древнерусское бъдынъ" [7]. Здесь же рассмотрены различные точки зрения по этому вопросу. И.С.Улуханов считает, что "... слово было образовано безаффиксным способом от глагола "бъдынити"... и означает действие по этому глаголу. Последний в свою очередь был образован от глагола "бъдети" с помощью суффикса "-ын(и)ти" ... [8] Если взять данное слово вне контекста, то с выводами И.С.Улуханова нельзя не согласиться. Но... обратимся к контексту, который часто останавливал исследователей, заставлял задуматься.

Занимаясь реконструкцией "Начального свода", сравнивая летописную и проложную повесть об Ольге, А.А.Шахматов обращает внимание на сходные в повести и летописи фразы, говорящие о погребении Ольги. Естественно, что его внимание сосредоточено на слове "бъдын" (вар.: „дын", „година"). А.А.Шахматов пишет: "Чтение "ни бъдына деяти" (нам

Вып.4. - С.132; Ильинский Г.А. Славянские этимологии//ИОРЯС, 1921. Т.23, кн.2. - С.202-205; Потебня А.А. Этимологические заметки// Живая старина. 1891. Вып.3. С.117; Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. - М., 1915. - С.27.

[6] Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. - СПб., 1893. Т.I. Стб.47; Словарь русского языка XI-XVII вв. - М., 1975. Вып.I. - С.84; Этимологический словарь славянских языков. - М., 1976. - С.112-113.

[7] Историческая грамматика и лексикология русского языка: Материалы и исследования. - М., 1962. - С.196-200.

[8] Там же. - С.200.

непонятное) указывает, конечно, на древность редакции. Впрочем, признать дошедший до нас текст проложной статьи первоначальным мы не можем" [9]. Точку зрения А.А.Котляревского о слове "бъдын" как названии надгробного памятника А.А.Шахматов считал неубедительной.

Уже в наше время, описывая способы погребения древних славян, Б.А.Рыбаков кратко разъясняет значение слова "бдын" как столп, "небольшая деревянная домовина", которая строилась над местом захоронения [10]. Позже ученый высказал предположение, что бдын - это языческое сооружение, а его наследием в христианстве "являются северно-русские (часто старообрядческие) надмогильные памятники, представляющие собою не кресты, а простые массивные столбы ("голбцы") с небольшой двускатной кровлей наверху и иконкой" [11]. Но почему, если сохранился, пусть даже частично изменившись, внешний вид сооружения, не сохранилось, не получило широкого распространения слово, его называющее? Почему оно встречается только в произведениях об Ольге?

Правда, похожая фраза есть в "Житии Константина Муромского" (ГБЛ, ф.256, № 364). Сравним - "Житие Ольги: "... а могылы не соути, ни тризнъ творити, ни бдына деяти"; "Житие Константина Муромского": "... а могилы верхъ холмом не сыпаху, но равно с землею, ни тризнища, ни дымы(ни), ни битвы, ни кожи крояния, ни лицедрания, ни плача безмерного не творяху". Н.И.Серебрянский указывает на то, что большая часть содержания "Жития Константина Муромского" была заимствова-

---

9 Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - СПб., 1908. - С.115.

10 Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. - С.279.

11 Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. - С.389.

на из сторонних агиографических сочинений" [12] . Думается, что одним из таких сочинений и было проложное "Житие княгини Ольги". Автор "Жития Константина Муромского" не случайно читал его. Константин обратил в христианство жителей города Мурома. Он - продолжатель дела Ольги. И, безусловно, сочинение об Ольге служит образцом для автора ХУI в. Но новейшее исследование Б.А.Рыбакова показывает, что слово "дымы" здесь имеет иное значение, нежели "бъдын" [13] . Таким образом, правильнее считать поздние списки проложного "Жития Ольги" единственным памятником, где употребляется слово "бъдын".

Мне кажется, что слова "бьда", "бъдынъ", "дын" возникли в результате ошибки переписчика из слова "година". Это слово более раннее и чаще повторяющееся. Очевидно, в дефектном, неясно писанном тексте писец прочел вместо первого слога "го" - "б" и, не вдаваясь в подробности, в смысл, переписал его в свой текст. Таким образом, из "година" получилось "бдина". А к ХУП в. это непонятное "бдин" стало варьроваться в написании (бдын, бъдынъ, бьда, бедын) или заменяться другими, вполне понятными и подходящими по смыслу словами (плакатися). Если бы данное слово было в активном употреблении в древнерусском языке и его значение понималось пищущими, не было бы такого большого количества разночтений и некоторых исправлений в тексте, свидетельствующих о непонимании этого слова.

Слово "година" - "время церковной службы и церковная служба" [14]

---

[12] Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. - С.237; см. также: Мисаил. Святый благоверный князь Константин Муромский и Благовещенский монастырь, где почивают его мощи // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. - Владимир, 1906. Кн.УШ.

[13] Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. - С.89.

[14] Словарь русского языка XI-ХУП вв. - М., 1977. Вып.IУ. - С.56.

было исконным в данном разночтении. Ольга просит сына не сыпать могилу, не творить тризну и церковную службу по ней, то есть не совершать ни языческих, ни христианских обрядов. И если эта фраза будет принята именно в таком прочтении, то станет понятным и замечание летописца о том, что Ольга была похоронена своим священником тайно.

Кроме того, исследователи-палеографы отмечают, что к XVI в. полуустав эволюционировал в сторону скорописи и буква "б" писалась в два приема с верхней горизонтальной чертой. При наличии буквы такого начертания вполне возможна замена "го" на "б". Поэтому вероятнее всего "бъдынъ" не гаппакс, а слово, возникшее при невнимательности переписчика [15].

---

[15] Предположение: не получилось ли искажение "бъдынъ" в "Прологах" XVI в. под воздействием географического названия "Бъдынь" из "Хроники" Манассии, которая стала известна на Руси с начала XVI в.? В приписках на полях "Хроники", перешедших и в русский извод, название "Бъдынь" упоминалось дважды: "... начашту блъгаре поемати земя сиу, прѣшедьше у Бъдынѣ", "и прѣять Бъдынь, и Плиску, и Великы Пряславь, и Малыи, и прочяу градови многы" (Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Подгот. текстов М.А.Салминой; словоуказатели О.В.Творогова. - София, 1988. - С.229, 234). Требуются педантичные текстологические сопоставления.

В.И.Стеллецкий

РИТМИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД "ЗАДОНЩИНЫ" *

СЛОВО О ВЕЛИКОМ КНЯЗЕ ДМИТРИИ ИВАНОВИЧЕ И О БРАТЕ ЕГО КНЯЗЕ ВЛАДИМИРЕ АНДРЕЕВИЧЕ, или ЗАДОНЩИНА

Писание Софонии Рязанца.

(ВСТУПЛЕНИЕ)

I 1 Сойдемся,[1] братья и други, сыны русские!
Подберем слово к слову,
возвеселим Русскую землю,
низвергнем печаль в восточные страны, страны Симовы,
возгласим над поганым царем Мамаем победу,
а великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его, князю Владимиру Андреевичу, славу

---

* Известный переводчик "Слова о полку Игореве" доктор филологических наук В.И.Стеллецкий после своей смерти в 1985 г. оставил довольно большой неразобранный архив неопубликованных работ, в том числе ритмический перевод "Задонщины" с примечаниями. Среди многочисленных вариантов перевода, предоставленных вдовой автора М.А.Стеллецкой, для данной публикации выбраны наиболее поздние списки - перевод 1973 г. и примечания 1959 г. Практическая переводческая работа у В.И.Стеллецкого, по-видимому значительно опережала работу комментаторскую.

и поведем таковы речи:
"Лучше нам, братья, начать сказывать на иной лад,
начать сказывать по делам да по былям,
по славным, по нынешним сказаниям
о походе великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его, князя Владимира Андреевича,
правнуков святого великого князя Владимира Киевского".

П Но унесемся мыслию по землям Русским,
помянем первых лет времена,
восславим вещего Бояна, в Киеве гораздого гусляра.
Тот вещий Боян возлагал искусные свои персты на живые струны,
возглашал русским князьям славу:
первому великому князю киевскому Игорю Рюриковичу,
великому князю Владимиру Святославичу,
великому князю Ярославу Владимировичу.

Ш Мы же восславим песнями и гуслей высокими звонами
великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его, князя Владимира Андреевича,
ибо у них были мужество и ревность за землю Русскую и за веру христианскую.

(I. СБОРЫ НА БИТВУ)

IУ Князь великий Дмитрий Иванович
и брат его, Владимир Андреевич,
напрягли ум волею своею,

поострили сердца свои мужеством,
исполнились ратного духа,
урядили себе храбрые полки в Русской земле,
помянули прадеда своего, князя Владимира Киевского.

У
Жаворонок-птица, красных дней утеха!
Взлети под синие небеса,
посмотри на могучий град Москву,
воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его, князю Владимиру Андреевичу.
То ли не буря со́колов занесла из земли Залесской в поле Половецкое!

УI
Кони ржут в Москве,
трубы трубят в Коломне,
в бубны бьют в Серпухове,
звенит слава по всей земле Русской!
Как чудо, реют стяги на береге, у Дона великого,
плещут хоругви узорчатые,
светятся панцыри золоченые, -
звонят колокола вечевые в Великом Новгороде,
стоят мужи-новгородцы у святой Софии, молвя:
"Уже нам, братья, к великому князю Дмитрию Ивановичу на пособь не поспети!"

УП
Тогда орлы слетелись со всех ~~со всех~~ полуночных стран,
но то не орлы слетелись,
съехались князья русские к великому князю Дмитрию Ивановичу

и брату его, князю Владимиру Андреевичу,
говоря таковы речи:
"Господин наш, князь великий!
Уже поганые татары на поля на наши наступают
и вотчину нашу у нас отнимают,
стоят между Доном и Днепром, на реке на Мече.
И мы пойдем, господин, за быструю реку Дон,
добудем землям Русским Диво,
сотворим для старых сказание,
для молодых поучение
и храбрецов своих испытаем
за землю Русскую и за веру христианскую".

УШ Молвил им князь великий Дмитрий Иванович:
"Братья мои милые, князи русские!
Гнездо мы великого князя Владимира Киевского,
не на обиду мы были ро́ждены
ни соколу, ни кречету, ни черному ворону,
ни поганому Мамаю".

IX О соловей, летняя птица!
Кабы ты, соловей, своим щекотом во́спел славу великому
князю Дмитрию Ивановичу,
и брату его, князю Владимиру Андреевичу,
и двум братьям Ольгердовичам из земли Литовской,
Андрею и брату его Дмитрию,
да Дмитрию Волынскому.
Они - сыны храбрые,
кречеты в ратное время,

испытанные полководцы,
под трубы пови́ты,
под шеломами взлелеяны,
концом копья вскормлены в Литовской земле!

X И молвил Андрей Ольгердович брату своему Дмитрию:
"Мы с тобою два брата, сыновья Ольгердовы,
внуки Гедиминовы,
правнуки Скольдимеровы.
Соберем себе дружину милую, панов удалой Литвы,
храбрых удальцов,
сядем на своих борзых ко́ней,
посмотрим на стрежень быстрого Дона,
изопьем, брат мой, шеломом воды быстрого Дона,
испытаем мечи свои литовские
о шеломы татарские,
а копья немецкие о кольчуги басурманские".

XI И сказал ему Дмитрий:
"Не пощадим, брат Андрей, жизни своей за землю Русскую,
за веру христианскую,
за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!
Уже стук стучит,
гром гремит в каменном граде Москве;
то не стук стучит,
не гром гремит -
стучит могучая рать великого князя Дмитрия Ивановича,
гремят удальцы русские золочеными доспехами, чермными
щитами.

Седлай, брат Андрей, своих борзых коней,
а мои готовы, вперед твоих оседланы!
Выедем, брат мой, в чистое поле и посмотрим на свои полки!"

(II. В ПОЛЕ ПЕРЕД БИТВОЙ И УДАЧА ТАТАР)

XII Вот поднялись буйные ветры с моря к устьям Дона и Днепра,
пригнали тучи великие на Русскую землю.
Из тучи выступили кровавые зори,
а в них трепещут синие молнии.
Быть великому стуку и грому между Доном и Днепром!
Полечь роду человеческому на поле Куликовом,
пролиться крови на речке Непрядве!

XIII Вот заскрипели телеги татарские между Доном и Днепром,
идет Хинова на Русскую землю!
Прибежали серые волки от устьев Дона и Днепра,
столпившись, воют на реке на Мече,
хотят ринуться на Русскую землю!
То не волки серые были,
то пришли поганые татары,
хотят войною пройти по всей земле Русской!
Тогда гуси загоготали на речке на Мече,
лебеди крылами восплескали.
Но то не гуси загоготали,
и на лебеди крылами заплескали -
поганый Мамай на Русскую землю пришел
и воинов своих привел.

XIУ А уже беды их сторожат птицы крылатые,
в подоблачьи летают,
во́роны без умолку каркают,
галки речью своей говорят,
орлы кличут,
грозно волки воют,
брещут лисицы, кости-поживу чуя.
О Русская земля! Уже за хо́лмами ты!

XУ Тогда соколы и кречеты и белозерские ястребы
оторвались от златых насестов, -
из каменного града Москвы
взвились под синие небеса;
зазвенели своими золочеными колокольцами
над быстрым Доном,
хотят налететь на несметные стада гусиные и на лебединые,
а богатыри, удальцы русские, ударить хотят на великие
рати поганого царя Мамая.
Тогда князь великий вступил в золотое стремя,
взял свой меч в правую руку
и помолился богу и пречистой его матери.
Солнце ему ясно сияет на востоке и путь кажет.

XУI Что там шумит, что гремит рано перед зорями?
Князь Владимир Андреевич полки ставит и перестраивает
и ведет их к Дону великому.
И молвил он брату своему:
"Князь Дмитрий, не послабляй, князь великий, татарам,
уже ведь поганые на поля русские наступают, отнимают
отчину нашу!"

ХУII Молвил князь великий Дмитрий Иванович:
"Брат мой, князь Владимир Андреевич! Мы ведь с тобою два брата,
внуки великого князя Владимира Киевского,
воеводы у нас надежные,
дружина у нас испытанная,
имеют под собой они борзых коней,
а на себе доспехи золоченые,
и шеломы черкесские,
и щиты московские,
и дроты немецкие,
и копья фряжские,
и мечи булатные.

ХУШ А дороги им ведомы,
перевозы для них ставлены,
пылко хотят они головы свои положить за землю Русскую и за веру христианскую,
духом взмывают, что живые хоругви,
ищут себе чести и славного имени!

XIX Уже те соколы и кречеты и белозерские ястребы
быстро за Дон перелетели,
ударили на несчетные стада гусиные
и на лебединые.
Но то не соколы и не кречеты -
через Дон перевезлись и налетели сыны русские
на могучую рать татарскую
и ударили копьями ворочеными о доспехи татарские.

Загремели мечи булатные
о шеломы басурманские
на поле Куликовом,
на речке Непрядве.

XX Над полем Куликовым сшиблись грозные тучи,
а из них непрестанно сверкали синие молнии
и гремели громы великие!
Сшиблись в сече русские сыны с погаными татарами
за свою великую обиду,
а на воинах русских сверкают доспехи золоченые,
гремят князья русские мечами булатными о шеломы татарские!

XXI Не туры рано поутру взревели у Дона великого,
на поле Куликовом,
вскричали князья русские, бояры, воеводы и воины
великого князя Дмитрия Ивановича,
побитые, порубленные погаными татарами!

XXII Пересвета-чернеца, брянского боярина, привели на бранное поле, на судное место;
молвит Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу:
"Государь князь Дмитрий Иванович,
лучше нам зарубленными быть,
чем в полон угодить к поганым татарам".
Пересвет поскакивает на коне своем борзом,
золочеными доспехами посвечивает,
свистом поле перегородил
и молвил сие слово:

"Ладно тут, брат мой, старому помолодеть,
а молодому чести добыть,
плеч удалых испытать!"
И сказал ему брат его, Ослябя-чернец:
„Брат Пересвет, вижу раны на теле твоем тяжкие,
пасть голове твоей на сырую землю, на белый ковыль,
а сыну моему Иакову лежать на ковыль-траве,
на поле Куликовом,
у речки Непрядвы,
за веру христианскую
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!"

XXIII А по Рязанской земле в эту пору у Дона ни пахари, ни пастухи не кличут,
лишь кукушки кукуют,
да вороны без умолку каркают,
кровавой поживы поджидают.
И было грозно и жалостно все это видеть,
ибо ковыль-трава кровью полита была,
а деревья с тоскою к земле приклонились!

(Ш. ПЛАЧ РУССКИХ ЖЕН)

XXIУ Запели птицы жалостные песни,
заплакали княгини и боярыни
и жены воевод убиенных.

XXУ Микулина жена Марья Дмитриевна
плакала на заре рано у града Москвы на стене Кремля, причитая:

"Дон мой, Дон, быстрая река!
Ты прорыла горы каменные,
прошла всю землю Половецкую -
прилелей моего государя ко мне, Микулу Васильевича!

ХХУI И плакала Тимофея жена, Тимофея Валуевича, Федосья, так причитая:
"Вот уже веселие мое поникло
в славном граде Москве,
уже не вижу в живых государя своего, Тимофея Валуевича!"

ХХУП Андреева жена Марья
да Михайлова жена Оксенья
рано поутру плакали:
"Вот уже обеим нам солнце померкло во славном граде Москве!
С быстрого Дона к нам по́лымем повеяли огненные вести,
принеся беду великую:
сошли удальцы русские со своих борзых ко́ней
на судное место на поле Куликовом!"

ХХУШ Стонут Диво под саблями татарскими,
а русские богатыри, раненные тяжко:
утром на заре щуры запели жалостные песни у Коломны-града, на стенах кремля.
То не щуры запели на заре жалостные песни,
заплакали жены коломенские,
говоря сие слово:
"Москва, Москва, быстрая река!

Зачем занесла ты от нас мужей наших в землю Половецкую?
Можешь ли, господин наш, князь великий,
веслами Днепр преградить,
а Дон шеломами вычерпать,
а Ме́чу трупами татарскими запрудить?
Замкни, князь великий, Оке ворота,
чтобы поганые и после к нам не бывали!
Уже устали мужья наши от сечей!"

(IУ. ПОБЕДА РУССКИХ И КОНЕЦ БИТВЫ)

XXIX Разогнав коня, князь Владимир Андреевич
поскакал на рати поганых,
золотым шеломом посвечивая.
Гремят мечи булатные о шеломы татарские!

XXX И восхвалил князь Владимир Андреевич брата своего:
"Брат мой, князь Дмитрий!
Ты нам железное щит-забороло в злое, тяжкое время!
Не промедли, князь, со своими великими полками,
не потакай лихим крамольникам,
вот уже поганые на наши поля наступают
и хоробрую дружину нашу побивают.
Средь трупов человечьих борзые кони не могут скакать,
в крови по колено бродят.
Уже, брат мой, жалостно глядеть на кровь христианскую!"

XXXI И сказал князь Дмитрий своим боярам:
"Братья, бояре, и воеводы, и дети боярские!

То ведь, братья, не наши московские сладкие меды и знатные места,
здесь добудете знатные места себе и своим женам.
Тут надобно старому помолодеть,
а молодому чести добыть!"

XXXII Тут, как соколы, полетели они на быстрый Дон!
То не соколы полетели за быстрый Дон,
за Дон скачет князь Дмитрий со своими полками, со всей ратью.
И сказал князь Дмитрий: "Брат мой, князь Владимир!
Тут-то испить нам медвяной круговой, почетной чары!
Наскочим, брат мой, со своими полками могучими на рать поганых!"

XXXIII Тогда князь в бранное поле вступает,
гремят мечи булатные о шеломы хи́новские!
Поганые прикрыли головы руками своими,
уже поганые быстро назад отступили!
Стяги плещут - поганые бегут!
Русские сыны широкие поля кликом огородили
и золочеными доспехами осветили!
Уже стал тур к обороне!

XXXIУ Черна земля под копытами костьми была засеяна,
а кровью полита была.
Могучие полки сшиблись в сече,
потоптали луга и хо́лмы,
замутили реки и озера;

кликнуло Диво из Русской земли -
послушать велит дальним землям;
грянула слава к Вратам Железным,
к Риму, и к Каффе, и к Тырнову через море,
а оттуда к Цареграду
на похвалу русским князьям:
Русь великая одолела Мамая на поле Куликовом!

ХХХУ Тут князь полки поганых вспять поворотил
и начал рубить их нещадно, страх на них нагоняя,
пали князья их с ко́ней.
Русские сыны засеяли поля трупами татарскими,
и реки кровью потекли.

ХХХУI Тут поганые врассыпную бросились,
порознь бегут неторенными дорогами к Лукоморью,
скрежеща зубами своими,
раздирая лица свои, так причитая:
"Нам уже, братья, в земле своей не бывать,
детей своих не видать
и жен своих не ласкать,
а ласкать нам сыру зе́млю,
целовать нам зелену траву;
и на Русь нам ратью не хаживати,
и дани у русских князей не прашивати!"

ХХХУП Уже застонала земля татарская,
бедами и кручиной покрывшись,
тут приуныло царей их веселие,

а похвальба и желание на Русскую землю ходить поникли.

XXXVIII Вот уже сыны русские захватили татарские узорочья и доспехи,
гонят коней, волов и верблюдов;
вино, сахар, серебро и злато,
шелка, парчи и жемчуг
везут женам своим.
Вот уже русские жены зазвенели татарским золотом!

XXXIX А по Русской земле по градам и весям повсюду веселье и радость!
Вознеслась над бесчестьем поганых Русская слава!
Уже Диво сошло к нам в Русскую землю.
А князя великого грозы текут по всей земле.

XL Стреляй, князь великий, по всем землям!
Стреляй, князь великий, со своею храброй дружиною в поганого Мамая-хиновина
за землю Русскую, за веру христианскую!
Уже поганые оружие свое побросали,
а головы свои преклонили под мечи русские!
Трубы их не трубят, приуныл глас их!

(З А К Л Ю Ч Е Н И Е)

XLI И выскочил поганый Мамай серым волком из своей дружины
и побежал к городу Каффе.
И молвили ему люди фряжские:

"Почему ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю?
Побила тебя рать Залесская!
А не быть тебе подобным Батыю-царю!
У Батыя-царя было четыреста тысяч воинов,
прошел он войной всю Русскую землю
и полонил ее от востока до запада!
А наказал тогда бог Русскую землю за согрешение!
И ты пришел, царь Мамай, на Русскую землю со многими полками,
с девятью ордами,
с семьюдесятью князьями!
А ныне бежишь сам-девят к Лукоморью,
не с кем тебе зиму зимовать в поле!
Иль тебя князья русские искусно попотчевали,
коли нет с тобой ни князей, ни воевод?
Или они допьяна упились на поле Куликовом на ковыль-траве?
Так беги же, поганый Мамай, и от нас восвояси!"

XLП Стал великий князь Дмитрий Иванович со своим братом,
с князем Владимиром Андреевичем,
и с остатними своими воеводами на костях,
на поле Куликовом,
на речке Непрядве.
Грозно и жалостно, братья, было в то время смотреть,
как лежат тела христианские
на берегу Дона великого,
будто сена стога!
А Дон-река три дня кровью текла!

XLIII Молвил князь великий Дмитрий Иванович:
"Братья, князья, и бояре, и дети боярские!
Это вам судное место между Доном и Днепром
на поле Куликовом,
на речке Непрядве;
положили вы головы свои за землю Русскую,
за веру христианскую,
за святую церковь!
Простите меня, братья,
и благословите в веке этом и в будущем!
Поедем, брат мой, князь Владимир Андреевич,
во свою землю Залесскую,
во елавный град Москву
и сядем, брат, на своем княжении!
А чести мы, брат, добыли и славного имени!"
Богу нашему слава!

1941-1973

ПРИМЕЧАНИЯ

В начале 1941 г., высоко оценив реконструированный текст С.К.Шамбинаго [1], я свой первый перевод "Задонщины" сделал с этого текста. После того как были найдены в Историческом музее, в начале сороковых годов, новые подлинные списки "Задонщины", был опубликован второй реконструированный текст С.К.Шамбинаго (1947 г.), который однако нельзя признать удачным, а в 1948 г. появилась вторая реконструкция В.П.Адриановой-Перетц, наиболее основательная из всех работ подобного рода. По ее предложению в 1953 г. был проделан новый перевод "Задонщины". Однако и этот новый реконструированный текст В.П.Адриановой-Перетц потребовал поправок, которые и были предложены Н.К.Гудзием.

Свой второй перевод "Задонщины" я сделал, положив за основу текст, реконструированный В.П.Адриановой-Перетц. Однако, по ее же совету, я отнесся к нему критически, принял поправки Н.К.Гудзия, привнеся в него некоторые поправки из реконструкций С.К.Шамбинаго, которые считал необходимыми. Критерий для критики текста В.П.Адриановой-Перетц был мне дан ею самою, а именно художественное совершенство произведения, которое можно восстановить на основе подлинных списков, так как художественная сторона произведения Софонии в первую очередь должна была пострадать вследствие неисправности дошедших до нас списков.

Те случаи, в которых текст, принятый мною, расходится с текстом Н.К.Гудзия, я оговариваю в нижеследующих примечаниях. При установлении текста мною принимались во внимание все списки "Задонщины", но

---

[1] Шамбинаго С.К. Повести о Мамаевом побоище. - СПб., 1906. - С.120-128.

за основу был взят, как это было сделано и В.П.Адриановой-Перетц во второй ее реконструкции, список Государственного исторического музея № 2060 как наиболее исправный.

Моею задачей как переводчика являлось дать художественный перевод "Задонщины", максимально точный в смысловом и в ритмическом отношении достаточно чистым современным литературным языком, сохраняющим все наиболее характерные стилистически значимые особенности оригинала. В этих целях я считал необходимым оставить некоторые самые характерные лексические и частично морфологические особенности подлинника. В реконструированном древнерусском тексте мною обнаружено свыше 380 ритмико-синтаксических единиц. Поскольку мы имеем дело в "Задонщине" с очень неисправными списками или с реконструированным текстом, говорить о точном количестве ритмико-синтаксических единиц в ее тексте не приходится. Но сам факт объективного членения текста "Задонщины" на ритмико-синтаксические единицы представляется несомненным. Ритмико-синтаксические единицы в тексте "Задонщины" были выявлены мною с помощью того же самого метода и тех же критериев, как это было мною найдено в тексте "Слова о полку Игореве" [2].

В композиционном отношении "Задонщина" состоит из вступления, четырех частей и заключения, которые выделены мною в моем переводе. Так же, как и "Слово о полку Игореве", текст "Задонщины" представляет собой своеобразную "мозаику" из сорока трех строф, связанных между собой по содержанию, а также и в ритмическом отношении. Почти точное совпадение количества строф, имеющихся в моем переводе, т.е. стало быть, в реконструированном тексте "Задонщины", с количеством строф,

---

[2] См.: "Слово о полку Игореве" / Под редакцией В.Ф.Ржиги. - М., 1959. Поэтические переложения и переводы Б.Д.Кузьминой и В.И.Стеллецкого.

найденных в "Слове о полку Игореве" (а именно 44) является, естественно, совершенной случайностью.

Строка 5. Точным переводом слов "воздадим поганому Мамаю побѣду" является "возвестим беду Мамая", слово "побѣда" не имеет значения "победы" в современном языке, а значение "беды", "несчастья", в таком значении это слово нередко встречается в причитаниях, например:

Вдруг поднялася погода непомерная -
Призавияли тут буйны столько ветрышки,
Потопило всех победных головушек...

Слово "царем" вставлено в первой реконструкции С.К.Шамбинаго.

Строка 30. "Крѣпостию". Барсов указывает, что "на дружинном языке крепость, как и мужество, были выражениями храброго духа; мужество было проявлением геройски, мужески, настроенного сердца; крепость же считалась доблестию того же сердца, но под воздействием ума и воли: она была стойкостью противостоять долгое время..." ("Слово о полку Игореве". М., 1889. Т.Ш. Стр.413). Во многих древнерусских текстах наиболее точно данное слово передают современные слова "стойкость" и "сила", однако в тексте "Слова о полку Игореве" "истягу умь крѣпостию своею" слову "крѣпость" наиболее соответствующим оказывается современное слово "воля", то же и в "Задонщине".

Строки 30-31. "Истягнувше умъ свой крѣпостию и поостриша сердца своя мужством". В качестве образа внутренней подготовки к походу и битве в "Задонщине", вслед за "Словом о полку Игореве", возможно, имелся в виду процесс подготовки холодного оружия к бою, именно натачивая его. "Истягнувше умъ" - "напрягали ум", подобно тому как оттягивают затупившееся остальное лезвие перед натачиванием его.

Строки 41-44. Порядок предложений, принятый в данной редакции текста, более упорядоченный в синтаксическом и ритмическом отношени-

ях, имеющийся в Кирилло-Белозерском и в Синодальном списках, был принят С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции (1906), очень удачной в художественном отношении.

Строки 46-47. Эти строки сохранились только в Кирилло-Белозерском списке ("пащутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри злачены"). Хотя В.Ф.Ржига признает пространную редакцию первоначальной, а краткую редакцию (Кирилло-Белозерского списка) более поздней, сокращенной из пространной редакции, он однако указывает, что большая древность Кирилло-Белозерского списка дает возможность найти в нем отдельные места, улучшающие чтение текста, причем некоторые из них В.Ф.Ржига перечисляет, но далеко не все, - к ним, полагаю, относятся и эти строки. С.К.Шамбинаго сохраняет их в обеих своих реконструкциях.

Строка 49. При переводе этого предложения сохраняю точный порядок слов текста Кирилло-Белозерского списка, как более близкого к подлинному, первоначальному тексту "Слова Софония", так как при этом порядке слов сохраняется ритм. Несомненно подлинное "Слово Софония" было более ритмично, чем последующие неисправные списки, ведь оно испытало непосредственное влияние "Слова о полку Игореве"!

Строка 60. В подлиннике "укупимъ землямъ диво"; "укупимъ" - добудем, "землямъ" - здесь, несомненно, русским землям; "диво" - чудо; см. также примечания к строкам 243 и 336.

Строка 66. По соображениям, высказанным в предыдущих примечаниях, перевожу эту строку согласно Кирилло-Белозерскому списку.

Строка 96. Сохраняю порядок слов текста Синодального списка ("не пощадим, брате"), принятый С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции ("не пощадим, брате").

Строка 108. Пропускаю в переводе следующую за 107-й строку, так так она представляет собой, скорее всего, позднейшую интерполяцию

(вставку), как полагал С.К.Шамбинаго, опустивший ее в обеих своих реконструкциях. Ведь Софония написал поэтическое произведение, в котором приводить цифровые данные было неуместно. Но если б даже эта строка принадлежала Софонию, он мог приписать ее только в виде справки или примечания к тексту своей поэмы, каковым она и ощущается читателем. Согласно технике письма XIУ в., Софония не имел возможности поместить свое примечение отдельно, подстрочно или в конце книги, как это делаем мы в настоящее время.

Строка 109. Согласно Кирилло-Белозерскому списку,"ис тучи выступи". Именно так реконструирует текст С.К.Шамбинаго в своей первой реконструкции.

Строка 111. Согласно Кирилло-Белозерскому списку эта строка читается следующим образом: "Быть стуку и грому велику межю Доноmь и Нѣпромь", вставка здесь после слова "грому" слов "на рѣчѣки Непрядвѣ" при наличии их в 113-й строке ощущается случайной. Так полагал и С.К.Шамбинаго при создании обеих своих реконструкций.

Строка 114. Эпитет "татарские" восстанавливается по Синодальному списку, в других списках явно ощущается пропуск этого эпитета. С.К.Шамбинаго восстанавливает его в обеих своих реконструкциях.

Строка 115. Хинова - здесь татаро-монголы, это слово восходит к тексту "Слова о полку Игореве", где оно означало половцев.

Строка 126. Принят порядок слов текста Ундольского, при котором сохраняется ритм, а поэтому этот порядок слов представляется естественным и первоначальным.

Строка 135. Хотя во всех полных списках "Задонщины" имеется слово "царем", безусловно следует считать его позднейшей вставкой. Софония, несомненно, здесь воспользовался рефреном из "Слова о полку Игореве". Псковский пересчик написал "с" вместо "ш", поэтому это предложение перестало пониматься позднейшим переписчиками, которые

стали пытаться по-своему осмыслить его и изменять его согласно своим домыслам. С.К.Шамбинаго в обеих своих реконструкциях с полным правом восстанавливает "за соломянем побывала", - местность, называемая "Куликовым полем", окружена холмами.

Строки I36-I4I. Эти строки реконструированы по Кирилло-Белозерскому, но главным образом по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции. В списке Исторического музея № 2060 этот текст не лучше, а хуже в художественном отношении.

Строка I46. Эта строка имеется во всех полных пространных списках, имеется также в обеих реконструкциях С.К.Шамбинаго. Пропуск ее в реконструкции В.П.Адриановой-Перетц трудно объяснить.

Строка I59. Во всех списках "Задонщины" здесь первое лицо, однако, согласно содержанию текста, С.К.Шамбинаго в своих обеих реконструкциях ставит третье лицо. Сочетание собирательного существительного в единственном числе с глаголом во множественном числе совершенно естественно для произведений народного устного творчества, что отмечалось еще А.С.Пушкиным. См. в "Сказке о рыбаке и рыбке":

Вкруг стоит ее грозная стража,
На плечах топорики держат.

Строка I67. Слово "ставлены" согласно Синодальному списку восстанавливает С.К.Шамбинаго в обеих своих реконструкциях.

Строка I68. Слова "за землю Русскую" восстанавливаются по списку Ундольского (а также Синодальному) С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка I69. Слова "аки живи" несомненно стояли в произведении Софонии, иначе текст теряет смысл. Восстанавливаются по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях. Этот пример особенно наглядно показывает необходимость критического отношения при реконструкциях к списку Исторического музея № 2060 и важность свиде-

тельства других списков, в частности Ундольского (а также и Синодального).

Строка 175. Восстановлено по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции.

Строки 182-183. В отношении места абзаца, помещенного в "Задонщине" между этими двумя строками, существует две точки зрения. Б.П.Адрианова-Перетц помещает этот абзац здесь, следуя за списками "Задонщины". Однако С.К.Шамбинаго относит его в своих обеих реконструкциях в место описания победы русских над татарами, следуя спискам "Сказания о Мамаевом побоище" 3-й редакции. Согласно содержанию этого абзаца, он несомненно должен быть помещен таким образом, как это делает С.К.Шамбинаго, мнения которого в отношении места этого абзаца я придерживаюсь.

Строка 183. Слова "на поль Куликовѣ" были восстановлены по Синодальному списку (а также по списку Ундольского "на томъ полѣ") С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. С точки зрения художественной они представляются необходимыми, так как делают данную строку ритмичнее и гораздо более выразительной.

Строка 186. Порядок слов, при котором сохраняется ритм, восстанавливается по спискам Ундольского и Синодальному. Поэтому данный порядок слов с полным основанием принят был С.К.Шамбинаго в его обеих реконструкциях.

Строка 187. Пропуск слова "великую" разрушает ритм данной строки, это слово было восстановлено по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. Данный пример, как и другие подобные, наглядно показывает, что при реконструкциях необходимо принимать во внимание все списки, если даже и берется какой-либо список за основу. Критерий повышения художественной выразительности, сохранения ритмической целостности, практически использованный С.К.Шамбинаго в

его первой реконструкции, несомненно является таким критерием, которым нельзя пренебрегать ради формальной близости реконструкции к одному из списков.

Строки 190-191. В таком виде эти строки были восстановлены по спискам Ундольского и Синодальному С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 194. Во всех списках "Задонщины", где сохраняются эти строки, употреблены два разных причастия (в списках Ундольского "побѣждени", "посѣчени", то же и в списке Исторического музея № 2060). В реконструкции В.А.Адриановой-Перетц, по-видимому, случайная ошибка. Порядок слов и данные причастия (побитые и посеченые) восстанавливаются С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях по Синодальному списку.

Следующее далее перечисление имен погибших военачальников носит характер записи, неуместной в тексте поэтического произведения. Она имела характер выносной справки (см. примечание к строке 107), поэтому С.К.Шамбинаго не приводил этой записи в обеих своих реконструкциях. Естественно, что эта справка Софония или одного ~~нии одного~~ из первых переписчиков потеряла теперь тот захватывающий интерес, который она имела в 80-х гг. XIУ в.

Строка 196. Данный текст основан на тексте "Слова о полку Игореве": "Бориса же Вячеславича слава на судъ приведе", т.е. на смерть, на смертный суд. Имеется в виду место боя как место смерти многих воинов и место решительной битвы. Порядок слов в переводе (Пересвета-чернеца) восстанавливается по спискам Ундольского и Синодального С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка 203. Слова "таково слово" (в переводе "сие слово") были восстановлены на Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 204. Лишних по содержанию слов "в то время", попавших, по-видимому, сюда из другого места, которых нет в Синодальном списке, С.К.Шамбинаго не восстанавливает ни в одной из своих реконструкций.

Строка 208. Восстановлено по Кирилло-Белозерскому списку (с заменою слов вместо "на сердци" - "на теле") С.К.Шамбинаго в первой его реконструкции.

Строка 209. Эта строка в таком виде восстановлена по Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 210. Слова "на ковыль-траве" вместо "на ковыли зеленѣ" восстановлены по списку Ундольского С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 212. Слово "у речки Непрядвы" восстанавливаются по списку Ундольского ("на речьке Непряде") С.К.Шамбинаго в обеих его реконструкциях.

Строка 217-219. По всем полным и пространным спискам - "вороны грают, трупы ради человѣческия" (список Ундольского), лишь в Кирилло-Белозерском вставлено "зогзицы кокують" после воронов, благодаря чему получилась бессмыслица. Вряд ли есть надобность приписывать ее Софонию; скорее всего здесь предложения оказались переставленными; правильный, как я полагаю, порядок их я восстанавливаю в своем переводе.

Строка 229. Добавлена согласно Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции ("пробил еси берези харалужныя"). Непонимание в XIУ в. слова "харалужные", заимствованные из "Слова о полку Игореве", где оно характеризует различные виды оружия и означает "булатные" или "вороненные", в Кирилло-Белозерском списке "Задонщины" несомненно. Нельзя однако утверждать, что эти строки в таком виде принадлежат Софонию. В.П.Адрианова-Перетц справедливо ут-

верждает, что "краткая редакция (Кирилло-Белозерский список - Б.С.) - это, в сущности, не сознательная переработка "пространной" хотя бы и путем сокращения последней, а запись, сделанная по памяти". (ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т.6. С.221).

Строка 230. Эта строка восстановлена в таком виде согласно Кирилло-Белозерскому списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции.

Строка 241. В списке Исторического музея № 3045, дошедшем до нас в отрывке, здесь "спадоша".

Строка 243. Диво - мифическое существо, заимствовано из "Слова о полку Игореве". В "Слове о полку Игореве" оно враждебно русским, является олицетворением кочевников, поганых половцев. В "Задонщине" переосмыслено (вероятно, под влиянием народной этимологии "диво" - чудо), по-видимому, как олицетворение Счастья всей Русской земли, долгожданной победы над татарами, избавления от их ига. Ср. строку 61 данного перевода.

Строки 261-262. Слова между этими строками, носящие характер вносной справки, выпущены (см. примечания к строкам 107-й и 194-й).

Строки 272-273. Эти строки имеются во всех списках. С.К.Шамбинаго восстанавливает их в обеих своих реконструкциях.

Строка 274. В Синодальном списке "не наша". В.П.Адрианова-Перетц восстанавливает это слово именно таким образом, также и С.К.Шамбинаго (в первой реконструкции).

Строка 276. Слово "надобно" восстановлено по Синодальному списку ("надобе") С.К.Шамбинаго в его первой реконстукции.

Строки 292-305. См. примечание к строкам 182-183.

Строки 309-310. Эти строки имеются во всех списках, кроме Синодального. Восстанавливаются А.П.Адриановой-Перетц и С.К.Шамбинаго во второй его реконструкции.

Строки 324-325. Во всех списках этот текст несколько испорчен,

и восстановить с большей или меньшей долей вероятности его первоначальный вид очень трудно.

Строки 336-337. Слова "сребро и злато" и "жемчуг" были восстановлены по Синодальному списку С.К.Шамбинаго в его первой реконструкции. Значение слова в древнерусском тексте "насычеве" неясно. С.К.Шамбинаго понимает его как "атласы", так как оно следует за словом "камки" - шелка. Думается, что неясное по значению слово в реконструкциях правильнее опустить.

Строка 330. В современном русском языке нет глагола, который бы соответствовал древнерусскому "простреся", кроме книжного "распространилось". Переводчику приходится перевести этот глагол какими-либо иными, соответствующими словами.

Строка 332. Здесь "на землю" означает "на Русскую землю". Ср. то же в "Слове о полку Игореве" - "уже връжеса дивь на землю". См. также примечание к строке 60.

Строка 344. Слова "времена первыи", здесь совершенно излишние, имеются в списке Исторического музея № 2060, но их нет в списке Ундольского, поэтому правильно поступил С.К.Шамбинаго не внеся их в реконструированный текст.

Строки 358-359. Имеющаяся между этими строками перевода в списках Исторического музея № 2060 и Ундольского сентенция написана в совершенно ином стиле неритмичной прозой и, по-видимому, является припиской одного из благочестивых переписчиков; поэтому С.К.Шамбинаго справедливо, как мне кажется, не внес ее в свою первую реконструкцию (как впрочем и весь предыдущий абзац) и, за исключением первого предложения, не внес во вторую.

Строка 366. Слова "у Дона великого на березѣ", на основании списка Ундольского, внес С.К.Шамбинаго в свою первую реконструкцию.

Строки 368-369. Имеющаяся между данными строками фактическая (гиперболическая) справка о количестве убитых воевод носит характер примечания к тексту "Задонщины" и не должна вводиться непосредственно в ее текст. См. примечания к строкам 107 и 194. С.К.Шамбинаго с полным основанием не внес эту справку ни в одну из своих реконструкций.

А.С.Дёмин

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ "ЗАДОНЩИНА"

Неожиданный авторский облик проглядывает в "Задонщине",- вернее, любопытная сторона в авторском мироощущении. Автор "Задонщины" был хотя и патриот, хотя и поэт воинских подвигов, но он все-таки не чуждался прозаичных хозяйственных мотивов, - конечно, эстетически преобразованных. Выделим их по ходу изложения в памятнике.

Первая группа хозяйственных мотивов: прежде всего в "Задонщине" проявилась, так сказать, вотчинно-земельная тема, автор выразил свои представления о вотчине и о полях. Слово "поле" (в единственном числе) обозначало в "Задонщине" место сражения - это обычно для памятников. Слово же "поля" (во множественном числе) имело иной смысл, - хозяйственный по преимуществу.

Обратим внимание на фразу: татары "поля русские наступают и вотчину отнимают" (цитируем список Ундольского, 537). О том, что подобный текст входил именно в авторский оригинал (архетип), свидетельствует сходство фразы в списках обоих изводов "Задонщины". В Музейском первом списке (того же извода Ундольского): татары "поля наступают, отнимают отчину нашу" (543). В Кирилло-Белозерском списке (уже другого, Синодального извода): "... татарове на поля на наши наступають, а вотчину нашю у нас отнимають" (548-549).

Словосочетание "поля наступают" (или "на поля наступают") было употреблено автором "Задонщины" еще раз в другом месте: "Ужо бо поганые татары поля наступают" (539. Ср. в списках обоих изводов, 544, 546, 549, 555). Это редкое словосочетание, не встречающееся в других памятниках, скорее всего, было навеяно выражением из "Слова

о полку Игореве": "Наступи на землю Половецкую" (50). Однако "Слово" тут обозначило победоносное наступание ногами: "Наступи... притопта... взмути...". В "Задонщине" же смысл фразы стал другим в обоих случаях. В первом случае речь шла о нападении на поля как на чью-то территорию. Во втором случае выделился территориально-обитательный оттенок: в этих полях "кони... бродят" (539. Ср. в списках обоих изводов, 544, 546, 549, 555).

Слово "поля" (во множественном числе) употреблялось в "Задонщине" еще дважды, и оба раза снова с территориально-хозяйственным оттенком. Вот эта фраза: "И все великое воиско широкие поля кликом огородиша..., а трупми татарскими поля насеяша" (539. Текст тоже принадлежал автору, так как он однотипно отразился в списках обоих изводов. Ср. 544, 547, 549). Слово "поля" здесь было употреблено в составе двух разных словосочетаний. На первый взгляд кажется, что автор целиком шел за "Словом о полку Игореве". Однако в "Слове" говорилось о земле, а не о поле: "Чръна земля... была посѣяна" (48). О засеянных полях в "Слове" не упоминалось нигде. В "Задонщине" же говорилось именно о полях: "... поля насеяша". Автор "Задонщины" исходил из представления о сельскохозяйственной освоенности полей.

Правда, другое словосочетание почти совпадало со "Словом". В "Задонщине": "... поля огородиша" (в Кирилло-Белозерском списке: "... подя перегороди" - 550). В "Слове о полку Игореве": "... поля прегородиша... преградиша" (47). "Прегородить" и "огородить" - различаются не просто морфологически. "Слово" указывало только на военные преграды для продвижения войска в полях. Автор же "Задонщины", хоть и неясно, представлял поля, пожалуй, уже хозяйственно огороженными.

Четыре примера (других нет) позволяют предполагать, что автор,

хотя и неотчетливо, представлял "поля" как территорию, принадлежащую кому-то, огороженную и засеянную, являющуюся объектом хозяйственной деятельности. В "Слове о полку Игореве" же поля (во множественном числе) представали местом военных передвижений: через поля рыскали, через поля неслись, их меряли мыслью, чтобы быстро пересечь, их прикрывала пыль, поднятая мчащимися войсками (44, 46, 47, 55). Другие памятники XIУ в. также не вкладывали территориально-владельческого оттенка в слово "поля", разве что некоторые деловые грамоты. Таково наше первое прикосновение к хозяйственности представлений автора "Задонщины".

Теперь рассмотрим авторские представления о "вотчине", снова обратившись к фразе о том, что татары "поля руские наступают и вотчину отнимают". Судя по форме фразы, вотчина явно связывалась с "полями", даже приравнивалась к ним, слово "вотчина" имело имущественный оттенок. В памятниках XП-XIУ вв., и в литературных, и даже в деловых, "отчина" понималась иначе, - соответствующие приравнивания были политическими. "Отчина" означала город, принадлежащий князю. Примеры, думается, пояснять не надо: "... княжащу ему въ отъчинѣ своей, во Тфѣри", "въ Суздаль, въ свою отчину" ("Софийская первая летопись", под 1319 и 1362 гг., 207, 229), "на Москву, въ свою отчину" ("О побоище, иже на Дону", краткая повесть, 15) и т.д. "Отчина" означала и княжество, страну, землю: "... свою отчину и великое свое княжение" ("О побоище, иже на Дону", пространная повесть, 18), "въ свою отчину, въ землю Залѣсскую" ("Тверская летопись под 1380 г., 440), "расудивъ имъ когождо в свою отчину, и приѣжаша съ честью на свою землю" ("Суздальская летопись" под 1244 г., 447). "Задонщина" же во фразе о вотчине, сохраняя,быть может, старый, политический оттенок (отчина-страна), выдвинула на первый план новый оттенок - хозяйственный (отчина-поля).

Кстати говоря, приравнивание вотчины к полям еще раз скрыто отразилось в Синодальном списке "Задонщины", где употреблялась фраза: "Замкни отчин ворота" (554). Сразу вспоминается "Слово о полку Игореве": "Загородите полю ворота..." (53). В Синодальном списке "Задонщины" слово "поле" было заменено на слово "отчины" - как синоним.

Выражение "вотчину отнимают" также указывало не столько на политические, сколько на имущественные отношения сторон. Другие памятники делали акцент как раз на отношениях военно-государственных: "... боронити своея отчины", "вотчина... въ полону будеть", "искаше подъ ними отчины ихъ" и пр. ("Софийская первая летопись" под 1347, 1319, 1139 гг., 226, 210, 158). Автор же "Задонщины" больше склонялся к тем имущественным представлениям о "вотчине", какие выражались в документальной письменности (ср. формулу "давать вотчину" в грамотах и письмах) [1].

Хозяйственный оттенок в высказывании "Задонщины" об отнимаемой "вотчине" получился не соответствующим исторической действительности. Мамай вовсе не стремился присвоить именно "вотчину", именно поля. Действительные цели Мамая являлись военно-политическими, о чем свидетельствовала, например, краткая летописная повесть "О побоище, иже на Дону": Мамай "хотя плѣнити землю Русскую" (14). Да и сама "Задонщина" в начале подтверждала: татары "хотят проити всю Рускую землю" (537, ср.552) [2]. Но автор "Задонщины" вдруг пе-

---

[1] Примеры см.: Срезневский И.И. Материалы для Словаря древнерусского языка. - М., 1958. Т.1. Стб.308; Т.2. Стб.831.

[2] О целях Мамая см., например: Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIУ-XУ веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. - М., 1960. - С.601-603.

реключился на вотчинные опасения, - еще одно проявление его хозяйственной настроенности.

Далее. Слабый хозяйственный оттенок промелькнул однажды при упоминании Рязанской земли. Автор рассказал о несчастье: "И в то время по Рязанской земле около Дону ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличют..., зане же трава кровию пролита бысть" (538. Текст аналогичен в обоих изводах. Ср. 543, 550, 554). Отличие от известного места в "Слове о полку Игореве" ("Тогда по русскои земли рѣтко ратаевѣ кикахуть" - 48): добавлены упоминания о пастухах, о поле и траве, то есть о пастушеской деятельности как обычном состоянии княжества, хотя как раз Рязанское княжество, пожалуй, вовсе и не заслуживало связи с таким идиллическим мотивом. И в этом тоже сказалась земельно-хозяйственная направленность представлений автора.

Вторая группа мотивов - наиболее частая: автор "Задонщины" выражал военно-хозяйственные представления. Описаний войска в тексте памятника не менее десятка. Все они принадлежали автору "Задонщины" (и сходно отразились в списках обоих изводов). Все они делали акцент на материальном снаряжении войска, а не только воспевали его общую боеготовность и боевой дух, как это было принято в памятниках ранее. Самое длинное из описаний явно содержало оттенок хозяйского обладания вещами. Автор употребил в нем делопроизводственное слово "имѣем" (цитируем по списку Ундольского): "... а под собою имѣем добрые кони, а на собѣ злаченыи доспѣхи..." (537. Ср. 543. В Синодальном списке: "... а под собою маем..., но себе маем..." - 553). Слово "имѣем", конечно, необычно для воинских описаний. В "Слове о полку Игореве" более изящно сказано: "Суть бо у ваю..." (52) [3].

---

[3] О делопроизводственном стиле в "Задонщине" см.: Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. - Л., 1986. - С.291-296.

В этом же отрывке выражалось авторское ощущение обилия и отборности снаряжения. Следовал длинный перечень предметов преимущественно с географическими эпитетами - якобы по месту, где их лучше всего производят, - шесть и более элементов: "... злаченыи доспѣхи, а шеломы черкаские, а щиты московские, а сулицы немѣцкие, а кинжалы фряские, а мѣчи булатные" (537. Вариации: в Музейском первом списке упомянуты "сулицы ординские, а чары франьския" - 543. В Синодальном списке - "кофыи фразския, а кинжалы мисурскими" - 553). Даже в "Слове о полку Игореве" при самом ярком описании воинских доспехов лаконично упоминалось: два предмета - "желѣзныи паворзи подъ шеломы Латинскими" (52), три предмета - "златыи шеломы, и сулицы Ляцкии, и щиты" (53). Автор же "Задонщины" сделал сочный "производственный" обзор множества предметов.

В описаниях "Задонщины" доспехи представали празднично сияющими на воинах: "А в них сияли силные доспѣхи злаченые" (538. Ср. 543, 553). Это сияние имело связь с библейскими картинами: "И яко въсиа солнце на щиты златы, и обсиаша горы от нихъ и облисташа, яко лампады огненыя" ("Первая книга Маккавейская" гл.6, л.6.2). Ср. в "Хронике" Георгия Амартола : "Яко же въсия солнце на златыя щиты и на оружия, блистахуся горы от нихъ и сияху, яко свѣтил горящь" (203-204). Ср. еще: "... блистающе ся оружиемь и землю свѣтяще" ("Слово о всех святых" Иоанна Златоуста, 460.I); "и бѣ полковъ его свѣтлость велика от оружья блистающаяся" ("Галицко-Волынская летопись", 322). Та же тема была продолжена в "Задонщине" в изводе Ундольского: снаряжение стало настолько сияющим, что "все великое воиско широкие поля... злачеными доспѣхами освѣтиша" (539. Ср. 544, 547). Однако цитированная выше фраза о "сильных" доспехах отклонялась от библейской традиции: доспехи ничего не освещали, а камерно сияли сами по себе - подразумевалась их целость, необбитность, но-

визна, чистота, то есть опять выделялся мотив хозяйственно-снаряженческий.

В "Задонщине" присутствовал и мотив хозяйственно-парадный. Ведь то один, то другой герой "злаченым доспѣхом посвѣльчивает" (538. Ср. 543, 554), "а златым тым шеломом посвѣльчивает" (539. Ср. 544, 546, 554). Упоминание о посвечивающем шлеме, несомненно, было заимствовано из "Слова о полку Игореве": "Камо, Туръ, поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, - тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя" (47). Но в "Слове" златой шлем посвечивал как проявление резвости сражавшегося. В "Задонщине" же доспехи выставлялись просто напоказ, словно парад продолжался и в бою: посвечивали, - когда картинно "то ти ступишася руские удалцы с погаными татары..." (538), когда аккуратно "Пересвѣт поскакивает на своем добрѣ конѣ" (538), когда стройно "Владимеръ Андрѣевичь... скакаше во полцех поганых в татарских... а скакаша со всем своим воиским" (539). В Кирилло-Белозерском списке парадно-световая тема была по-своему продолжена: "Пащутся хоригови берчати, свѣтяться калантыри злачены" (548), - все парадно-новенькое.

Ряд описаний снаряжения выражал авторское ощущение прочности доспехов - опять-таки не столько для боя, сколько для парада: на смотрах "стучит великая силная рать... громят удалцы руские злачеными доспѣхи и черлеными щиты московскими" (537. Ср. 542, 549, 552). Правда, в "Задонщине" оружие применялось и в бою, но и в этих случаях как бы для испытания его надежности. Испытание прямо предлагалось: "Испытаем мечев своих литовских о шеломы татарские, а сулицъ немецких о боеданы бусорманские" (537. Ср. 542, 549, 552). В "Слове о полку Игореве" громыхание было иным - от употребления оружия в бою: "... саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя", "гремлеши о шеломы мечи харалужными" (47), "гримлють сабли о шеломы" (48), "позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскыя" (53). Говорилось только о не-

посредственной боевой применимости доспехов и оружия: "Луци напряжени, тули отворени, сабли изъострени" ("Слово о полку Игореве", 46). В сущности, хозяйственная тема добротности изделий проходила через всю "Задонщину". На самом деле не таким уж обильным, добротным и новеньким являлось снаряжение русского войска в той суровой реальности. Но видеть войско почти в совершенстве снаряженным очень хотелось хозяйственно идеализирующему автору.

Все в "Задонщине", что связано с войском, связано и с представлением об идеальной снаряженности. Так, когда автор сравнил изготовившееся русское войско с ловчими соколами и ястребами, то и в это обычное сравнение проник дополнительный мотив снаряжения птиц золотыми колодками и злачеными колокольчиками: "То уже соколи бѣлозѣрстии и ястреби хваруются от златых колодицъ..., возгремѣша злачеными колоколы..." (537. Ср. 542, 549. В Синодальном списке была добавлена еще одна деталь снаряжения - "шевковыя опутины" - 552). Другие памятники не обращали внимания на детали птичьего снаряжения, тем более не "золотили" его (лишь однажды Владимир Мономах в своем "Поучении" упомянул, да и то лишь в общей форме, "ловчий нарядъ... о соколѣхъ и о ястребѣхъ" - 408).

Места сбора войск тоже насыщались "снаряжением". Например, автор сообщил, что войско собралось "в каменом граде Москвѣ", войско пошло "ис камена града Москвы" (537. Ср. 542, 549, 552). Как бы вся Москва представлялась каменной (чего тогда еще не было). Эпитет "каменный" по отношению к Москве не применялся раньше "Задонщины". Однако в литературных памятниках словосочетание "каменный град" прямо связывалось с темой городской обустроенности. Такими представали города, например, в "Слове о погибели Русской земли": "... твердяху каменыи городы желѣзными вороты" (157). Автор "Задонщины" выразил идеализирующее представление о хорошо снаряженном войске в хорошо обустроенной Москве.

При упоминании новгородского войска автор тоже ввел детали городской обустроенности: "Звонять в колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ. Стоят мужи навгородцкие у Софьи премудрые" (536. Ср. 541, 548, 561) - вечевые колокола и здание главной церкви. Упоминания колоколов Софии характерны для новгородской литературы, но не при сообщениях о вече, обычно лапидарных ("съзвониша вѣче у святѣи Софѣи" или "сташа вѣцемъ" - и всё. Автор "Задонщины" и тут, пожалуй, несколько выпятил материальные условия военных сборов, оставаясь верным своей военно-хозяйственной настроенности.

Третий мотив: у автора "Задонщины" заметен военно-статистический уклон. Недаром даже главный герой "Задонщины" призывал к счету: "И рече князь великий Дмитреи Ивановичь: "Считаитеся, братия, колько у нас воевод нѣт и колько молодых людеи нет"" (540. Ср. 545, а также Печатный вариант "Сказания о Мамаевом побоище", 126). В "Библии" попадались аналогичные эпизоды, например, в "Первой книге Царств", гл.14: "И рече Саулъ людемъ сущим с нимъ: "Считаитеся нынѣ и дозрѣта, егда гдѣ кто есть отшелъ от насъ". И съчтошася" (л.129 об. 2). Есть сходный эпизод в "Истории иудейской войны": "И повелѣ писцемь своимь исчести кождо их по ряду..." (435). В летописях встречались подобные подсчеты и перечни, но не так часто. Автор же "Задонщины" "считался" многократно, приводя новые и новые цифры: "7000 воиска", "7000 окованые рати", "70 бояринов", "триста тысящь окованые рати", "четыреста тысящь окованые рати", "40 бояринов московских, 12 князеи бѣлозѣрьских, 30 новгородских посадников" и т.д. и т.п. (536, 537, 540. Ср. 541, 542, 543, 545, 551, 552, 553, 555). Перечислялись имена, то назначенных, то погибших воевод (537, 538. Ср. 543, 550, 552, 553). В "Задонщине" "счетны" ее первая половина и самый конец. Но нет уверенности в достоверности приведенных цифр, особенно "круглых". Статистика "Задонщины" эстетична: она лишь создает видимость рачительного учета.

Статистика "Задонщины" была основана на теме воображаемого смотра. Постоянно повторялся глагол "посмотрети": "Посмотрим своих полков" - и приводились итоговые цифры собранного войска; "посмотрети иже лѣжат трупы крестьяньские" - и шел перечень погибших, именной и числовой; "посмотри к сильному граду Москвѣ" - и далее говорилось о сборах, новгородских и московских; "посмотрим по всеи земли Руской" - и давался общий обзор состояния дел, в том числе русских "богатеств" (537, 540, 536, 535. Ср. 542 и 552; 545; 541 и 551; 547 и 551). В памятниках не было столь частых смотров и обзоров (ср. лишь однажды в "Истории иудейской войны": "... то бо есть гора, и лзѣ оттуду видѣти и знати храмы и цѣркъвь..." - 362). Автор "Задонщины" уже не мыслил мир без надзора и счета.

Наконец, четвертый мотив: у автора "Задонщины" проявились и более "домашние" хозяйственные устремления. Он перечислил трофеи: русское войско захватило "татарская узорочя, доспехи, и кони, волы, и велблуды, вино, сахарь, дорогое узороче, камкы, насычеве..." (545. Цитируем Музейский первый список). Подобный перечень был традиционен, включая упоминание и такого экзотического трофея, как верблюды. Аналогичный состав трофеев перечислялся во многих памятниках, в том числе в летописной повести "О побоище, иже на Дону": "... многа стада кони, и вельблюды, и волы..., и доспѣх, и порты, и товаръ" (15, ср. 23); если идти в обратном хронологическом порядке, то в "Повести временных лет" - под 1103 г.: "... скоты, и овцы, и конѣ, и вельблуды, и вежѣ с добытком и с челядью" (270); под 1095 г.: "... скоты, и конѣ, вельблуды, и челядь" (238); в "Истории иудейской войны": "Скот же, и кони, и вельблюды, и ослы..." (343); в "Библии": "... на скоты..., и на коня, и на ослы, и на вельблюды, и на говяда, и на овца" ("Исход", гл.9, л.28 об. 2. Ср. "Первую книгу царств", гл.27, л.138.2; "Иудифь", гл.2, л.254.2 и др.).

Индивидуальным для "Задонщины" было упоминание вина и сахара (а также камок и "насычев"). Эти элементы налицо в изводе Ундольского. Для Синодального же извода установить упоминание сахара сложнее, потому что в дошедших списках Синодального извода текст дефектен - в Кирилло-Белозерском списке нет этого перечня, а в Синодальном списке не упомянуты как раз вино и сахар. Но они упомянуты в другом тексте, использовавшем "Задонщину" именно Синодального извода - в "Сказании о Мамаевом побоище", в списках Печатного варианта Основной редакции [4] : "... коней, и волы, и вельблюды, меды, и вина, и сахары" (126). Скорее всего, оба элемента - сахар и вино - упоминались в обоих изводах, восходя к архетипу "Задонщины".

Думается, что сахар в авторском тексте "Задонщины" мог появиться в результате косвенного воздействия "Библии". В "Первой книге Паралипоменон", главе 12, говорилось о пропитании войска Давида: "Но иже близъ бяху до Исахара, и Заулона, и Нефалима принесоша им хлѣбы на ослѣхъ, и вельблудѣхъ, и мскахъ, и волѣхъ на ядение, муку, перевясла, смокви, и гроздие сухое, вино, и елеи, и волы, и овны..." (л.191 об. I). Каким-то образом географическое название "Исахар" исказилось в "сахар" и вместе с верблюдами, волами и вином проникло в "Задонщину".

Упоминания сахара и вина в данном месте "Задонщины" отличаются "домашним" оттенком и завершаются добавлением, будто взятые трофеи "рускиа сынове... везут женам своим". В прочих произведениях трофеи везли в свою землю или в свой город, но не специально же-

---

[4] См.: Дмитриев Л.А. Вставки из "Задонщины" в "Сказании о Мамаевом побоище" как показатели по истории текста этих произведений // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". - М.; Л., 1966. - С.431-434.

нам, - внезапному предмету забот как раз автора "Задонщины".

Хозяйственно-домашний оттенок был не совсем уж единичен в "Задонщине". Добывание благ для жен отмечалось в памятнике еще раз, притом в обоих изводах: "Братия бояра, и воеводы, и дѣти боярьские! То ти ваши московские слаткие мѣды и великие мѣста. Туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам" (539. Ср. 544, 547, 555) [5].

Разнотипные государственно-хозяйственные, военно-хозяйственные и домашне-хозяйственные мотивы не сложились в "Задонщине" в органичную систему. Однако жизненная позиция автора подвела к созданию нового - хозяйственного - фона в произведении, к выработке новой манеры повествования, "подымающей" более "низкий" хозяйственный мир к высокому воинскому, рыцарственному миру.

Цитированные издания текстов

"Библия" - Библия. Острог, 1581. Указываются листы и столбцы издания.

"Галицко-Волынская летопись" - ПЛДР. XIII / Текст памятника подгот. О.П.Лихачева.

"Задонщина" - Тексты "Задонщины" / Подгот. Р.П.Дмитриева // "Слово о полку Игореве" и памятники Куликовского цикла: К вопросу о времени написания "Слова". - М.; Л., 1966.

---

[5] "В этом нельзя не видеть отображения московского феодального быта..." (Ржига В.Ф. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве (Задонщина) как литературный памятник 80-х годов XIV в. // Повести о Куликовской битве. - М., 1959. - С.389; "типичный московский бюрократизм XIV-XV вв. ..." (Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. - С.293).

"О побоище, иже на Дону" - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А.Дмитриев. - Л., 1982.
ПЛДР - Памятники литературы Древней Руси: XI - начало XП века. - М., 1978; XШ век. - М., 1981.
"Повесть временных лет" - ПЛДР. XI - нач. XП / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.
"Поучение" Владимира Мономаха - ПЛДР. XI - нач. XП / Текст памятника подгот. О.В.Творогов.
"Сказание о Мамаевом побоище", Печатный вариант Основной редакции - Сказания и повести о Куликовской битве / Текст памятника подгот. Л.А.Чуркина. - Л., 1982.
"Слово о всех святых" Иоанна Златоуста - Успенский сборник XП-XШ вв. / Изд. подгот. О.А.Князевская, В.Г.Демьянов, М.В.Ляпон. - М., 1971. Указываются страницы и столбцы издания.
"Слово о погибели Русской земли" - Бегунов Ю.К. Памятник русской литературы XШ века "Слово о погибели Русской земли. - М.; Л., 1965.
"Слово о полку Игореве" - Слово о полку Игореве / Тексты подгот. Л.А.Дмитриев и Д.С.Лихачев. - Л., 1967.
"Софийская первая летопись" - ПСРЛ. - СПб., 1851. Т.5.
"Суздальская летопись" - Летопись по Лаврентиевскому списку. 3-е изд. / Под набл. А.Ф.Бычкова. - СПб., 1897.
"Тверская летопись" - ПСРЛ. - М., 1965. Т.15 / Под набл. М.Н.Тихомирова.
"Хроника" Георгия Амартола - Истрин В.М. Книги временьныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. - Пг., 1920. Т.I.

Чернов С.З.

ПРИРОДА И БЫТ В "ЖИТИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО"

"Житие Сергия Радонежского", написанное Епифанием Премудрым около 1418 г., заключает в себе важные свидетельства о жизни Московской Руси XIV в., духовной атмосфере и мировидении той эпохи. Как в любом литературном памятнике, эти свидетельства вплетены в сложную идейную ткань произведения. Поэтому предпринимаемые, порой, попытки механически извлечь данные о реалиях того времени из текста "Жития" не приводят к желаемому результату. Лишь поняв под каким углом зрения Епифаний Премудрый видит жизненные реалии и уяснив их роль в идейном и художественном замысле "Жития", мы можем в полной мере оценить глубину этого произведения и правильно истолковать содержащиеся в нем сведения.

Особенности изображения природы и быта в "Житии Сергия Радонежского" часто оказывались в поле зрения исследователей[1/], но специально эта тема не изучалась. В настоящее вре-

1/ Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, С.98-110; Голубинский Е.Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. - М., 1909; Грихин В.А. Творчество Епифания Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV - начала XV в. Автореф.дисс.канд.филол.наук. М., 1974; Прохоров Г.М. Епифаний Премудрый // ТОДРЛ, T.XL. Л.: Наука, 1985, С.77-91; Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. Переяславский уезд. М., Л., 1966, С.68-71.

мя появились материалы, с помощью которых можно по-новому взглянуть на этот интересный сюжет. Благодаря историко-археологическим и палео-географическим исследованиям воссозданы этапы заселения земель, окружавших Троицкий монастырь, и характерные черты хозяйства. В сочетании с троицкими актами пер.пол. ХУ в. эти данные дали возможность довольно полно представить облик Радонежского края в ХIУ в.[1/]. Как пейзажная зарисовка, сопоставленная с фотографией той же местности, открывает ранее неуловимые особенности восприятия живописца, так картины природы и быта[2/], нарисованные в "Житии", будучи сопоставлены с исторической реконструкцией, яснее передают характерные черты мироведения агиографа.

Как только мы перестаем объяснять все непонятное в "Житии" лишь заданностью агиографического жанра, перед нами начинает раскрываться художественное пространство этого произведения во всей его необычности. Там, где по законам ренессансной перспективы жизненные реалии должны быть изображены подробно, Епифаний кладет лишь несколько мазков. А рядом взгляд агиографа проникает сквозь дымку, скрывающую дальние

I/ Чернов С.З. Исторический ландшафт древнего Радонежа: происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М., 1989. Материалы об окрестностях Троицкого монастыря готовятся к печати.

2/ Эти понятия, употребляемые в их современном и чуждом средневековью значении, используются лишь для того, чтобы показать какой круг текстов разбирается в данной статье (см.: Ахутин А.В. Понятие "природа" в античности и в Новое время. М.: Наука, 1988. - С.24-30).

планы видимой им картины и перед читателем со всей ясностью встают образы, выражающие основные мысли автора.

Так, например, о связях монастыря с князем Владимиром Андреевичем в "Житии" сказано предельно кратко. Между тем кн.Владимир владел землями Радонежа, на которых располагался монастырь ("Бѣ бо обитель святого въ отчествѣ его" (С.138)[1/]) и был связан с ним многочисленными узами. О посещении монастыря кн.Владимиром мы узнаем лишь однажды, причем это описание возникает на страницах "Жития" лишь как отсвет видения отца Исакия Молчальника, которое подобно молнии высвечивает несколько мгновений жизни монастыря около 1370 г.[2/]. Епифаний изображает божественную литургию в Троицком соборе. Сергий со Стефаном и Федором служат в алтаре. Рядом с ними Исакию внезапно видится "чудный муж", облик которого исполнен "светлости велицей". "И бывшу пръвому въходу, - продолжает агиограф, - и тъй аггелообразный и чюдный муж изыде въслѣд святого, ему же сиающе, яко солнце, лица его, не можаше зрѣти на нь; ризы же его необычны, чюдны, блистающеся,в них же мечтание златостройно зрится" (С.124). Вначале монахи полагают, что перед ними священник, пришедший с князем, но узнав, что в составе княжеской свиты священника не было, убеждаются, что с Сергием служил ангел Божий.

1/ Ссылки, приведенные в скобках, даются по изданию: Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное слово ему /Сообщил архим.Леонид// Памятники древней письменности и искусства; Т.58- СПб., 1985.

2/ До этого времени (год основания Симонова монастыря) в монастыре жил племянник Сергия Федор, упоминаемый в этом рассказе.

В приведенном примере отчетливо предстают два плана художественного пространства "Жития". То, что не одухотворено божественной благодатью, дается как далекий фон, все же, в чем прозреваются прообразы жизни вечной, дано с удивительной ясностью и верностью реальности. Это, собственно, и есть подлинна реальность, по воззрениям агиографа. Когда Епифаний стремится передать ее в художественных формах, из под его пера выходят изображения, которые, если сравнить их с произведениями иконописи, как бы пронизаны "златостройным" ассистом, выявляющим отсветы горнего света.

Обращаясь к тому, как Епифаний рисует окружающий человека "Бого-зданный", тварный мир, мы встречаем здесь некоторые черты, на первый взгляд, не вполне укладывающиеся в эту, свойственную эпохе, схему миросозерцания. Поражает "реализм" Епифания. Г.М.Прохоров пишет, например, что Епифаний "обращает иногда... пристальное внимание на чувственно воспринимаемую сторону предметов"I/.

Попытаемся проследить как преломляются эти особенности восприятия при изображении Епифанием природы и быта. Ценный материал для подобных наблюдений почерпнут из описаний монастыря и его окрестностей, которые проходят через весь текст "Жития" и принадлежат Епифанию Премудрому как в части замысла, так и в части художественного воплощения. Данный ряд описаний призван раскрыть мысль о том, как преподобный Сергий Божьим промыслом "пустыню яко град сътвори" (С.298). В связи с этим высказывалось предположение о том, что для большей наглядности Епифаний мог преувеличить пустынность места, на ко-

---

I/ Прохоров Г.М. Указ.соч. - С.84.

тором возник Троицкий монастырь[1]. Рассмотрим этот вопрос.

Епифаний сообщает, что, покинув монастырь "святыя Богородица у Покрова иже на Хотьков ", Варфоломей вместе со своим братом иноком Стефаном "обходиста по лесом многа мѣста и послѣди приидоста на едино мѣсто пустыни, въ чащах лѣса, имуща и воду" (С.38). Братья "сътвориста одрину и хизину и покрыста ю", "създаста кѣлию" и "срубиста" "церквицу малу" (С.39), которая вскоре была освящена во имя Св.Троицы священниками, пришедшими "от митрополита Феогнаста" (С.40). Это произошло, по словам агиографа, в начале княжения Симеона Гордого, то есть после I октября 1340 г.[2], скорее всего летом 1341 г. Вскоре Стефан покинул место новооснованной "пустыни". Объясняя уход Стефана, Епифаний указывает на трудности пустынножительства: "труд пустынный, житие скрьбно, житие жестко, отвсюду теснота, отвсюду недостатки, не имущим ниоткуду ни ястие, ни питиа, ни прочих, яже на потребу"(С.41). Далее агиограф обрисовывает окружение холма Маковец, на котором была основана Троицкая церковь: "не бѣ бо окрестъ пустыня тоя близъ тогда ни селъ, ни дворовъ, ни людей, живущих в них; ни пути людскаго ниоткуду же, и не бѣ мимоходящаго, ни посѣщающаго, но округъ мѣста того съ всѣ страны все лѣсъ, все пустыня" (С.41).

По мнению И.И.Бурейченко, "Епифаний вступает в противоречие с самим собой, с одной стороны, рассказывая, что монастырь был поставлен в еще незаселенном месте.., а с другой -

2./ ПСРЛ, Т.ХУ. Вып.I. Пгр., 1922, Стлб.53.

I / Бурейченко И.И. К истории основания Троице-Сергиева монастыря// Сообщения Загорского историко-художественного музея-заповедника. Вып.3. Загорск, 1960. - С.18-22.

давая понять, что район был хорошо освоен еще до основания"[1]. На самом же деле противоречия здесь нет. Просто исследователь смешивает сведения источника о заселении окрестностей Радонежа (глава "О преселении родителей святого") и округи самого монастыря. Пытаясь обосновать мысль о заселении округи монастыря до 1350-х гг. И.И.Бурейченко привлекает упоминания в духовных грамотах вел.кн.Ивана Калиты слободки Софроновской "на Воре" и с.Шараповского[2]. Однако первое поселение располагалось не ближе 15 км от монастыря, а для идентификации второго с с.Шараповым, близлежащей к монастырю волости Кинелы[3], оснований нет. И.И.Бурейченко использует кроме того гипотезу С.Б.Веселовского о времени возникновения вотчины, принадлежавшей в нач.XV в. Семену Яковлевичу Зубачеву и входившей частью - в Радонежский удел, а частью - Переяславский уезд, относившийся к великому княжению. С.Б.Веселовский предположил, что владение Зубачевых образовалось до того времени, когда Радонеж был дан в удел кн.Андрею Ивановичу (пер.пол. XIV в.)[4]. Между тем вотчина могла сложиться и в период, когда Радонеж входил в удел вдовы вел.кн.Ивана Калиты княгини Ульяны. Такая возможность не учтена И.И.Бурейченко, так как им были оставлены без внимания указания источников о сущест-

---

1/ Бурейченко И.И. Указ.соч. - С.18.

2/ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М., Л., 1950, С.8,9,10.

3/ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т.I. М., 1952, № 81.

4/ Там же, С.592, прим. к № 17.

вовании удела Ульяны в 1350-60-е гг.[1/]

Археологические исследования показали, что в первой пол. XIУ в. не были заселены не только окрестности холма Маковец на севере Радонежской волости, но и ее центральная часть. В лежащем к востоку от Маковца Кинельском стане[2/] ближайшие селения располагались на р.Вондюге и на среднем течении р.Торгоши в 8-10 км от Маковца. В этом месте Торгошу пересекала в XIУ в. дорога из Москвы в Переяславль - "великый и широкый путь вселюдскый", как называет ее Епифаний (С.83). Верховья же Торгоши и ее притока Кончуры, на берегу которой была поставлена церковь Троицы, заселены не были. Здесь, как свидетельствуют ботанические исследования, господствовали леса таежного типа, небольшая часть которых сохранилась до нашего времени в районе монастырских Скитов. К северу от монастыря простирались покрытые густыми ельниками водоразделы, с которых брали начало реки Веля и Кунья (притоки р.Дубны), принадлежащие к Волжскому бассейну. В ту пору поселения (они относились к Переяславским волостям) существовали лишь на среднем течении этих рек. Таким образом свидетельство Епифания о незаселенности места будущего монастыря согласуется с имеющимися в нашем распоряжении данными.

1/ Духовные и договорные... С.15,20. См.: Бурейченко И.И. Указ.соч. - С.18.

2/ Путь, ведущий от монастыря "на Кинелу" упоминается в "Житии" при описании событий более позднего времени (С.110).

3/ Чернов С.З. Вотчина Ворониных// Вестн.Моск.ун-та. Сер.8. История, 1982, № 6, С.91,93; Его же. Воскресенская земля Троице-Сергиева монастыря // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982, С.107-109.

23 октября, видимо, 1342 г. "на память святых мученикъ Сергиа и Вакха" юноша Варфоломей, которому исполнилось 20 лет, был пострижен в монахи игуменом-старцем Митрофаном[1]. По словам Епифания, Сергий "единствовал" в пустыни около 2 лет. Об этом периоде жизни Сергия повествуется в главе "О прогнании бѣсов молитвами святаго". Здесь ярче, чем где бы то ни было в "Житии" изображены суровые условия пустынножительства: "Мѣсто пусто, мѣсто безгодно и не проходно, съ всѣ страны до людей далече, и никто же от человек не поисѣщает здѣ" (С.51). Епифаний перемежает в этой главе картины "нахождения" на Сергия звериных стай и сцены "дѣмоньскаа кознодѣйства ". Причем, чем более осознан у Епифания смысловой параллелизм "дѣмонских" и звериных "нахождений", тем богаче деталями его рассказ. По сообщению агиографа, Сергию часто приходилось терпеть "звѣринаа устрѣмлениа". "Мнози бо звѣрие, - продолжает он, - ... въ тъй пустыни тогда обрѣтахуся". Далее это описание разворачивается, наполняясь подробностями, которые по своему характеру не могут быть ничем иным как записями устных рассказов "самовиддев": "Овы стадом выюще, ревуще прохождааху, а друзии же немнозѣ, но или два или трие, или единъ по единому мимо течяху, овии же отдалече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его" (С.55). В то же время очевидно, что этот пассаж по своей динамике перекликается с изображением "нахождения"

1/ По другим спискам Варфоломею исполнилось тогда 23 года, что делает возможным 1345 г. как год пострига. О Митрофане см.: Голубинский Е.Е. Указ.соч. - С.26.

бесов. "И се бѣси, - читаем мы несколько выше. - мнози пакы наидоша на блаженнаго стадом бесчинно, въпиюще и с прещениемь глаголюще..." (С.5I). Оба приведенных наблюдения - "реалистичность" зарисовки звериного стада и определенная заданность параллели - звериное стадо - нахождение бесов - справедливы. Устойчивое представление той эпохи о суетной подвижности и необузданности демонических сил будило воображение и помогало запечатлеть те же черты, присущие звериным стаям, не привыкшим стеречься человеческого жилья.

Идея преодоления демонических начал подвигом подвижника проводится Епифанием с неукоснительной последовательностью, свойственной учительной литературе. Эта идея оформляется в виде знаменитого рассказа о Сергии и медведе. Незатейливый строй этого рассказа, идущий от устного источника, убеждает, что назидательное начало здесь - не схема, наложенная на повествование, но скорее форма ви́дения средневекового человека. Благодаря подобному ви́дению этот сюжет привлек внимание и был запечетлен в художественной форме.

Подробности, взятые из жизни, следуют в этом рассказе одна за другой. Сергий "полагает" хлеб, предназначающийся зверю, "на пень или на колоду". Медведь не просто берет хлеб, но "възем усты своими и отхожаше". Фраза о медведе, не получившем "урочнаго укруха", стала классическим примером острой социальной наблюдательности автора, но она является одновременно и живой зарисовкой повадкой животного: оставшись без ожидаемой пищи, медведь не уходил, "но стояше възираа сѣмо и овамо, ожидаа, акы нѣкий злый длъжник, хотя въсприати длъгъ свой" (С.55,56).

По прошествии примерно двух лет пустынь "начаша посѣщати ... мниси", число которых постепенно достигло 12 (С.59). Епифаний называет некоторых из радонежских святителей по именам. "От них же бѣ единъ - начинает он этот перечень, - старець Василий, рекомый Сухий, иже в пръвых от страны пришедый от връхъ Дубны" (С.63). В последнем пояснении отражена как бы малая толика Руси "Жития Сергия Радонежского". Местности этой Руси называются лишь от случая к случаю, но представления об окружающих Троицкий монастырь просторах постоянно присутствует за строками. Оттуда, из бескрайних лесных пространств, гряда за грядой уходящих к Клязьме и Волге, вскоре начнут стекаться к монастырю иноки и "христиане" "от сел". Приход первых монахов - предвестие этого.

Русь, как она видится от церкви святой Троицы - нечто большее и качественно иное, чем Московская земля, известная по княжеским грамотам. Города и "веси" - будь то Ростов или Москва, Переяславль или Смоленск - упоминаются в "Житии" со своеобразным пиитетом. Так, например, о Стефане Пермском сообщается, что он совершал "шествие пути от своея епископиа, Перми глаголемыа, к господьствующему граду Москвѣ" (С.115). Если же требуется сказать о каком-либо малом селении, то Епифаний прикурачивает его к чему-либо более значимому. "Б вельмуха, - начинает он одну из глав "Жития", - вдали от лавры преподобного отца нашего на рѣцѣ, Волзѣ глаголемѣй" (С.103).

Местность, откуда пришел Василий Сухий, полагая начало людскому потоку, вскоре устремящемуся к Троицкому монастырю, многозначительно названа "страной". Слово это возникает на страницах "Жития" всегда, когда Епифаний хочет сказать о той Руси, ради которой совершает свой подвиг преподобный (С.7,

109). Связанное этимологически со словами "простор" и "простираться", оно в отличие от понятия "земля", обозначающего твердо очерченную княжескими рубежами территорию, имеет значение "территория и народ живущий на ней"[1/].

Рассказав о первых монахах - "посолнике" Иакове Якуте и диаконе Онисиме, - Епифаний обрисовывает облик первоначального монастыря: "Келиам же зиждемым и тыном огражденным, не зѣло пространнѣйшимь, но и вратаря сущихь ту у врат престави, от них же сам Сергий трие или четыре келии сам своима рукама създа". Развивая мысль о трудолюбии преподобного, агиограф продолжает: "Ово дрова на раму своею от лѣса ношаше, и яко же по келиам раздробляя и растесаа, разношаше, на полѣна разсѣкаа" (С.64). Вторгаясь этим дробящим действительность описанием в самую ткань быта, Епифаний, кажется, на мгновение допускает сомнение в значимости сообщаемых подробностей. Точнее, он искусно создает у читателей видимость такого сомнения ("Но что въспоминаю яже о дровех?"), чтобы затем, как бы устремив взгляд "горе", изобразить осененную благодатью обитель святой Троицы, не упустив деталей, заботливо сохраненных памятью "самовидцев": "Дивно бо поистинѣ бѣ тогда у них бываемом видѣти: не сушу от них далече лѣсу, яко же нынѣ нами зримо, но иде же келиам зижд͡емым стояти поставленным, ту же над ними и древеса яко осѣняющи обрѣтахуся, шумяще стояху" (С.64). Вслед за этим эмоциональным всплеском агиограф вновь обращает взор долу, придавая тем

1/ Рогожникова Т.П. К характеристике словесных рядов в "Житии Стефана Пермского" // Вестник Ленинг.ун-та. Сер.2, 1988. Вып.3. - С.105.

самым композиции всего описания симметричный характер[1]: "Окрестъ же церкви часто колоды и пение повсюду обрѣташеся, уду же и различнаа сѣахуся сѣмена, яко на устроение оградным зелиемъ" (С.64). Завершает описание перечень трудов Сергия, отличающийся особой, как будто даже утрированной, полновесностью: "и дрова на всѣх, яко же речеся сѣчаше; и тлъкущи жито, въ жръновѣх меляше, и хлѣбы печаше, и варево варяше, и прочее брашно яже братиамъ на потребу устрааше; обувь же и порты крааше и шияше; и от источника, сущаго ту, воду въ двою водоносу почерпаа на своемъ си рамѣ на гору възношаше и комуждо у келий поставляше" (С.64,65).

По прошествии более пятнадцати лет со времени основания обители облик ее окрестностей начал быстро изменяться. Это произошло "въ днех княжениа князя великого Ивана сына Иваня" (26.3.1354 г. - 13.11.1359 г.). "Тогда, - повествует агиограф, - начаша приходити християне, и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, и възлюбиша жити ту. И множество людий всхотѣвше, начаша съ обаполы мѣста того садитися, и начаша сѣщи лѣсы оны, яко никому же възбраняюшу им. И сътвориша себѣ различныя многыя починъци, преждереченную исказиша пустыню и не пощадѣша, и сътвориша пустыню яко поля чиста многа, яко же и нынѣ нами зрима суть. И съставиша села и дворы многы, и насѣяша села, и сътвориша плод житенъ, и умножишася зѣло, и начаша посѣщати и учящати въ монастырь, приносяще многообразная и многоразличнаа потребованиа, имъ же несть числа"(С.83).

1/ О симметрии у Епифания см.: Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIУ-ХУ веков. Л.: Наука, 1987, С.97.

Археологические материалы сер.-втор.пол.XIУ в. свидетельствуют о том, что в этот период колонизационное движение охватило центральную и северную части Радонежской волости. В центре волости, на княжеских землях, между Радонежем и монастырем, возникла группа поселений вокруг села Киясовского, принадлежащего в кон.XIУ-XУ в. кн.Владимиру Андреевичу[1/]. В 3 км к юго-востоку от монастыря появились поселения, известные в пер.пол.XУ в. как вотчинные села Старое (Афанасьево) и Беклемишево (Глинково)[2/]. И, наконец, у самых стен обители, на противоположной от нее стороне р.Кончуры были основаны села Клементьевское и Княжее[3/]. К местоположению последних селений вполне применима фраза "Жития" "начаша съ обаполы мѣста того садитися". И появление многочисленных починков, и распашка полей, которые в начале XУ в. ("яко же нынѣ нами зрима суть"), судя по троицким актам, действительно окружали монастырь - все это позволяет видеть в в рассказе о "искажения пустыни" достаточно точное изображение реалий I350-х гг.

Облик монастыря и его окрестностей от возникновения Троицкой церкви во "внутренней пустыни" до периода процветания обители после установления "общего жития" изображена Епифанием, как можно было видеть, чрезвычайно "реалистично". В то же время целые пласты действительности остаются вне поля зрения агиографа. Так, например, лишь в одном месте говорится о передаче Иваном Калитой Радонежа кн.Андрею. Не отразилось в "Житии" и то, что в I350-60-е годы (а ведь этому периоду по-

---

I/ Акты социально-экономической истории... Т.I. - С.I27.

2/ Там же. - С.44, I45.

3/ Там же. - С.220, 566.

священо много страниц) Радонеж, а вместе с ним и земли, на которых располагался монастырь, входили в удел вдовы Калиты - княгини Ульяны. Не упомянута "болѣзнь... тяжка" Сергия Радонежского, отмеченная летописцем под 1375 г.[1/]

Подобную избирательность можно объяснить лишь тем, что картины монастыря и его окружения чрезвычайно существенны для агиографа. Здесь, у церкви Троицы, как в луче, сходятся нити, посредством которых тварное причащается творческим энергиям, нисходящим от Создателя. Здесь тварный мир преобразуется, говоря словами св.Григория Нисского, в "дивно составленную песнь в похвалу всемогущей Силе". Здесь открывается тайна тварного, которое предстает как "бытие совершенно новое, как творение, только что вышедшее из рук Бога... как тварный мир, Богу желанный и ставший радостью Его Премудрости"[2/].

Именно таким отношением к "Бого-зданному" миру можно объяснить "реализм" Епифания. Подтверждением тому является описание хлебов в главе "О изобиловании потребных".

Подобно теме пустынь - монастырь (прообраз горнего града) в "Житии" присутствует сюжетная линия голод - изобилие (духовное богатство). Хлеб возникает на страницах жизнеописания святого в виде частицы антидоры или просфоры, влагаемой ангелом в уста юноше Варфоломею. С этой частицей Варфо-

---

1/ ПСРЛ. Т.ХУ. Вып.I. Пгр., 1922, Стлб.109.

2/ Трактовка учения Церкви о тварном приведена по кн.: Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви // Богословские труды. УШ. М., 1971.-С.52,53. См. также о влиянии на Епифания произведений корпуса Дионисия Арсопа (Прохоров Г.М. Памятники... - С.119, 113).

ломею было передано "знамение благодати Божиа и разума Свято-го писаниа" (С.25).

В главе "О изобиловании потребных" хлеб вновь превраща-ется в смысловой центр повествования. Епифаний описывает как Сергий в одну из нередких в ту пору (до "искажения пустыни") голодовок настаивает на соблюдении обета: "не исходити... из монастыря въ весь... или село и не просити у мирянь потребных телесных" (С.84). Чтобы утолить голод Сергий устраивает сени перед кельей одного из старцев и, в качестве платы за свой труд, получает от него "решето хлѣбовъ гнилых" (С.85). Сми-ряя ропот одного из монахов, преподобный обращается к братии со словами увещевания. Не успевает он закончить свою речь, как приходит весть о том, что к воротам монастыря привезли столь недостающее обители "брашно". Следующее за тем описа-ние присланных хлебов поражает своей почти "натуралистичес-кой" детальностью: "Бяху же хлѣби оны тепли суще и мягци, яко обычай есть новоиспеченым быти". Внимание к чувственно воспринимаемой стороне вещей не является для автора само-целью, в чем убеждает следующая фраза: "Сладость же вкушениа их странна нѣкако и незнаема являшеся, и яко медвеною нѣкоею сладостию исплънены, уподоблены и преудобрены, и яко с мас-лом сѣмянным устроени суще и преухыщрени, и яко нѣкотораа в них зелиа растворенна благоухана, сладость постную, яко мнѣ-ти, и от сего имѣти являюще" (С.89). В завершение Епифаний объясняет истинную природу неизъяснимой сладости хлебов, сравнивая их с манной небесной ("И яко же древле израильня-ном нѣкогда в пустыне манна от Бога посылаема бяше" (С.89). Ниспосланная пища именуется Епифанием "не дѣланной", то есть нерукотворной.

Проведенное исследование, хотя оно и охватило ограниченный круг текстов, показывает, что природа и быт воспринимались Епифанием в свете особого видения тварного мира, которое порождало стремление запечатлеть прежде всего те его черты, которые имели, по мнению агиографа, непреходящий смысл. Этим объясняется внимание к жизненным реалиям, точное изображение которых было необходимо для того, чтобы "свѣтла, и сладка, и просвѣщенна нам всечестных нашихъ отець възсия память".

Поэтому чем явственнее видимый мир запечатлевал мир вечных реальностей, тем "реалистичнее" его изображение в "Житии". И, напротив, все тленное, суетное, все болезни столетия как тень исчезают в лучах подвига преподобного.

Священник Борис Даниленко

Семиография "Окозрительного устава" архиепископа Новгородского Геннадия

В последнее время появилось много публикаций, посвященных различным аспектам христианской культуры, в том числе памятникам письменности и искусства, относящимся к православному богослужению. Рост интереса ученых к этим вопросам понятен и закономерен, тогда как многолетнее табу, тяготевшее над темами, связанными с вопросами христианской культуры, представляется беззаконным и противоестественным.

Используя известное определение православного богослужения как "синтеза искусств", принадлежащее выдающемуся отечественному мыслителю священнику Павлу Флоренскому, можно сказать, что интересы современных исследователей связаны, как правило с теми или иными "искусствами" (иконопись, богослужебная музыка, гимнография и проч.), но не с их "синтезом". Это не свидетельство ограниченности профессиональных интересов, а проявление определенной неподготовленности. Ведь для осмысленного восприятия разноликого в проявлениях наследия многовековой христианской культуры, но не в препарированном виде, а как явления живого и действующего, необходимо уяснение структуры православного богослужения, определяемого сочетанием суточного, седмичного и годового литургических циклов, а также истории формирования в православной восточной традиции богослужебного устава как регулятора литургической жизни - "синтеза искусств".

Это сообщение, посвященное частному вопросу, связанному с историей богослужебного устава на Руси, с одной стороны является микро-экскурсом в историю "Типика" в Русской Церкви, а с другой - промежуточным результатом исследования одного литургического памятника, сохраненного отечественной рукописной традицией.

История богослужения в Русской Церкви делится на три периода, каждый из которых связан с преимущественным бытованием одного из трех видов устава: "Устава Великой Церкви", "Студийского" и "Иерусалимского уставов".

Первый, связанный с традицией богослужения Софии константинопольской - Великой Церкви, стал регулятором литургической жизни на Руси со времени принятия христианства святым Владимиром и его народом.

Подобно симфонической партитуре, богослужебный устав организовал согласие принесенных на Русь книг. Круг богослужебной литературы был достаточно широк. В него входили сборники чтений из книг "Священного Писания", расположение текста в которых соответствовало порядку годового лекционария, сборники молитвословий, организованных как в соответствии с пред- и послепасхальными периодами ("Триодь"), так и в соответствии с восьминедельным циклом ("Октоих"). Была представлена в богослужении и святоотеческая литература. Первоначальный богослужебный устав Русской Церкви определял объем чтений-отрывков из отдельных, к тому времени уже классических, произведений христианской литературы.

Говорить о каких-либо славянских переводах на Руси "Устава Великой Церкви" в X-XП вв. не приходится. Считалось, что

первый славянский фрагмент был "списан в 1279 г. боголюбивым Климентом архиепископом Новгородским"[1]. Судить о богослужении нашей церкви именно по "Уставу Великой Церкви" можно лишь по самым ранним из известных науке триодям, потребникам и служебникам. Интересно, что следы "Устава Великой Церкви" находили место в богослужебной практике Русской Церкви еще в XVIII в., о чем свидетельствуют соборные чиновники позднего времени, хотя уже в конце XIII в. некоторые его особенности, сохранившиеся в тогдашней практике, вызывали недоумение у клириков, привыкших к господствовавшему в то время "Студийскому уставу".

Трудно однозначно указать все причины, по которым упомянутый "Студийский устав" "взял верх" в России над "Уставом Великой Церкви". Но в первую очередь интерес к нему, возникший в монашеской среде, был обусловлен его простотой и практической применимостью в Лавре преподобного Феодосия Печерского.

Интересно, что "Студийский устав", ставший "писанным", а не передаваемым устной традицией, по инициативе Патриарха Константинопольского Алексия[2], выходца из Студийской обители, очень скоро стал известен на Руси. Преподобный Феодосий в 1062 г. заинтересовался типиком славного монастыря и сделал заказ на его "списание" - перевод с греческого - Ефрему Скопцу, киевскому монаху, жившему в Студийском монастыре.

Самый авторитетный славянский текст "Студийского устава" как по времени написания (XII в.), так и по полноте представлен рукописью Синодального собрания, ныне находящегося в Государственном историческом музее в Москве[3].

Студийская богослужебная традиция господствовала на Руси до XV в., когда появившийся у нас в последней четверти XIV в. "Иерусалимский устав" стал постепенно приобретать популярность. Простой и немноготиповый в вариантах суточных служб "Студийский устав" отошел в тень отчасти по причине активизации гимнотворческой деятельности в Русской Церкви с XV в. Всенощное бдение со всем возможным набором элементов минейных текстов сменило в качестве образца лаконичные по гимнографическому материалу студийские "праздники".

Заслуживает внимания тот факт, что "Студийский" и "Иерусалимский уставы", появившиеся в письменном виде на православном востоке почти одновременно и сосуществовавшие там в монашеской среде[4], в России не только сменили один другого, но и стали причиной некоторых "коллизий". Это касается, в первую очередь, традиций поста. Однако следует отметить, что хотя "Иерусалимский устав" и вытеснил в России почти повсеместно уже в XVI в. "Студийский", некоторые северные обители по свидетельству святителя Димитрия Ростовского (1651-1709) еще в его время пользовались "Студийским уставом"[5].

"Иерусалимский устав" в России распространился в огромном количестве списков[6]. Давая основания для оправдания известной пословицы "В чужой монастырь со своим уставом не ходят", организаторы и исполнители работ по переписке типика вносили в его состав изменения и разнообразный дополнительный материал.

В результате в наше время непросто говорить об определенном числе редакций устава. Почти каждый из известных науке списков "Иерусалимского устава" начиная с XV в. представляет в содержательном отношении его новую редакцию.

Своеобразным завершением истории этих многочисленных редакций стали издания в XVII в. в Москве "Иерусалимского устава", давшие четыре новые редакции (1610, 1633, 1641, 1682 гг.).

Наименование в русской традиции вариантов "Иерусалимского устава" "Оком церковным" вплоть до издания Московского печатного двора 1641 г. указывает на особую его авторитетность. Ведь евангельское "око", которое есть "светильник телу" (Мф. 6,22), невольно подсказывает нам пару соответствий:

тело : церковь

око : устав.

И действительно, многообразные списки устава иерусалимского типа, представленные в рукописных собраниях нашей страны, содержат как переводные с греческих оригиналов, так и оригинальные главы-статьи по вопросам особо значимым в жизни церкви и не относящимся непосредственно к богослужению и монастырской дисциплине.

Здесь в первую очередь следует вспомнить тексты церковно-правового характера – от канонических правил, скрепленных вселенскими авторитетами до письменных ответов иерархов Русской Церкви на практические "недоумения" подчиненных им священнослужителей. Особо можно выделить и толковательные главы, включаемые в состав русских типиконов с XVI в., комментирующие как с историко-богословской, так и с практической точек зрения отдельные службы суточного, седмичного и годового богослужебных циклов. Эти тексты разнятся не только предметами толкования, но и методами и видами экзегезы: от традиционной типологии до крайней аллегории. Замечу что материал такого рода, представленный в рукописных типиках Древней Руси, и по своему разнообразию и по своему объему, мог бы составить отдельную антологию, интересную как для литургиста, так и для каждого

исследователя церковной письменности. Здесь уместно упомянуть проф. Казанской духовной академии Н.Ф.Красносельцева, затронувшего в своих трудах историю толкований богослужения в России до XVIII в.[7]. Его труд дополнен в наше время проф. К.-Х.Фельми[8]. Однако много рукописных текстов оказалось вне поля зрения как нашего соотечественника, так и нашего современника.

После обещанного микро-экскурса в историю богослужебного устава на Руси перейду к основной части моего сообщения.

Термин "семиография" использовался отечественными историками богослужения чаще всего в исследованиях "рукописного материала крюковых и нотных певческих книг"[9]. В исследованиях такого рода "семиография" являлась, по существу, синонимом "нотописания". Но семантический подход был применен в нашей церкви не только к богослужебной музыке, где появление новых знаков и целых знаковых систем сопутствовало развитию и обогащению древней традиции.

Сейчас я хотел бы коснуться вопроса об использовании систем знаков для обозначения различных видов богослужебного суточного цикла в "Типике" Русской Церкви.

С вариантом системы такого рода знакомы все, кому приходится так или иначе пользоваться современным "Типиконом" Русской Церкви, восходящим в редакционном отношении к московскому изданию 1682 г.

Пять знаков, смысл которых раскрыт в его 47-й главе "О знамениях владычних и богородичных праздников, и святых"[10], говорят о пяти основных типах служб "Иерусалимского устава":

1) бденной великих праздников,

2) бденной средних праздников (с богородичным каноном на утрени),

3) полиелейной средних праздников,

4) славословной малых праздников и

5) шестиричной.

Эти знаки представлены на таблице I.

Переход к "иерусалимской" традиции в богослужебной практике Русской Церкви был ознаменован появлением ряда списков "Типика" нового вида. В них наследие "студийских" уставов как в богослужебной, так и в дисциплинарной частях занимало определенное место. Это следует отнести и к трем знакам, обозначавшим три типа праздничных служб: великий, средний и малый (верхний ряд табл. I). Такое разделение встречается во многих относительно ранних рукописных уставах иерусалимского типа[II]. Этот принцип деления праздников "на три чины ... на великия же и на средняя и на малая" часто возводится к традиции "Студийского устава" и "Устава Святой Горы"[I2]. Само же появление такого принципа связано с именем Никона Черногорца (XI в.), автора "Пандект" и "Тактикона", широко распространенных в греческой и славянской рукописных традициях[I3]. Как заметил проф. Московской духовной академии И.Д.Мансветов (+I885), статья о разделении праздников на три разряда из "Тактикона" и вошла в греческий "Типик"[I4].

Статья о трех "знамениях" была сохранена и в печатной традиции русских уставов. Она появляется в первом издании "Устава" в I6I0 г.[I5] в виде главы "О праздниках в них же поется Бог Господь" (л. I32 об. - I34 об.) В месяцеслове этого издания (л.239 - 865) три праздничных киноварных знака (л. I33) печата-

ются с одной лишь особенностью - знак "Три точки в дуге" отпечатан черной краской, что объяснимо техническими причинами. (Красный знак появляется в виде исключения только в нескольких случаях, например, под 2-м января).

Любопытно, что к великим праздникам, число которых в упомянутой главе этого издания (л. 132-134) строго ограничивается господскими, богородичными и четырьмя, перечисленными особо (святых апостолов Петра и Павла, апостола и евангелиста Иоанна Богослова, Рождества и Усекновения главы Иоанна Предтечи), знаки в месяцеслове относят наряду с памятями некоторых византийских святых многие памяти святых славянских и русских[16].

От служб "киевского" типа, ограниченных немногими минейными текстами, характерными для студийской практики (например служба святой равноапостольной Ольге в современной июльской минее), на рубеже XIV и XV веков происходил переход к типу "иерусалимского празднования великому святому для всех чинов святости"[17]. Возможность многообразного "задействования" элементов такой службы (бдение: с малой вечерней, литией и проч.) при составлении новой и порождала многообразие служб как вариантов сочетания этих элементов. Это, может быть в первую очередь, следует отнести к полученному нами наследию славянских (сербских, болгарских) миней. Семантический подход к вопросу формализации типов служб заинтересовал к концу XV в. русских уставщиков. Развитие идеи использования знаков и увеличения их числа стало уместным именно по причине расширения отечественного гимнографического материала.

Такой "широкий" подход к возможности употребления знаков демонстрирует "Окозрительный устав" архиепископа Новгорода и

Пскова Геннадия (+ 1505) – интереснейший литургический памятник Древней Руси. Время его предположительного возникновения (при условии действительного авторства архиепископа Геннадия (Гонзова) или принадлежности его неизвестного автора к кругу новгородского святителя) следует ограничивать годами управления преосвященного Геннадия Новгородской епархией (1484–1504). Отсутствие списков этого памятника ранее середины ХУI в., а также прямых документальных свидетельств о времени его возникновения, позволяет принимать этот отрезок времени только в качестве условной даты.

Ранние из известных списков "Окозрительного устава" относятся к первой половине ХУI в., с начала же ХУП в. их становится все больше.

Серьезным изучением "Окозрительного устава" по всей видимости занимался лишь Николай Махаев[18], о чем мы можем судить только по отзыву на его кандидатское сочинение проф. МДА. А.П.Голубцова (+ 1911). Несколько страниц своего исследования о судьбе православного "Типика" посвятил "Уставу" архиепископа Геннадия И.Д.Мансветов[19].

Появление "Окозрительного устава" это, по сути, появление новой формы православного "Типика", а точнее – самой объемной его части – месяцеслова. Собственно месяцеслов с подневной росписью заменяется табель-календарем, представленным иногда в виде таблицы: вертикаль – дни месяцев с 1-го по 31-й, горизонталь – месяцы с сентября по август, а на их пересечении – знамение-символ службы соответствующего дня[20]. Наглядность – главное достоинство такого уставного пособия. Следует лишь подивиться точности наменования Геннадиева устава "Окозрительным"

(современный синоним – наглядный). Уместными и точно отражающими суть работы с "Окозрительным уставом" кажутся слова одного из его списков: "Зри очима, внимай сердцем и всею мыслию"[21].

Говоря об основных редакциях – "системах" "Окозрительного устава", И.Д.Мансветов ограничивал их число четырьмя, причем к 4-й "системе" относил тексты по двум спискам – ГИМ, Синодального собр., № 392 (946), 1653 г. и ГБЛ, собр. Ундольского № 121, XVII в. – не имеющих прямого отношения к "Окозрительному уставу" архиепископа Геннадия, о чем речь пойдет далее. Три же первые "системы" "Окозрительного устава" по И.Д. Мансветову это:

1) самая полная 43-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., № 391 (953), Устав, нач. XVII в. и ГБЛ, собр. Румянцева, № 449, Устав, 1608 г.);

2) 40-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., № 395(953);

3) 35-знаковая редакция (ГИМ, Синодальное собр., №401(902)[22].

Однако такое распределение редакций по числу знаков как главной характеристике окажется малооправданным, если ознакомиться не с 6-ю списками "Окозрительного устава", упомянутыми И.Д.Мансветовым, а хотя бы с 2 – 3-мя десятками его списков: число знаков варьирует от 17 до 45. Поэтому, не затрагивая сейчас вопроса о выявлении редакций этого памятника и даже не указывая их возможного числа, позволю себе сказать лишь несколько слов о двух из них, представляющихся наиболее интересными и определенными по составу.

Чаще всего в списках XVII в. встречается стабильная 27-знаковая редакция "Окозрительного устава"[23]. Графика знаков в ней почти тождественна во всех списках с указанным числом знамений. Изменяются лишь виды "табель-календаря" в зависимости от при-

лежания и художественных наклонностей создателя каждого из списков. Главы, часто ненумерованные, выделенные лишь киноварной буквицей, дают уставную расшифровку - прочтение каждого символа, одинаковую во всех списках этой редакции. Некоторые ее списки имеют дополнения в виде примечаний с отметкой "зри" на полях. Эти 27 знаков с соответствующей расшифровкой встречаются в большинстве списков "Окозрительного устава" как ранних, так и поздних (табл. 2).

Существует и другая редакция "Окозрительного устава"[24]. Кроме "табель-календаря" и глав, расшифровывающих смысл знамен "Устава", она содержит и главы с примечаниями к службам минейного и триодного годовых циклов (2 серии глав), а так же дополнительные главы уставного характера. В тексте этих глав встречаются примечания, связанные с богослужебными особенностями некоторых служб в Новгороде. В частности даны "разночтения" богослужебной практики Софийского собора, Антониева и Хутынского монастырей[25]. Сами эти примечания интересны тем, что они содержат конкретные примеры совершения тех или иных служб минеи в соединении с переходящими службами триодно-седмичного цикла, причем примеры эти датированы и относятся ко времени правления Новгородской епархией архиепископов Пимена (1552-1570) и Леонида (1571-1575). Позднейший из таких примеров датирован 16 августа 1573 г.[26]. В одном же тексте этой редакции "Окозрительного устава" упомянут митрополит как участник чина вечерни в Неделю сыропустную в Софийском соборе Великого Новгорода и его митрополичии певчии[27]. Новгородская епархия стала митрополией в 1589 г.[28], что определяет возможный ранний срок возникновения этой редакции.

"Окозрительный устав" стал пособием для клиросных уставщиков. Предположение И.Д.Мансветова о том, что такой устав был мало кому нужен, так как хороший уставщик знал все его типы служб наизусть[29], плохо сочетается с фактом двухсотлетнего его бытования в Новгороде, а именно с Новгородом так или иначе связаны многие его списки[30]. Скорее всего "Окозрительный устав" служил пособием в деле подготовки новых уставщиков, которые по усвоении его "премудрости", действительно уже могли и не заглядывать в него за справкой, но несомненно могли использовать его уже как наставники своей молодой смены.

В отношении "Окозрительного устава" следует заметить, что знак службы в нем говорил не только и не столько о ее разряде важности (бденная, славословная, шестеричная), но и том, сколь полон в ее тексте набор возможных гимнографических элементов (наличие славника на стихирах, количество тропарей песен канона и проч.). Именно в этом состоит принципиальное различие в подходе к вопросу типологии служб минейного круга между "Окозрительным уставом" архиепископа Геннадия и 3–5 знаковыми уставами, восходящими к византийской традиции.

Таким образом, "табель-календарь" (число календаря в сочетании со знаком) и главы, раскрывающие смысл знаков "Окозрительного устава" функционально соответствовали месяцесловной, самой объемной главе нашего "Типикона", где под числом месяца подробно расписывается служба по имеющемуся минейному материалу.

Но был и другой подход к задаче формализации многообразия типов служб минейного цикла для соотнесения их со знаковой системой. Этот подход довольно богато иллюстрируется отечественным рукописным материалом.

Большую известность в единоверческой среде получил в свое время "Ключ к Церковному уставу", составленный Н.Сырниковым в г. Рыльске и напечатанный в Москве в 1890 г.

46 знаков "Ключа" дают характеристику не столько службы в целом, сколько отдельных ее элементов (табл.3)[31]. Например: "Идеже столбики, ту славники. Сколько у числа столбиков, столько и славников. Черные указуют на вечерни, а красныя на утрени"[32]. Полное же представление о службе дня можно получить рассмотрев набор нескольких знаков, каждый из которых говорит о наличии того или иного элемента в структуре богослужения.

Слова псалмопевца "Благословлю Господа, вразумившего мя" (Пс. 15,7), предпосланные в качестве эпиграфа составителем тексту этого пособия, не следует рассматривать как указание на его, Сырникова, заслугу первооткрывателя нового "окозрительного" принципа. Ретроспективный обзор рукописных уставов с семиографическими элементами приведет нас от этого печатного "Ключа" через многочисленные списки XIX и XVIII вв., использующие те же, что и у Сырникова знаки[33], к более ранним спискам, относящимся к XVII в. К числу последних относятся два, уже упомянутых, списка, которые И.Д. Мансветов объединял в 4-ю редакцию - "систему""Окозрительного геннадиевского устава"[34].

Понятно, что число различных возможных сочетаний таких систем в несколько раз превосходило число конечного, ограниченного четырьмя десятками знаков, набора"Устава"архиепископа Геннадия. Такой комбинаторный подход к формализации типов

служб в семантическом отношении явился своеобразным пиком развития окозрительного принципа в уставных сборниках Русской Церкви.

Можно смело говорить о независимости графики знаковой системы "Окозрительного устава" архиепископа Геннадия и указанных сейчас памятников, хотя основой для их разработки послужили три основных знака, с которых и был начат этот краткий экскурс в историю семиографии наших богослужебных уставов.

С сожалением следует заметить, что все это "семантическое богатство" рукописных уставов не нашло своего места в печатных типиках Русской Церкви. И если появившиеся вслед за "Уставом" 1610 г. издания 1633 и 1641 гг.[35] продолжали воспроизводить уже упомянутый текст Никона Черногорца и относящиеся к нему три знака[36], то в редакции "Типикона" 1682 г. уже печатается статья о пяти знамениях, появившаяся в результате справы, при которой имело место "правление его (Устава" - Б.Д.) преимущественно по греческим образцам"[37]. И думается, что эти новоявленные в России "образцы" в отношении семиографии богослужебных уставов не вызывали особого интереса у знатоков знаковых систем богослужебных памятников Русской Церкви.

В заключение замечу, что наша богослужебная традиция, отраженная в рукописных и печатных славяно-русских уставах, напоминает нам, что мы не праздные экскурсанты или пассивные зрители в той сокровищнице, где бесчисленные перлы радуют взор всех, умеющих ценить прекрасное, а н а с л е д н и к и . Причем это наше наследство бережно передавали друг другу многие

поколения наших соотечественников, восполняя и преумножая его. Владеть таким богатством - великая ответственность: его легко расточить на перепутьях и торжищах современности, где так легко за вечное и абсолютное выдается кратковременное и относительное.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1]Лисицын Михаил, прот. Первоначальный славяно-русский типикон. СПб., 1911. С. 115.

[2]Занимал константинопольскую кафедру с 1025 по 1043 гг.

[3]ГИМ, Синодальное собр., №380 (330).

[4]О бытовании на православном Востоке трех основных типиконов: Студийского Святой Горы и Иерусалимского свидетельствует Никон Черногорец, автор XI в. - См.: Тактикон. Почаев, 1794.

[5]Мансветов И.Д. Церковный устав (типик). Его образование и судьба в Греческой и Русской Церкви. М., 1885. С. 127.

[6]Только "Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (М., 1986) указывает более 50 списков.

[7]Красносельцев Н.Ф. "Толковая служба" и другие сочинения, относящиеся к объяснению богослужения в Древней Руси до XVIII века // Православный собеседник. 1878. Четверть 2. С. 3-43.

[8]Felmy K.Ch. Die Deutung der Göttlichen Liturgie in der Russischen Theologie. Berlin; New York, 1984.

[9]Металлов В.М., прот. Очерк истории православного церковного пения в России. М., 1915. С. VII. См. также: Металлов В.М. прот. Русская семиография. М., 1912.

[10]Устав (Типикон). М., 1682. Л. 65 об. - 66; То же. М., 1904. Л. 47 об.

[11]См., напр. ГБЛ, Рогожское собр., №731; собр. Троице-Сергиевой Лавры, №239, л. 54 об.; собр. Никифорова, №443, л. 116.

[12]См., напр., ГБЛ, собр. Егорова, №209, Устав, 1589-1605 гг., л. 57.

[13]В XVII в. велась подготовка к печати переводов этих творений на Московском Печатном дворе, но они увидели свет лишь в конце XVIII в. на западе России. О трех знаках см.: Тактикон. Почаев, 1794. Л. 17.

[14]Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 139-140, 192.

[15]Устав (Око церковное). М., 1610.

[16]Преподобного Сергия Радонежского - 25 сентября, святителей Петра, Алексия и Ионы - 5 октября, святителя Арсения Сербского - 28 октября, преподобного Авраамия Ростовского - 29 октября, преподобного Варлаама Хутынского - 6 ноября, святителя Петра - 21 декабря, преподобного Антония Римлянина - 17 января и др..

[17]Спасский Ф.Г. Русское литургическое творчество. -Париж, 1951. С. 98.

[18]Махаев Николай - выпускник Московской духовной академии 1908г. (63-й курс); за кандидатское сочинение "Литургическая деятельность Геннадия, архиепископа Новгородского" удостоен Премии протоиерея А.М. Иванцова-Платонова - отзыв на его работу см.: Извлечение из Журналов собраний Совета Московской духовной академии за 1908г. Сергиев Посад, 1909. С. 95-99.

[19]Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 304-309.

[20]См., напр., ГПБ, собр. Большакова, №342, Обиходник, XVII в., л. 256.

[21]ГБЛ, собр. Ундольского, №118, л. 20.

[22]Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 305.

[23] См., напр., ГБЛ, собр. Большакова, №342, л. 256; собр. Ундольского, №436, л. 139-155; собр. Синодальное, переданное в МДА, №318, л. 401-418.

[24] ГБЛ, собр. Егорова №209, л. 198-239 об.; собр. Ундольского, №118, л. 1-155.

[25] ГБЛ, собр. Егорова, №209, л. 213 об., 216 об. и др. места.

[26] Там же, л. 214 об. - служба Нерукотворному Образу.

[27] Там же, л. 217-217 об..

[28] Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

[29] Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 306.

[30] См. вкладную запись - ГБЛ, собр. Егорова, №209, л. 13-32.

[31] Сырников Н. Ключ к церковному Уставу. М., 1890. Л. 14-16.

[32] Там же, Л. 23.

[33] См., напр., ГБЛ, собр. Синодальное, переданное в МДА, №464, "Сказание окозрительному знамению всякому числу", XIX в..

[34] Мансветов И.Д. Указ соч. С. 305. К этим двум спискам можно добавить по сообщению А.М. Пентковского и список ЦГАДА, Типографского собр., №395.

[35] Устав (Око церковное). М., П. 1633, IX. 1633, Ш. 1641.

[36] Как и в издании 1610г. графика и цвет этих знаков варьируют вследствие технических причин. Иногда встречаются "неокиноваренные" листы - Устав (Око церковное). М., 1641. Л. 703.

[37] Мансветов И.Д. Как у нас правились церковные книги. Материалы для истории книжной справы в ХУП столетии. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 35.

Т А Б Л И Ц Ы

При воспроизведении знаков "Окозрительного устава" контурные изображения соответствуют киновари в рукописных оригиналах.

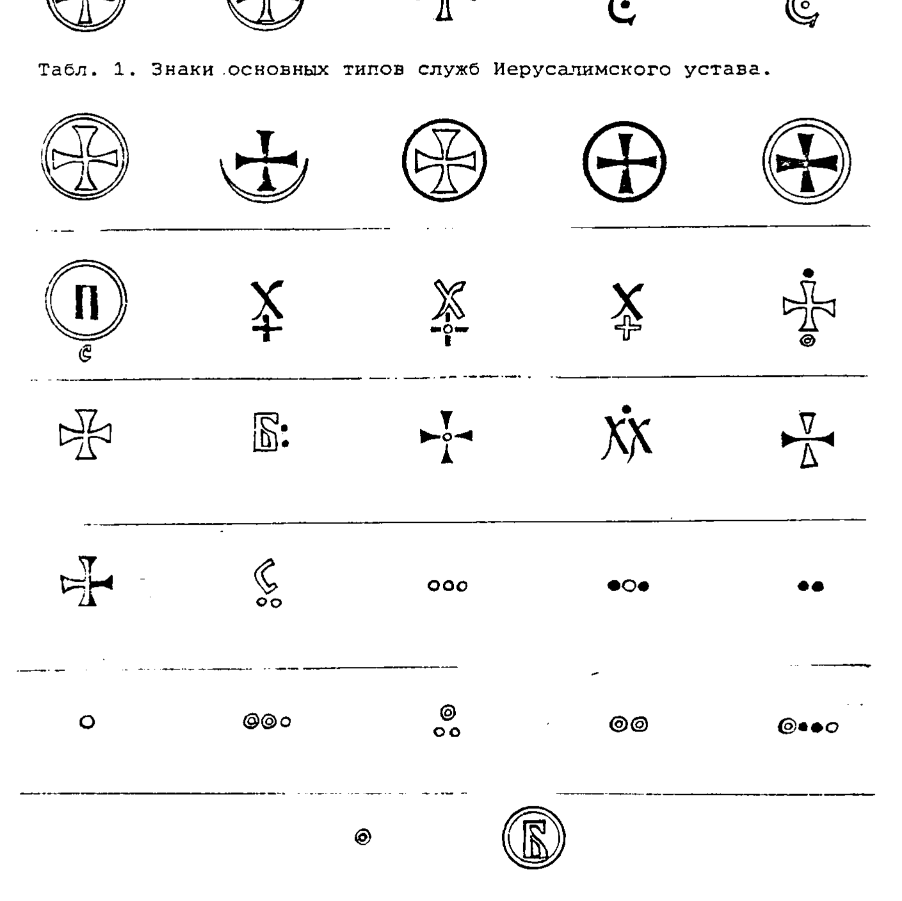

Табл. 1. Знаки основных типов служб Иерусалимского устава.

Табл. 2. 27 знаков наиболее распространенной редакции Окозрительного устава.

Табл. 3. Знаки "Ключа к Церковному уставу" (М., 1890).

Кириллин В. М.

"СКАЗАНИЕ О ТИХВИНСКОЙ ОДИГИТРИИ" В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ РУСИ КОНЦА XV - НАЧАЛА XVI ВЕКА.

Предпринятое мной изучение многочисленных списков "Сказания о Тихвинской Одигитрии" позволило установить[1]: до начала XVII в. среди древнерусских книжников это произведение бытовало по крайней мере в 8 редакциях, не считая краткого рассказа, помещенного под 1383 г. в "Воскресенской летописи" и в "Никоновском лицевом своде"[2]. Наиболее ранними по времени возникновения и наиболее простыми по составу, содержанию и стилю являются редакции А[3] и Б[4], повлиявшие на весь последующий ход литературного развития памятника.

Редакция А была создана в конце XV в., не позднее 1499 г., в Тихвине. Она повествует о чудесном "явлении" в Тихвинском погосте иконы Богоматери Одигитрии, о построении здесь деревянной Успенской церкви и о трех пожарах последней, во время которых хранившаяся в ней "явленная" икона оставалась всякий раз невредимой от огня. Характер текста редакции А свидетельствует о ее непосредственной близости к устному легендарному преданию, бытовавшему в новгородской области до его литературной обработки. Как видно, автор этой редакции стремился к точному и непредвзятому воспроизведению местной легенды о Тихвинской иконе, всего того, что он слышал об обстоятельствах ее прославления и сопутствовавших этому событиях. Не случайно поэтому его повествование отличается безыскусственностью и беллетристичностью, конкретностью и документальностью.

Редакция Б представляет собой иную - видимо, официальную - литературную версию предания о тихвинской святыне. Прежде всего она дополнена отсутствующим в тексте А рассказом о построении в Тихвине в 1507 г. "кирпичного" Успенского храма на месте сгоревшей деревянной церкви. Возможно, и само создание редакции Б связано с этим событием. Но скорее всего она была написана после все

сны 1509 г. От версии А редакция Б отличается также структурой текста, композиционной организацией изложения, составом фактических сведений и хронологической привязанностью описываемых событий. Несомненно, ее составитель пытался абстрагироваться от частных эпизодов в предании и конкретных исторических обстоятельств, исключить из повествования подробности местного значения, усилив при этом нравоучительный пафос рассказа. Отсюда основными чертами повествовательной структуры редакции Б являются, наряду с документальностью, риторичность, этикетность и дидактизм.

Б результате текстологического анализа самых ранних версий "Сказания о Тихвинской Одигитрии" удалось опровергнуть традиционно бытующее в науке мнение[5]: во-первых, о том, что памятник был создан в начале XVI в. и что инициатором или даже исполнителем этой литературной работы был новгородский архиепископ Серапион /1506-1507 гг./: как видно, он не имел отношения к составлению редакций А и Б, во всяком случае последние были составлены не при нем; во-вторых, о том, что "Сказание" изначально предназначалось для художественно-литературного обоснования "духовного превосходства" Новгорода над Москвой: как можно судить по содержанию, и редакции А и редакции Б не присуща так называемая проновгородская идейная тенденциозность.

Как известно, конечная цель текстологического исследования - это выявление истории текста изучаемого литературного памятника "в самой тесной связи с мировоззрением, идеологией" его автора, а также "составителей тех или иных редакций... и их переписчиков"[6]. Иными словами, всякое литературное произведение по необходимости и возможности должно быть подвергнуто герменевтическому осмыслению, причем не только как нечто созданное по определенным законам творчества /аспект поэтики/, но и как нечто неразрывно связанное

с реальностью породившего его общественного бытия, как нечто являющееся феноменом последнего /культурно-исторический аспект/.

Поэтому определение времени возникновения и выяснение содержательных особенностей редакций А и Б "Сказания" обязывает исследователя обратиться к весьма трудной проблеме исторического и культурологического комментирования этих текстов.

В самом деле, в чем состояло существо их связи с эпохой, в контексте которой они были созданы? каким образом данные редакции соотносятся с идейно-политическими тенденциями литературы конца ХУ - начала ХУI в.? к какому общественному направлению[7] могли быть близки их авторы? читателям каких мировоззренческих убеждений и литературных вкусов они могли угодить своими сочинениями? и как вообще последние воспринимались /и могли быть восприняты/ древнерусскими грамотниками? Вот вопросы, представляющиеся мне чрезвычайно важными. И ниже я попытаюсь на них ответить.

Как было уже отмечено, сюжетно-повествовательная литературная основа "Сказания о Тихвинской Одигитрии" сложилась раньше, чем принято думать: на исходе ХУ в. в Тихвине были записаны местные устные предания и таким образом возникла редакция А.

На мой взгляд, особый интерес вызывает то обстоятельство, что момент создания памятника приходится как раз на время весьма активной и интенсивной литературно-публицистической работы новгородских книжников, направленной прежде всего на преодоление распространившегося в Новгороде и затем в Москве еретического учения. Так, в борьбе с упомянутым учением архиепископ новгородский Геннадий и его ближайшие сподвижники, особенно игумен Волоколамского Успенского монастыря Иосиф Санин создают в конце столетия целый корпус обличительно-полемических произведений; в окружении новгородского владыки осуществляется полный перевод "Библии", переводят-

ся и собираются греческие и католические трактаты и сочинения, направленные против религиозного вольномыслия, обсуждается проблема "скончания" седьмой тысячи лет и т. д.[8].

В свете этой антиеретической литературной деятельности сюжет рассматриваемого "Сказания" представляется весьма актуальным. Ведь он посвящен прославлению почитаемых в Тихвине святынь - "явленной" богородичной иконы Одигитрии и креста, сделанного из бревна /"клади"/, на котором сидела якобы сама Богоматерь. Иначе говоря, создатель данного литературного текста в простой и ясной повествовательной форме, посредством беллетризации "реально бывшего" в историческом прошлом подтверждает как раз те догматико-обрядовые положения православия - культ Богородицы и святых, почитание икон и креста, - против которых были направлены и критика и поступки не только последователей новгородско-московской ереси, но и еще ранее стригольников[9]. И, видимо, совсем не случайно "явление" почитаемых в Тихвине рукотворных религиозно-обрядовых предметов произошло, согласно местному преданию, в конце XIV в., в годы распространения в Новгороде стригольнической ереси, а литературная обработка этого предания была произведена в конце XV в., в годы борьбы Геннадия с ересью антитринитариев, или жидовствующих, как называли тогда новгородских и московских вольнодумцев.

Можно предположить, что, помимо теоретико-полемических и обличительно-публицистических сочинений, актуализирующих христианско-богословское наследие, а также - инквизиционно-репрессивных мер, защитники православия использовали и способы художественного воздействия на умы, например - с помощью простой апелляции к конкретному "историческому опыту", закрепленному в народной памяти и подтверждающему законность и незыблемость ортодоксально-христианского вероисповедания и ритуалов. "Сказание о Тихвинской Одигит-

рии" в редакции А и явилась такого рода литературной апелляцией к авторитету исторического предания. Но поскольку "всякий повествовательный сюжет в русской средневековой литературе рассматривался как исторически бывший, как нечто, чему свидетелем был сам автор" или его информанты[10], постольку исследуемый памятник представлял в глазах древнерусских читателей документ, - наглядное доказательство, весьма красноречивое и потому особенно полезное для охранительной идеологии единомышленников архиепископа Геннадия.

Между прочим, в церковно-исторической традиции, уже книжниками XVII в., явление Тихвинской иконы осмыслялось именно как свидетельство прямого вмешательства Богоматери в общественный конфликт, возникший на почве религиозных разногласий. На этот счет имеются данные в службе Тихвинскому образу: "Днесь верных собори просвещаются, еретическая же ополчения посрамляются, видяще икону твою, Владычице, яко солнце по воздуху шествующу, нечестия мглу потребляющу и верныя просвещающу"[11].

На связь "Сказания" с ересеборческой деятельностью книжников геннадиевского круга, может быть, косвенно указывает и рассказ памятника о железном кресте: тихвинцу Юрышу в его чудесной беседе с "женой светлой" и "человеком старым" было исповедано, что "Пречистаа на своемъ храме железна креста не изволи, но быти древяну"[12]. В этом рассказе, думается, реализован древнейший литературный мотив запрета на применение железа при строительстве храма. Мотив этот получил на Руси известность по крайней мере с конца XIV в., к которому восходят наиболее ранние списки "Толковой палеи"[13]. Именно в этом памятнике, имеющем, кстати, противоиудаистскую полемическую направленность[14], содержались апокрифические сказания о Соломоне. В одном из них также реализован мотив запрета на применение железа. Во всяком случае с его помощью объясняется, зачем

Соломону понадобилось пленить Китовраса: "И рече ему /Китоврасу – В.К./ Соломон: Не на потребу свою приведох тя, на на вопрос очертаний Святая Святых. Приведох тя по повелению Господню, яко не повелено ми есть тесати камени железом"[15]. Этот мотив восходит к библейскому каноническому повествованию о возведении Соломоном главного иерусалимского святилища: "Когда строился храм, на строение употребляемы были обтесанные камни; ни молота, ни тесла, ни всякого другого железного оружия не было слышно в храме при строении его" /3 Цар. 6: 7/.

Среди новгородских книжников данный мотив мог стать хорошо известным как раз в связи с работой геннадиевского литературного окружения над полным славянским переводом "Библии". И в этом свете история с железным крестом, включенная в "Сказание о Тихвинской Одигитрии", как нельзя лучше вписывалась в круг идейно-образных представлений эпохи. Как бы там ни было, но довольно странному /с точки зрения реальной практики храмоздательства/ повелению Богоматери не ставить на новой церкви железного креста[16] находится теперь объяснение и на уровне истории духовной культуры: такое решение, и рассказ о нем, были уместны не только в сюжетной структуре произведения, поскольку мотивировали переход повествования к эпизоду о чуде с церковным мастером; оно вполне соответствовало литературной традиции, поскольку вся история с железным крестом является по существу конкретной /причем совершенно своеобразной/ художественной реализацией довольно редкой, но все же встречающейся в памятниках словесности темы.

Отсюда предположение о связи анализируемого произведения с борьбой против ереси "жидовствующих" совсем небезосновательно. Не случайно же автор древнейшего текста "Сказания" – редакции А – художественно обработал мотив, функционирующий в качестве сюжетного ~~элемента в памятниках, используемых древнерусскими книжниками [illegible]~~

элемента в памятниках, используемых древнерусскими книжниками именно в антииудаистских целях. И что бы мы ни думали о конкретных литературных задачах составителя редакции А, очевидны ортодоксальность последнего и тождественность его сочинения ересеборческой книжной традиции.

Но литературная обработка бытовавших в Тихвинском погосте устных преданий могла быть созвучна не только мероприятиям русской церкви по защите догматико-обрядовых основ православия. Включение исследуемого текста в круг чтения в конце ХУ - начале ХУI в. [illegible]., вероятно, было весьма своевременным и в обстановке принципиальной борьбы духовенства с великокняжеской властью за право на церковное землевладение.

Содержание нового произведения явно отвечало интересам "стяжателей". Ведь в нем, по сути, рассказывалось о небесном покровительстве Богоматери, которая как через посредство своей иконы, так и лично как бы предуказала и благословила места для совершения таинств и общественной молитвы пред алтарем господним, места, где надлежало построить храмы божьи - Рождественский "в Вымоченицах"[17] Покровский "на Кожели", Успенский "на Тихвине" и там же часовню Николы. И впоследствии, по "Сказанию", Богородица не оставляла без покровительства, например, Тихвинскую церковь, о чем красноречиво свидетельствовало неоднократное чудесное избавление ее иконы от огня во время церковных пожаров.

Это ли не служило прямым и неопровержимым с точки зрения средневекового человека доказательством святости и богоугодности построенного на земле Тихвинского погоста храма? И если предположить, что тихвинцы, испытывая известные неудобства - будучи вынужденными при возникновении этого храма потесниться на обжитом ими пространстве и затем делиться своими доходами с клиром и далеким

от них первосвятителем новгородской епархии, - могли на этом основании выражать каким-то образом свой протест и противление церкви и местному духовенству[18], то естественно напрашивается вывод о предназначенности "Сказания" в редакции А для идеологического давления на умы и души прежде всего тихвинских поселенцев.

Необходимо помнить также следующее: вопрос о землевладении особенно остро стоял как раз в Новгородской области. Во-первых, здесь издавна - по крайней мере с конца XIУ в. - бытовали среди посадского и сельского населения секуляризационные настроения по отношению к епархиальной церковно-монастырской собственности, что выражалось, видимо, в прямых покушениях на последнюю и что весьма беспокоило высшую церковную власть - например, митрополита Киприана, а позднее митрополитов Феодосия и Филиппа I, чьи грамоты к новгородцам были специально посвящены обоснованию неприкосновенности церковных земель[19]. Во-вторых, именно в Новгороде после его присоединения к Московскому государству в 1478 г. великий князь Иван Ш с неизменной последовательностью проводил аграрную реформу, результаты которой отрицательно сказывались прежде всего на благосостоянии местной знати, "лучших" людей. Так, до исхода ХУ в. здесь путем предпринятых им репрессий, "выводов" населения и переписи земельных фондов было практически покончено с боярским и купеческим землевладением; а с 1478 по 1499 год в великокняжескую казну была переведена подавляющая часть новгородских церковно-монастырских имений[20]. Конфискации приобрели настолько широкий размах, что возникла прямая опасность их перерастания в полную секуляризацию церковных имуществ[21]. Кроме того, попытки великого князя провести аграрную реформу, к вящей обеспокоенности правоверных ортодоксов, нашли неожиданную и теоретически обоснованную поддержку в учении новгородско-московских еретиков, которые своими на-

падками на церковь как бы снимали "грех с души Ивана III"[22]. Да еще идее ликвидации церковных землевладений выразило сочувствие заволжское монашество во главе с авторитетнейшим старцем Нилом Сорским[23].

При таких обстоятельствах вопрос о церковных землях приобретал значение не только социально-политическое, но также идеологическое. Возникла насущная потребность в теоретическом доказательстве святости и неприкосновенности имущественных прав церкви.

За эту задачу взялась наиболее заинтересованная группа общественных деятелей - так называемые воинствующие церковники, возглавляемые новгородским архиепископом Геннадием и подчиненным ему по епархии игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Саниным. Естественно, прямые выступления против Ивана III были опасны. Поэтому вся сила полемики была направлена против поддерживающих аграрную политику великого князя еретиков, а также вообще против любых охотников "учинить грубость" святой церкви. Но таким образом критике подвергались и секуляризационные планы московского правительства.

Еще до собора 1503 г., на котором стяжательские взгляды духовенства все-таки взяли верх, в стане Геннадия были созданы публицистические сочинения в защиту имущественных прав церкви - "Слово кратко противу тех, иже в вещи священные подвижные съборные церкви вступаются..." доминиканца Вениамина[24], "Послание монахам Пафнутьевского Боровского монастыря" Иосифа Волоцкого[25] и др.; более того, в новгородском синодике появилась приписка о предании лиц, посягающих на церковные землевладения, анафеме: "Вси начальствующии и обидящии святыя божия церкве и монастыреве, отнимающе у них данные тем села и винограды, аще не престанут от таковаго начинания, да будут прокляты"[26].

Надо думать, защитники церковно-монастырских имуществ /как и вообще ортодоксального православия/ не ограничивались дисциплина-

рно-правовыми мерами и теоретико-публицистической полемикой. Достижению их целей должно было способствовать и усиление культа различных святынь - икон, крестов, мощей подвижников и т.п. Для прославления последних создавались легенды о творимых ими чудесах. Эти свидетельства о конкретных благодеяниях и покровительстве небесных сил, далекие от отвлеченного рационализма и схоластики богословских трактатов и близкие к образной системе народно-религиозной фантастики, значительно эффективнее воздействовали на вероисповедные чувства православных и потому быстро становились достоянием широких народных масс. Но в силу средневековых представлений уже сам факт божественного вмешательства через ту или иную святыню в жизнь людей - особенно подтвержденный "документально" - не только повышал авторитет самой святыни, создавая предпосылки для ее общего признания, но и накладывал вето неприкосновенности на место, где она хранилась.

В свете сказанного проясняется и скрытый смысл исследуемого памятника. Без сомнения, автор его первоначального варианта, фиксируя устные предания, преследовал и охранительные цели. Ведь, возможно, в конце ХУ в., когда была создана редакция А, население Тихвинского погоста переживало острую конфликтную ситуацию - во-первых, в связи с распространением здесь еретических настроений, а во-вторых, в связи с земельной реформой Ивана Ш. Обе выдвинутые жизнью проблемы затрагивали прежде всего интересы местного духовенства, и, видимо, именно ему необходим был охранительный подтекст "Сказания".

Предположение о созвучии редакции А идеологии защиты церковного землевладения тем более очевидно, что ведь этот текст создавался как раз в обстановке, когда в Новгороде /с 1495 по 1505 г./, по распоряжению великого князя, производилась очередная перепись

земель, имевшая целью "подвести итог земельной реформе"[27]. Между прочим, тогда же, в 1496 г., Юрием Сабуровым, описывавшим Обонежскую пятину, была составлена и первая перепись Тихвина /правда, не сохранившаяся/[28]. Вряд ли при этом местное духовенство спокойно относилось к решениям Сабурова - представителя старомосковского боярского рода и будущего тестя Василия III. Очевидно, на него пытались как-то повлиять. И, возможно, легенде о тихвинской святыне в данной ситуации отводилась не последняя роль. Надо думать, пропаганда была успешной. Во всяком случае впоследствии - очень скоро - великокняжеская власть отнеслась со вниманием к чудодейственной силе почитаемой в Пречистенском погосте иконы /об этом несколько ниже/.

Что же касается предположения о связи "Сказания" в редакции А с борьбой против религиозного вольнодумства конца XV в., то его подтверждают также следующие соображения. Хорошо известно: в Новгороде благотворную почву для произрастания еретических умонастроений еще со времен стригольничества составляли белое духовенство и поселенцы посада, то есть ремесленный люд и мелкие торговцы[29]. Впрочем, в этой же среде вызревали и секуляризационные планы по отношению к церковно-монастырским землям[30]. Бесспорно, тихвинцы в социальном смысле мало чем отличались от новгородского посадского населения, с коим к тому же наверняка имели экономические связи, поскольку жили на перекрестье торговых путей[31]. Поэтому распространение среди них ереси /а по утверждению архиепископа Геннадия, еретическая "прелесть... распрострелася не токмо в граде, но и по селам"[32]/, как и поддерживаемых московским правительством вожделений относительно принадлежавшей Успенской церкви земли, вполне вероятно. Но в таком случае в отношениях тихвинцев с местным клиром естественно должна была возникнуть некоторая напряженность,

противопоставленность. А это, в свою очередь, обязывало пастыря позаботиться о средствах разрешения конфликта /явного или скрытого/ со своей паствой.

Далее. Вирус религиозной реформации, поразивший русское общество в конце XV в., как известно, четко разделил духовные силы церкви на два лагеря: из рядов белого духовенства, или "попов", нередко выдвигались ересиархи[33], тогда как "чернецы", или монахи, выступали обычно в роли ересеборцев. На этом основании позволительно оценивать взаимоотношения белого и черного духовенства в рамках данного периода общественной жизни Руси как отношения, основанные на столкновении интересов, то есть можно говорить об определенной противопоставленности /в известных пределах, конечно/ означенных общественных сил.

В связи с таким выводом чрезвычайно уместно вспомнить здесь о том, что, по предположению И.П.Мордвинова, при Тихвинском Пречистенском погосте уже в конце XV в. образовалось монашеское поселение - так называемый "несобственный" монастырь. Ссылаясь на какой-то синодик, Мордвинов указывает даже на иеромонахов Иону, Ефрема, Евфимия и Дмитрия, которые служили в Успенском храме еще до основания при нем обители[34]. Однако скорее всего монахи эти жили в Никольской пустыни, очевидно, уже существовавшей в Пречистенском погосте в конце XV в. Об этом свидетельствует найденная мной уникальная приписка к одному из списков редакции Г исследуемого "Сказания": "В лето 7007-г/о/, августа в 27 де/нь/, грех ради наших и небрежением храм великого чюдотворца Николы в пустыне згоре совсем, на осмом часу дни. А великого чюдотворца Николы образ вынесоша игумен з братею, а иного не вынесоша ничто же - ни риз, ни книг, ни казны"[35]. Таким образом, в Тихвинской церкви действительно могли служить чернецы, но - наряду с бельцами, как

прямо указывает текст "Сказания" в редакции А, согласно которому во время последнего пожара икону из церкви вынесли "поп Василей да сын его Степан"[36]. /Читая эту фразу, следует иметь в виду, что в древнерусской речевой традиции словом "поп" обозначался только священник-"белец", тогда как литургисающий монах назывался "чернецом-попом", или "черным попом", то есть слово "поп" в таких случаях всегда сопровождалось поясняющим приложением или определением[37]./

Однако если в Тихвине в конце ХУ в. сосуществовали представители и белого и черного духовенства, то почему бы не предположить, что в их частных отношениях отражались общие тенденции внутрицерковной жизни и что бельцы, например, испытывали некоторые неудобства под бдительными контролирующими взорами чернецов?

Такое предположение вовсе небезосновательно, поскольку, как мы знаем из писаний ересеборцев, религиозные вольнодумцы - "попы" и миряне - исповедовали свое учение тайно, скрываясь под личиной православия: "да егда будут /еретики - В.К./ где православных, - писал архиепископ новгородский Геннадий, - и они таковых же себе являют... И кто будет верою огражден и в православии христианства крепок, и они того таятся..."[38]. Данное обстоятельство побудило Геннадия, помимо организации общей идейно-теоретической борьбы с обнаруженной ересью, учинить во вверенной ему в пастырское попечение епархии тщательный розыск. Заручившись санкцией великого князя, он в 1491 г. "еретиков изыска и облечи в Великом Новгороде... одних велел жечи на Духовском поле, иных торговые казни предали, а иных в заточение посла, а иные в Литву збежали, а иные в Немцы"[39] /ср. челобитье еретиков Ивану Ш во время собора 1490 г. о том, что Геннадий их "имал, и ковал, и мучил... да грабил животы"[40]/. Особенно это касалось лиц духовных, среди которых наибо-

лее подозрительными, естественно, представлялись белые священники. В таких условиях последним ничего не оставалось как только защищаться - хотя бы путем нахождения каких бы то ни было оснований для отведения от себя возможных подозрений: необходимо было заранее - и желательно с наибольшей убедительностью - продемонстрировать неколебимую верность православию, дабы избежать сурового испытания в вере, которое - еще неизвестно - удастся ли выдержать /ведь далеко не всякий сельский иерей мог похвастаться в то время достаточной богословской образованностью/. И конечно же безотказно действующим стимулом для упреждающе-предохранительных усилий должна была служить немилосердная расправа Геннадия над новгородскими еретиками после собора 1490 г.[41].

Приведенные соображения позволяют несколько по-иному расценивать подробность редакции А "Сказания" о попе Василии и его сыне Степане. В их свете она выглядит теперь совсем не как простая дань автора текста требованиям фактографичности и документализма. Теперь эта подробность представляется не иначе как прямое основание для презумпции невиновности.

В самом деле, главные прегрешения, в коих обвиняли еретиков /см., например, "Соборный приговор" 1490 г./, состояли в том, что они позволяли себе хулить Иисуса Христа, Богоматерь и "святые" иконы, ругаясь над последними и чиня над ними всяческие поругания[42].

Но, как следует из текста редакции А, пречистенский поп Василий и сын его Степан к подобным вольнодумству и святопреступлениям причастны не были. Напротив, во время церковного пожара они спасли от огня храмовую святыню - икону Богоматери с младенцем Иисусом Христом, продемонстрировав тем самым и свою верность христианским догматам, и свое благочестие, и свой пиетет к почитае-

ному в Тихвине "явленному" образу. "Сказание" подтверждало это документально. А такой документ, конечно же, был серьезнейшим оправдательным аргументом в их пользу, достаточно авторитетным доказательством их правоверия.

Итак, если приведенные соображения резонны, то необходимо признать резонной и мысль, что введение в текст редакции А подробности о попе Василии и его сыне Степане есть попытка упреждающего оправдания этих лиц в глазах пречистенского населения, в частности местных монахов, среди которых вполне могли быть и представители епархиальной власти.

Такой вывод, в свою очередь, дает основания для постановки вопроса об авторе "Сказания о Тихвинской Одигитрии" в редакции А. Действительно, столь полная конкретизация в данном тексте рассказа о последнем церковном пожаре была выгодна прежде всего самим поименованным персонажам - попу Василию и его сыну Степану. Не является ли в таком случае означенный рассказ самосвидетельством, самооправданием, самозащитой? И не следует ли "подозревать" в авторстве либо Василия, либо Степана, либо кого-то, кто был им очень близок и весьма заботился об их безопасности? На мой взгляд, это предположение не лишено смысла. И, может быть, в будущем, при еще более тщательном поиске, удастся аргументировать его убедительнее.

А пока, подводя итоги, можно с достаточной уверенностью заключить, что автор редакции А, предпринимая литературную обработку устных преданий о тихвинской святыне с целью их фиксации, во-первых - идейно опирался на интересы защитников чистоты православия и попутно ограждал себя от подозрений в еретичестве; а во-вторых - вольно или невольно способствовал утверждению теории вотчинных прав церкви и заодно, возможно, заботился о сохранении принадлежавшей Тихвинскому Успенскому храму земли. В целом направленность

его творческих усилий находилась в полном соответствии с литературно-публицистической и общественно-политической деятельностью книжников из окружения новгородского архиепископа Геннадия. Поэтому не удивительно, что наиболее ранние из пока что известных списков редакции А принадлежали видным насельникам Иосифо-Волоколамского монастыря: список Иосифо-Волоколамский-555 читался в сборнике Ионы Головы Пушечникова[43] /представитель рода вотчинников, имевших в ХУI в. владения в уездах Тульском, Ржевском, Кашинском, Рузском, Волоцком и Калужском[44]; один из авторитетнейших волоколамских старцев, "воспитатель и приставник сыном державного владыки Волоцкого"[45]; пользовался особым доверием Иосифа Санина, в 1507 г. в духовном завещании последнего был рекомендован в числе 10 старцев Василию Ш как возможный восприемник игуменства; в том же году вместе с Кассианом Босым ездил к великому князю с челобитьем о принятии Волоколамской обители под его защиту[46]/; а список Иосифо-Волоколамский-414 читался в "канунике" Галактиона[47] /с 1552 по 1558 г. игумен Волоколамского монастыря, с 1558 по 1565 - архимандрит Новоспасского монастыря в Москве, с 1565 г. - епископ Сарский[48]/. Без сомнения, "Сказание о Тихвинской Одигитрии" в редакции А воспринималось этими книжниками как произведение иосифлянского толка[49].

Редакция Б исследуемого памятника, очевидно, также служила интересам представителей воинствующей церкви. На связь данного текста с иосифлянской идеологией указывают и распространенность его списков в определенной среде, и его субстанциональные, идейно-стилистические особенности, и, наконец, очевидное внимание к тихвинской святыне великого князя Василия Ш.

В самом деле, наиболее ранние списки редакции Б свидетельствуют о том, что и эта версия "Сказания" бытовала прежде всего в

кругу читателей-иосифлян.

Так, список Иосифо-Волоколамский-659 был, вероятно, создан в Москве, в скриптории митрополита Даниила, бывшего настоятеля Волоколамской обители и прошел через руки известного книжника, монаха-иосифлянина Фомы Смоилова[50]. А сборник, в котором содержится этот список, был составлен /скомпонован из нескольких частей/ в 1536 г. по распоряжению игумена упомянутого монастыря Нифонта Кормилицына[51]. Список Иосифо-Волоколамский-577 читается в сборнике, принадлежавшем волоколамскому иноку Ануфрию Исакову[52], ученику именитого постриженика и долговременного обитателя Иосифова монастыря Дионисия Звенигородского /в миру Данилы Васильевича Лупы, представителя древнего рода звенигородских князей, издавна - с начала XV в. - находившихся на службе у великого князя московского[53]/. Наконец, список Синодальный-562 был написан одним из грамотников, работавших над Сводной Кормчей митрополита Даниила - так называемым "Анонимом"[54].

Помимо московского происхождения древнейших списков редакции Г, следует отметить и промосковскую ориентацию ее текста, о чем говорит структура последнего - официозный стиль, композиционное построение по типу летописного рассказа, отсутствие /сравнительно с редакцией А/ подробностей местного новгородского предания[55]. Все это было вполне созвучно идейно-эстетическим канонам, принятым в московских официальных литературных кругах[56] и, конечно же, должно было импонировать книжникам-иосифлянам. Потому, вероятно, среди них означенный текст и пользовался популярностью.

Нельзя оставить без внимания и то, что идейно-содержательные свойства редакции Г удивительно согласуются не только с основной проблематикой русской публицистики и идеологической борьбы начала XVI в. /вопросы о ереси и о вотчинных правах церкви/, но и с теми

переменами в идейной позиции Иосифа Санина, которые наметились в его творчестве примерно с 10-х годов, то есть тогда же, когда был создан и текст означенной версии "Сказания". Речь идет о трактовке волоцким игуменом проблемы взаимоотношений между "священством" и "царством".

В самом деле, борьба охранителей православия с антицерковным учением еретиков и с секуляризационными планами московского правительства закономерно сводилась и к чрезвычайно важному политическому вопросу о том, какая власть выше - духовная или светская. Исторически решение этого вопроса менялось. Так, в конце ХУ и самом начале ХУI в. - в условиях, когда великий князь Иван Ш, опираясь на учение вольнодумцев, осуществлял политику отторжения церковно-монастырских земельных владений в пользу государственной казны и когда ортодоксам, выступившим против "жидовская мудрствующих", не приходилось довольствоваться его поддержкой, - писатели из окружения новгородского архиепископа Геннадия в ряде произведений развивали идеологию сильной воинствующей церкви, обосновывали мысль о превосходстве духовной власти над светской, о необходимости подчинения княжеской воли предначертаниям Дома Христова /"Слово кратко..." Вениамина, ХП слово "Просветителя" Иосифа Санина и др./[57]. Но с переходом Волоколамского монастыря в 1507 г. под патронат великого князя Василия Ш игумен Иосиф пересматривает прежнее учение воинствующей церкви о сущности и пределах царской власти. Теперь он в своих сочинениях, развивая теорию теократического происхождения самодержавия, разрабатывает идею о том, что "царство" выше "священства" и что государь, наделенный властью от бога и являющийся его верховным представителем на земле, призван к защите духовного воинства, к неустанному "попечению" о "всем православном христианстве" /послания к великому князю, ХУI слово

"Просветителя"/[58]. Как известно, эти положения еще более откровенно были сформулированы в писаниях другого представителя иосифлянской идеологии, старца Филофея, который обращался к Василию III прямо как к "православному христианскому царю и всех владыке, броздодержателю святых божиих престол"[59].

Таким образом, ко времени появления "Сказания о Тихвинской Одигитрии" в редакции Б иосифляне как раз признали полноту власти великого князя московского и в области духовной, наделив его приоритетными правами в делах церковного и монастырского устроения.

Данное обстоятельство позволяет с более глубоким пониманием рассматривать рассказ редакции Б о построении в Тихвине в 1507 г. "кирпичного" Успенского храма и об основании неподалеку Никольского монастыря. Думается, его автор, подчеркивая, что инициатива в этих богоугодных делах принадлежала не новгородскому архиепископу Серапиону, а великому князю Василию III,[59а] - следовал именно новой политической линии иосифлян. Иными словами, созданный им литературный текст, будучи иосифлянским по сути, функционально способствовал усилиям русской публицистики обосновать роль московского государя как законного попечителя о русской церкви.

Итак, анализ содержания древнейших версий "Сказания" и культурно-исторических обстоятельств, на фоне которых они были включены в конце XV - начале XVI в. в литературный обиход, дает основания связывать если не появление, то распространение этих текстов с деятельностью писателей и переписчиков геннадиевско-иосифлянского направления, в частности - волоколамских книжников.

Как известно, последних отличали, с одной стороны, интерес к вновь появляющимся, современным им, сочинениям, а с другой - "традиционность в переписывании тех произведений, которые уже раньше вошли в их среду"[60]. Кроме того, иосифлянство как церковно-поли-

тическое направление вообще оказывало влияние "на разные области культуры, в том числе оно содействовало созданию и популяризации литературных произведений, по своей направленности близких к мировоззрению последователей Иосифа Волоцкого", продолжавших "традиции кружка архиепископа Геннадия в области литературно-идеологической деятельности"[61].

Несомненно, этой привилегии удостоилось и "Сказание о Тихвинской Одигитрии". Ведь его редакции А и Б, созданные как будто бы с целью фиксации местного устного предания, способствовали прежде всего делу пропаганды богородичной иконы в интересах идеологии воинствующей церкви и являлись литературно-художественной формой ответа на важнейшие общественно-политические вопросы эпохи – о религиозном вольнодумстве, о церковно-монастырском землевладении и о взаимоотношениях "священства" и "царства".

Нельзя оставить без внимания и некоторые данные, позволяющие считать, что Тихвинская святыня, благодаря литературной обработке народной легенды, уже в начале ХУI в. приобрела довольно широкую известность и, может быть, тогда же началось ее почитание при московском великокняжеском дворе. Во всяком случае Василий III, став в 1505 г. великим князем и женатым человеком /брак был заключен с Соломонией Сабуровой/, не остался безучастным к ее культу и через два года отдал распоряжение о возведении в Тихвине "кирпичного" храма, а в 1526 г., сразу после своего второго – "незаконного" – бракосочетания /с Еленой Глинской/, лично приезжал к "Пречистой Богородици на Тихвину помолитися"[62] – очевидно, о рождении престолонаследника. Кстати, особое отношение к этой иконе Василия III /как, впрочем, и его сына Ивана IУ/ было замечено и оценено позднейшими древнерусскими книжниками. Так, в повествовании об осаде Тихвинского Успенского монастыря шведами в 1613 г. читаем: "... -

го ради /"милостей" Богородицы - В.К./ христолюбивый царь /Михаил Федорович - В.К./ к чюдотворной иконе ея, иже на Тихфине, велию веру и любовь стяжа, якоже и боголюбивии прародителие его,- великий князь Василий Ивановичь и сын его, благочестивый царь и великий князь Иоанн Васильевичь, - от слышания многих чюдес, бывающих от нея, теплу веру к той и непоколебиму имеяху: великий убо князь Василий Ивановичь, от великаго усердия, на поставление чюдотворныя иконы Богоматере устрои церковь каменну, велику и чюдну, иже и доныне божиею благодатию стоит, посем же и самовидец многоцелебней сей иконе и своему благоустроению бываше..."[63]. "Особную ревность" и "усердную любовь" Василия Ш к Богородице и ее Тихвинскому образу отмечал и Димитрий Ростовский[64]. Отношение великокняжеской фамилии к тихвинской святыне подтверждается также и уникальной припиской к упоминавшемуся уже списку редакции Г "Сказания": "Да присылал княз/ь/ великий Василей Ивановичь всеа Русии ко Пречистой на Тихвину иконников своих - снимати чюдотворнаго образа Пречистые. И иконники учали снимати образ Пречистые - класти ярь /з/ зелием на бумагу и бумагу прикладывати ко образу Пречистне. И Пречистыя образа своего не дала сняти. Да присылал князь великий Иван Васильевич всеа Русии иконников своих снимати образ. И они снимали, на нее смотря, по подобию. И она ся и дала сняти. И списали"[65]. К сожалению, содержащиеся здесь сведения не соотнесены с конкретными датами, но тем не менее их необходимо учитывать.

Мне представляется вполне допустимой мысль о том, что Василий Ш познакомился с преданием о Тихвинской иконе еще в конце ХУ в. Действительно, как отмечалось выше, в 1496 г. будущий тесть Василия Юрий Сабуров занимался переписью новгородских земель в Обонежской пятине, и в частности описывал Пречистенский погост на реке Тихвинке. Тогда он и мог получить сведения о почитаемой тих-

винцами святыне и затем доставить их в Москву, хотя бы в виде устного рассказа. И вряд ли княжич Василий отнесся к ним равнодушно.

Во-первых, он был последовательным противником новгородско-московской ереси, лично заинтересованным в ее искоренении /поскольку возглавлял оппозицию распространителям этого зла при дворе Ивана III, сплотившимся вокруг Елены Волошанки и соперника по престолонаследованию княжича Дмитрия Ивановича/, и поэтому неизменно поддерживал защитников православия в их церковно-политической и идеологической борьбе с еретиками[66]. А ведь "Сказание о Тихвинской Одигитрии", по существу, способствовало успеху этой борьбы.

Во-вторых, в марте 1499 г. Василий после непродолжительной опалы был пожалован уделами - Новгородом и Псковом и провозглашен великим князем новгородским и псковским /правда, псковского княжения он на деле не получил/. Событие это, как известно, встретили с радостью в окружении новгородского архиепископа[67]. Получение Василием Новгорода также могло повлиять на пробуждение у него интереса к культу Тихвинской иконы - тем паче, что к тому времени, видимо, существовал уже литературно обработанный рассказ о ней.

В-третьих, у Василия Ивановича, наследника великокняжеского престола, имелись и более общие идейно-политические причины для особого отношения к этой святыне. Дело в том, что последняя представляла собой икону Богоматери типа "Одигитрия" /"Путеводительница"/. Богоматерь же, как известно, еще со времен Ивана Даниловича Калиты /ум. в 1340 г./ считалась покровительницей Москвы[68], а собственно образ Одигитрии - по византийской традиции, палладиум государственной власти[69] - как раз к XV в. стал наиболее почитаемой на Руси богородичной иконой[70] и превратился в "эмблему" "царственного" величия Московского княжества, воспринявшего высокое назначение павших христианских империй - Рима и Византии[71]. И

именно в последней трети ХУ столетия, после присоединения Новгорода и окончательного свержения ордынского ига, в Москве чрезвычайно усилился культ Богоматери: с ним связывались исторические традиции борьбы Руси за независимость и объединение в централизованное государство, что, в частности, повлияло на мемориальное великокняжеское и монастырское строительство, а также на храмовую символику[72].

Необходимо учитывать и бытующее в науке мнение о изначальной связи почитания Тихвинской Одигитрии "с московскими церковными и политическими веяниями", которая проявилась в том, что уже в год прославления этой "чудотворной" иконы - 1383-й - с нее якобы была сделана копия для второго сына Дмитрия Донского - Юрия[73], впоследствии князя Звенигородского и Галицкого, а в 1433 и 1434 гг. дважды занимавшего даже великокняжеский стол[74]. Данная мысль восходит к предположению Д.В.Айналова, который содержание текста, обнаруженного им в рукописи № 4523 из симферопольской семинарской библиотеки /нынешнее ее местопребывание неизвестно/, соотнес с иконой Тихвинской Богоматери[75]. Вот как этот текст читается в ~~статейке~~ статье Е.И. Антоновой: "В лето от сотворения мира 6891 /то есть в год "явления" Тихвинской Одигитрии - В.К./, в княжение благоверного великого князя Дмитрия Ивановича и всесвятейшего патриарха московского и всея Руси Пимена была, согласно обещанию, данному великим князем Юрием Дмитриевичем, написана эта икона, и написал ее я, многогрешный иеромонах Игнатий Грек из монастыря Михаила Архангела. Во время великого поста писал я эту икону и в Вербное воскресение передал ее великому князю"[76]. Приведенной надписью, полагает исследовательница, первоначально была снабжена написанная Игнатием Греком Тихвинская икона[77]. Так же думал и В.Н.Лазарев[78]. А.Ласкинен, однако, склоняется к тому, что созданный Игнатием об-

раз был не копией, а оригиналом[79]. Как бы там ни было, сама связь почитаемой в Тихвине иконы с московским великокняжеским двором - с одним из сыновей Дмитрия Донского - могла сохраниться в памяти последующих поколений и, в частности, определить на рубеже ХУ-ХУI вв. интерес к этой святыне со стороны великово князя Василия I.

Сказанное косвенно подкрепляют сведения из истории Дмитрова. Так, в начале ХУI в. в этом городе, на посаде, уже существовала, как известно, церковь, посвященная Тихвинской Богоматери с сохраненной храмовой иконой конца ХУ или начала ХУI в. Г.Б.Попов предполагает, что и та и другая были созданы по заказу обосновавшихся здесь новгородских переселенцев[80]. Однако, на мой взгляд, вопрос о том, кто на самом деле являлся инициатором строительства церкви и написания иконы, конечно, остается открытым: ведь никаких документальных свидетельств пока не найдено. Тем не менее стоит, кажется, учесть вот что.

Во-первых, в Дмитрове,-может быть, еще с тех пор, как им владел некоторое время после 1428 г. упоминавшийся уже князь Юрий Дмитриевич[81], связанный с образом Тихвинской Одигитрии,-реально могли сохраняться какие-либо местные предания об этой иконе. Во-вторых, с 1503 г. Дмитров стал удельным городом князя Юрия Ивановича[82]. Но последний в таком случае обладал двумя источниками информации о святыне из Тихвина - дмитровским и тем же, что и его родной брат Василий, наследник великокняжеского стола. В-третьих, Юрий Иванович, как и Василий, в вопросах веры был последовательным ортодоксом и потому мог деятельно способствовать утверждению культа Тихвинской Богоматери. В-четвертых, он сразу же по вокняжении в Дмитрове развернул там широкое каменное строительство - в частности, например, организовал перестройку городского Успенского собора и возведение соборного храма в Николо-Песношском монас-

тыре[83] - между прочим, одноименных тихвинским соборной и монастырской церквам. И наконец Юрий Иванович был теснейшим образом связан с Иосифовым Волоколамским монастырем[84], постриженики которого, как показано выше, со вниманием отнеслись к легенде о Тихвинской Одигитрии и даже имели отношение к распространению ее первых литературных версий. Кроме того, означенная обитель - и это факт - вообще всемерно способствовала усилению почитания Богородицы-Одигитрии. Традиция эта шла, очевидно, еще от близкого к великим князьям Пафнутьева Боровского монастыря, а ее авторитетнейшим проводником был сам Иосиф Санин: в 1495 г. он, например, устроил у себя на Волоке Ламском, в звоннице, каменную Одигитриевскую церковь[85]; впоследствии в ее ризнице хранилась икона Одигитрии, которой Пафнутий якобы благословил своего духовного сына Иосифа[86].

Таким образом, данные из истории Дмитрова ХУ - начала ХУI вв. если и не позволяют думать о непосредственной причастности Юрия Ивановича Дмитровского к пропаганде культа Тихвинской Богоматери, то по крайней мере могут свидетельствовать о немалой вероятности его раннего знакомства с преданием об этой святыне. Во всяком случае последнее, видимо, в начале ХУI в. было уже хорошо известно в пожалованном ему уделе, иными словами, было уже достаточно широко распространено и не ограничивалось пределами Новгородской епархии, локализовавшись совсем недалеко от Москвы.

Предположения о причастности иосифлян к распространению почитания одигитриевских икон ,об их участии в пропаганде "чудотворной" Тихвинской иконы и о раннем проникновении культа последней в московские пределы /может быть, благодаря поддержке со стороны великокняжеской фамилии/ - косвенно подтверждаются и некоторыми материалами из истории Переяславля Залесского, точнее, из истории местного Троицкого, или Всехсвятского монастыря.

дело в том, что основателем этой обители был постриженник Пафнутьева Боровского монастыря и ученик Иосифа Волоколамского, сопостника Иосифа Санина, - Даниил /1460-1540/. Основанное им в 1508 г., по милостивому разрешению Василия III, пристанище для ищущих спасения иноков стало и для великого князя одним из любимейших мест отдыха от государственных дел. Здесь, начиная с 1510 г., он бывал неоднократно[87].

В контексте настоящего исследования весьма любопытным представляется то, что в Даниловском монастыре хранились два чтимых образа Тихвинской Одигитрии - один находился в трапезе Похвальской церкви, первое строение которой было возведено в 1508 г.; другой, "особочтимый", - за левым клиросом в Даниловском приделе Троицкого храма, сооруженного в 1530 г. Василием Ивановичем[88]. По преданию, последний был принесен Даниилом из Боровской обители[89]. И действительно, как бы в подтверждение этого, на правом поле иконы имелось изображение Пафнутия. Данное предание, видимо, устного происхождения. Во всяком случае древних документальных свидетельств в его пользу нет. Тем не менее на основании некоторых обстоятельств биографии Даниила можно все-таки представить, почему в созданном им монастыре почиталась именно Тихвинская "чудотворная" икона.

"Житие" переяславского подвижника, написанное между 1555 и 1562 гг. протопопом московского Благовещенского собора Андреем, впоследствии митрополитом Афанасием[90], ничего не сообщает о том, что Даниил по возвращении в родной город из Пафнутьевой обители принес оттуда какие-либо иконы[91]. Нет никаких сведений относительно икон и в житийном рассказе о его поездке около 1508 г. в Москву, где он получил грамоту великого князя Василия III и благословение митрополита Симона на возведение в Переяславле церкви Всех святых и устроение при ней монастыря[92]. Иконы упоминаются только

- и то лишь в самой общей форме - в рассказе об освящении в 1508 г. Всехсвятской и Похвальской церквей: Даниил украсил их "святыми иконами чюдных мастеров писма, тако ж и на вратех монастырских иконы постави чюдны..."[93]. И все же необходимо учесть вот что.

Первое. Переяславскому подвижнику в деле основания обители помогли Иван и Василий Челяднины[94], сыновья Андрея Федоровича Челяднина. Но ведь эта старомосковская боярская семья как раз в рассматриваемый период русской истории была тесно связана и с Новгородом, и с великим князем, и с Иосифо-Волоколамским монастырем[95], так что вполне вероятна осведомленность ее членов относительно тихвинской святыни.

Второе. Сам Даниил находился в весьма близких отношениях с Василием Ш, крестил обоих его сыновей - Ивана и Юрия, причем вместе с другим переяславцем, также постриженником Пафнутьего Боровского монастыря, и, к тому же, довереннейшим сомолитвенником Иосифа Волоцкого - Кассианом Босым. Кстати, последний был связан с Юрием Ивановичем Дмитровским, а учеником его был упоминавшийся уже Иона Голова Пушечников[96], обладатель одного из списков "Сказания о Тихвинской Одигитрии".

Наконец, третье. В "Житии" Даниила содержится рассказ, свидетельствующий о прямой связи основания в 1508 г. Переяславской обители с Новгородом. Так, когда Даниил покупал бревна для строительства Всехсвятской церкви, "приде к нему купец некто, именем Феодор, сединами совершен, родом новгородец, иже бысть переведен царским повелением со прочими многими людми из Великого Новагорода в Переаславль". Этот Федор и посоветовал старцу устроить при церкви монастырь, а затем, приняв постриг, стал одним из первых его насельников[97].

Таким образом, в Даниловой обители уже при самом ее основа-

нии скрещивались как бы несколько путей, по которым могла сюда проникнуть легенда о тихвинском "чудотворном" образе Богоматери, а вместе с ней и его копия. Так что предание о приносе в Переяславль Даниилом иконы названного типа не столь уж безосновательно. Список Тихвинской Одигитрии действительно мог оказаться в стенах новосозданного монастыря, поскольку тому имелись реальные объективные причины: довольно широкое распространение почитания этой святыни в начале XVI в., а также заинтересованность в усилении последнего со стороны геннадиевско-иосифлянской общественной группировки и лично Василия III. И, надо сказать, данному выводу не противоречит молчание об иконе жизнеописателя Даниила. Ему не было нужды подчеркивать связь с ней своего героя либо потому, что появление и нахождение в Даниловом монастыре копии "чудотворной" из Тихвина воспринималось как обычный, заурядный факт; либо потому, что к моменту создания "Жития" монастырская "Тихвинская" еще не была "особочтимой"; либо, наконец, потому, что Андрей-Афанасий вовсе не связывал появление в обители этого образа с биографией Даниила /он ведь мог быть принесен сюда и другими лицами/ и лишь более поздняя церковная традиция связала имеющуюся в Даниловом монастыре икону Тихвинской Богоматери с его основателем.

Как бы там ни было, важна, в конце концов, сама действительность почитания в этой обители новгородской святыни и то, что последняя, по всей вероятности, была известна в Переяславле уже в начале XVI столетия. Данное обстоятельство также подтверждает, хотя и косвенно, правомерность сделанных выше выводов о раннем распространении культа Тихвинской Одигитрии вне новгородской епархии и его связи с церковно-политическими интересами иосифлян и великого князя Василия III.

Иначе говоря, чуть ли не сразу после литературной обработки

местных новгородских устных рассказов о Тихвинской иконе на Руси - в соответствии с идеологическими установками крепнущего централизованного государства - возникла тенденция к утверждению ее общерусского культа. И нет сомнения, этому способствовало не только само "Сказание" о святыне, но и все те, кому пришлось по вкусу его содержание. Такая мысль неизбежно возникает в результате герменевтического соотнесения последнего с культурно-исторической картиной жизни русского общества конца ХУ - начала ХУI в., когда были созданы первые тексты памятника - редакции А и Б, а также - с историей их рукописного распространения.

ПРИМЕЧАНИЯ

I/ Кириллин В.М. I/ Текстологический анализ ранних редакций "Сказания о Тихвинской Одигитрии" // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., I988. С.I2I-I43; 2/ Публицистические мотивы "Тихвинской легенды" - памятника древнерусской литературы конца ХУ - ХУI веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., I988.

2/ ПСРЛ. СПб., I859. Т.8. С.48; М., I965. Т.II. С.88.

3/ ГБЛ, ф. II3, № 535, л.387об.-390об.; ГБЛ, ф. II3, № 4I4, л.235 -24Iоб.; ГИМ, собр. А.С.Уварова, № I776/206, л.220-224об.; ГБЛ, ф. 205, № 206, л.I95-I97.

4/ ГБЛ, ф. II3, № 659, л.425-428; ГБЛ, ф. II3, № 577, л.254об.-257об.; ГИМ, Синодальное собр., № 562, л.443-444об.; ГБЛ, ф. 304. I, № I88, л.242-244; ЦГАДА, ф. I96, оп.I, № I054, л.547-553; ГПБ, ф. 728, № I454, л.26I-263; ЦГАДА, ф. I88, оп.I, № II79, л.5-7об.; ГБЛ, ф. 299, № 39, л.I02-I07.

5/ Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., I86I. Т.2. С.269-278; Гудзий Н.К. История древней русской литературы. 7-е изд. М., I966. С.305-306; Иванова И.

А. 1/ Икона Тихвинской Богоматери // ТОДРЛ. М.; Л., 19[illegible]. Т.[illegible]. С.419-436; 2/ Летописные сведения об иконе "Богоматерь Тихвинская" // ТОДРЛ. Л., 1969. Т.24. С.242-244; Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin: A study of the Tikhvin monastery palladium in the hodegetria tradition. Helsinki, 1976.

6/ Лихачев Д.С. Текстология: На материале русской литературы X - XVII веков. 2-е изд. Л., 1983. С.28.

7/ Термин "направление" в данном случае, думается, вполне уместен, поскольку русская общественность означенного периода разделялась на "стяжателей" и "нестяжателей", на религиозных ортодоксов и вольнодумцев, на сторонников приоритета духовной власти над светской и наоборот, на сочувствующих центробежным, местническим тенденциям и на последователей московской объединительной политики, на любителей легендарно-фантастических сюжетов в литературе и на книжников-ригористов, противников "человеческих преданий" и т.д.

8/ Хрущев И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868; Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XVI-XVII вв. СПб., 1903. С.191-193; Евсеев И.Е. Геннадиевская библия 1499 г. М., 1914; Гудзий Н.К. Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С.48-65; Розов Н.Н. Повесть о новгородском белом клобуке как памятник общерусской публицистики XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т.9. С.178-219; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV - начала XVI в. М.; Л., 1955; Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI в. М.; Л., 1960; Немировский Е. Возникновение книгопечатания в Москве. М., 1964. С.64-75; Зимин А.А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: /Очерки социально-политической истории/. М., 1982. С.219-224.

9/ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения.

Айвазян К.В. Культ Григория Арменского, "армянская вера" и "армянская ересь" в Новгороде: /XIII-XVI вв./ // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С.255-332.

10/ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С.8.

11/ Служба явлению Тихвинской иконы Богоматери // Минея: Месяц июнь. М., 1691. Л.234.

12/ ГБЛ, ф. 113, № 535, л.389; см. также: Кириллин В.М. Первоначальные редакции "Сказания о Тихвинской Одигитрии" /К вопросу о новгородском происхождении/ // Книжно-литературные центры Древней Руси. Л. В печати.

13/ Творогов О.В. Палея Толковая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I: /XI - первая половина XIV в./. С. 287.

14/ Там же. С.285.

15/ Сказание о том, како ят бысть Китоврас Соломоном // ПЛДР: XIV - середина XV века. М., 1981. С.70.

16/ Здесь уместно привести рассуждение по этому поводу одного из поздних интерпретаторов "Сказания о Тихвинской Одигитрии". Автор версии памятника, известной мне только по одному списку XVII в., высказывает типичнейший для книжников этого столетия рационализм: "И о сем /относительно распоряжения о деревянном кресте - В.К./ что рещи, недоуменно есть. Понеже не есть слышано сицевое, отнели же и спасение человеков чрез крест содеяся. Аще же и возомнит кто, яко лепо сему быти, еже из древ токмо, и не из иных вещей, соделав кресты, на церквах поставляти, - за еже яко Господь наш Иисус Христос не на железе или меди, но на древе распят бысть. Но имеяй здрав ум, добре о сем да рассуждает и полезное себе же и прочым да смотрит, - да не самомнеными неполезными или внешнословии неки-

ими крадоводяся чрез некыя неизвестныя словописатели, яко и многими таковии обретаются, вне церковных преданий обрящется. Издревле убо церковь святая предание имать: не из единых древес, но из всяких вещи кресты соделывати; паче же на церквах кресты поставляти не из древа: за скорогнилостное и некрепкое вещи, но из твердейших яковых вещей - яко меди и железа: за крепостное и неудоботленное их. Не вещь бо чествуема есть й чудодействует, но образ креста. Аще будет соделан из злата или сребра; аще из меди, или железа, или олова; аще из камене, или древа, или из иныя яковыя-либо вещи: из тканноупещренния или швения яковаго, - кресты вся сия не обреченна, но благоприятна во славу укрествованного Христа Бога нашего..." /ЦГАДА, ф. 381, оп.1, № 412, л.11об.-12/.

17/ Кстати, этот погост относился к уделу новгородского владыки /Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: Тихвинский посад в ХУI-ХУШ вв. М.; Л., 1951. С.14/. Так что, может быть, совсем не случайно чудесное шествие иконы началось именно отсюда /рассказ о первоначальном "явлении" иконы каким-то рыбакам на озере Нево, или Ладожском, по спискам, содержащим редакции "Сказания" ХУI в.,не известен: видимо, он был включен в повествование в ХУП столетии/.

18/ При этом нужно иметь в виду, что в известной приписке к Уставу новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. о церковной десятине в пользу новгородского владыки упоминаются как обязанные платить таковую близкие к Тихвину поселения - "на Кукуеве горе" и на реке "Паши" /Российское законодательство Х-ХХ веков: В 9 т. М., 1984. Т.I: Законодательство Древней Руси. С.225/, - по "Сказанию", места, где также являлась Тихвинская икона. Но земли эти, и шире вообще все Обонежье, согласно новейшим научным доказательствам, издревле безраздельно принадлежали юрисдикции новгородского кня-

зя, а в XУ в. - великого князя /Российское законодательство X-XX веков. Т.I. С.230-232/. Не могло ли данное обстоятельство - то есть противоречие между укоренившимся в сознании тихвинцев чувством подчиненности князю и "навязанной" им необходимости считаться с епархиальной властью - раздражающе воздействовать на них, побуждать их к попыткам избавиться от социально-психологической раздвоенности? Сам ход развития государственно-политической системы Руси /от удельной раздробленности к единству под управлением московского князя/ и распространенность в новгородской области /в широких народных массах/ религиозно-еретического вольномыслия закономерно открывали перед тихвинцами единственный путь разрешения этой дилеммы за счет официальной церкви.

19/ Будовниц И.У. Русская публицистика XУI века. С.67-69; Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XУI века. Л., 1970. С.50.

20/ Зимин А.А. Россия на рубеже XУ-XУI столетий. С.76-79, 199.

21/ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. С.54.

22/ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XУ в. М.; Л., 1961. С.320.

23/ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. С.65-66.

24/ "Слово кратко" в защиту монастырских имуществ: /Библиографические материалы, собранные Андреем Поповым, XXI, с предисловием А.Д.Григорьева/ // ЧОИДР. М., 1902. Кн.2, отд.П. С.I-XXX, 1-68.

25/ Послания Иосифа Волоцкого. Подгот. текста А.А.Зимина и Я.С. Лурье. М.; Л., 1959. С.144-145.

26/ Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. С.51.

27/ Зимин А.А. Россия на рубеже ХУ-ХУI столетий. С.79.

28/ Сербина К.Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. С.12.

29/ Зимин А.А. Россия на рубеже ХУ-ХУI столетий. С.84-85.

30/ Казакова Н.А. Очерки по истории русской общественной мысли. С.48-51.

31/ Мордвинов И.П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье: Исторический очерк. Тихвин, 1925. С.2-3.

32/ Послание Геннадия Иоасафу // ПЛДР: Вторая половина ХУ века. М., 1982. С.542.

33/ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения. С.468-469; Зимин А.А. Россия на рубеже ХУ-ХУI столетий. С.85.

34/ Мордвинов И.П. Старый Тихвин и Нагорное Обонежье. С.9.

35/ ГБЛ, ф.256, № 459, сборник ХУП в., л.521.

36/ ГБЛ, ф.113, № 535, л.390об.; Кириллин В.М. Первоначальные редакции "Сказания о Тихвинской Одигитрии".

37/ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т.3. С.317; Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т.2. Стлб. 1200-1201.

38/ Послание Геннадия Иоасафу. С.542.

39/ Новгородские летописи. СПб., 1879. С.57 /основной текст/.

40/ Будовниц И.У. Русская публицистика ХУI века. С.53.

41/ Новгородские летописи. С.57, 141, 311 /основной текст/; Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения. С.472-473.

42/ Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения. С.309-320, 382-388.

43/ Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники ХУI в. // ТОДРЛ.

Л., 1974. Т.28. С.206;
44/ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России: /XV-XVI вв./. М., 1985. С.241.
45/ Лев Филолог. Житие Иосифа // ЧОИДР. М., 1903. Кн.3, отд.II. С.29.
46/ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России /конец XV-XVI в./. М., 1977. С.99, 114, 116.
47/ Иосиф, иером. Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882. С.47.
48/ Строев П.М. Словарь библиологический и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. Бычкова А.Ф. СПб., 1882. С.142,182.
49/ Кириллин В.М. Библеистические мотивы "Тихвинской легенды": Автореф. дис. С.7;
50/ Клосс Е.М. Никоновский свод и русские летописи XV-XVI веков. М., 1980. С.82-83.
51/ Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники... С.215.
52/ Иосиф, иером. Опись рукописей... С.231.
53/ Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С.39-42.
54/ Клосс Е.М. Никоновский свод... С.71-72.
55/ Кириллин В.М. Текстологический анализ ранних редакций "Сказания о Тихвинской Одигитрии". С.136-143.
56/ Кириллин В.М. Первоначальные редакции "Сказания о Тихвинской Одигитрии".
57/ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С.233-238; Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси: /XI-XVI вв./. Л., 1987. С.175.

58/ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С.246-248; Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси... С.176.
59/ Филофей, старец. Послание к великому князю Василию, в нем и о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде // ПЛДР: Конец XУ - первая половина XУI века. М., 1984. С.436.
59а/ Вот как этот рассказ читается в оригинале: "И в лето 7015 повелением благовернаго великаго князя Васиlиа Ивановичя всея Руси, по благословению преосвященнаго архиепископа Серапиона Великаго Новаграда заложиша на Тихвине церковь Пречистыа кирпичную и... съвръшиша... Иде же стоала часовня, на том месте повелением великаго князя устроиша монастырь..." /ГБЛ, ф. 113, № 659, л.427об.-428/.
60/ Дмитриева Р.П. Волоколамские четьи сборники... С.211, 215.
61/ Дмитриева Р.П. Русский перевод XУI в. польского сочинения XУ в. "Разговор магистра Поликарпа со смертью" // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т.19. С.317.
62/ Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1859. Т.8. С.272; Новгородская вторая летопись // ПСРЛ. СПб., 1841. Т.3. С.148.
63/ Новгородские летописи. СПб., 1879. С.414-415 /основной текст/.
64/ Димитрий Ростовский. Жития святых. 7-е изд. М., 1796. Кн.4: Июнь-Август. Л.170об.-171.
65/ ГБЛ, ф. 256, № 459, л.521-521об.
66/ Зимин А.А. Россия на рубеже XУ-XУI столетий. С.214, 225.
67/ Там же. С.181-182.
68/ История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1946. Т.2, ч.1: Литература 1220-х - 1580-х гг. С.285; Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе XIУ-XУ веков. М., 1986. С.119.
70/ Достаточно сказать, что с 1398 г. в Благовещенском соборе Московского Кремля хранилась знаменитая "чудотворная" икона Богоматери "Одигитрия Смоленская", пользующаяся исключительным внима-

ем великого князя и митрополита и замененная точной копией после возвращения этого образа в 1456 г. в Смоленск. В 1524 г. другая копия - "мера в меру" - была установлена в Новодевичьем монастыре, основанном в память возвращения Смоленска России. Народные предания о данной святыне в конце ХУ - начале ХУI в. подверглись литературной обработке /История русской литературы Х-ХУП веков. Под ред. Д.С.Лихачева. М., 1980. С.169/, причем созданная таким образом "Повесть о Меркурии Смоленском" /впоследствии была включена в состав "Великих Миней четиих" митрополита Макария/ отражала политические интересы Москвы /История русской литературы: В 10 т. Т.2. С.360-361/. Не лишне также добавить, что большую любовь к иконографическому сюжету Богородицы Одигитрии испытывал видающийся русский живописец 2-й половины ХУ - начала ХУI в. Дионисий. Так, его письму принадлежит замечательный образ 1482 г., прототипом которого послужила Одигитрия "Смоленская" /Вагнер Г.К. Проблема жанров в древнерусском искусстве. М., 1974. С.233/.

69/ Лихачев Н.П. Моливдул с изображением Влахернитиссы // Сборник статей в честь акад. А.И.Соболевского: Статьи по славян. филол. и рус. словесн. Л., 1928. С.143; Антонова В.И. Неизвестный художник Московской Руси Игнатий Грек по письменным источникам // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т.14. С.570.

71/ Вагнер Г.К. Проблема жанров... С.118, 232-233.

72/ Борисов Н.С. Русская церковь в политической борьбе... С.185-188.

73/ ~~Там же. С.120.~~

74/ ~~Антонова В.И. Неизвестный художник Московской~~ Руси... С.570.

75/ *Ainalov D. Geschichte der russischen Kunst: Bd. 1-2. Bd. 2: Geschichte der russischen Monumentalkunst zur Zeit des Grossfürstentums Moskau. Berlin; Leipzig, 1933. S 91-92.*

76/ Антонова В.И. Неизвестный художник Московской Руси... С.569.

77/ Там же. С.569-570.

78/ Лазарев В.Н. Московская школа иконописи. М., 1971. С.15.

79/ Jääskinen A. The Icon of the Virgin of Tikhvin. P. 41.

80/ Попов Г.В. Художественная жизнь Дмитрова в ХУ-ХУI вв. М., 1973. С.69-70, 125.

82/ Тихомиров М.Н. Российское ~~законодательство~~ государство ХУ-ХУП веков. ~~М., 1973.~~ С.156-157; Зимин А.А. Россия на рубеже ХУ-ХУI столетий. С.236.

81/ Тихомиров М.Н. Российское государство ХУ-ХУП веков. М., 1973. С.178; Ивина Л.И. Крупная вотчина северо-восточной Руси конца ХУ-первой половины ХУI в. Л., 1979. С.62.

83/ Попов Г.В. Художественная жизнь Дмитрова... С.105-106.

84/ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С.106.

85/ Там же. С.54.

86/ Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С.441.

87/ Зимин А.А. Россия на пороге нового времени: /Очерки политической истории России первой трети ХУI в./. М., 1972. С.224.

88/ Свирелин А. Переславский Троицкий Данилов монастырь. 2-е изд. Владимир, 1905. С.12.

89/ Историко-статистическое описание первокласного Тихвинского Богородицкого Большого мужского монастыря, состоящего Новгородской епархии в г. Тихвине. 2-е изд. СПб., 1888. С.92; Гумарев [illegible]. Чудотворные иконы пресвятой Богородицы: /История их изображения/. М., 1901. С.64; Свирелин А. Переславский Троицкий Данилов монастырь. С.12.

90/ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила, переяславского чудотворца, повесть о обретении мощей и чудеса его. М., [illegible]. С.УП-IX.

91/ Там же. С.II /основной текст/.

92/ Там же. С.24 /осн. т./.

93/ Там же. С.31 /осн. т./.

94/ ~~В Новгородской второй летописи~~ Там же. С.20-24 /осн. т./.

95/ В "Новгородской второй летописи" под 1499 г. Андрей Федорович и Иван Андреевич упомянуты как наместники Новгорода /Новгородские летописи. СПб., 1879. С.59, 62/. Андрей Федорович при Иване III занимал высший государственный чин конюшего /Бычкова М.Е. Состав класса феодалов России в XVI в.... С.100/, а его сыновья Иван и Василий Челяднины служили при дворе Василия III в чинах, соответственно, конюшего и дворецкого /Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С.131, 407/. Кроме того, Василий Андреевич был личным другом Иосифа Санина, ходатайствовал за него перед Василием III во время конфликта волоцкого игумена с новгородским архиепископом Серапионом /Зимин А.А. Россия на пороге нового времени... С.109/.

96/ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина... С.44, 115-116.

97/ Смирнов С.И. Житие преподобного Даниила... С.30-31 /осн. т./.

А.А.Турилов, А.В.Чернецов

К КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕРЕСИ "ЖИДОВСТВУЮЩИХ"[I]

Вопрос о новгородско-московской ереси рубежа ХУ-ХУI вв. представляет исключительное значение для изучения истории средневековой Руси[2]. Это движение, несомненно, неслучайно возникает в самый момент перерождения раздробленной Руси в могучее централизованное государство, неслучайно и то, что оно затронуло высшие слои общества. Очевидно, мы имеем дело с осознанными поисками нового в области идеологии, вызванными гигантской перестройкой всей общественной жизни, происходившей в это время. Характерно, что это яркое явление происходит не после, а до начала Реформации в Западной Европе, и является одним из наиболее заметных движений предреформационного периода. Эти поиски нового были довольно скоро пресечены по инициативе наиболее консервативной части духовенства, к которой после некоторых колебаний присоединился Иван Ш. Духовная жизнь ХУI в. подверглась "жесткой унификации" (выражение Я.С.Лурье)[3]. Однако сама возможность

I Статья представляет собой расширенное изложение доклада "О составе и позднейших судьбах книжности русских еретиков рубежа ХУ-ХУI вв.", зачитанного авторами 26 апреля 1988 г. на конференции "Православие в древней Руси", проводившейся Государственным музеем истории религии и атеизма.

2 Казакова, Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIУ - начала ХУI вв. М.-Л., Издательство АН СССР, 1955, с. 74-224; Клибанов А.И. Реформационное движение в России в XIУ - первой половине ХУI в. М., Издательство АН СССР, 1960.

3 Лурье Я.С. Общерусские летописи XIУ-ХУ вв. Л., Наука, 1976, с. 260.

возникновения этой всеобъемлющей и мелочной регламентации (приведшей в середине столетия к созданию "Стоглава" и "Домостроя") возникла благодаря появлению ереси и реакции на нее - полемических и апологетических писаний консервативного духовенства. Полемика, связанная с ересью, явилась своего рода толчком, в результате которого литературная деятельность приобрела на Руси невиданный ранее размах.

Еретическое движение и реакция на него явились сильнейшим импульсом едва ли ни для всей интеллектуальной деятельности ХУI в. Именно от этого идеологического катаклизма ведут свой отсчет и творения Иосифа Волоцкого и его последователей, и полемика "осифлян" с "нестяжателями" и всех их единомышленников и оппонентов (включая такие имена как Максим Грек, Иван Грозный, Курбский). Торжество осифлян над вольномыслием отразилось и в создании таких грандиозных и характерных произведений, как "Стоглав", "Домострой", сочинения Зиновия Отенского... Между тем изначальный импульс, вызвавший столь бурную реакцию остается на сегодняшний день неясным и трудноуловимым.

Еретическое движение рубежа ХУ-ХУI вв. не было массовым, подлинно народным движением; оно не отличалось также организованностью или способностью оказывать влияние на текущую политику (хотя ряд еретиков занимал важные посты в государстве). И по своей сущности, и по своим последствиям это было в первую очередь идеологическое явление, и именно в области идеологии (и только в этой области) русская ересь ХУ-ХУI вв. была явлением крупного масштаба.

При всем том как раз идейные взгляды еретиков в силу ряда обстоятельств оказались изучены несравненно слабее, чем так называемая "внешняя история" ереси. Причина такого положения в том,

что основные материалы, дошедшие до нас, вышли из лагеря противников ереси.

Все же, в отличие, например, от ереси стригольников, сведения о которых происходят исключительно из лагеря их идейных противников, о еретиках ХУ-ХУI вв. мы располагаем и иной информацией. Сохранившееся собственное творчество московских еретиков весьма скудно. Единственный сколько-нибудь значительный связный текст - "Лаодикийское послание" Федора Курицына[4] предоставляет весьма мало данных для реконструкции верований и учения еретиков. По существу отличия ереси от православия памятник не раскрывает вообще.

Кроме собственных сочинений русских еретиков известны также некоторые тексты, о популярности которых в еретической среде есть более или менее достоверные сведения. Нам известны тексты книг "Шестокрыл"[5] и "Логика"[6]. О первой из них известно, что

---

4 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 178-180, 256-276; Lilienfeld F. von. Die Häresie des Fedor Kuricyn // Forschungen zur Osteuropäische Geschichte. Wiesbaden, 1978, Bd. 24, S. 39-64.

5 Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIУ-ХУП вв. СПб., 1903, с. 413-418.

6 Там же, с. 401-409; Зубов В.П. Неделимые и бесконечные в русском памятнике ХУ в. // Историко-математические исследования. М., 1950, вып. 3. Отметим, что в литературе высказывалось также предположение, что название "Логика" в данном случае соответствует "Диалектике" Иоанна Дамаскина (см.: Григоренко А.Ю. Свободомыслие на Руси конца ХУ - начала ХУI вв. // Автореферат канд. дисс. Л., 1987, с. 13-14).

она была у еретиков и они основывали на ней свои выкладки относительно конца света. Вторая просто упомянута среди книг, которые "у еретиков есть" (остальные книги, названные в этом перечне носят вполне благочестивый характер).

"Логика" и "Шестокрыл" - книги, переведенные с еврейского языка; место перевода - Великое княжество Литовское, скорее всего - Белоруссия. Их содержание - научное; "Шестокрыл" мог также использоваться дл^я астрологических расчетов. Реконструировать с помощью этих книг вероучение еретиков не представляется возможным.

В научной литературе существует тенденция относить к литературе "жидовствующих" также иные книги, представляющие собой переводы с древнееврейского, осуществленные около этого времени, в том числе и переводы некоторых библейских книг. Однако бесспорных оснований для такого расширения круга литературы еретиков нет[7]. В частности, одни исследователи считают так называемую "Псалтырь Федора Еврея" (сделанный в Москве перевод иудаистского молитвенника) связанной с ересью, и видят в ней еретические псалмы, о которых упоминает новгородский архиепископ Геннадий[8], а другие высказывают в этом обоснованные сомнения[9].

Определенные основания для восстановления литературы еретиков дают списки " еретических" книг, содержащиеся в памятни-

---

7 Казакова Н.А., Лурье Я.С., Ук. соч., с. 83-87, 144.

8 Сперанский М.Н. Псалтырь жидовствующих в переводе Федора Еврея. // Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1907, т. 2, отд. 2.

9 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 84-86.

ках середины ХУI в. - "Стоглаве"[10] и "Домострое"[11]. Приведем их сводный список: "Рафли", "Шестокрыл", "Воронограй", "Острономии", "Зодеи", "Алманах", "Звездочетьи", "Аристотель", "Аристотелевы врата", "Чернокнижье". Список включает названия, неизвестные в ранних списках ложных книг. Некоторые книги неизвестны ("Воронограй"), другие трудно бесспорно соотнести с конкретными текстами ("Острономеи", "Зодеи", "Алманах", "Звездочетьи").

Особое внимание среди этих текстов привлекают "Аристотелевы врата". Это сочинение большая часть исследователей сопоставляет с известным текстом "Тайная тайных"[12]. В отличие от "Шестокрыла", "Логики", астрологических и гадательных книг "Тайная Тайных" - трактат, включающий разделы моралистического и теоретического характера, который можно использовать для характеристики среды, в которой он бытовал, ее этических и отчасти политических воззрений. Если "Тайная Тайных" - "Аристотелевы врата" - памятник литературы, связанный с ересью, то можно говорить о значительном влиянии этой ереси на культурную жизнь ХУI-ХУП вв., т.к. в отличие от "Шестокрыла" и "Логики", представленных единичными списками, это произведение переписывалось значительно чаще. Однако связь "Тайной Тайных" с ересью требует серьезной

---

10 Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинах (Стоглав). М., 1890, с. 188, 189.

11 Домострой по Коншинскому списку и подобным. М., 1908, с. 22.

12 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг. СПб., 1908, вып. 4 (Аристотелевы врата или Тайная Тайных); Pseudo-Aristotles: The Secret of Secrets. Sources and Influences. Edited by W.F. Ryan and C.B. Schmitt (Warburg Institute Surveys IX). London, 1982.

аргументации, так как даже само тождество этого сочинения с "Аристотелевыми вратами" признано не всеми исследователями.

"Тайная Тайных" переведена с восточного оригинала (причем содержит гебраизмы и арабизмы) в западнорусских землях и в этом плане близка "Шестокрылу" и "Логике". Поскольку содержащееся в книге учение приписано Аристотелю, а сам текст разбит на главы-врата, это сочинение отождествили с "Аристотелевыми вратами". В "Стоглаве" "Аристотелевы врата" осуждаются за то, что по ним можно гадать об исходе судебного поединка[13]. Таблица для такого гадания действительно встречается в рукописях "Тайной Тайных"[14]. В "Стоглаве" "Аристотелевы врата" названы еретической книгой. В более ранних источниках названия "Аристотелевы врата" или "Тайная Тайных" не встречаются. Однако ряд ученых полагает, что эта книга упомянута в одном из посланий Максима Грека еще двадцатых годов ХУI в. - "Аристотелевы астрономии"[15]. Поскольку Аристотель для книжников ХУI в. нарицательное название мудреца, а астрономическим или астрологическим сочинением "Тайную Тайных" назвать никак нельзя, ссылка на это упоминание не вполне убедительна. Есть мнение, что "Тайная Тайных" упоминается в предисловии к одному из изданий Скорины I5I9 г., где есть слова "Соломонова и Аристотелева житейская мудрость"[16]. Здесь также нельзя быть

I3 Стоглав, с. I8I, I82.

I4 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. I74.

I5 Сочинения преподобного Максима Грека. Казань, I894, ч. I, с. 287.

I6 Скарына Ф. Прадмовы I пасляслоуI. МIнск, Навука I тэхнIка, I969, с. 24.

вполне уверенным в том, что речь идет о конкретном литературном произведении. Фраза из предисловия к "Логике", где упомянут "славный во вратех Аристотель" также оставляет место для сомнений. Слова "славный во вратех" могут рассматриваться не как указание на название книги, а как библеизм (Ср.: Притчи, 31, 23).

В 1928 г. М.Н.Сперанский, посвятивший крупную работу "Тайной Тайных", которую он первоначально отождествлял с "Аристотелевыми вратами", обнаружил неизвестный ранее текст, который побудил его отказаться от своего определения[17]. Это небольшое гадательное сочинение в рукописи озаглавлено "Врата Аристотеля...". Выводы, сделанные М.Н.Сперанским из этой находки, поставили под сомнение целый ряд построений, уже ставших в науке привычными. Поскольку М.Н.Сперанский отрицает тождество "Аристотелевых врат" и "Тайной Тайных", возникает сомнение была ли "Тайная Тайных" запретным сочинением (поскольку представление об этом основано на упоминании "Аристотелевых врат" в "Стоглаве"). Если же "Тайная Тайных" не является ни сочинением, связанным с ересью, ни запретным текстом, тогда ее бытование в русской книжности XVI-XVII вв. не представляет собой какого-то выдающегося явления. Наконец, если М.Н.Сперанский в своей позднейшей работе прав, то, конечно, всякие попытки реконструировать учение еретиков исходя из текста "Тайной Тайных" совершенно неоправданы.

Находки последних лет позволяют еще раз вернуться к вопросу об отреченных книгах, перечисленных в "Стоглаве" и "Домострое". Дело в том, что наконец обнаружен текст гадательной книги

---

17 Сперанский М.Н. "Аристотелевы врата" и "Тайная Тайных" // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук, 1928, т. 101, с. 15-18 (ГИМ, Музейское собр. № 1226, лл. 292-307 об.).

"Рафли"[18] (с названием которой до сих пор нередко ошибочно связывались иные тексты). Эта книга, как оказалось, проливает свет на происхождение и дальнейшую судьбу целого ряда текстов, в частности, на соотношение "Тайной Тайных" и "Аристотелевых врат".

Выяснилось, что краткий текст, озаглавленный в рукописи ГИМ "Аристотелевыми вратами" на самом деле представляет собой упрощенную разновидность одной из неотъемлемых частей гадательной книги "Рафли". Очевидно, название "Аристотелевы врата" перенесено на нее вторично, ошибочно по двум причинам. Во-первых, потому, что этот текст относится к тому же кругу что и настоящие "Аристотелевы врата" - "Тайная Тайных". При этом в оригинале обе книги могли следовать одна за другой, следствием чего и могла стать путаница названий. Во-вторых потому, что главы в этом тексте носят названия "врат" (так же как и в ряде других текстов сходного происхождения). Таким образом отождествление "Аристотелевых врат" и "Тайной Тайных" остается в силе, причем ясно, что этот текст в древней Руси считали запретным и еретическим.

Книга "Рафли", также как "Шестокрыл", "Логика" и "Аристотелевы врата" обнаруживает следы западнорусского происхождения и существования восточного первоисточника. Наряду с тем, что она фигурирует в тех же списках ложных книг, где и "Шестокрыл" и "Аристотелевы врата", это свидетельствует в пользу их общего происхождения. Если одновременное появление в славянской книжности "Шестокрыла" и "Аристотелевых врат" может быть аргументиро-

---

18 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., Наука, 1985, т. 40, с. 260-344.

вано лишь предположительно, то "Рафли" бесспорно были известны на Руси уже в конце ХУ в. Схематический рисунок, связанный именно с этим гаданием (которое невозможно без текстов-руководств) имеется в рукописи Радзивилловской летописи, причем он одновременен ее созданию (предшествует раскраске миниатюр)[19].

Представляется, что обнаруженный текст "Рафлей" окончательно решает вопрос о том, что это сочинение, "Шестокрыл", "Логика" и "Аристотелевы врата" составляли круг чтеия еретиков рубежа ХУ-ХУI вв. и появились в восточнославянской книжности единовременно и из одного центра. Действительно, на западнорусское происхождение "Рафлей" кроме некоторых языковых особенностей указывает и древнейший след практикования этого гадания (Радзивилловская летопись, написанная скорее всего в Полоцке, во всяком случае - в Великом княжестве Литовском).

Даже если считать, что переводные сочинения, связанные с ересью ограничиваются упомянутыми четырьмя, то и в этом случае следует отметить значительный размах воплотившейся в них переводческой деятельности, поскольку как текст "Рафлей", так и "Тайной Тайных" весьма значительны по объему. В связи с тем, что речь идет о переводах с языков, знание которых у восточных славян имело ограниченное распространение, эта деятельность представляется особенно значительной.

В связи с изучением еретического движения ХУ-ХУI вв. обращает на себя внимание по существу парадоксальное явление. Действительно, ересь, как движение, вызвавшее общественный резонанс, появляется в Московском государстве. Между тем основная культур-

---

I9 Там же, с. 268; Чернецов А.В. Об одном рисунке Радзивилловской летописи. // Советская археология, 1977, № 4, с. 301-306.

ная деятельность, связанная с еретическим движением (во всяком случае та, которая оставила какие-то следы) относится к несколько более раннему времени, к иной территории и фактически анонимна (если не считать, что переводами занимался сам пресловутый Схария и его немногочисленные сподвижники, названные по именам).

Очевидно, культурный импульс, приведший в Московской Руси к появлению еретического движения - одна из ветвей ренессансных тенденций, возникших на территории Великого княжества Литовского. Если так, то мы вправе ставить вопрос о соотношении новгородско-московской ереси и идейных взглядов крупнейшего деятеля белорусского Ренессанса - Франциска Скорины. Действительно, издания Скорины демонстрируют своеобразный индифферентизм по отношению к вероисповедной оппозиции православия и католицизма. Вероятно неслучайна его связь с Прагой - городом, где существовала значительная веротерпимость. Отметим, что во второй половине ХУI в. князь Курбский прямо писал о протестантском характере изданий Скорины[20], а единственным издателем, использовавшим шрифты, повторяющие скоринские был С.Будный, кальвинист, затем антитринитарий.

Теснейшие культурные связи Московской Руси с Великим княжеством Литовским в конце ХУ-ХУI вв. хорошо известны[21]. Характерно, что многие русские еретики ХУI в. находили себе убежище

---

20 Сочинения князя Курбского. Т. I. Сочинения оригинальные. // Русская историческая библиотека, т. XXXI, СПб., 1914, с. 401-403.

21 Седельников А.Д. "Послание от друга к другу" и западнорусская книжность ХУ в. // Известия АН СССР, ХП сер., Отд. гуманитарных наук. 1930, № 4.

за литовским рубежом. Было известно в Великом княжестве Литовским и сочинение московского еретика Федора Курицына - "Лаодикийское послание". Действительно, единственный случай использования системы тайнописи, содержащейся в этом тексте, принадлежит западнорусскому писцу первой половины XVI в. Матвею Десятому[22].

Тексты сочинений, распространение которых удается связать с еретиками XV-XVI вв. сложны для интерпретации в плане проникновения в учение ереси. Это обусловлено прежде всего тем, что это не оригинальные, а переводные сочинения. При этом не всегда есть полная ясность, с какого языка осуществлен перевод.

"Шестокрыл" безусловно переведен с древнееврейского; упоминания еврейских авторов и гебраизмы встречаются также в "Логике" и "Аристотелевых вратах". Однако, наряду с этим, в тексте "Тайной Тайных" известны также арабизмы. В самом произведении говорится о том, что оно было первоначально написано по-гречески, а затем переведено на арабский ("арапский")[23]. Действительно, оригинал этого сочинения арабский. Не могла ли "Тайная Тайных" быть прямо переведена на славянский с арабского? При этом гебраизмы перевода могут быть объяснены за счет переводчиков-евреев. Арабская книжность была распространена в те времена среди евреев (в том числе написанные по-арабски сочинения авторов-евреев). Очень вероятен также перевод именно с арабского оригинала для книги "Рафли" (где часть текста фигурирует под названием "святцы арапские... преведены по-словенски")[24]. Действительно, гадатель-

---

22 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 177; Сперанский М.Н. Тайнопись в югославянских и русских памятниках письма. // Энциклопедия славянской филологии, вып.4,3. Л.,1929, с. 106.

23 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 137.

24 Турилов А.А., Чернецов А.В. Ук. соч., с. 278, 296, 307-316.

ные книги сходного содержания известны у арабов[25]. Сама принципиальная возможность прямого перевода с арабского на славянский в XV в. сомнений не вызывает, поскольку в рукописях, начиная с этого времени встречается небольшой отрывок календарно-астрономического содержания, несомненно переведенный с арабского[26].

Окончательное разрешение данного вопроса настоятельно требует сотрудничества филологов разного профиля. М.Н.Сперанский хотя и довольно широко использовал при работе с "Тайной Тайных" иноязычные параллели, однако ни еврейские, ни арабские тексты(о существовании которых он пишет) не были ему доступны. Между тем как раз сличение славянских переводов с их непосредственными источниками могло бы многое прояснить в работе переводчиков, в частности не подвергали ли они текст каким-то редакторским изменениям в связи с той или иной тенденцией и т.п.

Все же еще до окончательного разрешения вопроса о переводах, в результате которых сложилась книжность еретиков, можно

---

25 Doutte E. Magie et religion dans l'Afrique du Nord. Algers, 1908, p. 226-234; Tannery P. Le Rabolion // In: Tannery P. Memoires scientifiques. Toulouse et Paris, 1920, v.IV, p. 299-317. Подобные арабские тексты известны также в записи еврейской графикой (Арабские сочинения в еврейской графике. Каталог рукописей (сост. В.В.Лебедев). Министерство культуры РСФСР, Гос. Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина. Л., 1987, с. 102, № 484, 485).

26 Рачева М. Към ранните заемки от арабски произход в славянските езици: няколко редки астрономически названия - заемки в старобългарски или в староруски език? // Palaeobulgarica / Старобългаристика, София, 1981, V, № 3.

отметить один, весьма важный факт. Еретическое движение, корни которого уходят в Великое княжество Литовское не было простым следствием восприятия элементов западноевропейской цивилизации. Тем более его нельзя свести исключительно к польскому влиянию на культуру восточнославянских народов. В поисках идей, отсутствующих в традиционной славянской книжности, какая-то часть западнорусского населения (для которой осуществлялись переводы) обнаруживает интерес к восточной традиции.

В плане реконструкции круга книжности еретиков - "жидовствующих" значительный интерес представляет список отреченных книг "Стоглава". Может быть весь этот список отражает именно книжность еретиков - "жидовствующих" (последнего по времени еретического движения, с которым приходилось иметь дело русской церкви до этого собора)? Такое положение может быть принято как допущение, требующее дальнейшей проверки. Значительную трудность представляет тот факт, что ряд названий этого списка не поддается отождествлению с конкретными известными текстами.

Так или иначе, ясно, что уточнение сведений о любой книге, указанной в списке "Стоглава", отыскание ее текста, или хотя бы ссылок на нее в составе других сочинений, должно рассматриваться как важный шаг вперед в деле прояснения вопроса об идеологии "жидовствующих".

Введение в научный оборот книги "Рафли" (редакция псковского книжника Ивана Рыкова, созданная в 1579 г.) существенно усилило правомерность отождествления списка "Стоглава" с книжностью "жидовствующих". В ее основе, так же, как и в случае с "Шестокрылом" и "Аристотелевыми вратами", лежит текст, переведенный в Белоруссии с восточного оригинала. Имеющееся в тексте "Рафлей"

текстуальное совпадение в "Логикой"[27] еще теснее привязывает "Рафли" к книжности еретиков.

В том же 1579 г. Иваном Рыковым, наряду с "Рафлями" было создано другое "творение" календарно-астрономического содержания – так называемое "Предисловие святцам" (последнее представлено двумя именными списками и множеством анонимных)[28]. Отметим, что полный именной список по рукописи середины ХУП в. соседствует с единственным творением московских еретиков – "Лаодикийским посланием"[29].

Сопоставление календарно-астрономического сочинения Рыкова и его редакции книги "Рафли" показывает, что для создания обоих компилятивных текстов в ряде случаев использовались одни и те же отрывки. В составе книги "Рафли" упоминаются календарно-астрономические тексты и таблицы, отсутствующие в "Предисловии святцам". По-видимому, это последнее было на самом деле лишь предисловием к обширному сводному трактату.

Нам уже приходилось писать о возможном авторстве Ивана Рыкова по отношению к еще одному тексту, озаглавленному "Жил стрекание", содержащему медикоастрологическое руководство для кровопускания[30]. Это произведение связывает с творениями Ивана Рыкова календарно-астрономическая и астрологическая проблематика,

---

27 Турилов А.А., Чернецов А.В. Ук. соч., с. 281, 302.

28 Там же, с. 273–275; они же. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение. // Археографический ежегодник за 1982 г. М., Наука, 1983, с. 88, 89.

29 ЦГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, оп. I, № 632, лл. 27, 27 об.

30 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 276; Соболевский А.И. Ук. соч., с. 132.

то, что это русский авторский текст, созданный "многогрешным Иваном". Как и творениям Рыкова, этому сочинению придана эпистолярная форма, слово "святцы" в нем также фигурирует в значении "календарь". В рукописи из собрания ГПБ "Жил стрекание" непосредственно предшествует "Предисловию святцам" (в данном случае список анонимный)[31]. В рукописи ГИМ это сочинение завершается словами "сия книга списася мужем некиим кир Иоанном, прежде шести дней календа июня в день недельный в праздник Ферапонтов"[32].

"Жил стрекание" представляет собой значительный интерес в связи с тем, что в его тексте имеются указания на связь этого сочинения с целым рядом иных памятников книжности. "Многогрешный Иван" указывает на несамостоятельный характер своего творения, на то, что он заимствует премудрость "еллинских и латинских доктор", "римских, еллинских и халдейских докторов и астрологов". Он упоминает русские и латинские лунники, книги "Астрономия", "Алманах", "Маментос" ("Мамелтос" - ?), сочинение Гиппократа ("Пократа"), адресованное царю Птоломею. Действительно, в состав сочинения входит фрагмент известного текста "Галиново на Ипократа". "Гибель светильником" (очевидно, лунные и солнечные затмения, а также фазы луны) рекомендуется "учинять по Шестокрылу" (рукопись ГПБ, л. 189 об.; рукопись ГИМ, л. 245).

Это единственное известное в древнерусской книжности упоминание "Шестокрыла" в качестве рекомендуемой книги. В других случаях она упоминается преимущественно как одиозная, запретная. Отметим, что названия книг "Астрономия", "Алманах", "Шестокрыл" известны по индексу "Стоглава".

---

31 ГПБ, Q XVII, 67, лл. 189-192.

32 ГИМ, Щук. 295, л. 244-275.

Особую ценность сочинению "Жил стрекание" придает имеющийся в нем перечень пособий, необходимых для медикоастрологической (иатроматематической) деятельности. Это своего рода оглавление "святцев" (календаря), в данном случае отождествленных с альманахом (рукопись ГПБ, л. 189 об.; рукопись ГИМ, л. 245 об., 246).

"I. Число месячное. 2. Слова неделные. 3. Солнечное шествие в зодии. 4. Лунное шествие по зодиям. 5. Пяти планит вхождение в зодеи. 6. Четыре времени. 7. Два солнцестатия. 8. Два равноденства. 9. Календы, ноны и дус. 10. Дни египецкие. II. Дни собачи. I2. Дни добрые и злые. I3. День когда и нощь колико часов имать. I4. Когда кои ясти ествы. I5. Идеже святцы без алманаха, ключ зодейной. I6. Числа из Врат Аристотелевых. I7. Число правилное солнечное. I8. Число правилное лунное. I9. Пасхалиа по святцом. 20. Паки по алманаху погодиа, ветры /.../. 2I. Паки царствием и градовом и царем и людем мятеж и проче вся благаа и злаа того году /.../. 22. Рождение луны. 23. Новый перекрой. 24. Ущерб луны. 25. Верхний перекрой" (в рукописи ГИМ, пункты 22-25 отсутствуют).

Этот перечень требует некоторых комментариев. Почти все пункты связаны с текстами или таблицами календарно-астрономического характера. Пять из них носят несомненно астрологический характер, это пункт 10, "Дни египетские" (разновидность статьи о "злых днях"), пункт I2, "Дни добрые и злые" (ср. во второй части книги "Рафли", врата 30, "Дни смотрить и часы добрые и злые")[33], пункт I4, "Когда кои ясти яствы" (сходный текст во второй части книги "Рафли" - врата 60, "Разсмотряти, в кои день

---

33 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 33I, 332.

слатко ясти")[34], пункт 20 "Пакы по алманаху погодиа, ветры..." (предсказания погоды), пункт 21 "Пакы царством и градовом и царем и людем мятеж, и проче вся благаа и злаа того году".

Некоторые пункты оглавления перекликаются с названиями глав календарно-астрономического творения Ивана Рыкова. Это пункт 6. "Четыре времени" (ср. гл. 3 "О четырех временах года"), пункт 7, "Два солнцестатия" (ср. гл. 4 "О солнечном статии"), пункт 9, "Каланды, ноны и дус" (ср. гл. 6 "О каландах нонах и дусех"). Пункт 13, "День когда и нощь колико часов имать" находит параллели в текстах, связанных с Иваном Рыковым и в рукописях, включающих его творения. Пункты 3-5, "Солнечное" и "Лунное шествие по зодиям", а также "Пяти планит вхождение в зодеи" могут быть сопоставлены с гл. 12 "О двенадцати зодиях". Пункты 10 и 11 - "Дни египетские" и "собачи" соответствуют статье, имеющей в рукописи ЦГАДА, содержащей календарно-астрономическое творение Рыкова[35].

В оглавление включено название еще одной книги, известной по индексу "Стоглава" - "Аристотелевы врата"."Числа из Врат Аристотелевых" - это, несомненно, таблица для определения "чисел имен" и дальнейшего гадания об исходе боя или поединка. Данное указание, как и текст книги "Рафли", свидетельствует о том, что "Аристотелевы врата" индекса "Стоглава" тождественны известному тексту - "Тайной Тайных".

Таким образом, анализ состава "Жил стрекания" свидетельствует о его значительной близости кругу книжности, вошедшей в индекс "Стоглава" и творений Ивана Рыкова, что является дополни-

34 Там же, с. 337.

35 ЦГАДА, ф. 188, собр. ЦГАДА, оп. 1, № 632, лл. 40 об., 41.

тельным аргументом в пользу отождествления "многогрешного Ивана" с этим псковским книжником.

Итак, из числа сочинений, входящих в индекс "Стоглава", в текстах, так или иначе связанных с Иваном Рыковым фигурируют: "Рафли", "Шестокрыл", "Алманах", "Астрономии" и "Аристотелевы врата" (5 из 9). При этом одно из этих 9 ("Аристотель") - очевидно дублирующее к "Аристотелевым вратам". Еще два названия - "Зодеи" и "Звездочетьи" весьма вероятно соответствуют конкретным текстам, также известным Рыкову. "Зодеи" могли соответствовать гл. 2 календарно-астрономического творения Рыкова ("О двенадцати зодиях"), а также пунктам 3-5 оглавления в "Жил стрекании". "Звездочетьи" возможно то же, что и "Астрономия". Во всяком случае скорее всего это какой-то сводный календарно-астрономический (астрологический) трактат, частично или полностью известный Рыкову.

Единственное название, безусловно пока не находящее соответствия в текстах, связанных с Иваном Рыковым - "Вороноградй". Таким образом, круг чтения Рыкова скорее всего включал список "злых ересей" полностью, а большую часть списка - бесспорно. Этот список, очевидно, носит неслучайный характер, и соответствует единому комплексу книжности, определенно тяготеющему к книжности "жидовствующих".

То, что характер книг в списке "Стоглава" преимущественно астрологический, едва ли позволит полностью раскрыть на основе их изучения специфические черты еретического учения как такового. Однако известный прогресс в этом направлении возможен. Восприятие астрологии как "точной науки" не могло не способствовать определенной деформации религиозного сознания, особенно в области теологического вопроса о свободе воли. Этот вопрос нашел свое

отражение как в переводах западнорусского происхождения ("Аристотелевы врата"[36]), так и в оригинальном памятнике московской книжности ("Лаодикийское послание"[37]). В обоих случаях утверждается положение о существовании свободной воли, что не соответствует типичным воззрениям западных протестантов (особенно - кальвинистов). Однако в контексте разнообразных реформационных учений такие представления о "свободной воле" могли встречаться даже у некоторых радикальных группировок (например - у "польских братьев"[38]).

В связи с вопросом о социально-политическом характере взглядов еретиков значительный интерес представляет мысль А.И.Соболевского о том, что в "Тайной Тайных" отразились политические тенденции, связанные с аристократией, боярством. В словах: "Александре, ведай иже бояре крепость земная и честь царская..."[39] А.И.Соболевский видит источник политической концепции князя Курбского. Это положение, однако, вызывает ряд возражений. Аристократу, потомку владетельных князей А.М.Курбскому едва ли вообще были нужны литературные источники, чтобы придти к своим представлениям о политическом значении боярства. Вряд ли можно усматривать тиран-

---

36 Сперанский М.Н. из истории отреченных книг, с. 154.

37 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Ук. соч., с. 265, 272.

38 The Polish Brethren. Documentation of the History and Thought of Unitarianism in the Polish-Lithuanian Commonwealth and in the Diaspora, 1601-1685. Edited, Translated and Interpreted by G.H. Williams // Harvard Theological Studies, XXX, 1980, part 1, p. 104, 107-109, 229.

39 Соболевский А.И. Ук. соч., с. 419; сноска 2; Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 167.

ноборческие мотивы (хотя бы в смягченной форме) в "Тайной Тайных", которая несомненно представляет собой законченное выражение монархической идеологии. Действительно, содержание книги - советы Аристотеля (и других мудрецов) царю. А.С.Орлов справедливо назвал "Тайную Тайных" "домостроем для царей"[40]. Наряду с поучениями как "миловать" своих подданных, "Тайная Тайных" содержит и совсем иные. Слова "Налепший царь подобен орлу, а около его все стервище; а напущи царь что подобен стерву, а около его орлы"[41], ближе взглядам Ивана Грозного и Вассиана Топоркова, чем Курбского. Думается, что обращаться к тексту "Тайной Тайных" для характеристики социально-политических взглядов ее читателей следует с чрезвычайной осторожностью.

Ввиду становящейся все более очевидной близости или даже тождества некоторых ренессанскных явлений в белорусских городах и идеологии "жидовствующих", большой интерес представляют богословские позиции, которых придерживалась центральная фигура белорусского Ренессанса - Франциск Скорина. В последнее время удалось установить, что напечатанные им каноны являются его авторскими сочинениями, поскольку они содержат акростихи с его именем[42].

---

40 Орлов А.С. Древняя русская литература. М.-Л., Издательство АН СССР, 1937, с. 289.

41 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 147.

42 Турилов А.А. Гимнографическое наследие Франциска Скорины в рукописной традиции (к вопросу о научном описании и изучении рукописей традиционного содержания) // Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности. Материалы Всесоюзной конференции. Л., Наука, 1981, с. 243-247.

Один из канонов "Имени Иисуса Христа" указывает на позицию Скорины в контексте полемики "реалистов" и "номиналистов". Последняя была, конечно, известна Скорине, получившему европейское университетское образование. Позицию Скорины нельзя назвать типичной для протестантизма; она, как и трактовка в "Лаодикийском послании" вопроса о свободе воли, отражает или специфику религиозных исканий в Восточной Европе, или мозаичный, неустойчивый характер идеологии вольнодумцев рубежа ХУ-ХУI вв.

Наряду с вопросом об идейной сущности ереси встает и другой - о ее влиянии на позднейшую русскую культуру. И здесь могут быть намечены некоторые дополнительные штрихи.

Популярная у еретиков книга "Шестокрыл", как известно, ссхранилась в единственном списке. Списки "Лаодикийского послания" многочисленны, однако оно по-видимому переписывалось как образец книжной премудрости, тогда как его идейное содержание едва ли воспринималось. То, что сочинение вышло из среды еретиков, по-видимому было забыто.

Дополнение списка книг, связанных с ересью "Тайной Тайных" и "Рафлями" существенно расширяет наши представления о судьбах культурного наследия еретиков. "Тайная Тайных" представлена целым рядом списков, причем они имелись у русских царей ХУП в. и у патриарха Никона[43].

Наиболее органично связанной с русской книжностью оказалась судьба книги "Рафли". Появившись в славянской письменности как переводной гадательный текст, она не только пережила разгром ереси, но и подверглась во второй половине ХУI в. русской авторской переработке псковского книжника Ивана Рыкова. Календарно-

---

43 Сперанский М.Н. Из истории отреченных книг, с. 5, 125.

астрономические труды того же автора впоследствие органично влились в компилятивные "Миротворные круги" ХУП в.

Редакция "Рафлей", принадлежащая Ивану Рыкову отличалась от первоначальной главным образом введением в текст благочестивых и молитвенных пассажей. По-видимому он надеялся преодолеть сложившиеся у духовенства представления об этой книге. Наряду с этим руссификации подверглись и собственно гадательные тексты (варианты предсказаний). Русская переработка текста книги "Рафли" продолжалась и далее. Об этом свидетельствует список, обнаруженный М.Н.Сперанским, где часть книги "Рафли" при наличии несомненной текстологической связи с основным текстом, превратилась в особую, упрощенную и сокращенную версию гадательной книги[44]. В ходе работы русских компиляторов в текст "Рафлей" вводились отрывки из других сочинений, известных в русской книжности[45], Известно и заимствование из книги "Рафли" в "Сказании о великом Славенске" (ХУП в.). Это имя одного из легендарных древнейших русских князей современника Александра Македонского (Авенхасан; в "Рафлях" есть персонаж носящий имя Авенгасан)[46]. На примере книги "Рафли" становится ясной тесная связь литературы "жидовствующих" с русской книжной традицией ХУ-ХУП вв. Важно, что передатчиком культурного наследия, связанного с ересью выс-

---

44 Сперанский М.Н. "Аристотелевы врата..."; Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 282, 283, 321-331.

45 Турилов А.В., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 279, сноска 54, с. 280, сноски 59 и 62.

46 Там же, с. 281, 295, 303; Попов А.Н. Изборник славянских и русских статей и сочинений внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869, с. 445.

тупает один из образованнейших русских людей второй половины XVI в.

Несмотря на разгром ереси в начале XVI в. и преследование связанной с нею книжности, последняя продолжала свое существование в виде единого комплекса и находила себе аудиторию среди русских ученых книжников второй половины XVI в. Пример Ивана Рыкова показывает, что в среде этих книжников бытовал вполне определенно выраженный интерес к рациональным естественнонаучным знаниям. Показательно, что носитель запретных знаний имел доступ к высшей придворной знати - его календарно-астрономическое сочинение было составлено по заказу "российского царства царева книгчия"[47].

---

47 Турилов А.А., Чернецов А.В. Софроний, книгчий Ивана Грозного и адресованное ему сочинение. Отметим, что и в тексте запретной книги "Рафли" имеется намек на то, что она также предназначена для коронованого читателя ("...полезны же суще и самем тем венец и багряницу носящим..." - Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли, с. 294).

И.Г.Добродомов, В.А.Кучкин

"КАЗАНСКАЯ ИСТОРИЯ" И ОСНОВАНИЕ КАЗАНИ

Около I5 лет назад Татарский обком партии решил широко отметить юбилей города Казани. На улицах города появились красочные транспаранты, в киосках - памятные значки, на некоторых прилавках буфетов и магазинов - конфетные коробки с юбилейными датами, а в научных изданиях - статьи казанских археологов и историков - специалистов по новейшему времени, настойчиво доказывающих, будто современная Казань была основана в II77 г., а потому в 1977 г. нужно праздновать 800-летие города [1].

Наиболее отчетливо мысль эта нашла свое выражение в статье В.В.Иванова и А.Х.Халикова "О времени возникновения города Казани"[2]. В названной работе оказались сконцентрированными все основные и неосновные доводы сторонников новой точки зрения, по своей хронологической определенности резко расходившейся со сложившимися в исторической науке представлениями о примерном времени строительства нынешней Казани. Последнее обстоятельство заставляет весьма внимательно отнестись к тем фактам и свидетельствам, на которых зиждется вывод о возникновении Казани в II77 г. Сосредоточение же доказательств данного положения в одной статье избавляет от необходимости подробно рассматривать другие публикации, в которых фигурирует II77 г., тем более, что все они повторяют итог изысканий В.В.Иванова и А.Х.Халикова, не внося сколько-нибудь иного в обоснование предложенной этими авторами даты возникновения города.

На чем же строят свои заключения В.В.Иванов и А.Х.Халиков? По их мнению, "к настоящему времени накоплен и обобщен разнообразный материал письменных источников и археологических данных" [3], которые

позволяют говорить о том, что Казань была основана именно в 1177 г. С другой стороны, вступая в противоречие с собою, оба автора признают, что до сих пор "не рассматривались во всем объеме, в их совокупности русские и татарские письменные источники, данные фольклора, топонимики, археологические памятники" [4]. Таким образом, констатируется, что обобщения показаний различных исторических источников и дисциплин относительно времени строительства Казани еще не сделано. Чтобы точно определить это время, необходим анализ разнообразных данных. Только на их базе и возможны ученые построения. С такой постановкой вопроса следует согласиться, но с одной существенной оговоркой. Дело в том, что во всех названных В.В.Ивановым и А.Х.Халиковым материалах фигурируют две Казани: Иски-Казань (Старая Казань) и Новая, современная Казань. Умолчав об этом широко известном и принципиально важном для решения проблемы генезиса того или иного города обстоятельстве, авторы названной статьи пошли по пути недифференцированного рассмотрения источников, смешивая сведения о Старой и Новой Казанях. А такие сведения нужно строго различать. К тому же методика обработки различных групп источников у названных авторов далеко не всегда корректна, обобщения сделаны без надлежащего разбора первичных данных, многие из которых остались вне поля зрения исследователей. Иногда же привлекаются такие свидетельства, которые по самому своему характеру оказываются малопригодны для решения занимающей В.В.Иванова и А.Х.Халикова задачи.

Свою работу В.В.Иванов и А.Х.Халиков начали с анализа памятников письменности, в том числе фольклорных записей и лингвотопонимического материала, что возражений не вызывает, поскольку археологические данные, полученные при раскопках современной Казани, не позволяют вывести точную дату строительства города и могут указывать лишь на некий промежуток времени протяженностью в несколько десяти-

летий, когда была заложена нынешняя Казань. Но и свидетельства памятников письменности по затронутому сюжету далеко не равноценны.

Так, топонимические факты дают возможность наметить весьма широкие хронологические вехи, в пределах которых появилось название "Казань", а также, вероятно, и само поселение, хотя параллелизм в истории названия и географического объекта вовсе не обязателен. В.В.Иванов и А.Х.Халиков довольно много места в своей статье уделяют анализу топонима "Казань". Их при этом интересует почему-то не время (хотя бы примерное) появление этого топонима, а лишь его этимология, что к вопросу о времени основания города имеет весьма отдаленное отношение. К тому же предложенная этими авторами этимология слова "Казань" на поверку оказывается произвольной [5]. Очевидно, при привлечении топонимического материала для решения вопросов, связанных с историей поселений, необходимы иные приемы обработки этого материала, иная методика его исследования.

Действительно, данные топонимики, если они представлены надежными фактами, помогают установить, как уже говорилось, приблизительную хронологию названия. Это достигается путем соотнесения его истории с историей языковых явлений, особенно на основе исторической фонетики. В указанном плане особый интерес представляет рассмотрение (не реализованное В.В.Ивановым и А.Х.Халиковым) форм названия топонима в разных языках соседних народов, поскольку фонетическая судьба одного и того же географического названия в различных языках была неодинаковой: в отдельных языках название могли законсервироваться более архаичные черты по сравнению с формой названия в других языках. Поэтому при анализе татарского топонима "Казан" следует учитывать его звучание в чувашском, удмуртском, различных диалектах марийского и русском языках.

Уже на тюркской почве сопоставление татарской "Казан" и чуваш-

кой "ХуЗан" (где "З" обозначит полузвонкий согласный, средний между "с" и "з") форм этого названия заставляет отказаться от довольно распространенного сближения указанного топонима с тюркским наименованием котла "казан"[6], поскольку татарскому нарицательному существительному "казан" ("котел") в чувашском языке закономерно соответствует "хуран". С чувашским "ХуЗан" генетически связаны также удмуртское "Кузон" и марийские: горн. - "Хазан", "Азан", "Озан"; луг. - "Озан"; вост. - "Озанг" (с заднеязычным носовым согласным "нг"), "Ожанг". На основании восточномарийских форм в качестве булгарско-чувашской праформы восстанавливается предполагаемое *"Хозанг" *"Хазанг" с заднеязычным носовым согласным "нг" в конце слова[7]. Как известно, заднеязычный носовой согласный "нг" на чувашской почве изменился в "н", "м", но сохранился в качестве особого согласного "нг" в старейших заимствованиях марийского языка из чувашского[8]. Удмуртская и татарская формы топонима "Кузон" - "Казан" отражают более новое звучание уже после перехода "нг" в "н". Русская форма "Казань" появилась еще позже в результате адаптации на русской почве татарской формы "Казан" (ср. аналогичные "Тъмуторокань", "Тамань", "Шарукань", "Астрахань", "Кубань" и т.п.). Таким образом, можно сделать вывод, что название возникло на базе древнего булгарского языка чувашского типа.

Конечный заднеязычный носовой согласный "нг" в реконструируемом топониме *"ХаЗанг" можно было бы объяснить на древней волжско-булгарской почве условиями синтаксической фонетики: если за названием "ХаЗан" постоянно следовали слова с началом на заднеязычный согласный типа титула "хан" или нарицательного географического термина типа *"хала" (из арабск. قلعة "кал'а" - "крепость"). В таком случае нельзя исключать возможности выведения географического названия "Казан" - "Хузан" из собственного имени импа "Хасан-хан"

(или в булгаризованном облике *"ХаЗанг-хан" и далее в раннем кыпчакизованном *"Казанг-хан" [9]. Такое предположение в поддержку гипотезы В.Л.Егорова (см. примеч. 9) было высказано нами в статье, упомянутой в примечании 11, сейчас от этого объяснения как очень искусственного можно отказаться в пользу более естественного объяснения названия сначала области, а потом города и реки "Казан" от буртасского (аланского) существительного *"хазанг" (в соответствии с осетинским "хадзонæг", "къадзонæг" "излучина" с беглым "æ" между согласными "-н-" и "-г"), что было предложено в статье Э.Кинана, упомянутой далее в примечании 17.

Необходимо учитывать, что в татарском названии "Казан" отражены одновременно черты древнего булгарского языка чувашского типа (озвончение согласного "с" в положении между гласными) и несколько более позднего старокыпчакского языка (изменение "х" в "к"); в чувашском же "ХуЗан" (орфографически "Хусан") сохранена только ранняя булгарская черта - озвончение "с" в "з" между двумя гласными.

Принятая В.Л.Егоровым (и нами) этимологическая связь топонима "Казань" с мусульманским именем "Хасан" вызвала критические замечания со стороны Р.Г.Ахметьянова [10], но в этом споре оппонентом не было учтено то обстоятельство, что эволюция топонима начиналась первоначально на булгаро-чувашской почве, откуда название вошло во все языки Поволжья, кроме русского (здесь была морфологически преобразована татарская форма "Казан") и мордовского, куда проникла русская форма "Казань".

В духе высказанных здесь соображений об этимологии названия города "Казань" этот вопрос был изложен нами в 1979 году в сборнике "Топонимика на службе географии" [11]. Такая точка зрения нашла сочувствие у топонимиста Э.М.Мурзаева [12], но и вызвала критику со стороны синтаксиста М.З.Закиева [13].

Последовавшие возражения на недостаточно профессиональные замечания М.З.Закиева [14] не были им поняты [15]. При этом нельзя не указать на то, что высказывания М.З.Закиева почему-то встретили поддержку в сумбурной статье татарского топонимиста Г.Ф.Саттарова, который многократно писал о топониме "Казань", странным образом совмещая старые свои суждения о происхождении этого топонима и несовместимые с ними новые наблюдения своих коллег [16].

Вне поля зрения советских топонимистов оказалась обстоятельная статья о названии "Казань" американского исследователя Эдварда Л. Кинана, который выводит название города (первоначально области) "Казан" из аланского источника, привлекая для этого осетинское "хадзонæг", "къадзонæг" - "крюк, излучина" [17]. Этимологическая версия Э.Кинана с небольшими коррективами оказывается вполне приемлемой в свете аланской природы загадочного народа Среднего Поволжья буртасов [18], которые и дали это название сначала области, а потом реке и городу. Аланский источник *"хадзанг-" в состоянии хорошо объяснить через булгарско-чувашское (*"ХаЗанг" > "Хозанг") восточномарийские формы "Озанг", "Ожанг", что обычно находилось за пределами работ о топониме "Казань".

Таким образом, анализ топонимического материала - названий города Казани в разных языках - позволяет определить примерное время появления этого названия: приблизительно до середины XIУ в., когда древний булгарский язык чувашского типа был вытеснен кипчакским языком, как об этом можно судить по данным булгарской эпиграфики Поволжья [19]. Однако вывести точную дату основания Казани или подтвердить такую дату на основании топонимических данных нельзя. Последние указывают на широкие хронологические рамки и в этом отношении не противоречат мнениям тех ученых, которые относили возникновение Казани к период ХП-XIУ вв.

Другой группой источников, повествующих об основании как Старой, так и Новой Казани, являются татарские легенды и предания. По мнению В.В.Бартольда, эти легенды бытовали еще в ХУШ в., когда впервые и были записаны[20]. Помимо письменной, существовала и устная традиция, зафиксированная собирателями татарского фольклора в конце XIX - первой четверти XX вв. [21] . Устные татарские легенды, записанные в XX в., по содержанию однотипны с текстами ХУШ в. - с так называемым "Дастан Тимур Аксак". В этом произведении рассказывается, что в 700 году хиджры (так в большинстве списков; в отдельных списках встречаются даты 100 г.х. и 800 г.х.) [22] Тамерлан взял город Булгар и умертвил его хана Абдуллу. Дети Абдуллы Алтын-бек и Алим-бек скрылись от завоевателя и основали новый город, где начали править. Большинство списков называет этот город Казанью, но в некоторых фигурируют города "Кашан" и "Буляр" [23] . Правление сыновей хана Абдуллы и их потомков в новой столице продолжалось согласно большинству списков 104 года [24] (в поздних записях преданий названы цифры в 150 и 300 лет) [25] . После этого была основана Новая, т.е. современная Казань [26] .

Ученые уже неоднократно отмечали недостоверность хронологических выкладок "Дастан Тимур Аксак" [27] . С этим вполне согласны В.В. Иванов и А.Х.Халиков. Они закономерно приходят к заключению, что "основываясь только на татарских источниках, установить дату возникновения Казани не представляется возможным"[28]. Однако тут же это справедливое утверждение совершенно зачеркивается. "В этой связи, - продолжают В.В.Иванов и А.А.Халиков, - мы можем лишь заметить, что они (т.е. татарские источники - И.Д., В.К.) в целом не противоречат, а в ряде случаев подтверждают наиболее раннюю дату основания Казани"[29]. Увы, ни в целом, ни в ряде случаев, ни в каком-либо отдельном случае данные "Дастан Аксак Тимур" и записанных позднее татарских легенд не в состоянии подтвердить раннюю дату основания современной Казани. Несмотря на расхождения в датах,хронологических выкладках и топографических свидетельствах (напомним, что иногда вместо основанной сыновьями Абдуллы хана Казани в текстах называются другие города)все

без исключения варианты легенд и преданий относят строительство Казани к временам Тамерлана (1336-1405 гг.). Причем речь идет не о Новой, а о Старой Казани. Новая же, современная Казань, согласно этим источникам была построена еще позже, примерно столетие спустя после Старой.

Казалось бы, споры о дате возникновения Казани можно если не прекратить, то по меньшей мере значительно упростить, обратившись к восточным авторам. В.В.Иванов и А.Х.Халиков, в частности, пишут, что "о завоевании Казани в период монгольского нашествия говорится в сочинении Ахмеда Гаффари, написанном в 1564-1565 гг."[30]. Если так, то Казань была основана до 1236 г., когда полчища Батыя покорили Волжскую Булгарию. Однако в том месте сочинения Ахмеда Гаффари, на которое ссылаются оба автора, о Казани сказано буквально следующее: "... о царях Кок-орды; им принадлежали области правого крыла, как-то: урусы, Лика, Уксу, Маджар, Булгар и Казань"[31]. Как видно, в сочинении Гаффари ни о каком взятии Казани не говорится. К тому же там фигурирует не город Казань, а область Казань. В ХУI в. она считалась входящей в территорию Синей Орды. Любопытно, что в непосредственном источнике Гаффари, составленном в начале ХУ в., - историческом сочинении Муин ад-дина Натанзи, более известном под традиционным названием "Аноним Искандера" - при перечислении областей Кок-орды Казань не названа[32]. Ее упоминание в труде Ахмеда Гаффари - скорее всего вставка самого автора ХУI в., которому область Казань (т.е. Казанское ханство) была гораздо известнее, чем его раннему предшественнику.

Итак, и в сочинениях восточных авторов дата основания Казани не приводится. "Трудности решения этого вопроса, - как справедливо указывают В.В.Иванов и А.Х.Халиков, - связаны прежде всего с тем, что при достаточно большом количестве письменных источников единственным конкретно датирующим документом является такой многоплановый и про-

тиворечивый памятник, как "Казанский летописец" ("Казанская история")"[33]. К сожалению, противоречивость названного памятника в статье обоих авторов не показана [34]. И чтобы разобраться в сути дела, необходима более подробная характеристика этого русского литературного произведения XVI в.

"Казанская история", точнее "История о Казанском царстве", сохранилась в большом количестве списков. Г.З.Кунцевичу в начале нашего столетия было известно 194 рукописи, в составе которых насчитывалось 195 списков памятника [35]. 151 список был просмотрен исследователем *de visu* остальные 44 были знакомы ему по описаниям [36]. Почти 50 лет спустя Г.Н.Моисеева указала еще 79 списков "Истории", неизвестных Г.З.Кунцевичу [37]. Значительную работу по уточнению перечней Г.З.Кунцевича и Г.Н.Моисеевой, а также разысканию новых списков "Казанской истории" проделала Л.А.Дубровина. Она выяснила, что некоторые списки, указанные Г.З.Кунцевичем, содержат текст не "Истории о Казанском царстве", а другие сочинения о падении Казани в 1552 г. Что касается 79 новых списков Г.Н.Моисеевой, то таковыми следует признать только 63, 16 остальных были Г.З.Кунцевичу известны. Всего Л.А.Дубровина насчитала 276 списков памятника [38]. Однако и эта цифра не может считаться исчерпывающей [39].

Впрочем, несмотря на громадное число рукописей, содержащих "Историю", анализ памятника в значительной степени облегчается тем, что списков его первой редакции, на основании которых можно судить как об авторском тексте произведения, его структуре и различных особенностях, так и о начальных этапах редакционной переработки, до наших дней дошло совсем немного.

Г.З.Кунцевичу удалось выявить всего 3 списка первой редакции "Истории" [40]: список Соловецкого собрания [41], список из собрания В.И.Срезневского [42] и список из собрания Ф.И.Буслаева [43]. Все спис-

ки относились к XVII в.

Хотя в распоряжении Г.З.Кунцевича оказались только три списка первой редакции, исследователь обнаружил, что они неодинаковы. Он разделил списки на две группы, которые считал (как позднее выяснилось - неосновательно) самостоятельными редакциями I и II [44]. Ученый указал на ряд различий между редакцией I (по его классификации), представленной двумя списками: Соловецким и В.И.Срезневского, и редакцией II, представленной единственным списком Ф.И.Буслаева.

Различия эти состояли в следующем. Списки Соловецкий и В.И.Срезневского в целом сохранили более полный текст памятника, чем список Ф.И.Буслаева. Г.З.Кунцевич отметил отсутствие в последнем в главе "О воставшемъ въ Казани мятежи и о изгнани[и] царя их..." окончания рассказа о судьбе татарского князя Чуры Нарыковича, из-за чего повествование в Буслаевском списке потеряло свою последовательность [44а]. В списках же Соловецком и В.И.Срезневского такой текст сохранился [45]. Если в списках Соловецком и В.И.Среневского содержится описание ранения и смерти князя Семена Микулинского, сделанное, несомненно, лицом, близко знавшим этого князя [46], то в Буслаевском списке такого описания нет, оно выпущено [47]. Г.З.Кунцевич привел и другие примеры систематического сокращения текста (вплоть до опущения целых глав) в Буслаевском списке по сравнению со списками Соловецким и В.И.Срезневского [48].

В то же время в Буслаевском списке после предисловия и первой главы читаются главы "О воинѣ Батыеве на Русь...", "О взятии Великаго Новаграда отъ великаго князя Ивана Васильевича...", "О послѣхъ отъ царя, пришедших дерзоснѣ къ великому князю Московскому...", "О конечномъ запустьнии Златыя Орды..." и "О великомъ князе Ярославѣ и о поновлении русских градовъ отъ него...", которые отсутствуют в списках Соловецком и В.И.Срезневского [49]. Однако в этих последних со-

хранились ссылки на отсутствующие здесь главы "О конечномъ запусте нии Златые Орды..." и "О взятии Великаго Новаграда отъ великаго князя Ивана Васильевича..."[50]. Ссылки ясно свидетельствуют о существовании в источнике списков Соловецкого и В.И.Срезневского по меньшей мере двух из пяти отсутствующих в них и читающихся в Буслаевском списке глав[51]. А идейное и стилистическое единство всех пяти глав, что было показано уже после Г.З.Кунцевича, заставляет признать, что все они имелись в авторском тексте "Истории"[52]. Следовательно, в данном случае текст Буслаевского списка явно древнее и первоначальнее списков Соловецкого и В.И.Срезневского.

Г.З.Кунцевич обратил также внимание на еще один пример вторичной обработки текста в списках Соловецком и В.И.Срезневского. В предисловии к памятнику в этих списках указывалось, что описываемые в нем события случились "во дни наша въ лѣта 6903 при великомъ князе Андрѣе Юрьевиче Владимерскомъ"[53]. Исследователь справедливо посчитал указание на год и на князя Андрея Боголюбского позднейшим искажением текста, поскольку составитель "Истории о Казанском царстве" жил не при Андрее Боголюбском и даже не в XIУ в., а по крайней мере во второй половине ХУI в.[54].

Серьезной научной заслугой Г.Н.Моисеевой является обнаружение ею еще 4-х списков первой редакции "Истории о Казанском царстве": Публичного, датируемого 60-ми гг. ХУП в.[55], относящегося к началу XIX в. Музейского списка[56], Никифоровского списка 30-х гг. ХУП в.[57] и списка В.Н.Перетца начала ХУП в.[58]. Таким образом, в распоряжении исследователей оказалось 7 списков первой редакции "Истории о Казанском царстве".

Правда, текстологическое изучение этих списков, предпринятое Г.Н.Моисеевой, трудно считать вполне законченным. Справедливо отвергнув предложенное Г.З.Кунцевичем деление списков "Истории" на девять

редакций и указав, что речь может идти только о двух редакциях памятника, исследовательница в то же время не определила соотношений списков первой редакции "Истории", посчитав, что открытый ею список В.Н.Перетца лучше других списков передает текст памятника. Впрочем, сама Г.Н.Моисеева нашла нужным оговориться, что даже по составу глав названный список не может быть отождествлен с авторским оригиналом "Истории" [59].

Но и с такой оговоркой достоинства списка В.Н.Перетца оказываются преувеличенными.

Хотя найденные Г.Н.Моисеевой списки В.Н.Перетца и Никифоровский относятся к той же разновидности первой редакции "Истории о Казанском царстве", что и списки Соловецкой и В.И.Срезневского, а список Музейский сходен со списком Буслаевским, но указанный исследовательницей Публичный список содержит особый текст, отличный от текстов двух других названных выше групп списков первой редакции памятника.

В самом деле, Публичный список не имеет тех многочисленных пропусков текста, которые характерны для списка Буслаевского (и Музейного тоже). Так, в Публичном списке читается весь рассказ о судьбе татарского князя Чуры Нарыковича [60]. Есть в этом списке и описание ранения и смерти князя Семена Микулинского [61]. Вообще все до единого пропуски, отмеченные Г.З.Кунцевичем в Буслаевском списке, восстанавливаются по тексту Публичного списка [62].

С другой стороны, в Публичном списке имеются те 5 глав, которые читаются в Буслаевском и Музейском списках и которые не сохранились в списках В.Н.Перетца, Соловецком и сходных с ними. В предисловии Публичного списка отсутствует анахроничные указания на дату и князя Андрея Боголюбского, характерные для группы списков В.Н.Перетца - Соловецкого. Уже из сказанного следует, что Публичный список пред-

ставляет собой наиболее ранний вариант первой редакции "Истории о Казанском царстве".

Сказанное подкрепляется даже выборочным сравнением Публичного списка с группой списков В.Н.Перетца - Соловецкого, во многих отношениях стоящей ближе к авторскому тексту "Истории", чем списки Буслаевский и Музейский. Прежде всего следует отметить случаи, когда Публичный список дает явно более древние и лучшие чтения. Так, в Публичном списке о князе Семене Микулинском сказано,(чтение I) что он "славен в побѣдах" (л.188), а в списках В.Н.Перетца и Соловецком стоит ошибочно "славен в бедах" (с.84, л.77; стб.57, л.53) [63]. О царевиче Кучаке (Кошаке) в Публичном списке говорится, что он (чтение II) "за едино лѣто до сего взятия отстоя Казань и от взятия удержа" (л.188 об.), а в списках В.Н.Перетца и Соловецком - "за едино лѣто до сего Казань отстоя и от взятия удержа" (с.92, л.94 об.; стлб.69, лл.65 об.-67; слова "до сего" здесь малопонятны). О войске Шах-Али (чтение III): "с... нарядом огненым" (л.198 об.) - "с... народом изменным" (с.92, л.94 об.; стб.69, л.67, прим. а.; здесь явная описка). В Публичном списке (чтение IУ): "мечь рускии не отимется" (л.209 об.) - в списке В.Н.Перетца "меч руский не откроется" (с.102, л.113 об. и с.176,вар.II), в списке Соловецком "мечъ рускии открывается" (стб.83, л.81), в списке В.И.Срезневского "...не откроется" (там же, вар.2). О царе Шигалее (чтение У): "ново лесть явися в нем" (л.216) - "новое сие се явися в нем" (с.108, л.126; стб.91, л.90; слово "сие" здесь совершенно невразумительно). Упреки ханши Сююнбике Шах-Али (чтение УI): "и буди вся наша скорбь на нем и на всѣх казанцех, что предаша мя ему и ят мя по воли ихъ и самодержцу мя обольсти" (л.209 об.) - "и буди вся клятва наша на нем и на всех казанцех, что предаша мя врагу нашему. И самодержцу оболоти..." (с.102, лл.113 об.-114; стб.83, л.81, последнего слова в Со-

ловецком списке нет).

Впрочем, текст Публичного списка оказывается не только исправнее других списков первой редакции "Истории о Казанском царстве", он содержит авторские ремарки и сведения фактического характера, отсутствующие в других списках первой редакции. Например, описывая последствия нападений казанских татар на русские земли, автор "Истории" замечает, что многие русские бежали от этих нападений (чтение УП): "во глубочаищую Русь, идѣ же варваря тии не ходятъ. И что много глаголю? От частаго бо ихъ нахождения и пленения мнози рустии гради до основания низложены быша и ото очию человьчю непознаваемым быти" (л.177). Вместо этого отрывка в списках В.Н.Перетца и Соловецком читаются только три слова: "во глубину Русь" (с.76, л.60; стб.46, л.40 об.). Несколько выше о казанцах сказано, что они (чтение УШ): "много Руския земли от(ъ)емше до сего нашего самодержца, о нем же нынѣ намъ слово предлѣжить, похваляя доблесть его..." (л.175 об.). В списках В.Н.Перетца и Соловецком текст сокращен: "... многою Рускою землею завладеша. О нем же ныне слово мое грядет, похваляя доблесть его" (с.75, лл.57-57 об.; стб.45, лл.38 об.-39, нет слов "о нем же"). В памятнике содержится рассказ о древнем святилище казанских татар на р.Каме и бывшем там кумире. Но только в Публичном списке есть фраза (чтение IX): "приьзжаху бо к нему жерцы и волхвы" (л.197). В других списках "Истории" ее нет (ср.с.91, л.93; стб.68, л.64 об.). В начале главы "О третьем послании Казани московьских воевод..." перечислены по именам некоторые русские воеводы, посланные в 1530 г. под Казань. Перечень заканчивается фразой "и всех воевод до 30" (с.69, л.44 об.; стб.37, л.29 об.). И только в Публичном списке есть продолжение (чтение X): "Оставлю же всѣхъ писати по именомъ, зане продолжю рѣчи" (л.167). Наконец, при описании похода русских на Казань в 1524 г. все списки первой редакции "Исто-

рии о Казанском царстве" кончают перечисление московских воевод на Михаиле Воронцове (с.67, л.41; стб.34, л.27 об.). В Публичном же списке перечень продолжен (чтение XI): "Да в ладиях князь Иванъ Палецкои до Михаило Юрьевич" (л.165) [64].

Приведенные данные показывают, что списки первой редакции "Истории о Казанском царстве" образуют три группы, или извода: первый извод - Публичный список, второй извод - списки В.Н.Перетца, Соловецкий, Никифоровский и В.И.Срезневского, третий извод - списки Буслаевский и Музейский. Старшим является первый извод, к которому восходит второй и третий изводы первой редакции памятника.

Такое заключение принципиально расходится с наблюдениями Л.А.Дубровиной, сделанными ею в 1981 г. Л.А.Дубровина так же, как Г.З.Кунцевич и Г.Н.Моисеева, разделила все списки "Казанской истории" на две большие группы (они названы исследовательницей "типами"), в зависимости от того, какое они имеют продолжение после главы 49 "Совет з боляры своими царя и великаго князя" [65]. Если списки продолжены текстом, принадлежащим перу того же самого автора, который писал главы 1-49 (а в главах, следующих за главой 49, есть отсылки на то, что уже говорилось в главах 1-49) [66], то они относятся к I типу. Если в списках после главы 49 идет продолжение, составленное на основании "Степенной книги" и других источников, совершенно не связанное по контексту с главами 1-49, то они относятся ко II типу [67]. Л.А.Дубровиной удалось найти два новых списка I типа, сходных с Перетцовским, Соловецким, Срезневского и Никифоровским: Воскресенский середины XVII в. (ГИМ, Воскр., № 155) и Саратовский I 50-х гг. XVII в. (ИБ СГУ, № 886) [68]. Вместе с тем Л.А.Дубровина исключила из числа списков I редакции (I типа по ее терминологии) списки Публичный, Буслаевский и Музейский. Два последних списка являются, по мнению Л.А.Дубровиной, сокращением, особенно основательным после главы

13-й, той редакции памятника,которая представлена Публичным списком (Л.А.Дубровина называет его Библиотечным I) [69]. Данный вывод является вполне справедливым. Однако текст самого Публичного списка Л.А.Дубровина пытается представить как контаминацию, механическое соединение двух разных текстов. По ее мнению первые 49 глав Публичного списка были заимствованы из II редакции (II типа) "Казанской истории", а последующие главы - из I редакции (I типа) "Казанской истории", в результате чего возник III, по классификации Л.А.Дубровиной, тип памятника [70]. При этом большая лакуна, существующая во всех многочисленных списках II редакции в главе об убийстве князя Чуры [71] и отсутствующая в списках I редакции типа Перетцовского, Соловецкого и др., оказывается заполненной и в Публичном списке [72]. Л.А.Дубровина констатирует, что по специфическим чтениям в главах 1-49 Публичный список сходен "со II редакцией II типа, но без свойственных II редакции сокращений" [73]. К сожалению, Л.А.Дубровина не объяснила, каким же образом был пополнен в Публичном списке текст, если он, как она утверждает, имел своим источником текст сокращенный. Самое же главное заключается в том, что механически отмечая совпадения текста Публичного список с текстами других редакций и изводов (типов и редакций по Л.А.Дубровиной), исследовательница столь же механически представляет и самое историю текста Публичного списка. Как показано было выше,протограф I редакции должен был содержать 5 глав пропущенных в начале списков В.Н.Перетца, Соловецкого и схожих с ними, полный рассказ о Чуре Нарыковиче и т.д. Всем этим признакам протографа I редакции отвечает Публичный список. Это вынуждена отметить и сама Л.А.Дубровина. По ее оценке составитель Публичного списка "Соединил тексты двух различных списков памятника, создав тем самым новый тип текста, который, возможно, по своему составу был ближе к тексту первоначальной редакции, чем текст каждой из редакций, к ко-

торым принадлежали эти списки" [74]. Но случайно восстановить состав протографа, взяв первую часть текста из одной редакции, вторую - из совершенно иной, дополнительно поправив по этой иной редакции пропуск в первой части и другие мелкие неточности, представляется совершенно невозможным. Речь должна идти не об искусно соединенном в позднее время тексте, а о тексте раннем, протографичном по отношению ко всем существующим редакциям "Казанской истории". Л.А.Дубровину смущает обстоятельство, что в главах I-49 Публичного списка встречаются чтения II редакции (II типа), которые, по ее мнению, являются ошибочными. Однако наличие ошибочных чтений отнюдь не всегда означает позднее происхождение текста. Ошибки могут иметь место даже в оригинале памятника, и при позднейшем редактировании быть исправлены. Необходимо доказывать не только ошибочность чтений, но и их явно вторичное происхождение. А вот доказательств последнего рода в исследовании Л.А.Дубровиной как раз и недостает. Она указывает, что заголовок главы 8 во II редакции (II типа) менее логичен, чем в I; что в следующей главе в I редакции читается фраза "но конецъ зол совершися", а во II редакции ошибочно стоит "Но конец солило верши"; что в I редакции осада Москвы Улуг-Мухаммедом (Л.А.Дубровина ошибочно называет Ахматом) датирована 3 июля, а во II редакции - 3 июня. И все ошибки II редакции повторены Публичным списком, который имеет и несколько других, менее значимых совпадений с текстом II редакции (II типом) [75]. Однако признавать ошибочным во II редакции заголовок главы 8, куда включено упоминание о походе на Казань князя Юрия Васильевича (по мнению Л.А.Дубровиной такое упоминание должно относиться не к заголовку, а к самому тексту статьи) нет оснований, тем более, что в Публичном списке указание на поход Юрия есть не только в заголовке, но и в тексте 8 статьи [76]. При этом следует отметить, что сам поход князя Юрия в Публичном списке и списках II редакции

правильно датирован 6903 г. [77]. В списках же I редакции (I типа) он ошибочно отнесен к 6900 г. [78]. Что касается разночтения в фразе из 9 главы, то в Публичном списке она вообще читается иначе: "Но конец сице соверши" [79]. Дата нападения Улуг Мухаммеда на Москву действительно верна в списках I редакции (I типа) и ошибочна в списках Публичном и П редакции [80]. Но совпадение чтений последних списков может быть объяснено независимым происхождением ошибки (стандартная описка вместо "июля" - "июня"), а не текстуальной зависимостью Публичного списка от П редакции [81].

В то же время от внимания Л.А.Дубровиной ускользнул целый ряд лучших чтений в Публичном списке по сравнению с чтениями П редакции памятника (П типа). Так, среди перечисленных выше 11 чтений, свидетельствующих о старшинстве Публичного списка по сравнению со списками В.Н.Перетца и Соловецким, чтения П, IУ, IX и X оказываются лучше чтений не только названных списков, но и списков П редакции (П типа). В последних читается "за лѣто едино до сего Казанъ от взятия отстоя" (пропущено слово "взятия" после слова "сего"); "меч руский не открыется" (в Публичном правильно "не отымется"); "приездяху бо [к] нему волхвы" (в Публичном списке наряду с волхвами указаны и жрецы; те и другие фигурируют и в других местах рассказа); "да не продолжю речи" ("да не" по ошибке вместо "зане") [82]. Число таких лучших чтений Публичного списка по сравнению со списками П редакции можно легко увеличить. Например, в Публичном списке читается фраза "хужлше есмь дѣда моего, великого князя Иоанна и отца моего, великого князя Василия" [83]. Во П же редакции этому соответствует "худьши есмь отца (дѣда - М., А.) моего, великого князе Ивана" [84]. Публичном списке читается "не бо вотще страдания прияша апостоли святии" [85], а во П редакции слово "вотще" оказалось пропущенным [86], в результате чего исказился смысл, поскольку далее говорилось о неч-

ной жизни апостолов в раю. Интересна фраза в Публичном списке о князе Владимире Святославиче: "... проливая кровь неповинную, откуду и самъ бысть вѣренъ и всей земли своей спасение изобрете" [87]. Речь идет о том, что Владимиру, воевавшему с Византией, была внушена мысль о недопустимости пролития неповинной христианской крови, он восприняял этот христианский постулат и сам стал христианином. Во II редакции смысл уже нарушен: "...самъ проливая кровь неповинную, веренъ бысть и всеи земли своей спасение изообрете" [88]. Пропуск слова "откуду" привел к искажению мысли, была потеряна связь между пролитием Владимиром невинной крови и его обращением в христианство. Характерно, что и в списках I редакции (I типа) эта фраза также искажена [89]. Текст Публичного списка в данном случае оказывается протографичным не только для II редакции, но и для I редакции. Является он таким и в той части текста, которая следует за главой 49 и которая, по мнению Л.А.Дубровиной, заимствована уже не из II редакции (II типа), а из I редакции (I типа). Хотя по утверждению Л.А.Дубровиной никаких разночтений эта вторая часть Публичного списка со списками I редакции (I типа) не имеет, она сама указывает на то, что в главе 85 "О изымании казанского царя..." Публичного списка в самом начале читается: "Нѣкий же юноша воинъ, княжей отрокъ князя Дмитрия Палецкого...", тогда как в списках I редакции последних трех слов нет [90]. Конкретное указание на князя, которому служил молодой воин, пленивший казанского хана, явно указывает на первичность текста Публичного списка.

Таким образом, выделение в особый III тип Публичного списка и близких к нему Буслаевского и Музейского списков "Казанской истории" не может быть признано корректным [91]. Эти списки относятся к I редакции памятника (по верному делению Г.Н.Моисеевой), но образуют разные изводы этой редакции.

Дифференцированное рассмотрение списков первой редакции "Истории о Казанском царстве" позволяет придти к важному наблюдению относительно так называемой даты "основания Казани". Оказывается, такая дата есть только в списках второго извода первой редакции. Списки первого и третьего изводов этой редакции и все 259 списков (по Л.А.Дубровиной) второй редакции памятника такой даты не содержат [92]. Но и в списках второго извода стоят неодинаковые даты. В списках Соловецком, Никифоровском, В.И.Срезневского, Воскресенском и Саратовском I указан 1172 год [93] и лишь в единственном списке В.Н.Перетца, опубликованном Г.Н.Моисеевой, дата читается по-особому - 1177 год [94].

Прежде чем выяснить, какую из двух дат следует предпочесть, необходимо решить более общий вопрос о происхождении самого указания на 70-ые гг. XII в. в текстах второго извода первой редакции "Казанской истории". Даты встречаются в следующем контексте: "Бысть же на Камѣ на рекѣ старыи град, именем Бряговъ, оттуду же прииде царь именем Саинъ, Болгарскии. И поискав по мѣстом проходя, в лѣта (дата 1172 или 1177 - И.Д., В.К.) и обрѣте мѣсто на Волгѣ на самои украинѣ русскои" [95]. Уже сама конструкция фразы подсказывает, что слова "въ лѣта" с последующим цифровым обозначением года являются вставкой. Союз "и" ("и обрѣте место") соединяет, конечно, не слова "в лѣта...", а слова "по мѣстомъ проходя". Дата разрывает связное повествование. К тому же она помещена так неудачно, что при чтении неясно, обозначает ли она начало поисков царя Саина, или же время обнаружения им места, пригодного для закладки города. Кроме того, дата явно противоречит свидетельствам, сохраненным во всех без исключения списках первой редакции "Истории о Казанском царстве". Во-первых, в предисловии к памятнику автор прямо заявлял, что "о первомъ же начале царства Казанского, в кое время или како зачася, не обрѣ-

тохъ в лѣтописцехъ руских, но мало въ казаньскихъ видехъ; много же и рѣчию вопрошахъ от искусньшиих людеи руских сыновъ, глаголаху тако, инии же инако, и ни [96] вѣдають истинно" [97]. Во-вторых, в той же главе "Истории", где рассказывалось об основании Казани и где в списках второго извода первой редакции памятника читается дата "основания", сообщается, что построив Казань, царь Саин "часто самъ отъ стольного своего града Сарая приходяще и живяше въ немъ" [98], а Сарай, как известно, был основан в XIII в. Таким образом, становится очевидным, что появление так называемой даты "основания Казани" в протографе списков второго извода связано с поздним редактированием "Истории о Казанском царстве". В первоначальном, авторском тексте такой даты не было [99], что подтверждается также отсутствием ее в старшем первом изводе первой редакции "Истории".

Сделанный вывод следует соотнести с приведенным ранее замечанием Г.З.Кунцевича, поддержанным Г.Н.Моисеевой, о вставочном характере упоминания в предисловии списков второго извода Андрея Боголюбского.

Упоминание это явно принадлежит руке позднейшего редактора. Характерно, что называя Андрея Боголюбского, редактор добавил и дату, обозначавшую время, когда, по его представлению, действовал этот князь. Г.З.Кунцевич полагал, что редактор поместил указание на 6903 (1395) год, когда, согласно некоторым русским летописям, был совершен первый поход русских князей на Казань [100]. В таком случае нужно признать, что редактирование производилось довольно поверхностно, поскольку Андрей Боголюбский жил не в XIV, а в XII в. Однако в старшем списке второго извода первой редакции "Истории" (списке В.Н.Перетца) стоит другая дата - 6603 (1095) год [101]. Дата эта также не имеет отношения к периоду княжения Андрея Боголюбского, но возможно, что, вставляя имя Андрея, редактор проставил и верную дату, испорченную в дошедших списках второго извода [102]. Причины, заставившие

редактора упомянуть в предисловии к "Истории о Казанском царстве" этого владимирского князя, довольно прозрачны: тенденциозно отождествляя Казанское ханство с существовавшим примерно на той же территории в домонгольский период Булгарским царством [103], редактор излагал историю русско-казанских отношений со времен Андрея Боголюбского, когда началась серия успешных походов русских князей против государства волжских булгар, приведшая к подчинению Руси на востоке некоторых земель, на которые ранее распространяла свое влияние Булгария [104]. При этом приводилась дата первого похода Андрея на булгар - 6672(1164) год. Наличие дат - вставок как в предисловии, так и в главе "О первомъ началѣ..." списков второго извода свидетельствует об однотипной редакторской обработке источника этого извода, о неслучайности появления обеих вторичных хронологических помет.

Оба разобранных случая, а также опущение в списках второго извода пяти глав, в которых раскрывалась история взаимоотношений Руси и Золотой Орды, Москвы и Новгорода Великого, но история, переданная с нарушением хронологической последовательности (в указанных пяти главах описываются события сначала второй трети XIII в., затем 1477 г. и 1480-1481 гг., а после вновь второй трети XIII в.), говорят об обработке источника списков второго извода в историческом направлении, о стремлении согласовать свидетельства такого литературного памятника, как "История о Казанском царстве", со сведениями уже известных, апробированных исторических сочинений.

Такое сопоставление с произведениями исторического характера, проделанное позднейшим редактором, приводило к нарушению первоначального авторского замысла. Оно вызывало анахронизмы и пояснения, которые ранее в тексте памятника отсутствовали. В частности, изъятие в источнике списков второго извода следовавших за предисловием к "Истории о Казанском царстве" пяти глав привело к тому, что глава "О

первом началѣ Казанскомъ царстве...", где рассказывалось об основании царем Саином Казани, стала начинаться без той справки об этом царе, что читалась в главе "О великомъ князе Ярославѣ..." - последней из опущенных пяти глав. Там о Саине говорилось, что он был сыном хана Батыя, а Казань основал потому, что решил на границе с Русью "поставити град на славу имени своего и на приѣздъ и на опочивание посломъ его, по дань ходящимъ на Русь на всякое лѣто и на земскую управу" [105]. После опущения главы "О великомъ князе Ярославѣ..." стало непонятно ни кто такой царь Саин, ни когда он жил, ни когда конфликтовал с русскими, ни его мотивы строительства Казани. Редактору пришлось искусственно вводить в текст так называемую дату "основания Казани", чтобы поставить в какие-то хронологические рамки описываемые события, и пояснить, кто был Саин. В двух первых случаях из четырех упоминания царя Саина в главе "О первом началѣ..." редактор прибавил ему эпитет "Болгарский", не встречающийся в соответствующих местах ни в списках первого и третьего изводов первой редакции "Истории", ни в списках второй редакции памятника, ни во всех остальных местах вообще всех списков "Истории", где упоминается Саин. Эпитет внесен в соответствии с распространившимися в Русском государстве с 30-х гг. ХУI в. представлениями о тождественности Булгарского и Казанского ханств [106]. Признание такой тождественности, достаточно отчетливо проведенное уже в известной "Никоновской летописи", было вызвано политическими претензиями крупных русских церковных и светских феодалов на управление Казанью. Успешные походы русских князей во второй половине ХП - начале ХШ вв. на Булгарию, подчинение их власти некоторых находившихся под контролем Булгарии земель при идентификации Булгарии с Казанским ханством создавали весьма удобные для ХУI в. исторические прецеденты. В духе появившихся в ХУI в. представлений и изменял текст "Истории о Казанском цар-

стве" позднейший редактор. Автор же "Истории", как известно, развивал мысли совершенно иные, именно о тесной генетической связи Казанского ханства с Золотой Ордой [107]. Таким образом, привнесенный позднейшим редактором эпитет "Болгарский" по отношению к легендарному царю Саину памятника не может служить основой для сколько-нибудь серьезных исторических построений [108].

Редактирование источника списков второго извода первой редакции "Истории о Казанском царстве" производилось, несомненно, в Русском государстве и человеком, пытавшимся разобраться в древней истории России и сопредельных с ней на востоке народов и государств. Наличие дополнительных дат в списках второго извода первой редакции "Истории" указывают, что в руках редактора была летопись. Только из летописи он и мог заимствовать соответствующие даты, помещенные им в предисловии к памятнику и в главе "О первом началѣ..." [109].

Высказанные соображения об источнике редакторских правок в тексте "Истории о Казанском царстве" позволяют определить, какая из двух дат - 1172 или 1177 г., читающихся в четырех списках второго извода, является относительно верной.

Под 1177 годом в русском летописании не отмечается каких-либо событий, связанных с взаимоотношениями Руси и ее восточных соседей [110]. Зато под 1172 годом в различных летописных сводах содержится рассказ о походе русских князей во главе с сыном Андрея Боголюбского Мстиславом на булгар, захвате ими шести сел и городка и отступлении при известии о приближении 6-тысячной булгарской рати [111]. Это было хронологически второе за период княжения во Владимире Андрея Боголюбского выступление русских князей против волжской Булгарии. Поскольку первое упоминание в предисловии к "Казанской истории" Андрея Юрьевича редактор второго извода связывал, видимо, с первым походом этого князя на булгар в 1164 г., то следующие по времени со-

бытия, описанные в "Истории" в главе "О первомъ началѣ..." и имеющие касательство к взаимоотношениям русских с татарами [112], он отнес при сопоставлении со своими источниками к 1172 году, но дату неудачно поместил в самом начале главы, где еще ни о каких контактах Руси с ее восточными соседями не говорилось. Таким образом, вставлена была дата 1172 год, но не 1177 год. При этом следует, конечно, иметь в виду, что умозаключения редактора, связавшего один из легендарных рассказов "Истории о Казанском царстве" с имевшими место в действительности событиями 1172 г., хотя и покоились на некоторых логических основаниях, в целом были, несомненно, ошибочны. Легенда, переданная в главе "О первом началѣ..." "Истории", к изложенным под 1172 г. в русских летописях фактам никакого отношения не имела.

Как же в тексте "Истории о Казанском царстве" появилась дата 1177 год? В Соловецком списке дата - вставка читается так: "въ лѣта ҂SХП^г" [113], т.е. 6680-го; в Никифоровском списке - "в лѣта ҂SХПГО" [114], т.е. тоже 6680-го; в списке В.И.Срезневского - "в(ъ) лѣта ҂SХПЕ", т.е. 6680-е. Буквы "г" - выносные, "ГО" и "е" обозначают в данных списках окончания порядкового числительного. В списке В.Н.Перетца дата читается по-иному, - "в лѣта ҂SХ П·Е" [115], т.е. 6685-го. Наличие находящейся под титлом выносной буквы "г", обозначающей окончание порядкового числительного заставляет читать дату именно таким образом [116]. Но сохранение в дате точки перед последней цифрой "Е" (5) дает путеводную нить для понимания того, как в списке В.Н.Перетца появилась отличная от других родственных списков дата "основания Казани". Очевидно, что в протографе списка В.Н.Перетца "Е" было не цифрой, а буквой - окончанием порядкового числительного, и вся дата имела такой же вид, как в списке В.И.Средневского, т.е. ҂SХП·Е (6680-е). В результате небрежности писца списка В.Н.Перетца или предшествовавшего ему кописта буква "е" попала под титло и тем са-

мым превратилась в цифру 5. Вследствие этого позднейшая дата - вставка была искажена. Появилась новая дата - II77 г., но не как итог каких-либо исторических, пусть и неверных, изысканий некоего любознательного редактора ХУI или начала ХУП в., а как результат оплошности позднего переписчика. Характерно, что от первоначального написания даты сохранился предлог "в": "в лѣта..." Но изменив конструкцию винительного падежа с предлогом "в" для обозначения даты на синонимичную ему конструкцию родительного падежа, переписчик не опустил оказавшийся теперь излишним предлог "в". Это еще одно свидетельство его небрежной работы по копированию даты [II7].

Такие или подобные оплошности не были единичными. В списке В.Н.Перетца есть и другие описки и искажения текста. Некоторые из них так и не были исправлены при издании этого списка Г.Н.Моисеевой [II8]. Осталась без всяких комментариев и ошибочная дата 6603 год, фигурирующая в предисловии списка В.Н.Перетца. Вообще же погрешности в написании дат и чисел весьма нередки в списках первой редакции "Истории о Казанском царстве". Так, в Соловецком списке при описании первого похода русских на Казань вместо правильнрй даты 6903 год стоит 6900 [II9]. Очевидно, последняя цифра "г" (3) в Соловецком списке или его протографе была принята за букву "г" - окончание порядкого числительного. В Буслаевском списке известный бой русских с татарами под Белевым датирован 6943 годом вместо 6946 года [I20]. В Соловецком списке период владения Василием Ш Казанью определен в 70I7 лет, когда надо I7 лет [I2I]. Там же ошибочно указан год принятия царского титула Иваном Грозным - 7050 год вместо 7055 года [I22]. В данном случае писец Соловецкого списка или списка, предшествовавшего Соловецкому, последнюю цифру даты - "е҃" (5) - неверно принял за букву "е" - окончание порядкового числительного. Произошло прямо противоположное тому, что вызвало появление даты II77 г., когда бук-

ва "е" была принята за цифру "е҃".

Итак, дата 1177 г. явилась результатов простой описки в дате 1172 г. [123] . Есть ли основания принимать последнюю за год "основания Казани"? Выше уже говорилось о том, что дата 1172 г. попала не на свое место, оказалась ошибочно помещенной в самом начале главы "О первомъ началѣ Казанскомъ царстве..." Но если предположить, что дата стоит точно там, где ей надлежит быть, появляются ли у исследователей какие-либо пусть даже сугубо формальные основания принимать ее за хронологический рубеж, обозначавший начало строительства современной Казани? Обратимся еще раз к тексту памятника. При этом важно не подвергать его ненужным, а иногда и предвзятым сокращениям и искажениям [124] . Удобнее всего процитировать опубликованный Г.Н.Моисеевой список В.Н.Перетца, поскольку именно этот список используется в последних работах, посвященных истории Казани. Цитируем текст по рукописи, так как в издании (помимо упрощенной орфографии) есть ряд неточностей: "Бысть же на Камѣ на рекѣ старыи град, именем Бряговъ, оттуду же приидe царь, именем Саинъ Болгарскии. И поискав по мѣстом проходя в лѣта 6685-го и обрѣте мѣсто на Волгѣ, на самой украинѣ руской, на сеи странѣ Камы реки, концемъ прилежаху к Болгарской земли, другим же концем к Вятке и к Пермѣ. Мѣсто пренарочито и красно велми, и скотопажитно, и пчелисто, и взящеми земными сѣмяны родимо, и овошми преизобил[ь]но , и звѣристо//(л.5), и рыбно, и всякого угод[ь]я много, яко не мошно обрѣсти другаго такова мѣста во всеи Руской нашеи земли, нигдѣ же таковому подобно мѣсту красотою и крѣпостию и угодием челов[ѣ]ческимъ не вѣм же, аше есть будет в чюжих землях. И вел[ь]ми царь за то возлюби Саин Болгарьскии. И глаголють мнози нѣцыи, преже мѣсто быти издавна гнѣздо змиево, всѣм жителем земля тоя знаемых. Живяще ту возгнѣздився змии велик и страшень о дву главу: едину имѣя змиеву, а другую главу волову. Единою пожира-

ше человѣки и скоты и звѣри, а другою//(л.5 об.) главою траву ядяше. А иныя змии около его лежаше, живяху с ним всяцеми образы. Тѣм же не можаху человѣцы близ мѣста того миновати свистания ради змиина и точения их, но далече инѣмъ путемъ обхожаху. Царь же, по многи дни зря мѣста того, обходя и любя его, и не домышляшеся, како извѣсти его, змия того, от гнѣзда своего, яко да того ради будет градъ крѣпок и славен вездѣ. Изыскавъся в всех его сице волхвъ хитрх и рече царю: "Аз змия уморю и мѣсто очищу". Царь же рад бысть. И обѣщася ему царь нѣчто дати велико//(л.6), аще тако сотвориши. И собра обоял[ь]никъ волшением своим вся живущая змия тѣ от вѣка в мѣсте том к великому змию, во едину грамаду согна и всѣх чертою очерти, да не излѣзетъ из нея ни едина змия, и бѣсовским дѣйствомъ всѣх умори. И обволоче кругом сѣном и тростием, и древием, и лозием сухим многимъ. И полиявъ сѣрою и смолою и зажже огнемъ и попали и пожже вся змия, великаго и малыя, яко быти от того велику смраду змиину по всеи земли тои. И проливающе впредь, хотяще быти отъ окаяннаго царя злое содѣяние проклятыя его//(л.6 об.) вѣры срачинския. Мнозем же от вои его умрѣти от лютаго смрада змиина. Близ того мѣста стояху кони и верблюды его и мнози падоша. И симъ образомъ обчисти мѣсто то. Царь возгради на мѣсте том Казань, никому же от державных Руси смѣюще супротивъ что рещи" [125]. Из отрывка видно, что автор "Истории о Казанском царстве" ничего достоверного об основании Казани не знал и приводил явно баснословные сведения на сей счет. Еще менее знал об этом позднейший редактор, вставивший в текст дату 1172 г. В источнике, которым пользовался редактор, названная дата обозначала время одного из походов русских князей на Булгарию. Помещенная в тексте "Истории о Казанском царстве" дата эта стала определять уже не поход и не основание Казани, как полагают В.В.Иванов и А.Х.Халиков, а в лучшем случае обнаружение удобного места для строительства города. Если стро-

го следовать тексту "Истории", то Казань была возведена значительно позже, спустя "многи дни", когда легендарный царь Саин сумел избавиться от не менее фантастического двуглавого змия. Иными словами, даже если целиком и полностью принять версию В.В.Иванова и А.Х.Халикова о 1177 г., то оказывается, что дата эта вовсе не обозначает года основания Казани. В тексте "Истории о Казанском царстве" по списку В.Н.Перетца она хронологизирует иное событие.

Мало того, как видно из последующего текста "Истории", в главе "О первомъ началѣ Казанскомъ царстве..." речь идет не о том городе Казани, который существует ныне, а о так называемой Старой Казани - Иски Казан, развалины которой находятся в нескольких десятках километров от нынешней, в районе современных сел Камаево и Русский Урмат [126]. В главе "О фтором началѣ Казанскомъ царствѣ..." прямо противопоставлены Старая Казань, основанная Саином, и Новая Казань - предтеча нынешнего города, построенная исторически достоверным ханом Улуахметом (Улуг-Мухаммедом): "Царь же вселися въ жилище ихъ и постави себѣ древяны градъ крѣпок на новомъ мѣсте, крѣпчаеше старого, недалече отъ старыя Казани, разорен(ныя) отъ руские рати" [127]. Замалчивание этого важного свидетельства в некоторых последних работах приводило к искаженным представлениям об известиях, связанных с Казанью, в памятнике.

Итак, можно подвести итог рассмотрению вопроса о 1177 г. как времени основания Казани. Указанная дата читается только в единственном списке "Истории о Казанском царстве" - списке В.Н.Перетца. Она возникла в результате простой описки писца в дате 1172 г. Дата же 1172 г. в авторском тексте "Истории" не читалась, она появилась в результате позднейшей правки памятника по русским летописям. В тексте "Истории о Казанском царстве" 1172 годом датировано в лучшем случае обнаружение места, пригодного для основания города, но не строитель-

ство самого города, причем в виду имелась не современная Казань, а Иски-Казан, Старая Казань, запустевшая в первой трети ХУ в.

При явной информативной недостаточности письменных источников, привлекаемых до сих пор для выяснения времени основания Казани, главные надежды приходится возлагать на археологические раскопки, материалы которых дадут возможность с меньшей степенью приближенности определить хронологию возникновения как Старой, так и Новой Казани. До недавнего времени археологи считали, что "Иске-Казань возникла как город не раньше середины ХШ в. Других археологических указаний мы не имеем. Предположения о начале ее в ХП или XI в. не имеют достаточных оснований... Город Иске-Казань быстро рос, просуществовав до ХУ в., когда соперницей ему окончательно стала Новая Казань" [128]. Новейшие раскопки в современной Казани до сих пор не обнаружили ни остатков жилищ, ни крепостных стен ХП в., без которых трудно говорить о городе булгарского времени [129]. Следует надеяться, что увеличение объектов археологического обследования в Казани в ближайшие годы поможет в верном свете представить начальную историю этого центра, игравшего важную роль еще в период средних веков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Иванов В.В., Ионенко И.М., Халиков А.Х. О времени возникновения и названии г.Казани. - Казань, 1974; Шавохин Л.С. Древнейшая Казань // Археологические открытия 1974 года. - М., 1975. - С.181; Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. - Казань, 1975. - С.73-74 и примеч. 5 на с.73. Впрочем, вопрос о возникновении Казани (и Старой, и Новой) автор рассматривает, на наш взгляд, вполне справедливо, в главе об археологических памятниках на территории Булгарии в золотоордынский период.

2 История СССР. 1975. № 6.

3 Там же. - С.147.

4 Там же. - С.150.

5 Слово "Казан", т.е. "Казань", авторы делят на две части: "каз" + "ан", почему-то называя последнюю то частицей, то суффиксом и приписывая этой части значение указания на место, область, территорию (с.154). При этом В.В.Иванов и А.Х.Халиков ссылаются на "Древнетюркский словарь" (Л., 1969. - С.43), где такого суффикса нет, зато есть топоним - название области "An qu ", в котором первая часть "an" никак не может быть суффиксом. Далее, привлекая часть значений якутского самостоятельного слова "ан" - "начало, дверь и т.п." и называя это слово частицей, они приписывают слову "каз-ан" загадочное значение "начало границы, края, предела".

6 Хотя следует заметить, что слова типа "казан" - "котел" часто употребляются в качестве географических терминов и служат основой географических названий. См.: Мурзаев Э.М. Очерки топонимики. - М., 1974. - С.126.

7 Paasonen H. Der name der stadt Kasan// Finnisch-ugrische forschungen. Helsingfors – Leipzig, 1906. Bd. VI. S.111-114.

8 Räsänen M. Die tschuwassischen lehnwörter im tscheremissischen. Helsinki, 1920. S.41-42.

9 Лингвистический анализ топонима "Казан" - "Хузан" - "Азанг" делает весьма вероятной гипотезу о происхождении названия Казани от имени Казган-хана или Хасан-бека, которую В.В.Иванов и А.Х.Халиков совсем не проанализировали, но тем не менее без сколь-нибудь серьезных оснований отвергли, просто написав, будто "на поверку" она оказалась научно несостоятельной (указ.соч. - С.150). Впервые такая ги-

потеза была высказана: Марджāнӣ Ш. Мустафāд ал-аҳбāр фӣ аҳвāл Ҟазāн ва Булгāр. - Ҟазāн, 1885. - С.255. Ср.: Егоров В.Л. О времени основания города Казани // Советская археология. 1975. № 4. С.86.

10 Ахметьянов Р.Г. О топониме Казань // Вопросы историографии и источниковедения. Казань. 1975. Вып.7. С.133-136.

11 Добродомов И.Г., Кучкин В.А. Этимология и старые географические объекты // Вопросы географии. - М., 1979. Сб.110: Топонимика на на службе истории. - С.161-162.

12 Мурзаев Э.М. География в названиях. 2-е изд. - М., 1982. - С.80.

13 Закиев М.З. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики // Проблемы типологии татарского и русского языков. - Казань, 1980. - С.36-37.

14 Добродомов И.Г. Роль этимологии в локализации старых географических объектов // Проблемы исторической географии России. - М., 1982. Вып.1: Формирование государственной территории. - С.87-94.

15 Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. - Казань, 1986. - С.240-241.

16 Саттаров Г.Ф.: 1) Топонимика края и некоторые вопросы этногенеза казанских татар // Татар тел белеме мәсьәләләре. - Казан, 1969. Кн.3. - С.175-180; 2) Происхождение названия Казань // Ономастика Поволжья. - Горький, 1971. Вып.2. - С.155-165; 3) Унберенче караш // Казан утлары. 1982. № 2. С.178-184; 4) Происхождение полисонима "Казань" // Советская тюркология. 1985. № 5. С.34-43.

17 Keenan E.L. Kazan' - "The Bend" // Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his Sixtieth Birthday by his Colleagues and Students / Edited by Ihor Ševčenko and Frank E. Sysyn with assistance of Uliana M. Pasicznyk

(= Harvard Ukrainian Studies. Vol III/IV). Cambridge (Mass., 1980. Part 1. P. 484-496.

18 Добродомов И.Т. Этимология этнонима буртас // Ономастика Поволжья. - Саранск, 1986. - С.119-129.

19 Юсупов Г.В. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. - М.; Л., 1960. - С.90.

20 История Чингисхана и Тамерлана // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. - Оренбург, 1908. Вып.XIX. - С.118 (письмо В.В.Бартольда членам Оренбургской ученой архивной комиссии).

21 Катанов Н.Ф. Исторические песни казанских татар // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (далее ИОАИЭ). - Казань, 1899. Т.XУ, вып.3; Вахидов С.Г. Татарские легенды о прошлом Камско-Волжского края // Вестник научного общества татароведения. - Казань, 1926. № 4.

22 Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Отрывок из одной татарской летописи о Казани и Казанском ханстве // ИОАИЭ. Казань, 1905. Т.XXI, вып.4. С.309, 313, 318, 323.

23 Там же; Труды Оренбургской ученой архивной комисси. Вып.XIX. С.153.

24 Фукс К.Ф. Краткая история города Казани. - Казань, 1905. - С.40 (сочинение 1817 г.); Рыбушкин М.Р. Поездка в Старую Казань // Заволжский муравей. 1833. № 21. С.1169-1170.

25 Малов П. Городище Старая Казань и город Арск // Записки Русского археологического общества. - СПб., 1853. Т.У. - С.117(с ссылкой на предание); Вахидов С.Г. Указ.соч. - С.86.

26 Фукс К.Ф. Указ.соч. - С.40; Рыбушкин М.Р. Указ.соч. - С.1170; Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Указ.соч. - С.309, 313, 318,

323; Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. XIX. - С.153; Вахидов С.Г. Указ.соч. - С.86.

27 Катанов Н.Ф., Покровский И.М. Указ.соч. - С.325; Катанов Н.Ф. Татарские рассказы о старой Казани // ИОАИЭ. Казань. 1920. С.298.

28 Иванов В.В., Халиков А.Х. Указ.соч. - С.149.

29 Там же.

30 Иванов В.В., Халиков А.Х. Указ.соч. - С.156.

31 Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. - М.; Л., 1941. Вып.II. - С.211.

32 Тизенгаузен В.Г. Указ.соч. - С.127.

33 Иванов В.В., Халиков А.Х. Указ.соч. - С.150.

34 Что касается многоплановости, то она, как известно, не влияет на степень достоверности источника. Прибегать к такому критерию в источниковедении не имеет смысла.

35 Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования // Летопись занятий Археографической комиссии. - СПб., 1905. Вып.XVI. - С.12-163. Рукопись XIX в. из бывшей библиотеки киевского Софийского собора № 555(331) имела в своем составе два списка так называемого "Краткого Казанского летописца" (Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.154-155).

36 Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.164.

37 Казанская история / Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г.Н.Моисеевой (далее - Казанская история). - М.; Л., 1954. - С.20 и 28-39, где даны цифры вновь обнаруженных рукописей. Правда, Г.Н.Моисеева ошибочно считала, что Г.З.Кунцевичу было известно всего 152 списка памятника. (Там же. - С.20). На самом деле та-

кое количество списков Г.З.Кунцевич зафиксировал к 1901 г. Позднее он стал располагать сведениями еще о 43 списках.

38 Дубровина Л.А. Казанский летописец: Классификация списков. - Йошкар-Ола, 1981. - С.3-4. (Депонированная работа).

39 В.В.Иванов и А.Х.Халиков пишут о том, что к 1975 г. было "известно более 230 списков "Истории о Казанском царстве" (Иванов В.В., Халиков А.Х. Указ.соч. - С.150). Цифра получилась на основании данных, приведенных при издании "Казанской истории" в 1954 г., но указание на 152 рукописи, обследованные Г.З.Кунцевичем, там ошибочно. Очевидно, В.В.Иванову и А.Х.Халикову осталась неизвестной монографии Г.З.Кунцевича, где приведены сведения о 195 списках "Истории" и дан обширный историко-филологический комментарий к памятнику.

40 ПСРЛ. - СПб., 1903. Т.XIX: История о Казанском царстве (Казанский летописец) / Подгот. к печати Г.З.Кунцевич. - С.У-УI. Здесь и далее деление списков "Истории о Казанском царстве" на редакции принято такое, какое было предложено Г.Н.Моисеевой (Казанская история. - С.20-22).

41 В настоящее время его шифр: ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.2-188 об.

42 Его современный шифр: БАН. Срезн. № 97 (старый шифр БАН. 24.5.9). Л.2-158 об.

43 Его современный шифр: ГПБ. О.ХУП.209. Л.195-260 об.

44 Г.З.Кунцевич. Указ.соч. - С.170-180.

44а Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.174.

45 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.53-55, ср. стбл.53, вар.21.

46 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.137; Кунцевич Г.З. Указ.соч.- С.174.

47 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.136, вар.32.

48 Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.175-176; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.48, вар.38; стб.88, вар.30; стб.94, вар.33; стб.106, вар.24.

49 ГПБ. Q.ХУП.209.Л.196-205 об.; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.3-10 и стб.3, вар.35.

50 В главе "О первомъ взяти[и] Казани..." говорится, что Золотая Орда "отъ тѣхъ же Мангит до конца запустѣ, яко же преже баречеться" (ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.14). Эта фраза есть как в списке Соловецком, так и в списке В.И.Срезневского. Рассказ же о разгроме Золотой Орды мангитами-ногаями содержится в главе "О конечномъ запустѣнии Златыя Орды...", которая отсутствует в списках Соловецком и В.И.Срезневского, но есть в Буслаевском списке. Ссылка на "преже речеться" свидетельствует о том, что данная глава была в общем источнике списков Соловецкого и В.И.Срезневского. В главе "О третьемъ взяти[и] Казанскомъ..." об Иване Ш сказано, что "сеи же взя Великии Новъградъ со многою гордостию и буесловиемъ и буестию, яко же впреди сказася..." (ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.21). Описанию же взятия Иваном Ш Новгорода Великого посвящена глава "О взятии Великаго Новаграда отъ великаго князя Ивана Васильевича...", читающаяся только в списке Ф.И.Буслаева. Поскольку и в данном случае списки Соловецкий и В.И.Срезневского имеют ссылку ("впреди сказася") на отсутствующий в них текст, необходимо заключить, что этот текст был в их общем источнике.

51 Г.З.Кунцевич, приводя в своем исследовании обе процитированные в предыдущем примечании ссылки, полагал, что они намекают "на 3 вместе встречающиеся главы": "О взятии Великаго Новаграда отъ великаго князя Ивана Васильевича...", "О послѣхъ отъ царя, пришедшихъ дерзостнѣ къ великому князю Московскому..." и "О конечномъ запустѣнии Златые Орды..." (Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.174-175). Г.Н.Моисеева посчитала, что ссылки имеют в виду еще и четвертую главу: "О

воинѣ Батыеве на Русь..."" (Казанская история. - С.26). На этом основании все названные статьи возводились к источнику списков Соловецкого и В.И.Срезневского. Однако мнения обоих исследователей нельзя признать верными. Ссылки могут быть отнесены только к двум статьям из пяти, отсутствующих в списках Соловецком и В.И.Срезневского.

52 Казанская история. - С.26; Кокорина С.И. К вопросу о составе и плане авторского текста "Казанской истории" // ТОДРЛ. - М.; Л., 1956. Т.ХП. - С.587-581.

53 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.I и вар. 10; Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.175 (хотя на с.194 ошибочно указано, будто текст об Андрее Боголюбском читается и в предисловии Буслаевского списка. На самом деле его там нет - ГПБ. О.ХУП.209. Л.195).

54 Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.175.

55 ГПБ. Р.IУ. Л.133-286 об. Водяные знаки рукописи: 1) щут с 7 бубенцами, знак похож на указанные А.А.Гераклитовым №№ 1351, 1353, 1356 - 1664-1665 гг.; 2) щут с 5 бубенцами и литеры "PL" на другой половине листа; А.А.Гераклитов датирует такой водяной знак, но с литерами на той же половине листа 1659 г. (Гераклитов А.А. Филиграни ХУП века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. - М., 1963. № 1338); 3) щут с 7 бубенцами и литеры "DIV" на другой половине листа, знак датировать не удалось. В целом, список может быть отнесен к 60-м гг. ХУП в.

56 ГИМ. Музейск.собр. № 2323. Л.66-180.

57 ГБЛ. Ф.199. № 174. Л.17 об.-218 об. В описании этого списка Г.Н.Моисеева допустила существенные неточности (Казанская история. - С.28. № 4). Вопреки её утверждениям список не имеет заголовка и начинается словами "Красныя оубо новыя повѣсти достоитъ намъ радостно послушати" (л.17 об.), а не словами "На сей стороне Камы ре-

ки...". Список дефектный, обрывается в начале главы 53: "и по сем падает пр[ед]" (Казанская история. - С.119), последующие листы утеряны. Водяные знаки рукописи: 1) герб Базеля под короной и литеры "HMN", Э.Лауцявичюс датирует подобный знак 1627 г. (Лауцявичюс Э. Бумага в Литве в ХУ-ХУШ вв. - Вильнюс, 1967. Т.П. - С.199. № 1399; Т.I. - С.193); А.А.Гераклитов гербы Базеля под короной относит к 30-40 гг. ХУП вв. (А.А.Гераклитов. Указ.соч. №№ 84-92); 2) крепостные ворота и литеры "MB"; А.А.Гераклитов датирует такой водяной знак 1638 г. (Гераклитов А.А. Указ.соч. - С.34, № 41). В целом рукопись должна быть отнесена к 30-м гг. ХУП в., а не к середине ХУП в., как считала Г.Н.Моисеева.

58 ИРЛИ. Древнехранилище, колл. В.Н.Перетц. № 98 (у Г.Н.Моисеевой зафиксирован под шифром 0.26-П). Л.2-265 об. Список опубликован Г.Н.Моисеевой (Казанская история. - С.43-176). Г.Н.Моисеева датировала список В.Н.Перетца по характеру почерка и водяным знакам 90-ми гг. ХУI в. (Казанская история. - С.25), не определив, однако, точно филиграни рукописи. Непосредственное ознакомление с последней показывает, что написана она одним почерком на бумаге 4-х различных сортов: л.2-158 (тетради 1-20) имеют филигрань кувшин с двумя ручками; л.159-245 (тетради 21-31) имеют филигрань гербовый щит с литерами "MM"; л.246-261 (тетради 32-33) имеют филигрань гербовый щит с виноградной лозой и литерами "CZ"; л.262-265 (половина тетради 34) имеют филигрань кувшин. Для датировки рукописи определяющее значение имеет первый водяной знак - кувшин с двумя ручками. На боку кувшина видны четыре цифры, обозначающие год выпуска бумаги, причем первые три цифры просматриваются совершенно отчетливо: "160...". Последняя цифра или 1 или 9. Знак зафиксирован в справочнике Брике (Briquet C.M. Les filigranes. Leipzig, 1923, V.I-IV, № 12886). Брике на рисунке филиграни дает дату 1609, но возможно, что дата заключена в картуш и

последняя цифра - I. Так или иначе, становится несомненным, что ь данный Г.Н.Моисеевой список "Казанской истории" должен датироваться не 90-ми гг. ХУI в., а началом ХУП в., возможно, первым - вторым десятилетием ХУП в. Г.З.Кунцевич полагал, что к ХУI в. или к рубежу ХУI-ХУП вв. относится один из списков второй редакции "Истории" - ГБЛ. Ф.3IО. № 774 (см.: ПСРЛ. Т.XIX. - С.УI). Однако наличие в этой рукописи бумаги с водяным знаком кувшин типа А.А.Гераклитов, №№ 522-528 заставляет считать, что данная рукопись написана не ранее конца 20-х гг. ХУП в. (Гераклитов А.А. Указ.соч. - Стб.IIО).

59 Казанская история. - С.25.

60 ГПБ. Р.IУ.578. Л.I84 об.-I86. В I985 г. Публичный список был издан Т.Ф.Волковой в "Памятниках литературы Древней Руси" // Памятники литературы Древней Руси: Середина ХУI внка. - М., I985. - С.300-565. (Здесь же дан и перевод памятника на современный русский язык). Далее - ПЛДР. К сожалению, издание нельзя считать научным. Указания на листы рукописи в публикации отсутствуют. В ряде случаев наблюдается неверное словоделение, что ведет к неправильному пониманию текста. Так, во фразе о Владимире-Мономахе, который "Халкидонину и окрестные области Царяграда греческия все пусты положи" (Казанская история. - С.II4, л.I39 об.; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.38I), первое слово напечатано в ПЛДР как "Халкидонъ мини" (с.444). Во фразе "И вся бывшая сия царь князь великий з братею своею и со князи местными и с великими воеводами премудре, царьски думаше..." (Казанская история. - С.II5, л.I40 об.-I4I; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.383). Т.Ф.Волкова слова "вся бывшая" отнесла к предшествующей фразе, в результате чего в этой фразе нарушалась грамматика и исказился смысл всего отрывка (ПЛДР. - С.446). Во фразе "за едино лѣто до сего взятия отстоя Казань" (ГПБ. Р.IУ. № 578. Л.I98 об.) издательница убрала слово "взятия" и дала текст по публикации Г.Н.Моисеевой (ПЛДР. - С.402), хотя

чтение "до сего взятия" является первичным, а чтение списка В.Н.Перетца, изданного Г.Н.Моисеевой, в данном случае ошибочным. Есть в издании 1985 г. и отступления от орфографии подлинника. Там читается "зане продолжю рьчи" (л.167), а в публикации напечатано "да не продолжю рьчи" (с.350). Поэтому при цитировании Публичного списка мы даем ссылки на листы рукописи, а не на издание. Последнее привлекается лишь в тех случаях, когда возникает необходимость в проверке основных текстологических выводов авторов данной статьи.

61 ГПБ. F.IV. № 578. Л.251-251 об.

62 Г.З.Кунцевич отмечал пропуски в Буслаевском списке, ссылаясь на листы Соловецкого списка, на которых читался текст, опущенный в списке Ф.И.Буслаева (Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.176). Мы приводим все ссылки Г.З.Кунцевича, а поскольку исследователь иногда был неточен, в скобках даем ссылки на ПСРЛ, т.XIX, где напечатаны списки Соловецкий и Ф.И.Буслаева и где отмечены пропуски в Буслаевском списке. Далее дается ссылка на листы Публичного списка, где содержится текст, пропущенный в Буслаевском списке. Л.26 (стб.33, вар.6, 7, 10-13) - л.163 об. - 164; л.27 об. (стб. 35, вар.1-3, 5, 7) - л.165-165 об.; л.41 (стб. 47, вар.7) - л.178 об. - 179; л.53 (стб. 57, вар.5, 9, 10, 14, 16) - л.187 об.-188 об.; л.65 об. (стб.69, вар.5) - л.198 об.-199; л.67 об. (стб.70, вар.15) - л.199-200 об.; л.73 (стб.75, вар.6) - л.203-204; л.80 (стб.82, вар.19) - л.209; л.86 об. (стб.88, вар.30) - л.213 об.-216 об.; л.91 (стб.92,вар.17, 19, 23) - л.216 об.-217; л.93 об. (стб.94,вар.33) - л.218 об.-221; л.98 (стб.99, вар.10) - л.223-225; л.109 об. (стб.110, вар.24) - л.232-234; л.134 об. (стб.136, вар.32) - л.251-252; л.140 об. (стб.143, вар.31) - л.254 об.-256 об.; л.39 (стб.45, вар.8) - л.175-176, л.40 об. (стб.46, вар.31) - л.177-177 об.; л.51 (стб.55, вар.21) - л.186 об.-187 об.; л.54 об. (стб.59, вар.2) - л.189-190, л.64 об.

(стб.67-68, вар.26, 27, 30-32, 34, 36-39, 41, 42) - л.197 об.-198, л.71 (стб.73, вар.18) - л.202-202 об.; л.78 (стб.80, вар.40) - л.207-207 об.; л.84 (стб.85, вар.8) - л.212; л.86 (стб.87, вар.12, 15, 16, 18; стб.88, вар.20, 21, 25) - л.213-213 об.; л.92 (стб.93, вар.14) - л.217-218; л.93 (стб.94, вар.31) - л.218 об.; л.97 (стб.98, вар.40) - л.222-222 об.; л.103 (стб.103, вар.23) - л.226 об.-227; л.104 об. (стб.105, вар.11) - л.228 об.-229 об.; л.124 (стб.125, вар.14) - л.243 об.-244 об.; л.127 (стб.128, вар.53) - л.246; л.144 об. (стб. 147, вар.17) - л.257; л.152 (стб.154, вар.37) - л.268 об.-269; л.167 об. (стб.169, вар.6) - л.264-264 об.; л.24 (стб.31, вар.29) - л.162 об.; л.29 об. (стб.37, вар.3) - л.167-167 об.; л.38 (стб.44, вар.28) - л.174 об.-175; л.42 об. (стб.48,вар.35, 38) - л.179 об.-180 об.; л.70 об. (стб.72, вар.37) - л.201 об.-202; л.80 об. (стб.82, вар.29) - л.209; л.81 об. (стб.83, вар.5) - л.209 об.-210; л.132 (стб.134, вар.33, 35, 37-39, 43, 44, 46) - л.249 об.; л.160 об. (стб.162, вар.16) - 273 об.-274; л.166 (стб.167, вар.16-18, 21-23) - л.262 об.; л.166 об. (стб.168, вар.24, 26) - л.262 об.-263; л.168 об. (стб.170,вар.16) - л.263 об.-264; л.174 об. (стб.175, вар.9) - л.276 об.-277 об.; л.176 об. (стб.177, вар.5) - л.278-278 об.; л.178 (стб.178, вар.12) - л.279-279 об.; л.179 об. (стб.179, вар.10) - л.280; л.180 (стб.179, вар.16) - л.280-280 об.; л.184 (стб.183, вар.12) - л.283. Отмеченные Г.Кунцевичем пропуски в Буслаевском списке характерны и для Музейского. Ср.: ГИМ, Музейск.собр. № 2323. Л.117; 117 об.-118; 123, 124 об., 128 об., 129, 130 об., 137 об., 140, 140-140 об., 141, 142, 144 об., 159, 163, 122, 123, 124, 125, 127-127 об., 130, 136 об., 139, 139 об.-140, 140 об., 141, 142, 143, 143 об., 153, 155 об., 164, 167 об., 175, 116 об., 118 об., 121 об., 123, 130, 138, 138 об., 158-158 об., 171, 174-174 об., 174 об., 175, 176 об.-177, 177-177 об., 178, 179 об., 177 об.

63 Здесь и далее ссылки приводятся на список В.Н.Перетца - Казанская история (страницы издания и листы рукописи); на список Соловецкий. ПСРЛ. Т.XIX (столбцы издания и листы рукописи).

64 В разрядных книгах при перечислении воевод, назначенных в поход в 1524 г., одним из руководителей судовой рати действительно назван Михаил Юрьевич, но вместо Ивана Палецкого там фигурирует Иван Федорович Бельский (П.Н.Милюков. Древнейшая разрядная книга официальной редакции. - М., 1901 (далее - ДРК). - С.74; Разрядная книга 1475-1598 гг. / Подготовка текста, вводная статья и редакция В.И.Буганова. - М., 1966. - С.69). Возможно, что автор "Казанской истории" спутал князя Ивана Федоровича Бельского с его тезкой князем Иваном Федоровичем Палецким, который действовал примерно в то же время (см.: ДРК. - С.63, 65; Разрядная книга. - С.60, 62).

65 Ср.: Казанская история. - С.113-115.

66 Там же. - С.139, 152, 185 и 83; 143 и 88-89; 172 и 96.

67 Дубровина Л.А. Указ.соч. - С.104; Она же. Казанский летописец: Историко-текстологическое исследования: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. - М., 1981. - С.18,22. (Далее - автореферат).

68 Дубровина Л.А. Казанский летописец. Классификация списков. - С.9.

69 Дубровина Л.А. Автореферат. - С.18.

70 Там же.

71 Ср.: ПСРЛ. Т.XIX. Стб.292.

72 Дубровина Л.А. Автореферат. - С.18.

73 Там же.

74 Дубровина Л.А. Казанский летописец. - С.91.

75 Там же. - С.88-90, 92-94.

76 ПЛДР. - С.318.

77 Там же; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.211.

78 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.13; Казанская история. - С.48; ср.: ПСРЛ. - М.; Л., 1949. Т.XXУ. - С.226.

79 ПЛДР. - С.320.

80 Ср.: ПСРЛ. Т.XXУ. - С.260, где это нападение точно датировано пятницей 3 июля 1439 г.

81 Не исключено также, что правильная дата 3 июля в протографе списков I типа (по Л.А.Дубровиной) возникла в результате сверки с летописью. Об использовании здесь летописного источника см. ниже.

82 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.320, 348, 318 и вар. 43-45, 252.

83 ПЛДР. - С.446.

84 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.383 и вар.5.

85 ПЛДР. - С.446.

86 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.384.

87 ПЛДР. - С.444.

88 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.381.

89 Казанская история. - С.114, л.139 об.-140.

90 Дубровина Л.А. Казанский летописец. - С.94. Ср.: ПЛДР. - С.528 и ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.163; Казанская история. - С.157.

91 Иной точки зрения придерживается Т.Ф.Волкова, которая, некритически повторив основные положения кандидатского автореферата Л.А.Дубровиной, пришла к выводу, что "Отнесение Л.А.Дубровиной всех списков "древнейшей" (по Моисеевой) редакции к редакциям I и III типов

и указание на "смешанный" характер редакций III типа, соединивших текст редакций II типа, более близкий к авторскому тексту в первой части повести, с текстом редакции I типа, более близким к авторскому тексту во второй ее части, сняло видимое противоречие между текстологической концепцией Г.З.Кунцевича и Г.Н.Моисеевой" (Словарь книжников и книжности Древней Руси. - Л., 1988. Вып.2, ч.I. - С.454). Если Т.Ф.Волкова признает правильность выделения Л.А.Дубровиной III типа "Казанской истории", т.е. самое позднее контаминированное происхождение Публичного списка (в скобках заметим, что признание данного факта никак не примиряет текстологические концепции Г.З.Кунцевича и Г.Н.Моисеевой), то как следует расценивать замечание самой Т.Ф.Волковой при публикации Публичного списка: "Это наиболее полный список первоначальной редакции"? (ПЛДР. - С.603). Работа Л.А.Дубровиной появилась в 1981 г., свою публикацию Т.Ф.Волкова осуществлена в 1985 г., а статью в "Словаре книжников" опубликовала в 1988 г. У исследовательницы было достаточно времени, чтобы оценить аргументы Л.А.Дубровиной и не давать в своих работах взаимоисключающих характеристик Публичного списка.

92 Ср.: ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.10, вар.5; стб.207 и вар.29-30.

93 ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.10; ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.3 об.; ГБЛ. Ф.199. № 174. Л.20 об.; БАН. Срезн.№ 97. Л.3 об.; Дубровина Л.А. Казанский летописец. - С.10. Впрочем на с.90 приведены другие данные.

94 Казанская история. - С.44.

95 ИРЛИ. Древнехранилище, колл. В.Н.Перетца. № 98. Л.4 об. (Казанская история. - С.47); ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.10.

96 В рукописи "нии".

97 ГПБ. F.IV. № 578. Л.134; ср.: Казанская история. - С.44; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.3 и вар.9-18.

98 ИРЛИ. Древнехранилище, колл. В.Н.Перетца. № 98. Л.7. (Казанская история. - С.48); ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.13.

99 Так полагал и Г.З.Кунцевич. Во всяком случае, анализируя содержание главы "О первом началѣ Казанскомъ царстве...", он ни словом не обмолвился о дате, читающейся в отдельных списках "Истории", считая ее, судя по всему позднейшим добавлением в авторский текст (Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.231-238).

100 Кунцевич Г.З. Указ.соч. - С.194. Дата 6903 читается в списках Соловецком (ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.2), Никифоровском (ГБЛ. Ф.199. № 174. Л.17 об.) и В.И.Срезневского (БАН. Срезн. № 97. Л.2). Дата в последнем списке была неверно прочитана Г.З.Кунцевичем (ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.1, вар.12).

101 ИРЛИ. Древнехранилище, колл. В.Н.Перетца. № 98. Л.2.

102 В списке В.Н.Перетца на боковом поле л.2 против даты 6603 год сделан росчерк, напоминающий цифру 60 (ξ), правда, без титла. Возможно, писец решил переправить дату 6603 на 6663, хотя и в этом случае новая дата не была бы связана с каким-либо актом восточной политики Андрея Боголюбского.

103 Подробно об этом см. ниже.

104 Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство волжских булгар в XII - первой трети XIII в. // Историческая география России: XII - начало XX в. - М., 1975. - С.36-39.

105 ГПБ. F.IV. № 578. Л.143; ПСРЛ. Т.XIX. Стб.10.

106 Но не в связи с дипломатическими спорами России с Крымом и Турцией в 70-90-е гг. XVI в., как полагает Л.А.Дубровина (Дубровина Л.А. Автореферат. - С.6).

[107] Моисеева Г.Н. Автор "Казанской истории" // ТОДРЛ. - М.; Л., 1953. Т.IX. - С.281-282. Сказанное не позволяет согласиться с замечанием, к сожалению, не подкрепленным документально, В.В.Иванова и А.Х.Халикова о том, что "в ХУI-ХУП вв. булгаро-татарская традиция в освещении истории татарского народа, в том числе и в истории Казани... постепенно уступала место утверждавшимся золотоордынским традициям. Этот факт отразился и на содержании "Казанского летописца". Так, в поздних его редакциях (всего известно более 230 списков), относящихся к рубежу ХУI-ХУП вв., булгарская традиция отходит на второй план и усиливается золотоордынская тематика" (Указ.соч. - С.150). На самом деле если и можно говорить о какой-то булгарской традиции в "Истории о Казанском царстве" (в русском памятнике и его переработках должны были отразиться и отразились, естественно, русские историографические традиции, хотя эти традиции и были различны), то только на основании единичных и недостаточно согласованных с первоначальным тестом памятника редакторских вставках.

[108] Ср. Иванов Б.В. и Халиков А.Х. Указ.соч. - С.148.

[109] В.В.Иванов и А.Х.Халиков пишут, что дата 1177 г. "могла быть взята из устной традиции. Автор источника мог, например, опереться на свидетельства известных ему булгаро-татарских летописей, с которыми мог ознакомиться в казанском плену, либо содержание которых (к тому времени уже утерянных) скорее всего пересказывалось ему казанским царем и его вельможами..." (Указ.соч. - С.153). По поводу высказанных предположений хочется заметить следующее. Во-первых, речь должна идти не об авторе источника, а о позднейшем редакторе, не связанным с Казанью. Во-вторых, устные традиции народов мира не знают точных дат, и если бы В.Б.Иванов и А.Х.Халиков сумели доказать свою мысль, они внесли бы крупнейший вклад в фольклористику. Если же дата была в казанских летописях, даже утраченных, то интересно было

бы знать, как в мусульманских источниках могло появиться обозначение года, основанное на традиционном христианском летосчислении от сотворения мира. Ведь в тексте "Казанского летописца" стоят цифры ҂SХП (6680) или ҂SХПЄ (6685).

110 Стремясь обосновать строительство Казани в 1177 г., В.В. Иванов и А.Х.Халиков утверждают, что именно в 1177 г. произошло обострение отношений Северо-Восточной Руси с ее восточными соседями: "В 1177 г. половцы, возможно, не без наущения булгар, совершили успешный поход на земли Северо-Восточной Руси, где взяли 6 городов, разгромили русское войско у Ростовца, а затем дошли и до Владимира" (Указ.соч. - С.151). На самом деле похода в 1177 г. на Северо-Восточную Русь половцев просто не было. Ростовец, о котором пишут В.В.Иванов и А.Х.Халиков, это не Ростов Великий, а небольшой городок к юго-западу от Киева. Половцы действительно разбили у Ростовца русских князей, только не в 1177 г., а в мае 1176 г. (ПСРЛ. - СПб., 1908. 2-е изд. Т.II. - С.603; о дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. - М., 1963. - С.194). На Владимир (будь то Владимир на Клязьме или Владимир Волынский) половцы вообще никогда не нападали. Сообщая об этом факте, В.В.Иванов и А.Х.Халиков ссылаются на несуществующее издание источника (Указ.соч. - С.151, прим. 28).

111 См., например: ПСРЛ. Т.I. - Стб.364 (под 6680 годом ультрамартовским).

112 Согласно "Истории", Саин "изгна из нея (Казания - И.Д., В.К.) русь-тоземца" (Казанская история. - С.48; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб. 12).

113 ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.3 об.

114 ГБЛ. Ф.199. № 174. Л.20 об. Первоначально в этом списке вместо цифры "П" (80) была написана цифра "Т" (300), но затем по-

следняя вертикальная черта в скорописной цифре "т͞п" тем же почерком и теми же чернилами была превращена в ствол буквы "Г", и в итоге цифры даты получились верными.

115 ИРЛИ. Древнехранилище, собр. В.Н.Перетц. № 98. Л.4 об.

116 В публикации Г.Н.Моисеевой буквенное окончание даты почему-то спущено (Казанская история. - С.47).

117 Конструкции родительного падежа с ненужным предлогом "в" в датах встречаются также в списках Соловецком и Никифоровском. По-видимому, там окончания родительного падежа "го" были добавлены позднее, в протографах этих списков даты были без каких-либо обозначенных окончаний.

118 См.: Кокорина С.И. Указ.соч., - С.576-577.

119 ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.6; ПСРЛ. Т.XIX. - Стб. 13. Верная дата в Буслаевском списке - ГПБ. Q.XVII. № 209. Л.208 об.

120 ГПБ. О.XVII. 209. Л.214 об.; ср.: ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.18.

121 ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.16 об.; ср.: ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.24 и прим. д.

122 ГПБ. Солов. № 1501/42. Л.36 об.; ср.: ПСРЛ. Т.XIX. - Стб.43 и вар.7.

123 Поэтому неверно указание Л.А.Дубровиной, будто отличительным признаком списков I типа (второго извода I редакции, по нашей классификации) является датировка основания Казани 1177 годом (Дубровина Л.А. Автореферат. - С.6). Это утверждение Л.А.Дубровиной полностью повторено Т.Ф.Волковой ("Словарь книжников и книжности Древней Руси: Вторая половина XIV-XVI вв.". Вып.2, ч.1. - С.453). Между тем в другой своей работе Л.А.Дубровина правильно отметила разноречивость искусственной даты основания Казани в разных списках I типа

(Дубровина Л.А. Казанский летописец. - С.10, 90).

[124] В.В.Иванов и А.Х.Халиков, стремясь убедить читателей в том, что 1177 г., фигурирующий в списке В.Н.Перетца, обозначает дату основания Казани, следующим образом цитируют текст "Истории о Казанском царстве": "Бысть же на Каме на реке старый град, именем Брягов, оттудо же прийде царь, именем Саин Болгарский. И поискав по местам проходя в лета 6685 (1177 г. - Авт.) и обрете место на Волге, на самой украине русской, на сей стране Камы реки, концом прилежаху к Болгарской земле, другим же концом к Вятке и к Перми... Царь возгради на месте том Казань" (Указ.соч. - С.147). Три точки в цитате заменяют почти страницу печатного памятника, где изложены разные обстоятельства, связанные со строительством Казани и которые В.В.Иванов и А.Х.Халиков почему-то обходят полным молчанием. В опубликованной на татарском языке книге "Происхождение татарского народа" А.Х.Халиков под видом выдержки из источника приводит фразу, совершенно неизвестную всем спискам "Истории о Казанском царстве": "В 1177 году болгарский хан заложил город Казань" (Халиков А.Х. Татар халкының килеп чыгышы.-Казан, 1974. - С.40: "ХУI гасырда язылган "Казан тарихы" диган истәлектә: "Казан шәһәрен 1177 елда Болгар ханы салган", диган сүзләр бар"). Видимо, смущаясь столь "документального" подтверждения собственных мыслей, автор на с.74 утверждает, что Старая Казань была построена в 1236-1237 гг., оставляя читателей в полном недоумении относительно и своих взглядов на дату основания Казани, и относительно действительного времени ее постройки, и относительно того, какая Казань - Старая или Новая-- имеется в виду.

[125] ИРЛИ. Древлехранилище, колл. В.Н.Перетца. № 98. Л.4 об.- 6 об.; Казанская история. - С.47-48.

[126] Фахрутдинов Р.Г. Задачи археологического изучения Казанского ханства // Советская археология. 1973. № 4. С.115; Калинин Н.Ф.,

Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. - Казань, 1954. - С.98.

127 ПСРЛ. T.XIX. - Стб.19; Казанская история. - С.53.

128 Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия исторических наук. - Казань, 1954. - С.103. Критикуя предположение о начале Казани в XII или XI вв., авторы сослались на работу А.П.Смирнова (Смирнов А.П. Волжские булгары. - М., 1951. - С.269. - Там же. - С.103, прим.). Любопытно, что один из авторов упомянутого обзора А.Х.Халиков в 1975 г. сослался на ту же страницу труда А.П.Смирнова, но теперь уже в подтверждение мысли о том, что Казань возникла в XII в. (Иванов В.В., Халиков А.Х. Указ.соч.- С.147, прим.4). Непоследовательность, отнюдь не вызванная обилием нового археологического ~~нового археологического~~ материала.

129 Шабохин Л.С. Указ.соч.; Егоров В.Л. Указ.соч. - С.84.

Содержание

А - 13300 от 21 09 89г

Зак. 974ф Тир. 800 Тип. Мин-ва культуры СССР

Цена 2 руб.